

Э. Я. Баталов, В. Ю. Журавлева, К. В. Хозинская

«РЫЧАЩИЙ МЕДВЕДЬ» НА «ДИКОМ ВОСТОКЕ»

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ:
1992—2007 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ

Э. Я. БАТАЛОВ, В. Ю. ЖУРАВЛЕВА,
К. В. ХОЗИНСКАЯ

«РЫЧАЩИЙ МЕДВЕДЬ» НА «ДИКОМ ВОСТОКЕ»

Образы современной России
в работах американских
авторов: 1992–2007 гг.

Руководитель проекта
Э. Я. Баталов

МОСКВА
РОССПЭН
2009

УДК 470+571

ББК (2)

Б28

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
«Образ России в современном мире»,
проект № 06-03-02102а*

Баталов Э. Я. и др.

Б28 «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007) / Э. Я. Баталов, В. Ю. Журавлева, К. В. Хозинская. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 384 с.

ISBN 978-5-8243-1124-2

В книге впервые в отечественной и зарубежной литературе содержится комплексный анализ образов постсоветской России, сформировавшихся в США в период с 1992 по 2007 гг. и получивших распространение далеко за пределами Соединенных Штатов. Рассматриваются представления американцев о российском политическом режиме, внутренней, внешней, экономической и социальной политике государства, состоянии российской армии и роли России в обеспечении международной безопасности. Их дополняют образы президента страны (Ельцина и Путина) и типичного россиянина, какими они видятся из-за океана. Прослеживается связь между спецификой американского восприятия России, особенностями американской цивилизации и характером американско-российских отношений. Авторы опираются на широкий круг источников, включающих публикации в массовой прессе; материалы, подготовленные крупнейшими «фабриками мысли» США; статьи и книги видных американских специалистов по России и т. п.

Монография рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УДК 470+571

ББК (2)

ISBN 978-5-8243-1124-2

© Коллектив авторов, 2009

© «Российская политическая энциклопедия», 2009

«Почему рычит медведь»
(Название статьи Р. Пайпса)

«Дикий, дикий Восток»
(Название статьи Д. Саттера)

ВСТУПЛЕНИЕ

Как современная, постсоветская Россия выглядит в глазах американцев? Каким видится им российский политический режим? Как они оценивают экономические, социальные, военные реформы, проводившиеся в стране после распада Советского Союза? Что думают за океаном о внешней политике России, о ее месте в мире и роли в обеспечении международной безопасности? Иначе говоря, каков *образ*, или *имидж*¹ России, формировавшийся и трансформировавшийся в Соединенных Штатах Америки на протяжении последних семнадцати лет усилиями политических экспертов, политиков, СМИ?

Это отнюдь не праздные вопросы. Позитивный имидж государства, страны и ее граждан помогает им в общении с другими государствами, странами и гражданами, делает их деятельность на мировой арене более эффективной, неблагоприятный — затрудняет, тормозит это общение и в итоге снижает эффективность международной деятельности субъекта. Но имидж влияет и на внутреннюю политику, заставляя политических игроков либо отказываться от каких-то шагов, способных еще больше ухудшить и без того неблагоприятное представление о них и их стране либо, напротив, стимулирует их деятельность, если имидж благоприятен.

Международный имидж — своего рода зеркало, глядя в которое прообраз имиджа может увидеть себя со стороны и, возможно, скорректировать свое поведение и даже в чем-то изменить себя. Правда, очень часто зеркало это оказывается кривым, а выглядывающий из него образ — искаженным, чтобы не сказать отталки-

¹ О понятиях «имидж» и «образ» см. гл. первую этой книги. В предлагаемом тексте оба понятия используются (если иное не оговорено особо) как тождественные и взаимозаменяемые.

вающим. Но и тут нет худа без добра: искажения могут побудить субъект задуматься, почему его воспринимают именно таким, а не иным, и более активно заняться формированием собственного международного имиджа. Это, похоже, и начинает делать Россия в последние два-три года.

Особенно важен международный имидж субъекта, складывающийся в странах, обладающих значительной силой, влиянием и возможностью интернационализации сформировавшегося в них имиджа данного субъекта. Это касается всех крупных стран, но в первую очередь, конечно, Соединенных Штатов Америки, которые во многом определяют характер и содержание имиджей других стран, государств, политических деятелей и т. п., получающих распространение на всем Западе, да и не только на Западе.

Вот почему исследование американского имиджа новой России представляет для нее большой интерес — не только чисто познавательный, но и политический. Тем более что наша страна никогда, ни при советской власти, ни после ее падения, не могла пожаловаться на то, что Америка обходит ее вниманием.

Правда, в последние годы интерес США к России несколько уменьшился по сравнению с серединой и особенно началом 90-х годов. «Десять лет назад разработка политики, направленной на вовлечение России в западное сообщество демократических государств относилась к числу главных забот. Сегодня президент Джордж У. Буш сосредоточен прежде всего на большом Ближнем Востоке; все остальные части мира привлекают гораздо меньше внимания»². Но и сегодня в Америке продолжают зорко следить за всем, что происходит в России, и при необходимости — формировать такие ее образы, которые бы в максимальной степени соответствовали внешнеполитическим интересам Соединенных Штатов и внутривнутриполитическим интересам элит, ведущих между собой борьбу за власть, ресурсы и влияние. Так что исследование американских образов России по-прежнему представляет для нас большой интерес.

Нельзя сказать, что в отечественной литературе мы не найдем работ, которые бы касались в той или иной степени вопроса об американском имидже новой России³. Но таких исследований

² McFaul M. *Russia and the West: A Dangerous Drift* "Current History", October 2005. P. 307.

³ См., в частности: Политическая имиджелогия. Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М., 2006; Э. А. Галумов. *Международный имидж России: стратегия формирования*. М., 2003; он же. *Имидж против имиджа*. М., 2005.

немного, и они затрагивают частные стороны проблемы, описывая американские представления о тех или иных аспектах нашей внутренней или внешней политики, или экономики, или ее лидерах, или о чем-то еще. В данной работе впервые в отечественной (и, насколько известно авторам, в зарубежной) науке предпринята попытка *комплексного анализа* имиджа России, формировавшегося и трансформировавшегося в США со времени появления Российской Федерации на политической карте мира и прихода в Кремль Бориса Ельцина и до весны 2008 года, когда завершилось второе президентство Владимира Путина.

В центре внимания авторов — американские образы современного российского политического режима («От “ущербной демократии” к “новому сталинизму”»), внутренней политики («“Бессильный парламент”, “слабые партии”, “формальный федерализм”»), экономических отношений и экономической политики государства («“Олигархический капитализм” на “нефтяной игле”»), социальной политики («“Богатые и бедные в “вымирающей стране”»), современного россиянина («“Без Бога в душе”, “без любви к свободе”»), президента РФ («“Революционер” и “полковник” в московском Кремле»), российской армии («“Бледная тень” “советского монстра”»), роли России в обеспечении международной безопасности («“Враг” сдается, “угроза” остается»), внешней политики страны («“Имперские амбиции” “региональной державы”»). Две главы («Образы России и политика Америки» и «Перспективы и пути эволюции образа России») носят историко-социологический и теоретический характер и посвящены анализу понятий «образ» и «имидж», условиям и факторам формирования американских образов современной России и путям их возможной эволюции.

На протяжении семнадцати лет существования постсоветской России в Америке формировались и получали распространение *разные* ее имиджи, но ситуация складывалась всегда таким образом, что какие-то из них становились *периферийными*, а какие-то — *доминирующими* и оказывающими наибольшее влияние не только на общественное мнение, но и на государственных деятелей, представителей бизнеса и других лиц, формирующих политику США на российском направлении.

Авторы ставили перед собой четыре основные, тесно связанные друг с другом задачи. Во-первых, *исследовать и описать образы* — прежде всего *доминирующие* — *постсоветской России, сформировавшиеся в Америке*, но получившие распространение далеко за пределами США. При этом они стремились показать, *как по мере трансформации российского общества и изменения политического курса руководства*

страны происходило изменение представлений американцев о России и как одни доминирующие имиджи сменяли другие.

Во-вторых, исследовать механизмы формирования рассматриваемых образов, обратив при этом особое внимание на специфику американского общества, ментальность и политическую культуру американцев, а также положение и роль Америки в современном мире.

В-третьих, выявить и объяснить причины, обуславливающие характер образов постсоветской России, складывавшихся и сменявших друг друга в Америке на протяжении последних семнадцати лет.

В-четвертых, рассмотреть возможные перспективы и пути эволюции американских образов современного российского общества.

Работа построена на основе анализа широкого круга источников: официальных и неофициальных документов, касающихся России и подготавливавшихся в разное время такими правительственными и неправительственными инстанциями, как Белый дом, Конгресс США, Государственный департамент, Фридом Хаус и т. п.; научных монографий, посвященных постсоветской России; докладов, аналитических записок и других исследований, подготовленных и опубликованных крупнейшими исследовательскими центрами США (Институтом Кеннана по углубленному изучению России, Центром Карнеги, Гуверовским институтом войны, революции и мира и др.); многочисленных статей, заметок, интервью, дискуссий, посвященных России и опубликованных в американской научной и массовой политической прессе.

Книга рассчитана как на специалистов в области политической науки, международных отношений, истории, так и на более широкий круг читателей, интересующихся Америкой и американо-российскими отношениями. Авторы полагают, что их исследование может быть использовано в пропагандистской и контрпропагандистской деятельности, направленной на формирование позитивного международного образа России. Оно могло бы также послужить пособием в учебном процессе.

Работа выполнена коллективом в составе доктора политических наук, главного научного сотрудника ИСК РАН Баталова Э. Я. (руководитель проекта, автор Вступления, глав 1, 2, 4, 6, 11 и Заключение), кандидата политических наук, научного сотрудника ИСК РАН Журавлевой В. Ю. (главы 3, 5, 7, 10) и аспирантки ИСК РАН Хозинской К. В. (главы 8, 9).

Глава 1. ОБРАЗЫ РОССИИ И ПОЛИТИКА АМЕРИКИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Отношения между государствами, организациями и другими субъектами, действующими на международной арене (в политической науке их именуют «актерами») определяются множеством факторов — как не зависящих от субъекта (например, географическим положением, наличием или отсутствием полезных ископаемых, имеющих стратегическое значение, этническим составом населения), так и зависящих от него, или, как мы будем их называть, субъектных⁴ факторов.

Речь идет прежде всего об *интересе*, за которым стоят соответствующие *потребности* (как они трактуются субъектом). На уровне нации-государства — это *национальный интерес* и *национальные потребности*. Этот интерес, имеющий более или менее долгосрочный характер, конкретизируется в *национальных целях и задачах*, которые могут рассчитываться на разную временную глубину и существенно влиять на характер внешней политики данной страны.

Но большую (и пока еще мало исследованную) роль в формировании мировой политики и международных отношений играют *представления* акторов о самих себе и о других акторах: месте и роли в мире, историческом предназначении (миссии), перспективах развития и т. п. В первом случае речь идет о так называемой *Я-концепции*. Во втором — об *образе* или *имидже Другого*.

Исследованием имиджа психологи занимаются уже не один десяток лет. Позднее к ним активно подключились социологи, а в последние годы и представители политической науки, включая международников. Интерес последних к имиджу обусловлен, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, развитием науки о международных отношениях, которая растет не только вширь, но и вглубь. Во-вторых, возрастанием роли имиджа в этих отношениях и все более активным и целенаправленным ис-

⁴ В данном случае представляется более уместным использование понятия не «субъективный», а именно «субъектный», поскольку оно позволяет подчеркнуть характер происхождения и принадлежность рассматриваемых факторов.

пользованием его в современной идеологической борьбе, перерастающей в отдельных сферах и на отдельных направлениях в информационно-психологическую войну.

В современной научной литературе существуют разные, подчас существенно отличающиеся друг от друга дефиниции, а тем более толкования имиджа. Его определяют как «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо»⁵. При этом отмечается, что хотя формирование имиджа может происходить стихийно, «чаще оно является результатом работы специалистов в области политической психологии, рекламы, маркетинга и т. д.»⁶.

Несколько иное определение имиджа дает в своей книге «Психология имиджа» Е. Перельгина, представляя его как «символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия»⁷. Есть и другие трактовки «имиджа». Его характеризуют как «целенаправленно формируемый образ»; как «набор определенных качеств, которые люди ассоциируют с определенной индивидуальностью»; как «образ-представление, в котором в сложном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики объекта»⁸ и т. п.

Однако при всех разногласиях большинство исследователей сходятся в том, что имидж имеет *интерактивную* природу, то есть рождается в процессе субъект-объектного взаимодействия, или, как говорят некоторые исследователи, символической коммуникации. При этом имиджмейкер, т. е. создатель имиджа, играет важную, если не определяющую роль в его формировании, и роль эта возрастает, поскольку возрастает роль массовых коммуникаций как канала трансляции имиджа — прежде всего телевидения и интернета. Особенно велика роль имиджмейкера, выполняющего социальный заказ, т. е. лепящего образ в соответствии с изначально заданными чертами, «подгоняющего» его под определенный стереотип — «врага», «друга», «демократа», «диктатора» и т. п.

Имиджу присуща более или менее отчетливо выраженная *эмоциональная окраска*. Без нее просто нет имиджа, ибо он рассчитан не столько на рациональное, сколько на эмоциональное вос-

⁵ Психология. Словарь. М., 1990. С. 135.

⁶ Психология. Словарь. М., 1990. С. 134–135.

⁷ Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М., 2002. С. 23.

⁸ Политическая имиджелогия. Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М., 2006. С. 18–19.

приятие. В своей книге «Имидж и выборы» Г. Почепцов приводит слова Рэя Прайса, работавшего в команде имиджмейкеров Никсона: «Это должно быть животной реакцией, неартикулируемой, неаналитической, продуктом определенной химической реакции между избирателем и имиджем кандидата»⁹. Говоря фигурально, имидж — и это относится не только к кандидату и происходит не только на выборах — не рассчитан на то, чтобы реципиент¹⁰ его анализировал, «разжевывал», он должен «заглатывать» его целиком и не раздумывая.

Имидж не является и не может являться адекватным отражением его прообраза. Он «всегда представляет собой в известном смысле “полуправду”»: задает определенные направления для “домысливания” в соответствии с имеющимся социальным опытом субъекта. В его формировании важную роль играют стереотипы и ассоциации, с помощью которых люди наделяют объект восприятия хотя и распространенными, но нередко не совпадающими в частном случае с реальностью качествами»¹¹. Само собой разумеется, что целенаправленно формируемый имидж может быть не просто «полуправдой», но заведомо искаженным «отображением» прообраза имиджа — прием, широко используемый в пропаганде и психологической войне.

И еще один важный момент. Имидж может меняться независимо от того, изменяется его прообраз или нет и, напротив, может оставаться неизменным (по крайней мере, на протяжении какого-то времени) даже в тех случаях, когда последний претерпевает изменения. Это, конечно, предельные варианты, но они имеют место. Только наивные люди могут думать, что если человек или страна «исправятся», то моментально произойдет улучшение их имиджа: это может произойти с большой задержкой или не произойти вообще. Больше того, имиджи могут при этом ухудшиться, если изменится характер ожиданий реципиента.

В последнее время в научный обиход вошли новые понятия: «политический имидж» и «международный имидж». Их иссле-

⁹ Почепцов Г. Имидж и выборы. Киев, 1997. С. 5.

¹⁰ Характеризуя участников общения, в ходе которого рождается имидж, Е. Перельгина вводит такие понятия, как «прообраз имиджа», т. е. «субъект, представленный в имидже, или субъект, имидж которого создается»; «реципиент имиджа», т. е. «субъект, для которого создается имидж и в представлении которого он существует»; «аудитория имиджа», т. е. «социальная группа», для которой создается имидж. (См.: Перельгина Е. Б. Цит. соч. С. 25).

¹¹ Политическая имиджелогия. С. 19.

дование, по сути, только начинается, поэтому нет и сложившихся общепринятых определений этих феноменов. Одни подчеркивают, что политический имидж — это имидж политических объектов, например, партий, политических деятелей и т. п. Другие, характеризуя его как «искусство целенаправленного управления впечатлением в системе властных связей и отношений»¹², подчеркивают тем самым, что политический имидж — это образ политического поля в целом и/или отдельных его элементов, в каких бы аспектах мы его ни брали. Соглашаясь с этим, мы вместе с тем хотели бы обратить внимание на то, что политизация может затрагивать явления, не относящиеся непосредственно к сфере политического, — например, спорт. Так что политический имидж — это еще и имидж, выполняющий *политическую функцию*, направленный на решение определенных политических задач.

Что касается «международного имиджа», то тут ясности еще меньше. Как пишет Э. Галумов, «международный имидж упрощенно есть то, что о гражданах (например, о нас, россиянах) и об их стране (например, о России) думают со стороны»¹³. Это и в самом деле «упрощенное» определение, оставляющее без ответа многие вопросы. Действительно, можно ли считать международным имидж той же России, если он получил распространение только в одной стране, или же, чтобы считаться таковым, он должен получить более широкое хождение? И кто в таком случае формирует международный имидж? Сколько международных имиджей может быть у страны? Вопросов немало, и, по-видимому, потребуется время, чтобы на них могли быть даны обоснованные ответы.

Если говорить о позиции авторов предлагаемой работы, то она сводится к следующему. Американский имидж (имиджи) современной России рассматривается ими как имидж, имеющий *политический характер*, ибо касается ли он собственно политики, экономики, культуры или каких-то других аспектов жизни российского общества, он преследует *политические цели*. Это также *международный имидж*: во-первых, он формируется не только в самих США, но и в ряде других стран (включая, кстати сказать, и Россию); во-вторых, он имеет широкое распространение, выходя далеко за пределы Америки.

Формируя международный имидж того или иного актора, имиджмейкер (а точнее — стоящий за ним субъект, будь то госу-

¹² Там же. С. 16.

¹³ Галумов Э. Имидж против имиджа. М., 2005. С. 10.

дарство, международная организация или кто-то еще) наделяет его несколькими взаимосвязанными и отчасти взаимообусловленными функциями. Среди них следует выделить главную функцию, которая обуславливает все остальные и значение которой определяется тем обстоятельством, что «политический имидж возникает только тогда, когда он становится публичным»¹⁴. Эта функция — *формирование общественного мнения* — национального и международного. Именно наличие определенного общественного мнения о прообразе имиджа позволяет творцу имиджа *оценивать* тем или иным образом *действия* прообраза имиджа, *проводить в отношении него определенную политику, оправдывать ее и добиваться ее легитимизации*, т. е. признания в качестве законной.

Международный имидж не является и не может являться определяющим фактором международных отношений, оттесняя на задний план национальный интерес. История знает немало случаев, когда демократам приходилось иметь дело с диктаторами и даже договариваться с ними, если того требовали обстоятельства. Но международный имидж может *тормозить* отношения между государствами и другими акторами или, напротив, способствовать их *развитию*. Прошло уже около двадцати лет со времени окончания холодной войны, но порожденные ею имиджи до сих пор управляют международную атмосферу, и пока трудно даже сказать, когда они будут отправлены на «свалку истории» и произойдет ли это вообще.

Международный имидж может *влиять на судьбы* стран и их граждан. Так произошло с Ираком в 2003 году: созданный усилиями США и их союзников имидж этой страны как источника угрозы для мира и безопасности был использован для оправдания интервенции против нее с тяжелейшими для Ирака последствиями. А так называемые страны-изгои оказались в состоянии полуизоляции от остального мира, что ставит их в трудное положение. Это позволяет со всей определенностью говорить о международном имидже как *орудии политической и идеологической борьбы на международной арене*.

Международный имидж *влияет на развитие мировых экономических отношений*. Социалистический (как он сам себя называет) Китай имеет имидж политически стабильной страны с благоприятным инвестиционным климатом, и капиталовложения текут туда

¹⁴ Политическая имиджелогия. Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М., 2006. С.19.

рекой. А более демократическая Россия такого имиджа не имеет, и многие потенциальные иностранные инвесторы обходят ее стороной.

Международный имидж *влияет на поведение акторов* на мировой арене и в их собственных странах. Государство, которое, скажем, постоянно обвиняют в имперских амбициях даже тогда, когда оно не посягает на чужие интересы, а защищает собственные, будет действовать с предельной осторожностью и, возможно, воздержится даже от каких-то важных для него мероприятий, которые бы провело при отсутствии такого имиджа. И, напротив, государство с позитивным имиджем будет действовать более свободно и раскованно.

Формирование имиджа — сложный процесс, в котором участвуют различные социальные и политические группы и институты. Процесс, нуждающийся в специальном исследовании. Так что здесь мы ограничимся тем, что просто обозначим «инстанции», которые играют определяющую роль в конструировании американского образа современной России.

И начнем с *государства*, которое, вопреки широко распространенному мнению, принимает активное участие в этом процессе, хотя и не играет в нем первую скрипку. Официальные и полуофициальные документы, выходящие из стен Белого дома и Капитолия и касающиеся внешнеполитической стратегии США и конкретно американо-российских отношений; аналогичные документы, разрабатываемые Государственным департаментом и информационными службами американского правительства; выступления, доклады, речи, статьи бывших и действующих государственных деятелей (Дж. У. Буша, Д. Чейни, К. Райс, С. Тэлботта и многих других) — все это задавало и задает своего рода официальные политические и психологические *установки на восприятие* России и проводимой ею политики в определенном свете и *подает «сигналы»* американским СМИ, «фабрикам мысли», университетским центрам, обществу в целом.

Упоминание о СМИ тут, конечно же, не случайно. Именно *средства массовой информации* — печатные и электронные, влияние которых благодаря интернету стало практически глобальным по числу стран, в которые транслируется создаваемая ими информация, в том числе имиджевая, — играют определяющую роль в формировании образа России, доминирующего в американском обществе. Особо следует выделить такие авторитетные и прочно утвердившиеся на международном медийном рынке массовые периодиче-

ские издания, как «The New York Times», «The Washington Post», «The Washington Times», «Time», «Newsweek», «Foreign Affairs» и ряд других. А также телеканалы ABC, NBC, CBS, PBS. Публикации в этих СМИ играют тем большую роль в формировании имиджа России, что для комментирования происходящих в ней событий и процессов они привлекают специалистов по России, крупных аналитиков из различного рода исследовательских центров и фондов, а иногда и видных государственных деятелей, работающих (в том числе) на российском направлении. Нельзя не упомянуть и о том, что практически все крупные европейские газеты и журналы охотно предоставляют свои страницы видным американским экспертам, и российские сюжеты занимают в этих публикациях далеко не последнее место.

Третий институт, принимающий активное участие в формировании имиджа России, — вышеупомянутые *центры и фонды, называемые нередко «фабриками мысли»* (think tanks). Ведущую роль среди них играют Американский предпринимательский институт (American Enterprise Institute), Американский совет по внешней политике (American Foreign Policy Council), Брукингский институт (Brookings Institution), Институт Кеннана по углубленному изучению России (Kennan Institute for Advanced Russian Studies), Центр Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), Фонд наследия (Heritage Foundation), Гуверовский институт войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace), Гудзоновский институт (Hudson Institute).

Некоторые из этих учреждений, как, например, Институт Кеннана, складывались как советологические центры, и сегодня они продолжают работу, начатую несколько десятилетий назад, хотя и в ином русле. Другие «фабрики мысли» были изначально ориентированы на исследования широкого профиля, но в них и прежде имелись советологические подразделения или группы, а сегодня созданы специальные центры по изучению России. Так что *налицо преемственность между советологией и русистикой*, причем не только предметная и концептуальная, но и методологическая. Важную роль в обеспечении этой преемственности играют «старые кадры», среди которых мы видим такие крупные фигуры, как Маршалл Голдман (Marshall Goldman), Джеймс Биллингтон (James Billington), Ричард Пайпс (Richard Pipes), Роберт Такер (Robert Tucker), Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzezinski).

В последние десять – пятнадцать лет сформировалась и вышла на передний план новая генерация специалистов по России или людей, интересующихся Россией. Среди них — Леон Арон (Leon Aron), Донна Бари (Donna Bahry), Арнольд Бейхман (Arnold Beichman), Джеймс Голдгейер (James Goldgeier), Томас Грэм (Thomas Graham), Джон Данлоп (John Dunlop), Падма Десаи (Padma Desai), Эндрю Качинс (Andrew Kuchins), Тимоти Колтон (Timothy Colton), Стивен Коткин (Stephen Kotkin), Ариель Коэн (Ariel Cohen), Стивен Коэн (Stephen Cohen), Гейл Лapidус (Gail Lapidus), Майкл Макфолл (Michael McFaul), Сара Менделсон (Sarah Mendelson), Андерс Ослунд (Anders Auslund)¹⁵, Стивен Розфилд (Steven Rosefelde), Дмитрий Саймс (Dmitri Simes), Дэвид Саттер (David Satter), Стивен Сестанович (Stephen Sestanovich), Ричард Стаар (Richard Staar), Кэтрин Стоунер-Вайсс (Kathryn Stoner-Weiss), Дэниел Трейсмен (Daniel Treisman), Строб Тэлботт (Strobe Talbott), Ричард Хаасс (Richard Haass), Фиона Хилл (Fiona Hill), Андрей Шлейфер (Andrei Shleifer) и многие другие.

Это разные люди. Разные по своим политическим ориентациям, уму, профессиональному уровню, по глубине проникновения в российскую действительность и знакомства с российской историей и культурой. Среди названных персон нет ни одной, которая бы не делала тех или иных критических замечаний по адресу России. Но это разная критика. Есть аналитики, пытающиеся понять, что в действительности происходит в российском обществе и создать образ России, который более или менее соответствует — по крайней мере, в отдельных аспектах — реальному положению вещей. Есть люди, которые, говоря словами Стивена Коткина, «испытывают ностальгию по “холодной войне”, кому “не хватает врага”» и есть представители «нового поколения специалистов по России, многие из которых в девяностые всерьез участвовали в иллюзорном проекте “построения демократии” в этой стране, и теперь испытывают разочарование (и остались не у дел)»¹⁶.

Заметную роль в формировании имиджа России играют аналитики, работающие в американских университетах и/или группирующиеся вокруг научных периодических изданий, одни из которых сфокусированы на изучении России и так назы-

¹⁵ Некоторые отечественные издания и авторы называют его Ослундом. Это написание сохраняется нами в используемых переводных печатных текстах.

¹⁶ Коткин С. Миф о новой «холодной войне» Prospect – magazine, 28 марта 2008. — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240503.html>

ваемого постсоветского пространства, тогда как другие имеют более широкую политико-географическую ориентацию, но не упускают из вида и Россию. Это, в частности, такие журналы, как «Journal of Democracy», «Current History», «Communist and Post-Communist Studies», «The National Interest», «Problems of Post Communism», «Slavic Review», «Foreign Affairs», «Foreign Policy» и другие.

ДВА ИМИДЖА НОВОЙ РОССИИ

Когда мы сегодня вспоминаем об имидже Советского Союза, существовавшем в США накануне перестройки, в памяти всплывают ставшие крылатыми слова Роналда Рейгана: «Империя зла». Это показательная характеристика. СССР воспринимался не только как *«последняя империя»*. Не только как *конкурент и соперник*. И не только как *враг*, хотя его отождествление с врагом — *врагом военным и политическим* — было доминирующим. Он воспринимался еще и как *воплощение зла*.

Чтобы было понятно, о каком зле идет речь и что это значит для американцев, уместно привести характеристику советского общества, которую дал ему в своей книге «Век безумия: распад и падение Советского Союза», опубликованной в 2001 году, Дэвид Саттер — журналист, многие годы проживший в СССР, а ныне — один из ведущих сотрудников Гуверовского института. История Советского Союза, пишет он, «может быть истолкована как попытка разрушения “морального центра” целой нации. Советские руководители... калечили людей психологически, создавая герметически замкнутое жизненное пространство, в котором марксизм-ленинизм был провозглашен непрекаемой истиной.

Советский Союз был первым государством в истории, целиком построенным на атеизме. Государство компенсировало потерянный абсолют, наделив себя атрибутами Бога»¹⁷. Это «придало советской системе целеустремленность, аморальность и слепой фанатизм, которые всегда шли рука об руку с абсолютизацией политических целей»¹⁸.

¹⁷ Саттер Д. Век безумия: распад и падение Советского Союза. Пер. с англ. М., 2005. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 9.

Иначе говоря, Советский Союз воспринимался за океаном как воплощение *нравственного зла*, предопределенного его атеистической ориентацией и отказом от признания «всеобщих нравственных ценностей». Для американцев как людей религиозных и склонных к морализаторству такое государство не могло рассматриваться иначе, как царство Антихриста, заслуживающее высшей кары.

Не следует, однако, забывать, что очерченный выше образ СССР был в основном продуктом холодной войны. И если Америка, как и Запад в целом, никогда не питала к нему дружеских чувств в политическом отношении, то и враждебно относилась не всегда. Прагматичные янки с интересом, а некоторые и с симпатией наблюдали за успехами Советского Союза в области индустриализации, к которой приложили руку и заокеанские инженеры и рабочие. А выдающийся американский философ Джон Дьюи писал о том, что «советы» проводят «грандиозный социальный эксперимент», который заслуживает, по меньшей мере, уважительного отношения.

Героическая борьба Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, страдания «русских», подвергшихся тяжелейшим испытаниям, и их стойкость породили в Америке, особенно после создания антигитлеровской коалиции, симпатию если и не к советскому строю (который всегда был предметом острой критики), то к советскому народу, в котором тогда видели одного из (наряду с США и Великобританией) спасителей мира от «гитлеровской чумы».

С началом холодной войны ситуация снова изменилась. На протяжении сорока лет Америка и Советский Союз смотрели друг на друга как на врага, и никому из них и в голову не приходило, что можно как-то попытаться перетащить другого на свою сторону, «переделать» его. Потом наступила перестройка, произошел распад Советского Союза, на карте мира появилось новое государство, и в отношении Америки к России, равно как и в представлениях о ней, произошел новый поворот.

Надо сразу оговориться, что практически все образы постсоветской России, складывавшиеся в Америке на протяжении последних семнадцати лет, даже в целом позитивные, были окрашены в *критические*, а порой и алармистские тона (вообще, надо заметить, характерные для культуры социально-политического анализа, сформировавшейся за океаном). Это в полной мере относилось и к 90-м годам, когда у власти находился Ельцин. Говорили, что Россия совершает переход от «криминального коммунизма» к «криминальному капитализму», что в стране утвердился автори-

тарный стиль управления государством, что Россию «окутывают сумерки»¹⁹ и, конечно же, обсуждали вопрос о том, «как спасти Россию»²⁰.

Тем не менее, сравнивая ее образы, доминировавшие в США в 90-х годах и образы, доминирующие на протяжении последних четырех-пяти лет, мы легко заметим, что они различаются и по содержанию, и по тональности, и по политической направленности. При всей их критической окрашенности образы России 90-х несли в себе заметный позитивный заряд и выражали надежду на то, что Россию все-таки «можно спасти» и что она уже сделала ряд шагов «в правильном направлении» и добилась некоторых успехов²¹.

Такой подход был предопределен, прежде всего, внутренней политикой российского руководства. В общем и целом, она оценивалась американцами как политика реформ, которые при всех их отрицательных чертах и порой явно разрушительном характере имели либерально-демократическую направленность. Он был предопределен и внешней политикой России — политикой, которая на протяжении большей части 90-х и особенно первой их половины была в некоторых отношениях явно прозападной (точнее — проамериканской).

Все это давало Соединенным Штатам надежду на то, что они, в конечном счете, увидят Россию такой, какой хотели бы видеть и какой стремились ее сделать. Как пишет в своей книге «Провал крестового похода» Стивен Коэн, в начале 1990-х американцы по-

¹⁹ Gordon M. and Bohlen S. «Twilight Cloaks Russia,» New York Times, January 3, 1999.

²⁰ Один из многочисленных примеров — состоявшаяся 3 января 1999 года в Институте Кеннана по углубленному изучению России дискуссия «Можно ли спасти Россию?» («Can Russia be Saved?»).

²¹ Весьма показательна в этом отношении статья Андерса Ослунда «Мифы о России», опубликованная в журнале «Foreign Policy» в июле 2001 года. Ослунд перечисляет десять ходячих представлений о положении дел в постсоветской России и разоблачает их как несостоятельные, как «мифы». Вот эти «мифы» и краткие реплики Ослунда. «Российская экономика разрушилась» — «Неправда». «Шоковая терапия не достигла своей цели» — «Нет, это не так». «Приватизация лишь породила новую коррупцию» — «Неправда». «Россия не умеет собирать налоги» — «Чистая дезинформация». «Инфраструктура России рассыпается» — «Подумаем снова». «Россия отчаянно нуждается в иностранных инвестициях» — «Это не совсем правильно». «Россия страдает от необратимого кризиса в области здоровья населения» — «Преувеличение». «Россия является «черной дырой» для западной экономики» — «Чепуха». «России нужен генерал Пиночет» — «Нет, спасибо». «Президент Клинтон потерял Россию» — «Высокомерие» (Ослунд А. Мифы о России «Foreign Policy», 26 июля 2001. <http://www.Inosmi.ru/print/141139.html>).

пытались повторно решить задачу, которой они первоначально озаботились вскоре после окончания Второй мировой войны, когда решили, что «могут переделать Россию по своему образу и подобию или, по крайней мере, смогут “думать за русских”»²².

Коэн не совсем точен. Как показал в своей работе «Истоки первого американского крестового похода за “свободную Россию”» профессор Ратгерского университета Дэвид Фоглесонг, задачей переделать Россию по собственному образу и подобию американцы озаботились не после окончания Второй мировой войны, а гораздо раньше. Правда, сделать это пыталось не правительство Соединенных Штатов, а американские филантропические организации и, в первую очередь, так называемое «Общество американских друзей русской свободы». Его члены — многие из них вышли из рядов аболиционистов — полагали, что подобно тому, как янки содействовали освобождению черных рабов в Соединенных Штатах, теперь их долг — освободить «политических рабов в России». «Между 1885 и 1905 годами традиционный американский взгляд на Россию как дружественную христианскую империю, — пишет Фоглесонг, — уступил место миссионерскому крестовому походу, задачей которого было реформирование отсталой автократии и освобождение угнетенного русского народа. Этот исторический сдвиг в американской позиции был вызван не только более реалистичным взглядом на царские репрессии или недовольством, порожденным экспансией России на Дальнем Востоке, как утверждалось в прежних исследованиях»²³.

Обращение «евангелического пыла» некоторой части американцев в сторону России было связано еще и с их представлением о том, что она не относится к числу цивилизованных стран, а русские — это «варвары», остро нуждающиеся в том, чтобы их цивилизовать и сделать это — миссия американцев²⁴. Фоглесонг приводит слова бостонского оратора Генри У. Патнема: «Не должны ли мы, стремясь на Запад, вырвать из мрака Россию и позволить радостному свету свободы проникнуть в суровую крепость

²² Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001. С. 22.

²³ Foglesong D. The Origins of the First American Crusade for a “Free Russia” “Russia XXI”, 2002, #5. P. 100.

²⁴ «К 1905 г. самодержавие стало характеризоваться как варварский, деспотический режим и враг прогресса. По другую сторону Атлантики возникал образ “империи зла”, тюрьмы для политических диссидентов, этнических и религиоз-

Сибири, а движущимся вперед знаменам демократии войти даже в угрюмую твердыню московитского деспотизма?». Получается, заключает заокеанский историк, что стремление «переделать Россию и...тенденция третировать Россию как “темного двойника” (dark double) и “воображаемого близнеца” (imaginary twin)»²⁵ имеют вековую историю.

Важно при этом иметь в виду, что наиболее рьяные из миссионеров, к числу которых относился, прежде всего, журналист Джордж Кеннан, автор книги «Сибирь и ссылка», стремились представить дело таким образом, будто русские «страстно желали стать свободными и последовать примеру Соединенных Штатов»²⁶.

Но в конце XIX — начале XX веков замыслы американских цивилизаторов провалились. Не удалось Соединенным Штатам повести за собой Россию и после Второй мировой войны. Однако «в 1992 году, в первый год постсоветской эры и последний год администрации Буша, эта идея возродилась»²⁷. Администрация Клинтона, пришедшая вскоре в Белый дом, продолжила курс на «американизацию» России. Об этом свидетельствовали многие высказывания и нового президента США, и других американских политиков. Но, пожалуй, в наиболее концентрированном виде стратегия Вашингтона на российском направлении и представления о том, какой он хотел бы видеть Россию, нашли отражение в докладе первого заместителя госсекретаря США и личного друга Билла Клинтона Струоба Тэлботта, с которым он выступил в Стэнфордском университете в конце 1997 года.

ных меньшинств, образ враждебного «Чужого» и параллельно укреплялась уверенность в возможности реформировать Россию по образу США и превратить ее в объект глобальной миссии Америки» (В. И. Журавлева, Д. С. Фоглесонг. Русский «Другой»: Формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) Американский ежегодник 2004. М., 2006. С. 233.

²⁵ Foglesong D. The Origins of the First American Crusade for a “Free Russia” “Russia XXI”, 2002, #5. P. 100.

²⁶ В. И. Журавлева, Д. С. Фоглесонг. Русский «Другой»: Формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) Американский ежегодник 2004. М., 2006. С. 237. «...На самом деле, — замечают В. И. Журавлева и Д. С. Фоглесонг, — отношение русских к американскому опыту было противоречивым и двусмысленным, а происходившее смещение акцентов вводило американцев в заблуждение и порождало у них ложные иллюзии» (С. 237).

²⁷ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001. С. 22.

«...Мы, — говорил американский дипломат, — хотим увидеть становление в России нормального современного государства — государства демократического, которое соблюдает положения своей собственной конституции и законов, государства с рыночной и процветающей экономикой, государства в мире и с самим собой и с остальными членами мирового сообщества»²⁸. «Суть дела в том, — разъяснял Тэлботт этот тезис, — в каких формах Россия определит свою государственность. Будет ли эта идея государства основываться на принципах обособленности и полной самобытности России? Если нет, то будет ли она признавать своими и те традиции и интересы, которые являются общепризнанными в остальном мире, особенно в демократическом мире? Именно в этом состоит вопрос вопросов»²⁹.

Американцы, конечно же, отдавали себе отчет в том, что до желаемого идеала России еще очень далеко. Но для них была важна *генеральная тенденция* ее исторического движения. А до конца 90-х эта тенденция — при всех сомнениях, одолевавших многих заокеанских политиков, — воспринималась как в целом отвечающая интересам Соединенных Штатов.

Можно сказать, что имидж России, доминировавший в Америке и Европе на протяжении большей части 90-х годов, был *имиджем, порожденным надеждой*. Надеждой на превращение бывшей «империи зла» в «нормальную» страну, не представляющую угрозы для Соединенных Штатов и Запада в целом. Тэлботт так и говорил: «...Мы видим основания для надежд на то, что современные “западники” одержат победу над современными “славянофилами”»³⁰.

Отсюда и позитивные оценки России, которые бытовали в то время в Америке. В книге «Провал крестового похода» Коэн приводит красноречивый перечень высказываний, сделанных в то время известными заокеанскими журналистами, политическими деятелями и аналитиками. Вот некоторые из данных ими оценок.

«Перспективы России на ближайшие годы и десятилетия, как никогда, многообещающи.

Дэвид Ремник, журналист, 1997 г.

²⁸ Тэлботт Струоб. Какая Россия нужна Америке Независимая газета 11.12.97.

²⁹ Тэлботт Струоб. Какая Россия нужна Америке Независимая газета 11.12.97.

³⁰ Там же.

Осторожный оптимизм экономистов... похоже, оправдался; “холистическая” трансформация России будет продолжена.

Ричард Эриксон, экономист, 1998 г.

Россия сегодня — принципиально иная страна, чем была 10 лет назад... Всего 7 лет переходного периода — и по всем важным вопросам взято нужное направление.

Майкл Макфол, политолог, 1999 г.

Пройдет несколько лет... и только здание ельцинских реформ будет продолжать возвышаться.

Леон Арон, биограф, 2000 г.»³¹

Высказывались, разумеется, оценки и суждения, носившие в целом негативный характер. Но в то время они не были доминирующими. Перелом произойдет на рубеже веков, когда сменится власть в Кремле, а вместе с ней и политический курс, проводимый этой властью.

В последующих главах, посвященных исследованию представлений американцев о политическом режиме России, о социальной политике правительства, о проводимых в стране экономических преобразованиях, о внутренней и внешней политике российского государства и т. п., мы подробно рассмотрим эти представления. А пока скажем одно: доминирующие ныне в Америке образы России, какой бы стороны ее жизни они ни касались, приобрели в общем и целом *не просто негативный, но, мягко говоря, недружественный характер*. Россию представляют как *страну, власти которой пытаются затащить ее в мрачное и, казалось бы, раз и навсегда пройденное прошлое; как царство юридического произвола и грубого нарушения прав человека; как глубоко аморальное общество, гражданам которого чужды нормы цивилизованного общежития; как государство, вставшее на путь проведения неоимперской политики и т. д. и т. п.* Особенно достается Владимиру Путину, в котором видят вдохновителя и организатора нового курса России.

³¹ Козн С. Провал крестового похода. С. 19.

«ПЛОХОЙ УЧЕНИК» ИЗ «НЕНОРМАЛЬНОЙ СТРАНЫ»

В чем же причина не столь уж резко происшедшего, но в итоге заметного изменения в худшую сторону образа России, формирующегося в США? Большинство американцев утверждают, что все дело в самой России: она стала плохо себя вести и не оправдала надежд Америки (как, впрочем, и всего «прогрессивного человечества»), которые та связывала с ней в начале 90-х и в итоге разочаровала ее. Ричард Пайпс так и писал в 2004 году на страницах *Foreign Affairs*: «После распада Советского Союза в 1991 году велики были надежды на то, что Россия, избавившись от коммунизма, возьмет твердый прозападный курс: осуществит демократизацию политической системы, предоставит гражданам неотъемлемые гражданские права и заново присоединится к международному обществу. Таковы были обещания, сделанные президентом Ельциным в момент его прихода к власти. Но и через десять с лишним лет эти ожидания остаются не оправдавшимися»³².

На самом деле, все гораздо сложнее, хотя «поведение» России и вызванное им разочарование Запада сыграли в изменении американского имиджа России в худшую сторону далеко не последнюю роль. И в этом отдают себе отчет некоторые из серьезных американских аналитиков, в частности, Андрей Шлейфер и Дэниел Трейсман. В своей статье «Нормальная страна», опубликованной весной 2004 года, они выделяют несколько основных, по их мнению, причин ухудшения доминирующего имиджа России в Америке и на Западе в целом.

Это, во-первых, чересчур эмоциональная реакция американцев на «видимые страдания» россиян, выбитых из колеи процессами переходного периода и резкое социальное расслоение (нищие пенсионеры — на одном фланге и богатеющие олигархи — на другом) российского общества. Американские и другие западные СМИ в погоне за сенсацией делают акцент на темной стороне российских преобразований. «Редакторы газет и телепродюсеры понимают, что они могут заработать деньги, эксплуатируя обеспокоенность западной публики леденящими кровь выходками российской мафии»³³.

³² Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want *Foreign Affairs*, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

³³ Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country *Foreign Affairs*, March/April 2004, www.foreignaffairs.org. P. 9.

Вторая причина — попытки западных левых интеллектуалов использовать Россию в их борьбе против глобализации. «Трудности, переживаемые Россией, лидеры которой взяли на вооружение рыночную риторику, могут служить красноречивым доказательством той опасности, которую представляет избыточная либерализация»³⁴.

Но использовать российскую карту пытаются не только левые интеллектуалы. Ее разыгрывают республиканцы и демократы, противостоящие друг другу в борьбе за власть. И это третья причина ухудшения образа России в Америке.

Четвертая причина — завышенные ожидания, связанные с изначально завышенной оценкой России. «Многие западные наблюдатели в начале 1990-х гг. рассматривали Россию как высокоразвитую, если не богатую страну... Полагая, что Россия начинает [свои преобразования], находясь на более высоком уровне, эти люди расценивали ее превращение в страну со средней нормой дохода как катастрофу»³⁵.

А вот как оценивает причины трансформации образа России публицист Айра Строс. Отвечая на вопрос «почему американские СМИ — как либеральные, так и консервативные — настроены одинаково антироссийски?» (так называлась его статья, помещенная в начале 2005 года на страницах Johnson's Russia List), ее автор, как и Шлейфер с Трейсманом, говорит об использовании американцами имиджа России для решения своих внутренних проблем. «Нападки на нее — это мудреный способ игры во внутреннюю политику. СМИ приходится разыгрывать одновременно две роли — национально-патриотическую и враждебно-антиправительственную. Из всех стран мира для игры во внутреннюю политику Россия больше всего подходит. Она была основой политизации всех внешнеполитических вопросов на протяжении Холодной войны. “Мягкая позиция по России” была обвинением, которое всегда вызывало интерес. Сегодня у этого способа есть еще одно преимущество: оно уже не кажется “антикоммунистическим”, а отвращение к этому понятию в образованной среде ограничивало подобные обвинения еще во время Холодной войны»³⁶.

³⁴ Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country Foreign Affairs, March/April 2004, www.foreignaffairs.org. P. 9.

³⁵ Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, March/April 2004, www.foreignaffairs.org. P. 9–10.

³⁶ Строс А. Почему американские СМИ — как либеральные, так и консервативные — настроены одинаково антироссийски? // Johnson's Russia List, 24 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/translation/216552.html>

Примечательно, что, объясняя, почему Россия «больше всего подходит» для внутриамериканских разборок, Строс попутно проливает свет на загадочный вопрос: почему для этого не подходит Китай, «делающий то же самое [что и нынешняя Россия] и даже кое-что похуже». Оказывается, все дело в политкорректности: Россия — это «белая христианская страна», а «нападки на Китай по-прежнему могут подвергнуться ответным обвинениям в расизме и антикоммунизме»³⁷. И в этих пояснениях, по-видимому, есть свой резон. Но дело, конечно, не только в пресловутой политической корректности. Китай, даже став ядерной державой, никогда не играл в судьбе Америки такой роли, какую на протяжении 50–80-х годов XX века играл Советский Союз, репрезентируемый ныне Россией, и никогда не рассматривался Соединенными Штатами как смертельная угроза самому их существованию. К тому же Америка никогда не связывала с Китаем таких надежд на фундаментальное изменение геополитической ситуации в Евразии, как с постсоветской Россией. Так что нет ничего удивительного в том, что крушение («Потеряли Россию!») или, по меньшей мере, ослабление этих надежд вызвало столь болезненную реакцию Америки, которую мы наблюдаем сегодня.

Строс называет и другие причины изменения американского имиджа России, особо выделяя в качестве «возможно даже главной» причины, действие старых стереотипов. «Обозреватели семьдесят лет выступали против СССР, а поскольку по некоторым внешнеполитическим вопросам позиция России совпадает с советской, у них возникает рефлекторное стремление перенести свою критику действий СССР в прошлом на сегодняшний день»³⁸. Это точное попадание в цель, хотя, на наш взгляд, это все-таки не главный фактор, ибо старые стереотипы оживают и становятся востребованными лишь при определенных обстоятельствах и, прежде всего, тогда, когда на горизонте появляются призраки старых угроз, породивших эти стереотипы. Что это за угрозы, мы скажем чуть позднее, а пока назовем еще один «фактор» трансформации имиджа России, о котором говорит Строс.

³⁷ Строс А. Почему американские СМИ — как либеральные, так и консервативные — настроены одинаково антироссийски? // Johnson's Russia List, 24 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/translation/216552.html>

³⁸ Строс А. Почему американские СМИ — как либеральные, так и консервативные — настроены одинаково антироссийски? // Johnson's Russia List, 24 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/translation/216552.html>

Речь идет о «весьма эффективном воздействии», которое оказывает на американские СМИ «пропаганда восточноевропейских стран — вероятно, отчасти потому, что в ней содержится элемент истины (коммунистический строй в большинстве из этих государств действительно насаждался при помощи советских штыков), или потому, что она рисует черно-белую картину (большая страна угнетает маленькие), а может быть и из-за простого невежества западных “знатоков”»³⁹.

Так или иначе, это реальный фактор, влияющий на формирование отрицательного образа России — особенно, если учесть, что среди американских политических экспертов и видных представителей СМИ немало выходцев из Польши, Венгрии, Чехии и других восточноевропейских стран, где всегда были сильны антисоветские настроения, перенесенные впоследствии на Россию.

Еще одна причина ширящегося распространения негативного имиджа России в американской прессе и в сознании элит — это политико-психологический феномен, порождаемый взаимодействием «эффекта снежного кома», «эффекта заражения» и «эффекта стаи». Суть его, в общем, проста, хорошо известна по опыту холодной войны и зиждется на сочетании конформизма, псевдопатриотизма и стадного инстинкта.

На каком-то этапе, когда критический настрой в отношении объекта (вызванный, к примеру, тем же представлением о «строптивом проигравшем») приобретает доминирующий характер и начинает расти как снежный ком, происходит своего рода психологическое заражение: под влияние этого настроения вольно или невольно (возможно, вопреки внутреннему сопротивлению) подпадают все или почти все члены сообщества, вовлеченного в эту критику (в данном случае американских СМИ). Выступление в критическом духе становится критерием принадлежности к сообществу, а поскольку объектом критики выступает другая страна, а тем более вчерашний враг, то еще и критерием патриотизма. Не попасть в стаю, будучи членом критикующего сообщества, а тем более вырваться из нее способен далеко не каждый, ибо его ждут обвинения в непатриотичности, в игре на стороне врага и т. п. Чем дальше, тем больше критикующее сообщество превращается в

³⁹ Строс А. Почему американские СМИ — как либеральные, так и консервативные — настроены одинаково антироссийски? // Johnson's Russia List, 24 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/translation/216552.html>

иррационально действующую «грызущую стаю», которой безразлично, за что грызть и по какому поводу. Повода может и не быть, он легко изыскивается самой стаей, для которой главное — грызть жертву, рвать ее зубами. Когда стая разрастается до национальных масштабов, стирается или истончается до предела грань (она может сохраняться по другим вопросам) между критиками из желтой прессы и «респектабельных» СМИ.

Можно ли, в самом деле, считать продуктом рационального критического анализа такие вот строки: «...По странам, называемым в России “ближним зарубежьем”, слышен стук копыт. Это едет Всадник без головы — угроза новой “холодной войны” и независимости суверенных государств. Черной тенью в ночи скачет в поисках своей головы Владимир Путин...»

Путин... ведет Россию не к свободному рынку, а к фашизму... Но при этом фашистская Россия — это гораздо лучше, чем коммунистическая Россия»⁴⁰. Эти строки взяты не из бульварной прессы, они напечатаны на страницах *The New York Times*. И таких примеров — сотни.

Отношение заокеанских критиков России к этой стране чем-то напоминает отношение американских властей к коммунистам или тем, кого подозревали в принадлежности или даже симпатии к ним в годы маккартизма. На такие мысли наводят, в частности, факты, о которых сообщает Стивен Коэн (и в этом он не одинок), зафиксировавший рецидивы новой холодной войны заокеанских СМИ против России. «Среди наиболее отвратительных методов сорокалетней Холодной войны (всегда применявшихся во имя свободы и демократии) был и такой — ставить под сомнение патриотизм любого, кто бросает вызов ортодоксии. Когда редактор *Nation* (каюсь, моя жена) привела данные о том, что и Россия, и США были серьезно вовлечены в политику на Украине, журналистка *Washington Post* Эплбаум обличила ее как “противницу свободы” (*Washington Post*, 1 декабря 2004). Став поучительным примером недемократичных рассуждений, “продемократичный” миссионер свалил в одну кучу “представителей левого крыла *Nation*”, Путина и белорусского диктатора (Макфол, *Washington Post*, 21 декабря). А в редакционной комментарии *New Yorker* “либерал” Джордж

⁴⁰ Кристоф Николас Д. Загадки отравления “*The New York Times*”, 15 декабря 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/translation/215615.html>

Пэккер возродил эту практику во всей красе, написав: «Nation вновь становится на сторону России в Холодной войне»⁴¹.

Как видим, набирается целый «букет» причин ухудшения американского имиджа России, каждая из которых дополняет и усиливает другие. И главная из них — тут мы согласны с американскими имиджмейкерами — это изменения, и порой существенные, во внутренней и внешней политике России с начала нового века. Вопрос, однако, в том, как интерпретировать и как оценивать эти изменения.

Россия, конечно же, далека от идеала демократического государства. Больше того, некоторые шаги по укреплению так называемой властной вертикали, изменению избирательного законодательства и ряд других не могут быть названы демократическими. Так что нравится нам это или нет, но в этом отношении мы должны признать правоту американцев. Хотя следует тут же добавить, что они зачастую преувеличивают степень авторитаризации России и что так называемый демократический откат (наступивший после «третьей волны демократизации», о которой писали С. Хантингтон и другие американские аналитики), предсказанный «транзитологами», носит глобальный характер⁴².

Американцев, несомненно, волнует вопрос о том, будет ли Россия страной демократической. Волнует, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, по причине «приватизации» демократии, которая была превращена ими чуть ли не в синоним Америки и американского, так что все, что не вписывается в демократическую парадигму (как ее истолковывают в США), рассматривается как направленное против Америки. Во-вторых, Вашингтон считает, что договариваться и взаимодействовать с демократическими странами легче, чем с недемократическими, и что глобальная демократизация — верный путь к обеспечению безопасности Соединенных Штатов.

Но дело не только в демократии. История XX века знает немало случаев, когда Америка готова была закрыть глаза на недемократичность стран, если они следовали в ее фарватере и если

⁴¹ Коэн С. Новая Холодная война в СМИ // The Nation, 14 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru/ <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/21632.html>

⁴² Автор этих строк касается рассматриваемого вопроса в своей статье «Глобальный кризис демократии?», опубликованной в журнале «Свободная мысль» в феврале 2005 г. См. также: Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. М., 2008. С. 154–166.

сотрудничество с ними было выгодно для Америки. Как уже говорилось выше, вскоре после начала перестройки Россия стала восприниматься Вашингтоном как страна, которая при всей своей специфике *может* пойти по пути западных стран, построив у себя «либеральную демократию и капитализм англо-американского стиля в рамках традиционной нации-государства»⁴³. А если так, то Россия, по их убеждению, *должна* была стать *верным и прилежным учеником Запада*, перенимать и переносить на российскую почву в процессе демократического строительства американский и западноевропейский опыт.

Как показал в своих работах норвежский историк Ивэр Нойманн, много лет занимающийся исследованием восприятия одних государств и регионов мира — другими, Европа на протяжении пяти последних столетий смотрела на Россию и оценивала ее сквозь призму ученичества. «...Начиная с эпохи Просвещения она воспринималась как ученик — то хороший (доминирующая версия Просвещения), то наученный дурному (альтернативная версия Просвещения), то двоечник, который должен учиться, но не хочет (доминирующая версия XIX века), то лентяй (версия XX века)...»⁴⁴. С конца XIX века, как мы видели, сквозь призму ученичества стала смотреть на Россию и Америка.

В конце 80-х — начале 90-х годов минувшего столетия, когда и Горбачев, и в еще большей мере Ельцин, и оживившиеся российские «западники» стали говорить о «новом мышлении» и готовности последовать по пути, пройденном «цивилизованным человечеством» (то есть Западом) и вроде бы прилежно, но бездумно и хаотично, перенимать его опыт, у американцев и европейцев воскресла надежда, что на этот раз идею ученичества удастся общими усилиями реализовать, сделать из России «нормальную», лишенную великодержавных претензий страну и в итоге ослабить или даже вовсе устранить вечную «угрозу с Востока». Причем американцы с присущей янки энергией и решительностью попытались взять инициативу «обучения» России в собственные руки. «По сути дела, США должны были учить экс-коммунистическую Россию капитализму и демократии и наблюдать за процессом превращения — так называемым “переходом”»⁴⁵.

⁴³ Rutland P. A Flawed Democracy // Current History, October 1998. P. 313.

⁴⁴ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Пер. с англ. М., 2004. С. 154.

⁴⁵ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001. С. 22–23.

И почти до конца 90-х Россия училась. Училась у Америки, училась у Европы. Была ли она хорошим учеником, были ли хорошими учителя, тому ли они учили Россию и была ли польза от этой учебы — вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения. Многие американцы, в том числе критики России, утверждают, что учили не тому, чему надо, и не так, как надо, и что это в итоге нанесло большой ущерб России и не принесло ожидаемых дивидендов Америке. Но это, повторим, тема для отдельного обсуждения. Нам же важно констатировать, что в момент выхода новой России на международную арену в качестве самостоятельного государства Соединенные Штаты увидели в ней страну, готовую, наконец-таки, забыть о том, что «у ней особенная статья» и превратиться в прилежного ученика Америки и Запада в целом, и уже за одно это они готовы были поставить России неплохую «отметку».

Но прошло несколько лет, и американцы увидели другую Россию: страну, начавшую или, во всяком случае, пытавшуюся проводить более самостоятельную, более независимую от США внутреннюю и внешнюю политику. Россия снова оказалась «плохим учеником». И это вызывало у них не только разочарование, недовольство и даже раздражение («побежденная страна» не хочет слушаться «победителя», который по определению «получает все»), но и опасение, что «потерянная» ими Россия снова станет одной из крупнейших держав мира, с которой Америке придется считаться гораздо больше, чем ей бы того хотелось.

Возникает вопрос: не было ли возвращение американцев к негативному имиджу России возвращением к норме? Ведь и американский образ советской России, как было показано выше, тоже был в основном негативным. Так не имеем ли мы тут дело с социальным феноменом своеобразной «куклы-неваляшки», которая, временно потеряв под воздействием каких-то внешних сил устойчивость, быстро возвращается в прежнее, вертикальное положение? Может ли вообще «Град на холме», страна, проникнутая духом мессианизма, строить позитивный образ другой, неизмеримо более слабой, да еще и «побежденной», страны, если та проявляет «строптивость», отказываясь ориентироваться на Америку и пытается идти собственным путем, как это делает Россия на протяжении последних нескольких лет? Ответом на этот непростой вопрос — или, скажем так, попыткой ответа на него — и является предлагаемая работа.

Глава 2. ОТ «УЩЕРБНОЙ ДЕМОКРАТИИ» К «НОВОМУ СТАЛИНИЗМУ» (Политический режим)

О РОССИИ — С ТРЕВОГОЙ И НАДЕЖДОЙ

С момента появления новой России на политической карте мира вопрос о типе политического режима⁴⁶, существующего в нашей стране, неизменно находится в поле внимания американцев. Ни о чем другом не писали и не пишут они, обращая взоры к России, столько, сколько о политическом режиме и о президенте. Пишут такие серьезные, пусть и критически настроенные аналитики как З. Бжезинский, Р. Пайпс, М. Голдман, А. Ослунд, С. Коэн, Д. Саймс, Л. Арон, С. Менделсон, Э. Качинс, С. Фиш, Т. Колтон, С. Сестанович, П. Десаи и другие. Пишут скользкие по верхам политологи-«моралисты» вроде Д. Саттера и А. Бейхмана. Пишут падкие на сенсации и нередко плохо знающие страну журналисты⁴⁷ (имя им легион), схватывающие тот или иной «момент» из политической жизни России, утрирующие его и превращающие конструируемые ими имиджи в карикатуру...

Такое внимание Америки к политическому режиму постсоветской России вполне объяснимо: за океаном полагают — и не без оснований, — что тип этого режима будет во многом определять не только будущее России, но и характер ее отношений с США и Западом в целом, место в мире, политику на международной арене и многое другое.

⁴⁶ Как известно, в современной политической науке существуют различные трактовки понятия «политическая система» и его соотношения с понятием «политический режим». В данном тексте мы, не отвергая понятия «политическая система», оперируем в основном понятием «политический режим», поскольку американцы, исследующие положение политических дел в России, концентрируют внимание на источнике и типе политической власти, способах ее осуществления, а также характере отношений между властью, личностью и обществом.

⁴⁷ Не желая бросить тень на весь этот цех, сразу скажу, что и среди журналистов, особенно собственных корреспондентов крупных изданий, проводивших порой не один год в России, встречаются люди, которые пытаются совместить интересы и политику представляемых ими печатных органов со стремлением нарисовать хотя бы в чем-то приближающиеся к реальности «картинки» российской жизни. Свежий пример — получившая широкую известность книга Питера Бейкера и Сьюэн Глассер «Возвышение Кремля» (Baker P. and Glasser S. Kremlin Rising. Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. N.Y., L. et al. 2005), о которой речь впереди.

Собственно, Америку интересует не столько даже вопрос о российском политическом режиме как таковом, сколько вопрос *о судьбе демократии* в нашей стране. Никто из заокеанских авторов никогда — ни во времена Ельцина, ни тем более во времена Путина — не признавал существование в постсоветской России полноценной, или, как ее именуют специалисты, консолидированной демократии⁴⁸. Но их неизменно интересовал вопрос, *идет ли страна по пути демократического строительства*, и если да, то *сколь далеко продвинулась она* в этом направлении и *что за демократию* строит Кремль? «Является ли Россия демократией? Развивается ли демократия в России, подвергается ли эрозии или же остается неизменной — к лучшему или худшему? Ответы на эти вопросы, — писали Тимоти Колтон и Майкл Макфол летом 2003 года, — многое значат для обществоведов и творцов политики»⁴⁹.

Если, поясняли они, Россия — демократия, пусть и неконсолидированная, «то в таком случае ее вхождение в западные многосторонние институты может оказаться оправданным, а западная помощь, направленная на оказание содействия в построении демократии — более не нужной. Если Россия — не демократия или если российская демократия подвергается эрозии, то тогда более подходящими могут оказаться прямо противоположные политические рекомендации — отложенное членство в западных союзах и расширение помощи в области демократии. Ну а если Россия застряла посередине, оказавшись зажатой в сумеречной зоне между

⁴⁸ Характерными чертами консолидированной демократии эксперты считают, помимо свободных выборов, сбалансированное разделение властей между законодательными, исполнительными и судебными органами, равно как и между центром и регионами; структурированную партийную систему; «чуткое гражданское общество»; верховенство закона, равно как и отсутствие стремления и попыток больших общественных групп разрушить существующую демократическую систему; рассмотрение большинством граждан демократических процедур и институтов как наиболее эффективных и приемлемых механизмов управления общественной жизнью; разрешение возникающих в обществе конфликтов в рамках демократического процесса. См.: Diamond L. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore, 1999; Gitelman Z. *The Democratization of Russia in Comparative Perspective* — *Developments in Russian Politics* 6. Ed. by White S., Gitelman Z., Sakwa R. Durham, 2005; McFaul M. *Democracy Unfolds in Russia* *Current History*, October 1997.

⁴⁹ Colton T. and McFaul M. *Ch. Two. Putin and Democratization* — *Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain*. Sec. Ed. Ed. by Herspring D. Lanham et al., 2005. P. 13.

диктатурой и демократией, то это тоже может оказаться значимым для развития теории и формирования политики»⁵⁰.

Неудивительно, что в огромном потоке литературы о России (охватывающем публикации в массовых и академических периодических изданиях, выступления политических деятелей, различного рода экспертные доклады, научные монографии и т.п.) вопрос о наличии/отсутствии (той или иной формы) демократии в России, о ее перспективах остается одним из самых актуальных и широко дискутируемых. И притом — спорных, ибо далеко не все авторы, рассуждающие о демократизации России, считают нужным пояснить, что они понимают под «демократией», — и это в условиях, когда вопрос о значении (значениях) этого концепта остается предметом дискуссий профессиональных политологов⁵¹ и когда получило распространение неоправданно расширенное толкование «демократии» как синонима универсального и тотального блага, абсолютная ценность которого не подлежит сомнению.

Как и образы постсоветской России в целом, образы существующего в ней политического режима, создававшиеся американцами, претерпели за минувшие годы заметную эволюцию, и сегодня мы можем говорить — пусть с некоторой долей условности — о двух типах образов, один из которых доминировал на протяжении девяностых годов и может быть назван образом «ельцинского режима», а второй начал формироваться на рубеже тысячелетий и к настоящему времени обрел качественную определенность как тип образов «путинского режима».

У этих образов немало общего (прежде всего в негативном плане), но много и различий, в том числе существенных. Изменились не только акценты в характеристиках и оценках политического режима в целом и составляющих его институтов — изменились сами характеристики, изменилась общая его оценка, равно как и представления о перспективах эволюции режима.

Надо сразу сказать, что создававшиеся за океаном образы российского политического режима, как и образы России в целом (о чем говорилось в первой главе), *всегда* были выдержаны в *критических тонах*. Американские авторы, какой бы политической

⁵⁰ Colton T. and McFaul M. Ch. Two. Putin and Democratization // Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Sec. Ed. Ed. by Herspring D. Lanham et al., 2005. P. 13.

⁵¹ См., в частности: Даль Р. Демократия и ее критики. Пер. с англ. М., 2003; Теория и практика демократии. Избранные тексты. Пер. с англ. М., 2006.

ориентации они ни придерживались, видели в наличном режиме — даже если фиксировали в нем какие-то демократические черты — изъяны, не дававшие, как они полагали, оснований, идентифицировать его как полноценную демократию. Для них это всегда была, говоря словами политолога Питера Ратленда, «ущербная демократия» (*flawed democracy*)⁵². Да к тому же еще и *хрупкая и нестабильная*. Тем не менее, повторю, доминирующие американские образы «ельцинского» и «путинского» режимов существенно различаются и по содержанию, и по тональности.

Оценивая ситуацию в области демократического строительства, сложившуюся в России в первой половине, и особенно в самом начале 90-х годов, заокеанские авторы обращают внимание на то, что на его пути было немало препятствий. В то время «демократия не была высшим приоритетом»⁵³ для Ельцина и его команды. Центр тяжести реформ был перенесен правительством в сферу экономики, ибо оно исходило из того, что экономическая трансформация является предпосылкой становления стабильной политической демократии. К тому же в России имелись политики, полагавшие, что в качестве «промежуточного режима» между «командным коммунизмом» и «капиталистической демократией» могла бы выступить та или иная разновидность авторитарного режима⁵⁴. И хотя Ельцин в итоге отверг эту модель, некоторые эксперты считают, что существовавшая в самом начале 90-х годов возможность совершить рывок в направлении создания демократических институтов не была использована Кремлем.

Трагические события октября 1993 года открыли «новое окно возможностей для демократии, хотя и при менее благоприятных условиях, чем прежде»⁵⁵. В итоге к середине 90-х «на руинах рухнувшего советского режима» выросла «новая русская полития»⁵⁶.

⁵² Rutland P. A Flawed Democracy // *Current History*, October 1998. P. 313.

⁵³ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // *Current History*, October 1997. P. 321.

⁵⁴ См., напр.: Simes D. The Return of Russian History // *Foreign Affairs*, January/February 1994.

⁵⁵ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // *Current History*, October 1997. P. 320.

⁵⁶ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // *Current History*, October 1997. P. 319. Более подробную картину недостатков и достоинств «ельцинской» демократии Макфол разворачивает в своей книге «Незавершенная российская революция. Политические изменения от Горбачева до Путина» (McFaul M. *Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca and London, 2001).

Полития, характерными чертами которой стали «суперпрезидентство, двусмысленный федерализм, слабость политических партий, рабочих и гражданских организаций, чрезмерная мощь большого бизнеса и фактическое отсутствие правления закона»⁵⁷.

Эти характеристики, данные Макфолом «ельцинскому режиму», разделяли многие его американские коллеги, подчеркивавшие к тому же, что особенности личности первого российского президента давали основания сомневаться в том, «что его огромная власть будет использована только для того, чтобы проводить радикальные политические и экономические реформы, поддерживая стабильность и единство страны... В его стране слишком много авторитарных традиций, чтобы быть спокойными»⁵⁸.

Однако подмеченные и «запротоколированные» американцами недостатки не мешали им характеризовать Россию тех лет, как страну, которая хотя и медленно, «со скрипом», при мощном сопротивлении консервативных сил, но все-таки *продвигалась по пути демократического строительства и добилась на этом пути заслуживающих одобрения и поддержки успехов*. Принятие новой конституции России, выборы президента страны, выборы депутатов Государственной Думы, выборы губернаторов оценивались как «замечательная серия демократических достижений, особенно на фоне других периодов русской истории: конфронтационной и, в конечном счете, кровавой политики первых лет нового русского государства; семидесятилетнего тоталитарного правления при коммунистах, сотен лет автократического правления при царе. Вторая русская республика — политическая система, существующая с 1993 года — похоже, отвечает минималистской дефиниции демократической системы, предложенной Йозефом Шумпетером: «институциональное устройство для принятия политических решений, при котором индивиды обретают власть, позволяющую им принимать решения, [и завоевываемую ими] путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»⁵⁹.

На основе оценки выборов 1996 года был сделан вывод, что «все основные политические игроки России приняли новый, пусть

⁵⁷ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // Current History, October 1997. P. 325.

⁵⁸ Simes D. The Return of Russian History // Foreign Affairs, January/February 1994. P. 70–71.

⁵⁹ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // Current History, October 1997. P. 321.

и минимальный, набор правил политической конкуренции, признающий народные выборы единственным легитимным средством достижения политической власти. Другими словами, *Россия завершила переход к электоральной демократии*⁶⁰.

Это, как снова и снова подчеркивали американцы, еще не консолидированная либеральная демократия. Однако, «оплакивая медленный старт процесса консолидации либеральной демократии в России, — настаивал Макфол, — мы не должны забывать о важном прогрессе, сделанном ею в установлении в стране электоральной демократии. В последние годы правления Горбачева и первые годы правления Ельцина все важные политические игроки России не могли придти к согласию относительно правил регулирования и организации политической конкуренции. Но после 1993 года большинство российских политиков пришло к согласию относительно одного критического принципа — прихода к власти с помощью урны для голосования»⁶¹.

Это согласие имело важное значение для страны. «На фоне многовековой авторитарной традиции, существовавшей в России на протяжении столетий, построение электоральной демократии является важной вехой (a major milestone)...институт выборов может обеспечить создание условий для развития других компонентов либеральной демократии...первые посткоммунистические выборы могут способствовать созданию условий для демократического обновления России в будущем»⁶².

⁶⁰ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // Current History, October 1997. P. 319. Курсив мой — Э. Б. Уже сам заголовок статьи — «В России разворачивается демократия» — говорит о ее главной идее: в стране строится, пусть и с трудом, демократическое общество.

⁶¹ McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // Current History, October 1997. P. 325.

⁶² McFaul M. Democracy Unfolds in Russia // Current History, October 1997. P. 325. Несколько лет спустя, в уже цитированной статье, написанной совместно с Т. Колтоном, Макфол повторил свою прежнюю позитивную оценку. «Хотя некоторые могут и не согласиться с этим, ясно, что какая-то форма демократии возникла в России после коллапса советского коммунизма в 1991 году. Хотя российский режим, пустивший корни в 1990-х при Борисе Ельцине, и не демонстрировал крепких структур и норм, типичных для зрелой “либеральной демократии”, ему были присущи многие черты “электоральной демократии”» (Colton T. and McFaul M. Ch. Two. Putin and Democratization // Putin’s Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Sec. Ed. Ed. by Herspring D. Lanham et al., 2005. P. 13). Повторно упрекнув Ельцина за введение в 1993 году «суперпрезидентской конституции», ослабление роли парламента, суда, политических партий, групп интересов и ряд других грехов, авторы, заключают: «Тем не менее, российское государство и российское общество продемонстрировали черты демократического развития» (там же).

Этой точки зрения — а именно, что Россия сделала при Ельцине ряд шагов по пути демократического развития и достигла при этом определенных успехов — придерживались и придерживаются не только Майкл Макфол, Дмитрий Саймс, Питер Ратленд, Тимоти Колтон, но и подавляющее большинство американских политологов, формирующих имидж нашей страны.

Леон Арон, директор Центра по исследованию России (director of Russian studies) Американского Предпринимательского Института, отнес ее к числу, как он их назвал, «бедных демократий» (poor democracies)⁶³. Емкий образ! Тут налицо и политическая составляющая: не претендуйте на равенство с Соединенными Штатами или Великобританией, ведите себя тихо и скромно, как оно и подобает «бедному родственнику». Тут и эмоциональный подтекст: «Бедная ты моя, бедная!». Тут, конечно, и экономическая характеристика: экономика развита слабо, люди живут бедно...

Тем не менее, это — демократическая страна. Больше того, в политическом отношении Россия конца 90-х отличалась, по мнению Арона, от других бывших союзных республик в лучшую сторону. «Хотя она, — писал американский эксперт в 1999 году, — к сожалению, не отвечает стандартам старых демократий, Россия — самая свободная, самая демократическая из всех постсоветских государств за исключением стран Балтии»⁶⁴. Не отрицая крупных ошибок, допущенных Ельциным, которого Арон, его первый западный биограф, характеризовал как «революционера», он одновременно утверждал, что созданный

⁶³ «Бедные демократии» (к ним, по Арону, принадлежат Перу, Польша, Мексика, Словения, Колумбия, Болгария и еще несколько десятков стран в разных частях мира) это — «демократии-скелеты (barebones democracies). Они сталкиваются с колоссальными экономическими вызовами, и их гражданская культура, по западным меркам, недоразвита. И все же, при всех их явных недостатках, в них налицо основные права человека и политические свободы. Люди в этих странах пользуются свободой слова, правом обращения к правительству, свободой собраний и свободой выезда за границу. Оппозиция может создавать свои организации и принимать участие в политике, критиковать правительство, распространять материалы, касающиеся распределения голосов, соревноваться в борьбе за посты в местных и общенациональных органах на более или менее справедливых выборах, результаты которых, в конечном счете, отражают волю большинства. Наконец, в бедных демократиях издаются газеты, свободные от правительственной цензуры» (Aron L. Russia's Revolution. Essays 1989–2006. Wash., D.C. 2007. P. 204).

⁶⁴ Aron L. Russia's Revolution. Essays 1989–2006. Wash., D.C. 2007. P. 183.

⁶⁵ Aron L. Russia's Revolution. Essays 1989–2006. Wash., D.C. 2007. P. 182.

его героем политический режим является «наиболее открытым и либеральным режимом за всю историю страны»⁶⁵. В том же духе высказывались Эрдрю Качинс, Дэниел Трейсман, Андрей Шлейфер, Филипп Родер, Валерия Банс и многие другие⁶⁶.

Были, конечно, и такие авторы, которые не признавали за «ельцинской» Россией права назваться даже несовершенной демократией, хотя и не отрицали происшедших в стране перемен. Возможно, самый яркий из них — Стивен Коэн, известный публицист, проживший в России много лет и опубликовавший в 2000 году книгу «Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России». Его выводы были неутешительны. «Предполагавшийся переход России к процветанию, стабильности и демократии в годы правления Ельцина завершился беспрецедентным экономическим спадом, гуманитарной катастрофой, гражданской войной, ядерной нестабильностью и, наконец, приходом в Кремль офицера КГБ...»⁶⁷. Этим сказано все: ведь никому из американцев или европейцев и в голову не придет видеть в КГБ или ФСБ организацию, занимающуюся построением демократического общества.

Среди заметных скептиков и критиков России, отказывающихся признать ее демократические успехи, мы видим Стивена Фиша, Питера Реддуэя, Дмитрия Глински⁶⁸. Стивен Фиш из Калифорнийского университета (Беркли) вообще выступил с собственной концепцией демократии, которая, как он подчеркивает, в чем-то совпадает с концепцией, сформулированной более полувека назад Йозефом Шумпетером и развитой впоследствии Хуаном Линцем, Сэмюелем Хантингтоном, Джованни Сартори, Робертом Далем и другими, а в чем-то отличается от нее. Согласно этой концепции, Россия никак не вписывается в демократические рамки — идея, развитая им в книге «Крушение российской демократии», где он прямо утверждает: Россия «не пришла к демократии»⁶⁹.

⁶⁵ См., в частности: Treisman D. Blaming Russia First // Foreign Affairs. November–December 2000; Roeder Ph. The Rejection of Authoritarianism // Anderson R. Jr., Fish S., Hanson S., Roeder Ph. Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton, 2001; Bunce V. Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations // Comparative Political Studies. August–September 2000.

⁶⁷ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001. С. 257.

⁶⁸ См.: Reddaway P. and Glinski D. Market Bolshevism: The Tragedy of Russia's Reforms. Wash., D.C., 1999.

⁶⁹ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2005. P. 27.

Опираясь на исследования Даля (которого он упоминает) и явно черпая вдохновение, да и не только вдохновение, у Карла Поппера, автора классической работы «Открытое общество и его враги» (о котором он впопыхах забывает упомянуть), Фиш подразделяет политические режимы на «закрытые» и «открытые». Демократия — «открытый» режим, в котором «политическое участие открыто для каждого (или почти для каждого), имеет место открытая конкуренция, политические коммуникации формируются открыто, люди открыто вступают в политические ассоциации во имя достижения политических целей, действия правительства открыты для наблюдения и т. п.»⁷⁰. Естественно, демократия предполагает проведение свободных выборов и обеспечение прав избирателей, позволяющих им «свободно формировать и выражать свои предпочтения»⁷¹. Ничего этого, настаивает Фиш, в России нет и не было. «Российские выборы изрешечены (are riddled) большим количеством подтасовок и принуждений, чтобы назвать их свободными»⁷². К тому же россияне лишены возможности открытого и свободного установления межличностных коммуникаций и создания ассоциаций, необходимых для того, чтобы «без страха выражать свои взгляды»⁷³.

Фиш не отрицает, что «Россия — более открытая полития, чем был Советский Союз и чем ныне являются Узбекистан, Беларусь или Вьетнам»⁷⁴. Но, замечает он, «фальсификация, принуждение и целенаправленная дисквалификация кандидатов, участвующих в выборах, равно как и ограничение коммуникативного взаимодействия и деятельности ассоциаций предотвратили развитие демократии»⁷⁵.

Впрочем, Фиш и его единомышленники составляют явное меньшинство. И даже те заокеанские авторы, которые подвергали

⁷⁰ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 19.

⁷¹ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 28.

⁷² Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 28.

⁷³ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 29.

⁷⁴ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 29.

⁷⁵ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 29.

жесткой критике и самого Ельцина, и созданный им политический режим, склонялись в итоге к тому, что с начала 90-х Россия встала на путь демократического строительства и перед ней открылись, говоря словами Уолта Уитмена, «демократические дали».

Что же позволяло американцам говорить о том, что российский демократический «стакан» скорее «полуполон», нежели «полупуст»? Что давало им основание характеризовать «ельцинский» режим скорее в позитивных, нежели в негативных тонах и вселяло в них не только тревогу, но и надежду на демократическое будущее России? По меньшей мере, три момента, казавшиеся им весьма важными. Во-первых, *сравнение* того, что начало вырисовываться в России 90-х, с тем, что было в Советском Союзе, — сравнение, работавшее в пользу нового режима. Во-вторых — и на это обращалось особое внимание — *вектор развития* новой России: она шла, пусть и медленно, от авторитаризма (а некоторые говорили и о тоталитаризме) к демократии, что вселяло надежду на дальнейший прогресс в данном направлении. Был и еще один момент, принципиально важный для Америки, о котором мы уже упоминали в первой главе: Америка надеялась сделать Россию верным и прилежным учеником Запада и превратить ее со временем в «нормальное», то есть либерально-демократическое государство, послушно идущее в фарватере Соединенных Штатов. И вплоть до конца 90-х она считала, что Россия, в общем и целом, *движется в этом направлении*. Конечно, с поправкой на российские дороги...

ШАГ НАЗАД, ДВА ШАГА НАЗАД

Однако с начала нового века доминировавший в США образ российского политического режима стал меняться в худшую сторону⁷⁶. Это признают и сами американцы, причем эту эволюцию

⁷⁶ Еще раз подчеркнем, что речь идет именно о доминирующем образе российского политического режима, ибо и после прихода Путина к власти в Америке высказывалась и высказывается точка зрения, что демократия в России хотя и подвергается атакам и в чем-то убывает, но все-таки жива, и искоренить ее вовсе будет трудно. «Вопрос в том, — писал в октябре 2002 года на страницах «Каррент Хистори» политолог Томас Николс, — что будет развиваться быстрее — демократическая консолидация или бюрократическое сопротивление; пока что те, кто говорит о необратимости (irreversibility) российской демократии, стоят на более твердой почве, нежели те критики... которые начиная с 1991 года постоянно предупреждают, что Россия движется к катастрофе, и чьи предсказания наступления судного дня неизменно терпели провал» (Nichols T. Putin's First Two Years: Democracy or Authoritarianism? Current History, 2002, October. P. 312). Еще дальше пошли

они объясняют изменениями в политической жизни России и практически единодушно увязывают их с новым политическим курсом, который был взят Владимиром Путиным, особенно в период его второго президентства.

Среди критиков нового главы государства были, надо заметить, люди, отдававшие себе отчет в том, что на смену десятилетию революционных потрясений и вызванной ими анархии и угрозы распада России неизбежно должен был прийти период консолидации государства и общества. «Эта цель — восстановление порядка путем укрепления российского государства — стала определяющей в деятельности Путина на посту президента. Совершенно очевидно, что к концу 1990-х годов Россия остро нуждалась в более эффективном государстве, и Путин правильно определил [стоявшую перед ним] проблему. Вакуум, образовавшийся в результате распада Советского Союза в 1991 году, должен был быть заполнен»⁷⁷.

Но даже те, кто признавал необходимость этих шагов и на первых порах относился к Путину, в общем, более или менее доброжелательно, выражали опасения, что в своем стремлении «навести порядок» в стране он может затоптать слабые побеги российской демократии. «Под управлением энергичного, трезвомыслящего молодого президента российская политическая и экономическая системы наконец-то стабилизируются. Комментаторы больше не говорят об анархии и стагнации, теперь они скорее обеспокоены тем, что Путин может зайти слишком далеко в своем стремлении установить порядок и уничтожит зарождающиеся элементы демократии»⁷⁸.

Прошло совсем немного времени и опасения американцев, что новый президент изберет «неверный путь» решения поставленных им перед собой задач, переросли, особенно после «дела ЮКОСа», в уверенность, что так оно и произошло. Если обобщить много-

Андрей Шлейфер и Дэниел Трейсман. В своей статье «Нормальная страна», опубликованной в 2004 году, они утверждали, что «политический режим в России был одним из самых демократических в регионе на протяжении последних 15 лет. А все недостатки вполне сравнимы с теми, которые можно найти в любой развивающейся капиталистической стране» (Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, March/April 2004, www.foreignaffairs.org. P. 7.). Однако подобные оценки России сегодня в Америке редки и на общественное мнение решающего влияния не оказывают.

⁷⁷ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift Current History, October 2005. P. 308.

⁷⁸ Treisman D. Russia Renewed? Foreign Affairs, November/December 2002. P. 58.

численные суждения о том, какие решающие *faux pas*, приведшие к трансформации российского политического режима, совершил Путин во внутренней и внешней политике, то получится, что таких ошибок было две. Но это были «крупные и грубые ошибки», изменившие в итоге облик России, что сказалось и на изменении ее образа.

Первая из «ошибок» заключалась в *изменении позиции России по отношению к Западу как модели для подражания*. Если воспользоваться введенным выше образом «ученика», то сегодня на Западе, в том числе в США, сформировалось представление о том, что к концу 90-х Россия стала превращаться в *плохого, упрямого, сварливого и ленивого ученика*, пропускающего уроки демократии, не выполняющего домашние задания и перебивающегося с двойки на тройку, а потом и вовсе бросившего западную демократическую школу, то есть, в сущности, *переставшего быть учеником*.

Вторая крупная «ошибка» Путина (как конкретное проявление первой в сфере политики) заключалась, по утверждению американцев, в *изменении самого отношения России к демократии*. Ее лидеры не только *отказались* от дальнейшего развития демократических институтов, но встали на путь целенаправленного *демонтажа* созданных ранее демократических структур. «С тех пор, как в 2000 году на президентский пост был избран бывший полковник КГБ Владимир Путин, — пишет Пайпс, — российские демократические институты начали свертывать, гражданские права ограничивать, а ее сотрудничество с международным сообществом далеко не гарантировано»⁷⁹.

Примерно в том же духе рассуждал и Макфол. Путин, писал он в 2005 году, «не нарушил радикальным образом Конституцию 1993 года, не запретил выборы, не арестовал сотни политических оппонентов. Россия и сегодня остается значительно более свободной и более демократичной страной, чем Советский Союз. Но если формальные институты российской демократии остаются нетронутыми, то реальное демократическое содержание этих институтов подверглось при Путине ощутимой эрозии»⁸⁰. К такому же заключению приходят и эксперты «Фридом Хаус». В докладе Nations in Transit 2006 от 13 июня 2006 года говорится: «Хотя конституция

⁷⁹ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org. P. 1.

⁸⁰ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 308.

России содержит в себе основные демократические принципы, нынешняя политика Кремля на практике их подрывает».

Об «отходе сегодняшней России от демократии»⁸¹ говорил летом 2004 года известный аналитик Стивен Сестанович, занимавший с 1997 по 2001 год пост посла США по особым поручениям в странах бывшего СССР, а ныне старший научный сотрудник Совета по международным отношениям. Два года спустя, в мае 2006-го он поставил еще более жесткий диагноз: Путин не просто *отходит от демократии*, «Путин *свертывает демократию*»⁸².

Известный американский экономист, автор нашумевшей книги «Пиратизация России» Маршалл Голдманн, отвечая в июне 2005 года на реплику корреспондента швейцарской *Le Temps* «процесс демократизации [в России] замедляется», заметил: «Это еще мягко сказано, я бы отметил значительный откат назад. Мы видим это по росту коррупции, по ситуации со средствами массовой информации. В регионах все еще хуже. Правильный подсчет голосов — уже проблема, он производится с явными нарушениями. Сегодня почти невозможно создать надежную независимую партию. Запуганные предприниматели еще не готовы вкладывать деньги в подобные проекты»⁸³.

В общем, Россия предстает сегодня не просто в *образе плохого ученика, бросившего демократическую школу*, но еще и в *образе предателя дела демократии, отступника от демократии* и даже *страны (об этом речь далее), представляющей угрозу для демократии*.

В чем конкретно это проявляется? Самый общий ответ таков: в ориентации властей *на воссоздание в России сильного централизованного государства, жестко контролирующего и регулиującego чуть ли все стороны жизни общества* и способного тем самым, как якобы полагают в Кремле, *обеспечить экономический рост, порядок и стабильность*. Столкнувшись с «коррупцией в госаппарате, экономическим банкротством страны, этническим сепаратизмом, дискредитированным предшественником, раздробленной

⁸¹ Сестанович С. Повесть о двух постсоветских президентах // *The Wall Street Journal*, 30 июля 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/211688/html>. С. 1.

⁸² Сестанович С. Американский президент не может относиться к России, как к «нормальному» члену клуба (из его интервью PBS 15 мая 2006 г.). Опубликовано на сайте <http://www.lentacom.ru/comments/1883.html>. Курсив мой — Э. Б.

⁸³ Маршалл Голдман: «В России стало меньше демократии», *Le Temps*, 06 июня 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/07/3458/220194.html>

и неэффективной политической системой, расколотостью лагеря западников-либералов», Путин поставил своей «главной целью» «восстановление централизованной государственной власти»⁸⁴. И формально, как полагает большинство аналитиков, он добился своей цели. Но добился дорогой ценой, сильно снижающей эффективность сложившегося режима.

Американцы утверждают, что «российское государство укрепляется в ущерб политическому плюрализму»⁸⁵. «В 2005 году российская политика была значительно менее плюралистична, чем в 2000 году»⁸⁶. Это проявляется, в частности, в *отходе от принципа федерализма в направлении создания унитарного государства*. Настоящего демократического федеративного государства в России не было никогда. Но теперь положение стало еще хуже. «С момента инаугурации Владимира Путина в марте 2000 г. российская федеративная система разрывается на части. Президент же своими действиями продемонстрировал, что не питает особой слабости к принципам федерализма. Действительно, реформы Путина — это насмешка над федерализмом и сейчас возникают большие сомнения относительно его верности конституционализму и демократии»⁸⁷.

Еще более наглядное свидетельство отхода от демократического плюрализма американцы видят в *нарушении одного из важнейших принципов демократии — принципа разделения властей*. Хотя Федеральное Собрание функционирует без видимого нарушения Конституции, фактически оно выполняет волю исполнительной власти и действует по ее указке. Так что парламент больше уже не служит «реальным противовесом исполнительной власти»⁸⁸. А изменение избирательного законодательства, предпринятое в по-

⁸⁴ Сестанович С. Повесть о двух постсоветских президентах // The Wall Street Journal, 30 июля 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/211688/html> С. 1.

⁸⁵ Сестанович С. Повесть о двух постсоветских президентах The Wall Street Journal, 30 июля 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/211688/html> С. 3.

⁸⁶ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 309.

⁸⁷ Ross C. Putin's Federal Reforms and the Consolidation of Federalism in Russia: One Step Forward, Two Steps Back! // Communist and Post-Communist Studies, #36 (2003). P. 29.

⁸⁸ Сестанович С. Повесть о двух постсоветских президентах The Wall Street Journal, 30 июля 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/211688/html> С. 1

следние годы, ведет к дальнейшему ослаблению роли Думы как самостоятельного властного политического института.

То же самое, по мнению американцев, происходит с *судебной властью*, которая лишена возможности выступить в роли беспристрастного арбитра, руководствующегося законом. Особенно много говорилось об этом в Америке в связи с «делом ЮКОСА». При этом мнения экспертов разделились. Если одни утверждали, что его глава — чуть ли не невинный агнец, то вторые (как, например, Маршалл Goldman) признавали, что он преступил закон. Но и те, и другие были согласны в том, что как в ходе следствия, так и в ходе судебного разбирательства государство тоже действовало в ряде случаев противозаконным образом. Высказывалось даже мнение, что именно «дело ЮКОСА» стало «очень важным моментом, вызвавшим переоценку режима Путина здесь, в США»⁸⁹.

Еще один признак отхода России от демократии американцы видят в *переходе реальной власти в руки исполнительных органов*. При этом правительство занимает периферийное положение, а *властные рычаги сконцентрированы в руках президента*. По едва ли не единодушному утверждению американских авторов, в стране сложился «режим, в котором существует лишь один человек, реально принимающий решения, — Путин»⁹⁰. Но поскольку режим личной власти установился в стране «слишком большой и слишком сложной, чтобы с ней мог управиться (handle) один человек»⁹¹, Путину волей-неволей приходится этой властью «делиться».

⁸⁹ Стивен Сестанович: «Дело ЮКОСа» привело к переоценке режима в России // «Независимая газета» 10.09.2004. Об этом же говорил и Брюс П. Джексон — президент Проекта по изучению стран с формирующейся демократией (Project on Transitional Democracies). «Оглядываясь назад, мы теперь понимаем, что арест Михаила Ходорковского 25 октября 2003 года вооруженными представителями спецслужб стал поворотным моментом в ухудшении российской демократии. До ареста мягкое подавление демократических сил некоторым казалось проявлением исторической политической неуверенности Москвы и вполне понятной попыткой “управлять” демократией, сгладить эксцессы и социальный стресс, оставшиеся после эры Ельцина. После октября 2003 стало очевидно, что президент Путин начал всестороннее наступление на всех и каждого, кто казался соперником государственной власти и противником восстановления традиционного российского государства — авторитарии дома и империи за рубежом» (Джексон Б. Демократия в России // The Weekly Standard, 18 февраля 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/217337.html>).

⁹⁰ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift Current History, October 2005. P. 309.

⁹¹ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 309.

Первой из структур, которой президент «делегирует» власть, называют обычно его *администрацию*, которую иногда даже сравнивают с ЦК КПСС. «Сегодня власть сконцентрирована в руках администрации президента больше, чем когда-либо в истории постсоветской России»⁹². Вторая структура или, лучше сказать, группа, отчасти получившая власть из рук главы государства легально, а отчасти втихомолку «узурпировавшая» ее, это — *бюрократия*. Отсюда и ставшая популярной идентификация современного российского государства как *бюрократического*, или даже *полицейско-бюрократического*, поскольку произошло заметное усиление роли *ФСБ, МВД и других силовых структур*. «Сегодня власть у силовиков. Милиция вернулась к методам КГБ. Прослушивание телефонов стало нормальным явлением»⁹³. При этом редкий американский автор, рассуждающий на эту тему, обходится без упоминания о том, что сам Путин — представитель спецслужб и что многие люди из «ближнего круга» президента — его бывшие сослуживцы.

Серьезное свидетельство недемократичности установившегося в России политического режима американцы видят в *установлении жесткого государственного контроля над СМИ* (Кремль «установил эффективный контроль над всеми национальными телеканалами»⁹⁴) и *непрекращающемся нарушении прав человека, особенно в Чечне* («права человека, отдельных российских граждан ныне менее обеспечены, чем в то время, когда Путин пришел к власти»⁹⁵).

Особо подчеркивается, что усиление роли государства и расширение полномочий силовых структур не привели ни к повышению их эффективности, ни к более надежному обеспечению безопасности граждан. Уровень преступности в российском обществе остается высоким, а степень его коррумпированности только растет. «Путинское стремление к централизации российских институтов мало способствовало уменьшению взяточничества, напротив, оно разрушило такие традиционные инструменты борьбы с кор-

⁹² McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 309.

⁹³ Голдман М. В России стало меньше демократии // Le Temps, Швейцария. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/07/3458/220194.html>

⁹⁴ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 308.

⁹⁵ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 309.

рупцией, как независимые СМИ и подлинно оппозиционные политические партии»⁹⁶. Как утверждает Андерс Ослунд, «на сегодняшний день российские государственные органы гораздо более коррумпированы, чем когда-либо ранее»⁹⁷. Он приводит данные, согласно которым «в настоящее время (весна 2005 года — Э. Б.) министерские посты и губернаторские должности продаются в России по цене, кратной 10 млн долл. Цены зависят от должности и от того, кому необходимо заплатить. В то же время должности заместителя министра продаются по цене, примерно равной 8–10 млн долл.»⁹⁸. И хотя, как утверждает Ослунд, Владимир Путин расширил государственный контроль над средствами массовой информации, «торговля новостным временем в коммерческих целях по-прежнему имеет место, а московские агентства, специализирующиеся на связях с общественностью, предлагают прайслисты, в которых указано, сколько стоит выход новостей в эфире ведущих телевизионных каналов»⁹⁹.

Еще один порок сложившегося в России политического режима американцы видят в *отсутствии демократической партийной системы*. Сконцентрировав усилия на построении централизованного государства, Путин «ослабил независимые политические партии России»¹⁰⁰. Другие аналитики, как, например, Кэтрин Стоунер-Вайсс, заместитель директора Центра по изучению демократии, развития и верховенства закона Стэнфордского университета, склоняясь в принципе к такому же выводу, полагают, что в России просто не успела сложиться партийная система, сколько-нибудь приближающаяся к той, которая действует на Западе. «Существует много разных видов демократии, но в каждом из них партии делают так, что политики несут ответственность перед партийной структурой целиком, вместо того, чтобы быть привязанным лишь к узким, часто местным интересам.

⁹⁶ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 309.

⁹⁷ Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States // Case Studies & Analyses, 296, April 2005. <http://www.ipm.by/pdf/Aslund.pdf>

⁹⁸ Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States // Case Studies & Analyses, 296, April 2005. <http://www.ipm.by/pdf/Aslund.pdf>

⁹⁹ Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States // Case Studies & Analyses, 296, April 2005. <http://www.ipm.by/pdf/Aslund.pdf>

¹⁰⁰ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 308

В России сложилась иная ситуация. Партийная система мало-развита, партии часто группируются вокруг определенной личности. Президент не является членом партии. В течение последних 15-ти лет губернаторы предпочитают вступать в партии, которые поддерживает президент. В России партии не способствуют подотчетности политиков. Они также не поддерживают региональных лидеров, не готовят их к занятию высших государственных постов. Из-за того, что партийные институты не развивались, российский государственный аппарат — очень разобщенный и малофункциональный. То есть в России нет настоящего партийного института...»¹⁰¹.

Да и такая успешная организация, как Единая Россия, не является, по мнению большинства американцев, партией в строгом смысле слова: это просто собрание людей, обладающих властью. «...Единственное, что объединяет ее членов, — это возможность получить политическое покровительство. Если эта коалиция распадется, от нее просто ничего не останется»¹⁰².

Таким образом, созданный американцами *обобщенный образ* политического режима, сложившегося в России к середине первого десятилетия XXI века, выглядит следующим образом. Это *недемократический (хотя и не исключаящий отдельные формальные демократические черты) режим, ядром которого является малоэффективное централизованное государство; при котором власть, опирающаяся на силовые структуры, сконцентрирована в руках президента и чиновников; отсутствуют действенные институты гражданского общества и, в частности, развитая партийная система; пресса находится под контролем властей, права человека нарушаются, а безопасность граждан защищена слабо.*

Возникает вопрос: как же американцы характеризуют этот режим, к какому типу политических режимов относят его? И хотя на этот счет среди них нет единодушия, нельзя не заметить, что такого рода идентификация — во многом спонтанная и бессистемная — идет по двум пересекающимся друг с другом направлениям, которые условно могут быть названы *понятийным и аналоговым.*

¹⁰¹ Стонер-Вейсс К. Россия, нефть и демократия Washington Profile, 18 ноября 2006.

¹⁰² Сестанович С. Повесть о двух постсоветских президентах // The Wall Street Journal, 30 июля 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/211688/html>. С. 2.

То есть, режим подводится под какое-то из понятийных определений — уже известных, как, например, авторитаризм, или же вновь создаваемых, как, скажем, «недодемократия»¹⁰³, или/и отождествляется — пусть лишь частично — с каким-то из *исторически конкретных* (порой тоже понятийно оформленных), причем хорошо известных обществу режимов (сталинизм, итальянский фашизм, гитлеровский нацизм и т.п.) или с какой-то конкретной исторической традицией.

К настоящему времени в Америке более или менее отчетливо выкристаллизовались четыре-пять основных¹⁰⁴ образов современного российского политического режима. Говорим «четыре-пять», поскольку четких границ между ними (как они описываются американцами) не прослеживается. К тому же многие авторы отмечают, что Россия пребывает в процессе, как модно ныне выражаться, «транзита» то есть *перехода* от одной системы политических институтов к другой, что предопределяет размытость политических контуров российского общества¹⁰⁵. Поэтому и существующий в

¹⁰³ В 2005 году Макфол, например, утверждал, что современная Россия представляет собой одновременно «недодемократию» и «недодиктатуру» (Недодемократия и недодиктатура. Интервью корреспондента «Голоса Америки» Люсьен Фикс с Майклом Макфолом 04.07.2005).

¹⁰⁴ Мы говорим именно об основных, то есть более или менее устойчивых, пусть в некоторых случаях и маргинальных, образах, получивших в последние годы распространение в Америке и оставляем за рамками работы образы, хотя порой и колоритные, но не прижившиеся и не вошедшие в политический обиход. Таков, например, образ «мягкого Бонапартизма» или «мёртворожденной демократии» (*stillborn democracy*), которая, по мнению Грэма Джилла и Роджера Марвика, сложилась в России в 90-х годах. Она характеризовалась авторами как «персоналистский, популистский, плебисцитарный режим, который опирается на административный и принудительный аппараты государства и, возвышаясь внешне над обществом, выступает как арбитр и защитник интересов новой буржуазии как единого целого» (Gill, Graeme and Marwick, Roger. *Russia's Stillborn Democracy? From Gorbachev to Yeltsin*. N.Y., 2000, p. 257).

¹⁰⁵ Хотя контент-анализа американских публикаций о современной России никто, насколько известно авторам этой работы, не проводил (а результаты такого исследования могли бы оказаться весьма информативными), некоторые из американских авторов обратили внимание на то, что в работах, посвященных российской политической жизни, часто используются такие выражения и слова, как «сумеречная зона», «в динамике», «в переходном периоде», «квази», «движется в направлении» и т.п. (См., напр., рецензию Пайпса на книгу Майкла Макфола, Николая Петрова и Андрея Рябова *Between Dictatorship and Democracy*, опубликованной Центром Карнеги в 2004 году: Пайпс Р. Демократия в России выглядит некрасиво (The New York Times, 3 июня 2004). Опубликовано на сайте ИноСМИ. Ru <http://www.inosmi.ru/translation/210083.html>

стране политический режим описывается порой как *пограничный* и в силу этой пограничности — *смешанный*.

По справедливому замечанию Цви Гайтлмана из Мичиганского университета, среди американских авторов «нет согласия относительно того, какой “ярлык” следует наклеить на существующую в ней (в России — Э. Б.) политическую систему. Многие указывают на “гибридную” природу режима, который демонстрирует как демократические, так и недемократические черты»¹⁰⁶. На самом деле, каждый из крупных образов современного российского политического режима, бытующий за океаном, является *смешанным*, воплощающим в себе, пусть и в разной пропорции, черты *разных типов*, даже если сами авторы и трактуют его однозначно. По этой причине мы не выделяем смешанный образ в качестве самостоятельного.

Примечательно и то, что одни и те же люди участвуют одновременно в формировании образов режимов разных типов. Так, Ричард Пайпс, отстаивающий в принципе свою давнюю идею о *консервативно-традиционалистском* характере российского общества, в том числе и нынешнего, и утверждающий, что «Путин возвращается к царским временам»¹⁰⁷, заявляет одновременно, что «Россия коричневает»¹⁰⁸, и тут же соглашается, что «в сравнении с советской эпохой прогресс, достигнутый к настоящему времени Россией, справедливо расценивается как впечатляющий»¹⁰⁹, хотя «с точки зрения ожиданий, вызванных демократическим энтузиазмом начала 1990-х годов, он признается разочаровывающим»¹¹⁰.

В этом свете и следует рассматривать образы современного российского политического режима, которые были созданы американцами в последние годы и которые они пытаются сегодня «продать» на политическо-медийном рынке.

¹⁰⁶ Gitelman Z. The Democratization of Russia in Comparative Perspective 6 Developments in Russian Politics. Ed. by White S., Gitelman Z., Sakwa R. Durham, 2005. P. 251. Характеристику российского политического режима именно как «гибридного» мы находим у Валерии Банс, автора ряда исследований по «транзитологии» и сравнительному изучению демократических систем. См.: Buncce V. Comparative Democratization: Big and Bounded Generalizations Comparative Political Studies, 2000, vol. 33, # 6–7.

¹⁰⁷ Gazeta Wyborcza, 24 мая 2006. <http://www.inosmi.ru/print/227673.html>

¹⁰⁸ Wprost, 06 сентября 2005. <http://www.inosmi.ru/print/2211997.html>

¹⁰⁹ The New York Times 03 июня 2004. <http://www.inosmi.ru/print/210083.html>

¹¹⁰ The New York Times 03 июня 2004. <http://www.inosmi.ru/print/210083.html>

ОТ ФАШИЗМА ДО... МОСКОВИИ

Образ первый: *режим если и не фашистского, то фашизирующегося типа, или, по крайней мере, режим с элементами фашизма*. Данный имидж имеет — пока, во всяком случае, — маргинальный характер и формируется наиболее радикальными критиками (некоторые из них открыто называют себя его ненавистниками) нынешнего российского политического режима. Среди создателей этого имиджа мы видим не только журналистов средней руки, но и ряд известных в научном мире фигур, как, например, профессор Гарвардского университета Найэлл Фергюсон, а также политических деятелей, наиболее крупным из которых является Збигнев Бжезинский.

«Я редко соглашаюсь с *New York Times*, — пишет гарвардский профессор, — но Николас Кристоф (*Nicholas Kristof*) попал в точку, написав, что 'суть в том, что Запад был обманут Путиным. Он — не трезвая версия Бориса Ельцина, а, скорее, русифицированный Пиночет или Франко'. Все верно, но только Россия — это не Чили и не Испания... Если путинское правление действительно превращается в фашистский режим, нам следует поискать параллели»¹¹¹.

Эти «параллели» Фергюсон находит в Веймарской Германии. «Возникнув в 1919 году после унижительного поражения Германии в Первой мировой войне, Веймарская республика пережила гиперинфляцию, призрачный бум, спад, а затем, с 1930, превращение в авторитарное правление, завершившееся в 1933 году назначением Гитлера канцлером. Итого: чуть меньше 14 лет»¹¹².

Сходная картина наблюдается, по мнению Фергюсона, и в России. «Возникнув в 1991 году после унижительного поражения Советского Союза в Холодной войне, сегодняшняя Российская Федерация уже пережила спад и гиперинфляцию, а сейчас переживает бум, вызванный ростом цен на нефть. К авторитарному правлению она скатывается постепенно с тех пор, как в 1999 году Путин пришел к власти. Станет ли она полноценной диктатурой в 2005 году, спустя 14 лет после своего рождения? Эта перспектива кажется все более вероятной»¹¹³.

¹¹¹ Фергюсон Н. Россия скатывается к диктатуре // *Los Angeles Times*, 11 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/translation/216182.html>

¹¹² Фергюсон Н. Россия скатывается к диктатуре // *Los Angeles Times*, 11 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/translation/216182.html>

¹¹³ Фергюсон Н. Россия скатывается к диктатуре // *Los Angeles Times*, 11 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/translation/216182.html>

Какие же конкретные параллели между нынешней Россией и Веймарской Германией видит Фергюсон? Власть Гитлера после 1933 года была консолидирована путем выхолащивания парламентских и федеральных институтов. То же, утверждает он, делает или уже сделал Путин: ослабил Государственную Думу, пошел по пути замены избранных губернаторов «кремлевскими назначенцами». «А российские судьи, похоже, станут следующими в его списке для достижения того, что нацисты называли 'Gleichschaltung' — синхронизация»¹¹⁴.

Находит Фергюсон и другие параллели. Это контроль государства над СМИ, усиление его позиций в экономике, пренебрежительное отношение к праву частной собственности и верховенству закона, вмешательство во внутренние дела в бывших советских республиках и игра на сепаратистских настроениях, существующих в некоторых из них. «Деспотичное правление Гитлера сделало его смертельно опасным для многих немцев. Но угрозой для всего мира он стал из-за своего желания простереть власть Германии за пределы ее границ. Путин отвечает и этим требованиям»¹¹⁵.

Бжезинский стремится быть более корректным в терминологическом отношении. Он тоже сравнивает «путинскую Россию» с фашизмом, но в отличие от Фергюсона, который на самом деле рассуждает о национал-социализме (смешение, непростительное для профессионального историка), говорит именно о фашизме, который, как известно, сложился не в Германии, а в Италии. «Путинский режим во многом напоминает фашизм Муссолини, — утверждает Бжезинский. — Дуче добился того, чтобы 'поезда приходили во время'. Он централизовал политическую власть во имя шовинизма. Он установил политический контроль над экономикой, не проводя национализацию и не трогая олигархов и мафию. Фашистский режим породил национальное величие, дисциплину и экзальтированные мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин пытается соединить традиции ЧК (ленинского гестапо, карьеру в котором делал его дед) с руководством в стиле сталинского военного времени, с претензиями российского православия на статус третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином славянском государстве, управляемом из Кремля»¹¹⁶.

¹¹⁴ Фергюсон Н. Россия скатывается к диктатуре // Los Angeles Times, 11 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/translation/216182.html>

¹¹⁵ Фергюсон Н. Россия скатывается к диктатуре // Los Angeles Times, 11 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/translation/216182.html>

¹¹⁶ Бжезинский З. Московский Муссолини // The Wall Street Journal, 21 сентября 2004. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/translation/213085.html>

Справедливости ради замечу, что по сравнению с тем, что пишут о политическом режиме (да и не только о политическом режиме) России иные европейские, особенно английские и французские, авторы, многие американцы — сама деликатность. Вот, например, какой видится Россия ответственному редактору британской газеты *The Financial Times*, кавалеру ордена Британской империи, выпускнику Оксфордского университета и, разумеется, джентльмену Мартину Вулфу. Путин, пишет он в своей статье «Почему власть Путина — угроза и для России, и для Запада», опубликованной 16 февраля 2008 года, «кастрировал парламент и принципиально исключил любую конкуренцию за власть... Разрушив независимые институты, государство покалечило само себя: сегодня этот гигант стал слепым и хромым... Что же мы видим сегодня там, где когда-то были надежды на появление прозападной (джентльмены — честные люди! — Э. Б.) российской демократии? Мы видим протофашизм, обостренный национализм, запугивание слабых, культ сильного лидера, поиск внутреннего врага и ненависть к иностранцам... Путин — не успешный политик, Путин — неудачник... Россия выбрала не стремление к свободе, а строительство государства страха»¹¹⁷. Можно было бы процитировать и другие высказывания сэра Вульфа — скажем, из его статьи «Русский медведь будет реветь, пока не выберется из капкана», но мы пощадим читателя.

Образ второй: *«сталинизирующийся» режим, или режим с элементами сталинизма*. О нем тоже нельзя сказать, что он получил широкое хождение в Америке или за ее пределами, но утверждения, что Путин стал в последнее время все чаще «советоваться» со Сталиным, — далеко не редкость. Об этом свидетельствуют, в частности, публикации Гуверовского института и прежде всего одного из его ведущих сотрудников (а по совместительству — обозревателя газеты «*Washington Times*») Арнольда Бейхмана.

«...Владимир Путин, — пишет он, — не жалеет ни времени, ни сил на то, чтобы восстановить на почетном месте в российском пантеоне Иосифа Сталина — диктатора, который в так называемое “мирное время” погубил больше русских и украинцев, чем Адольф Гитлер в годы войны... Путин обращает вспять процесс развенчания Сталина, началом которого стали сенсационные антисталинские выступления Никиты Хрущева — коммунистического правителя России... Г-н Путин — изобретатель так называемой

¹¹⁷ <http://www.russia-president.info/print.aspx?item=article&id=652>

'управляемой демократии', чуть ли не с момента прихода к власти пять лет назад делает все возможное, чтобы восстановить Сталина в качестве одного из кумиров россиян... Несколько месяцев назад потуги г-на Путина в духе 'опереточного сталинизма' еще можно было воспринимать иронически. Однако он движется в направлении, которое можно охарактеризовать как 'сталинизм всерьез'¹¹⁸.

Более осторожны в своих оценках отношения Путина к сталинскому наследию Питер Бейкер и Сьюзн Глассер, представлявшие в России с января 2001 по ноябрь 2004 газету Washington Post и наблюдавшие деятельность Путина с более близкого расстояния. В их недавно опубликованной и вызвавшей общественный резонанс в США¹¹⁹ книге «Возвышение Кремля. Россия Владимира Путина и конец революции» российский президент предстает не столько как человек, который пытается возродить сталинскую политическую систему в целом или отдельные элементы этой системы, сколько как прагматичный политик-государственник авторитарного типа, который, по мнению авторов книги, стремится восстановить преемственность между различными периодами отечественной истории, включая «сталинский» период. Это проявляется, в частности, в попытках Путина вдохнуть жизнь в символы прошлого, в том числе сталинского. На протяжении всех лет пребывания в Кремле Путин стремился «восстановить советские символы вроде одобренного Сталиным национального гимна»¹²⁰. «Он восхвалял Сталина за то, что тот неизменно ассоциировался с победой во Второй Мировой войне, а в бытность руководителем ФСБ с гордостью установил на здании печально знаменитой штаб-квартиры советской секретной полиции мемориальную доску в честь ее основателя Феликса Дзержинского»¹²¹.

Образ третий: *режим традиционалистского (патримониального) типа*. Этот образ вырастает из представления, что Россия — консервативная страна и, несмотря на все изменения, которые она претерпевает, остается по сути своей все той же «Русью» («Московией», говоря словами Стивена Роузфилда), какой была много веков тому назад — по крайней мере, в политическом и ментальном отношениях.

¹¹⁸ Бейхман А. Сталин жив // The Washington Post, 23 сентября 2004 г. Опубликовано на сайте ИноСМИ.ru 23 сентября 2004 г.

¹¹⁹ Было опубликовано несколько хвалебных рецензий на книгу, а в Институте Кеннана состоялось ее публичное обсуждение.

¹²⁰ Baker P. and Glasser S. Kremlin Rising. Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution. N.Y., L. et al. 2005. P. 355–356.

¹²¹ Ibid. P. 356.

Этот образ вот уже в течение нескольких десятилетий формируется Ричардом Пайпсом, известным специалистом по русской истории, автором ряда книг о России, работавшим в течение первых двух лет президентства Роналда Рейгана его советником по Советскому Союзу, а ныне являющимся почетным профессором Гарвардского университета.

В 70–80-е годы прошлого века Пайпс выдвинул тезис, согласно которому советский тоталитаризм уходит корнями в российское прошлое. «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, — писал Пайпс в предисловии к своему известному труду «Россия при старом режиме», — я ишу их в российских институтах. Хотя я время от времени упоминаю о более поздних событиях, мое повествование заканчивается в основном в 1880-е годы, ибо, как отмечается в заключительной главе, *ancien régime* в традиционном смысле этого выражения тихо почил в Бозе именно в этот период, уступив место бюрократическо-полицейскому режиму, который по сути дела пребывает у власти и поныне»¹²².

Это было сказано в 1974 году, когда, как казалось, ничто не предвещало гибели советской власти. Образ новой России, какой рисует ее Пайпс в своих многочисленных публикациях, мало чем отличается (в политическом плане) от образа Советского Союза, который, в свою очередь, был, с точки зрения, Пайпса, чем-то вроде видоизмененного варианта дореволюционной России¹²³. «Несмотря на репутацию непредсказуемой страны, Россия — чрезвычайно консервативная нация, ментальность и поведение которой меняются очень медленно, если вообще меняется, несмотря на политические режимы»¹²⁴. Такие характерные для страны черты, как нераз-

¹²² Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М., 1993. С. 10.

¹²³ «Хотя в советскую эпоху Россия преимущественно воспринималась как радикальное государство, — писал Пайпс, — ее радикализм сводился к марксистско-ленинским лозунгам, предназначавшимся исключительно для экспорта. В реальности это был реакционный режим, у которого имелось гораздо больше общего с самодержавием какого-нибудь Николая II или Александра III, чем с социалистическими идеалами радикальной интеллигенции. Российская политическая традиция имеет прочную консервативную основу, настолько прочную, что даже марксизм приобрел там консервативный оттенок. До 1991 года Россия в своей истории лишь дважды отходила от автократии: в начале 17-го века и еще раз — в 1917 году. И в обоих случаях крах самовластия приводил не к созданию либерального режима, а к анархии, в результате которой происходило восстановление абсолютизма. Похоже, что такой же процесс мы наблюдаем сегодня» (Пайпс Р. Почему рычит медведь// *Wall Street Journal*, March 1. 2006. <http://www.inosmi.ru/>).

¹²⁴ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want *Foreign Affairs* May/June 2004. www.foreignaffairs.org. P. 1.

витость национальных чувств (ее жители идентифицировали себя скорее как православные, чем как русские), отсутствие социального и национального единства, пренебрежение правами человека, фактическое отсутствие частной собственности¹²⁵, неэффективность судебной системы — все это вело к тому, что россиянам оставалось лишь уповать на сильную государственную власть, на царя. Такой исторический опыт привел к тому, что ориентация на сильное, самовластное государство, «в котором граждане освобождены от ответственности за проводимую политику и в котором искусственно создаются внешние враги, чтобы обеспечить единство нации»¹²⁶, прочно утвердилась в натуре россиян и в их политической культуре. Так что Путин, если верить Пайпсу, движется в русле русской национальной традиции, и россияне поддерживают его, поскольку сами в массе своей находятся в плену этой традиции.

Схожий образ России как страны с сильными элементами традиционного общества рисует Стивен Роузфилд, автор ряда статей и недавно вышедшей книги «Россия в 21 веке. Расточительная супердержава»¹²⁷. Эта страна, утверждает автор, начиная с 15 века практически не меняется, если говорить о ее базовых политических и экономических принципах и политической культуре. Она и по сей день сохраняет многие черты Московии (Moscovy) — общества, базирующегося на практике предоставления возможности получения ренты (rent granting) и фактическом отрицании неотчуждаемости права частной собственности. И российские цари, и руководители СССР, и Путин рассматривали и рассматривают государство как свою собственность, части которой «даруют» своим соратникам, но могут отобрать дарованное в случае их «неудовлетворительного поведения».

Так что в России, если верить Роузфилду, правит не рынок и даже не олигархи, а президент, который сильнее других акторов, включая олигархов, и от милости которого зависит карьера и судьба других функционеров. При этом российские лидеры стремятся — в

¹²⁵ «Россия, — пишет Пайпс, — принадлежит par excellence к той категории государств, которые политическая и социологическая литература обычно определяет как «вотчинные» [patrimonial]. В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, а властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником» (Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 11).

¹²⁶ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs. May/June 2004. www.foreignaffairs.org. P. 4.

¹²⁷ Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambr., 2005.

чисто прагматических целях — декорировать существующий режим с помощью элементов рынка и демократии. А в качестве весомого аргумента в пользу нарисованной им картины Роузфилд называет «дело ЮКОСа», лишний раз подтвердившее, как он считает, что Россия остается и, скорее всего, будет и впредь оставаться «Московией»¹²⁸.

О влиянии национальных исторических традиций на формирование современного российского политического режима говорят и некоторые из американцев, не разделяющие взглядов Пайпса, Роузфилда и их сторонников и, возможно, даже не знакомые с ними. Но, критикуя политику Путина и видя в ней причины отхода России от демократии, они пытаются увязать ее каким-то образом с историческим прошлым страны, с утвердившимися в стране традициями. Есть даже два излюбленных образа-символа этого прошлого: *Византия* и *Кремль*.

Как говорил бывший директор (с середины 2003 года по конец 2005 года) Московского центра Карнеги Эндрю Качинс, выступая 8 февраля 2006 года перед членами Комиссии США по безопасности и сотрудничеству в Европе, «российский политический процесс намеренно выдерживается в византийских традициях: иностранцы не должны знать, какие решения принимаются в Кремле, и почему. Более того, для самих российских граждан — тех, кто не вхож за его стены — эти процессы остаются загадкой. Вспомним, что в этой огромной стране гигантская власть сосредоточена в столице — Москве, а самый центр Москвы — это средневековая крепость. Один этот факт очень много говорит о централизованном характере управления в России — так было и в царские, и в советские времена, так обстоит дело и сегодня»¹²⁹.

¹²⁸ См.: Rosefielde S. Illusion of Transition: Russia's Muscovite Future // *Eastern Economic Journal*, Spring 2005. www.findarticle.org

¹²⁹ Качинс Э. Демократия и гражданское общество в России: назад в будущее (Carnegie Endowment). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/225517.html>. Пытаясь увязать характерный для «Московии» авторитаризм с традициями Византии, Роузфилд приводит выдержку из книги Александра Яковлева «Век насилия в Советской России» (Yakovlev A. A Century of Violence in Soviet Russia — New Haven, CT: Yale Univ. Pr., 2002): «Русь позаимствовала христианство у Константинополя в 988 г. н. э. Характерные черты византийского правления того времени — низость, трусость, продажность, предательство, сверхцентрализация, превознесение личности правителя — господствуют в социальной и политической жизни России по сей день» (Rosefielde S. *Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower*. Cambr., 2005. P. 151). О влиянии византийской традиции говорит и Пайпс. «Будучи нацией, исповедующей пришедшее из Византии православие, русские всегда чувствовали отчуждение католической и протестантской Европы, не говоря уже о мусульманской и буддистской Азии» (Пайпс Р. Почему рычит медведь // *Wall Street Journal*, March 1 2006. <http://www.inosmi.ru/>).

Образ четвертый: режим с элементами позднесоветского (постсталинского) общества. При его рассмотрении следует принимать во внимание, что режим, существовавший в СССР после Сталина (от Хрущева до Горбачева), практически все современные американские аналитики оценивают *двояко*. С одной стороны, они считают его *более либеральным*, хотя и отмечают, что степень либеральности колебалась на протяжении тридцати с лишним лет то в сторону повышения, то в сторону понижения. С другой стороны, подчеркивают *преемственность* по отношению к сталинскому режиму. Неслучайно большинство из заокеанских аналитиков говорят о *советском режиме как таковом* и порой идентифицирует его целиком как *тоталитарный*.

«Нынешнее положение дел в России, — по словам Бжезинского, — это режим на коротких ногах. Это последнее проявление *предыдущего уклада*. На российской сцене мы видим последнее *советское поколение*, происходящее из слоя наиболее привелегированных воспитанников КГБ»¹³⁰. О том, что «во многих сферах Россия еще не избавилась от советских методов управления»¹³¹ не раз напоминал Маршалл Голдман и многие его коллеги, в частности, Леон Арон, Андерс Ослунд, Арнолд Бейхман, Дэвид Саттер и другие. Или вот еще одно свидетельство Ричарда Пайпса, который говорил (весной 2006 года) о «намеренном отказе посткоммунистического режима полностью порвать с советским прошлым. За исключением двух столиц — Москвы и Санкт-Петербурга — повсюду можно увидеть реликвии коммунистической эпохи. По всей стране разбросано бесчисленное множество ленинских статуй, призывающих людей идти вперед, к победе коммунизма. Улицы часто называют в честь коммунистических событий и героев. Президент Путин недавно утвердил старый советский гимн в качестве государственного гимна Российской Федерации (с измененными словами). Ежегодно в феврале страна празднует создание в 1918 году Красной Армии. Поэтому не удивительно, что, если судить по опросам общественного мнения, почти треть россиян, проживающих, по-видимому, главным образом в сельской местности и маленьких городках, не знает о том, что советского режима больше не существует. Они все еще считают его «своим» государством»¹³².

¹³⁰ Бжезинский З. Запад слишком богат Gazeta Wyborcza, 22 мая 2006. <http://www.inosmi.ru/print/227609.html>. Курсив наш — Авт.

¹³¹ Голдман М.: «В России стало меньше демократии» (Le Temps, Швейцария). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/07/3458/220194.html>

¹³² Пайпс Р. Почему рычит медведь. March 1. 2006. <http://www.inosmi.ru/>

Но, пожалуй, самый популярный образ нынешнего российского политического режима — это образ режима *авторитарного (автократического) типа*. И это объяснимо. Все рассмотренные выше образы имеют, как уже отмечалось, аналоговый характер. Они конкретны, наглядны, не ориентируют на рефлекссию, предлагая готовый ответ: сегодня в России мы видим то или примерно то, что уже было там-то и тогда-то. Настоящее редуцируется, пусть даже частично, до прошлого, сводится к тому, что будто бы уже имело место в истории, а на самом деле — к мифологизированному образу прошлого. Между тем, даже на массовом уровне нынешний российский политический режим воспринимается как нечто, выходящее за пределы и фашизма, и нацизма, и царизма, и сталинизма, и советского послесталинского режима, хотя, возможно, и включающего в себя те или иные черты некоторых из перечисленных режимов.

И тут на выручку приходит образ авторитарного режима, имеющего, как известно, множество вариантов и даже степеней. Режим с размытыми границами, четко фиксирующего лишь то, что это — не демократия и не тоталитаризм и что власть при нем принадлежит либо одному человеку, либо ограниченной группе лиц. А в остальном оставляющего широкое поле для игры воображения и допускающего, что это может быть и военная диктатура, и деспотия, и монархия и т. п.

За последние несколько лет было предпринято немало попыток найти адекватное определение *специфики* современного российского политического режима как *авторитарного*. При этом по мере того, как Путин «закручивал гайки», эти определения тоже менялись в сторону ужесточения. В 2004 году, когда он, по мнению ряда наблюдателей, еще только начинал отход от демократии, Гордон Хан предложил назвать формируемый им режим «невидимым авторитаризмом» (*stealth authoritarianism*)¹³³.

Ричард Пайпс, утверждая, что в России происходит своего рода регенерация традиционного режима, пояснял, что это именно авторитарный режим. Россия идет к «автократическому государству, в котором граждане освобождены от ответственности за проводимую политику и в котором искусственно создаются внешние враги, чтобы обеспечить единство нации»¹³⁴.

¹³³ Hahn G. Putin's "Stealth Authoritarianism" and Russia's Second Revolutionary Wave //Radio Free Europe/Radio Liberty Regional Analysis, 21 April 2004.

¹³⁴ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // "Foreign Affairs" May/June 2004. www.foreignaffairs.org

О движении России к авторитаризму писал в январе 2005 года (ссылаясь при этом на мнение экспертов) Леон Арон. «Уже больше года западные и российские аналитики с растущим беспокойством наблюдают, как президент Владимир Путин пытается консолидировать контроль Кремля над российской политикой и экономикой. Начиная с кампании против 'ЮКОСа' и заканчивая отменой губернаторских выборов, Путин, как заявляет множасьщийся хор критиков, ведет страну к авторитаризму»¹³⁵.

Летом того же года Макфол, полагавший, что «Россия сегодня находится между демократией и диктатурой», характеризовал существующий в ней политический режим одновременно как «недемократию» и «неодиктатуру»¹³⁶. Но не забывал при этом и об авторитаризме. «Понятие авторитаризм довольно сложное, и я не берусь утверждать, — говорил он летом 2005 года, — что в России установился авторитаризм, но направление к автократии и диктатуре совершенно очевидно. Сегодня в России меньше демократии и свободы, чем было, скажем, еще пять лет назад. На этот счет, я думаю, ни у кого нет сомнений»¹³⁷.

Особняком стоит образ России, выписанный Стивенем Фишем. Не признавая существующий в ней политический режим демократическим, он не считает возможным идентифицировать его и как авторитарный, поскольку полагает, что, вопреки сложившейся традиции, «демократия» (отвечающая на вопрос «кто правит?») должна сопоставляться не с «авторитаризмом» (отвечающим на вопрос «как правят?»), а с «монократией» и «олигархией». «Демократия, олигархия и монократия — все они указывают на то, кто правит и кто может принимать участие [в политике], а не на стиль правления»¹³⁸.

Хотя словечко «монократия», судя по всему, изобретено Фишем, он, по сути, воспроизводит классическую схему Аристотеля (которого даже не упоминает — возможно, по неведению) о существовании трех форм правления: правления всех (народа), прав-

¹³⁵ Арон Л. Риски Путина. American Enterprise Institute, 17 января 2005. С. 1. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/216298.html>

¹³⁶ Недемократия и неодиктатура. Интервью корреспондента «Голоса Америки» Люсьен Фикс с Майклом Макфолом 04.07.2005.

¹³⁷ Недемократия и неодиктатура. Интервью корреспондента «Голоса Америки» Люсьен Фикс с Майклом Макфолом 04.07.2005.

¹³⁸ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2005. P. 20.

ления немногих и правления одного. «Олигархия, — объясняет Фиш, — означает правление части[общества], монархия — правление одного. И та, и другая суть типы того, что обыкновенно называют авторитарными режимами, хотя монархия более закрыта, чем олигархия»¹³⁹.

Как пишет американский политолог, «в олигархии право занимать высокую должность, устанавливать коммуникации с другими и создавать ассоциации по собственному желанию принадлежит множеству акторов. Но эти акторы составляют лишь часть народа. В монархии один единственный актор, будь то индивид или партия, может управлять и действовать свободно в соответствии с его/ее предпочтениями; политическая жизнь для всех остальных закрыта. Я предпочитаю термин монархия “автократии”, — поясняет американский политолог, — поскольку последняя наводит на мысль о правлении одного индивида, тогда как монархия оставляет открытой возможность тотального контроля со стороны объединенного коллективного актора»¹⁴⁰.

Советский Союз, по Фишу, был монархией в форме партотократии. «Постсоветская Россия — отнюдь не монархия. Она значительно более открыта, чем советская система до конца 1980-х годов»¹⁴¹. Но степень этой открытости не соответствует демократическому режиму. «Хотя прорывы конца 1980-х и начала 1990-х разрушили монархию, за ними не последовало продвижения к демократии... Россия пошла, скорее, по пути олигархии, чем по пути демократии...»¹⁴².

Фиш проводит различие между, как он говорит, «британской олигархией XIX века» и южноафриканской олигархией времен апартеида, где большинство населения, хотя и по разным причинам, было лишено права голоса, и посткоммунистической российской олигархией, где каждый имеет право голоса. Но это, считает Фиш, фиктивное право, ибо «существует масса механизмов, лишающих выборы смысла и нарушающих связи между гражданами, у которых имеются свои предпочтения, и властями предрержащими,

¹³⁹ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 20.

¹⁴⁰ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 20.

¹⁴¹ Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 27.

¹⁴² Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Cambr., 2005. P. 27.

преследующими собственные цели. Поэтому наделенное смыслом политическое участие ограничено узким кругом правителей»¹⁴³. Правда, американский автор тут же добавляет, что «этот тип олигархии является общим для современного мира»¹⁴⁴. И хотя Фиш не уточняет, о каком мире идет речь, ясно, что это не Западная Европа и не Америка.

Терминологически претенциозная (но лишенная оригинальности по существу) схема Фиша примечательна и тем, что пополняет американскую «копилку» образов политического режима современной России, и тем, что лишний раз подтверждает: эти образы — сколько бы их ни было — могут быть только *негативными*, подчеркивающими *неполноценность* этого режима по сравнению с теми, что существуют в развитых странах Запада. Но образ России как олигархии был и остается маргинальным, уступая образу режима *авторитарного*, который в последние два-три года стал *доминирующим*.

Больше того, сегодня мало кто из американских авторов, рассуждающих о России, сомневается в том, что в стране установился или устанавливается авторитарный режим. Некоторые из них, как, например, Стивен Хэнсон из Центра стратегических и международных исследований, назвавший этот режим «государственным авторитаризмом»¹⁴⁵, считают его «непоследовательным», «нестабильным» и даже «слабым», но это не меняет сути дела.

Покончил со своими колебаниями и чутко реагирующий на веяния времени и конъюнктуру политико-медийного рынка Майкл Макфол. Свидетельство тому — его (написанная в соавторстве с уже известной нам Кэтрин Стоунер-Вайсс) статья «Миф об авторитарной модели», появившаяся в январско-февральском номере журнала *Foreign Affairs* за 2008 год. Характеризуя «более авторитарную систему в России последних нескольких лет», авторы сравнивают ее с тем, что было при Ельцине и приходят к выводу, что «при всех своих недостатках российский режим при Ельцине был, бесспорно, намного более демократичным, чем нынешний путин-

¹⁴³ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2005. P. 29.

¹⁴⁴ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2005. P. 29.

¹⁴⁵ Хэнсон С. Неопределенное будущее слабого государственного авторитаризма в России // «Прогнозы. Журнал о будущем», № 2 (10), 2 июля 2007. <http://www.journal.prognosis.ru/a/2007/07/02.159.html>

ский режим»¹⁴⁶. Признавая, что «формально институты российской политической системы при Путине не очень заметно изменились», они тут же оговариваются, что «в действительности их демократическое содержание оказалось серьезно размытым»¹⁴⁷. «Отход Путина от демократии, — поясняют Макфол и Стоунер-Вайсс, — начался с независимых средств массовой информации... Ныне Кремль контролирует все крупные общенациональные телеканалы. Недавно Кремль распространил свое влияние и на печатные и онлайн-СМИ, которые он раньше не трогал... Путин ограничил автономию региональных властей. Он создал семь более крупных округов и поставил во главе их бывших генералов и офицеров КГБ. Путин также выхолостил Совет Федерации... Произошло также дальнейшее ослабление самостоятельности парламента... Пострадали не связанные с Кремлем политпартии...»¹⁴⁸. И это далеко не полный перечень отходов от демократии, приводимый авторами статьи. И вот главный вывод авторов: при Путине произошло «возрождение российской автократии».

Но, пожалуй, самым претенциозным документом последнего времени, изображающим современную Россию как страну с авторитарным режимом и вызвавшим широкий общественный резонанс как в России, так и в США, стал доклад «Альтернативные варианты будущего России к 2017 году», подготовленный группой экспертов (под руководством Эндрю Качинса) американского Центра стратегических и международных исследований и опубликованный в Вашингтоне в ноябре 2007 года¹⁴⁹.

«При Владимире Путине, — говорится в докладе, — Россия, которая в 1990-х была слабоинституционализированной, хрупкой и во многих отношениях искаженной протодемократией, повернула назад в сторону высокоцентрализованного авторитаризма, характерного для этой страны на протяжении большей части ее

¹⁴⁶ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

¹⁴⁷ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

¹⁴⁸ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

¹⁴⁹ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. В число авторов доклада входили, помимо Эндрю Качинса, Андерс Ослунд, Томас Грэм, Генри Хэйл, Сара Менделсон и Кори Уэлт.

1000-летней истории»¹⁵⁰. Авторы, правда, тут же оговариваются, что нынешний российский авторитарный режим покоится на «существенном согласии управляемых» и отличается от авторитаризма царского и советского периодов «относительной мягкостью и процветанием». Россиянам дозволено богатеть, открыто исповедовать свою религию, путешествовать и поддерживать связь с внешним миром через посредство электронных СМИ, чего не было прежде.

Но тут же следует и другое пояснение: «согласие управляемых» обеспечивается не только за счет повышения реального уровня и качества жизни населения, достигнутого в последние годы, но и посредством целенаправленной политики Кремля, манипулирующего общественным мнением и опирающегося на «традиционный русский патернализм».

Получается, что существующий ныне в России авторитаризм не беспочвенен и даже не так плох, как прежние его национальные разновидности. И тем не менее, это — авторитаризм, политический режим, уступающий демократии и, в конечном счете, тормозящий развитие России.

Все имиджи российского политического режима, конструируемые американцами, роднят как минимум две общие черты. Во-первых, это *отталкивающие образы*, не способные вызвать у западного человека никакого другого чувства, кроме чувства *отвращения* и «подсказывающие» ему, что с Россией, хотя она по-прежнему лучше Советского Союза, надо держать ухо востро: страна если и не враждебная, то чужая и таящая в себе потенциальную опасность для «цивилизованного мира».

Во-вторых, все эти образы подаются — и тут уже «сигнал» в сторону россиян — как образы политически (а в конечном счете, и экономически) *бесперспективных* режимов, способных в лучшем случае замедлить развитие страны, «обеспечить» новый застой, а в худшем — привести к катастрофе. Даже авторитаризм, на конструктивный потенциал которого Кремль, как утверждается, возлагает столько надежд, не способен дать ожидаемых результатов. Ибо для установления в России «дееспособного современного авторитаризма» нет необходимых условий: «революция 1991 г. смела или подточила

¹⁵⁰ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 4.

все ключевые инструменты современного авторитаризма...»¹⁵¹. У Кремля, — поясняет свой вывод Леон Арон, — нет ни своей массовой политической партии, ни даже массового движения. «Большинство наблюдателей считают проправительственную партию 'Единая Россия' по сути сборищем конъюнктурщиков, которые 'побегут с корабля' при первом же шторме. ... Лояльность вооруженных сил — еще одно необходимое условие существования устойчивой диктатуры — далеко не очевидна. Аполитичность, традиционно присущая российским военным, ярким проявлением которой стало их нежелание вмешиваться в политические конфликты в августе 1991 и сентябре–октябре 1993 гг., серьезно снижает шансы на решительную поддержку режима с их стороны, особенно если от армии потребуют насильственных действий»¹⁵².

В качестве едва ли не единственной опоры авторитарного режима, полагает Арон, могут выступить разве что спецслужбы. «За последние несколько лет Путин наводнил исполнительную власть бывшими коллегами, в результате чего принадлежность к КГБ/ФСБ стала наиболее распространенной чертой биографии государственных чиновников. Однако, помимо далеко не очевидной способности спецслужб захватить и удерживать власть без поддержки со стороны вооруженных сил, нет никаких гарантий, что в случае серьезного кризиса они проявят лояльность»¹⁵³.

Таким образом, все эти имиджи содержат общий политический посыл: если Россия хочет сохраниться как общество и государство, если она хочет преодолеть отсталость и идти вперед, ей необходимо *возвратиться — и как можно скорее — на путь демократического строительства. Завтра будет поздно.*

¹⁵¹ Арон Л. Риски Путина. American Enterprise Institute, 17 января 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/216298.html>. С. 10.

¹⁵² Арон Л. Риски Путина. American Enterprise Institute, 17 января 2005. С. 1. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/216298.html>. С. 8.

¹⁵³ Арон Л. Риски Путина. American Enterprise Institute, 17 января 2005. С. 1. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru.<http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/216298.html>. С. 8.

КОРНИ И КРОНА

Но почему именно такие образы России и существующего в ней политического режима сложились в сегодняшней Америке? Действительно ли американцы представляют себе нашу страну и ее народ такими, какими описывают, или же они — по крайней мере, некоторые из них — сознательно и целенаправленно выстраивают образы России, которые могут быть использованы ими в целях манипуляции общественным сознанием, рационализации (в психологическом смысле этого слова) своего внешнеполитического курса и решения других политических задач?

Как показывает практика, тот или иной образ объекта получает более или менее широкое распространение и сохраняет устойчивость в течение более или менее длительного времени лишь при условии, что он отражает какие-то реальные черты этого объекта. Так и в данном случае. Многие из рассмотренных выше образов фиксируют *реальные черты*, присущие политическому режиму, сложившемуся в постсоветской России, и *реальные тенденции* его эволюции, достаточно отчетливо проявившиеся в последние пять-шесть лет. Речь идет, в частности, об отступлении на демократическом фронте (именно фронте) и усилении никогда не исчезающих в стране авторитарных тенденций; о нынешней партийной системе, которую никак не назовешь эффективной; об ослаблении политического плюрализма и фактическом нарушении принципа разделения властей; об усилении позиций государственной бюрократии и отчуждении народа от власти; об ограничении свободы деятельности СМИ, о плачевном состоянии правовой системы, о коррупции и т. д. и т. п.

Кстати сказать, многие из отмеченных недостатков и проблем находят отражение и в официальных речах, заявлениях, планах, с которыми выступали в последние годы и оба российских президента, и представители правительства, и отдельные российские политики. Закрывать глаза на эти истоки — реальные истоки — тех имиджей России, которые формируются за океаном, — значит, делать хуже самим себе и блокировать пути к созданию позитивных контримиджей российской действительности, созданием которых озаботились в последнее время российские власти.

Но нельзя не видеть и другого. Построенные во многих случаях на сомнительных посылах, субъективистских интерпретациях, неточных данных и неоправданных отождествлениях, американские образы политического режима России начала XXI века не

дают адекватного целостного представления об этом режиме ни в субстанциональном, ни в типологическом планах.

Это относится, прежде всего, к образу, отождествляющему, пусть только частично, российский режим с фашизмом и нацизмом. Фергюсон, Бжезинский, все, кто выстраивает этот образ, называют черты, в общем (некоторые неточности — не в счет) действительно присущие режимам, созданным Гитлером и Муссолини соответственно в Германии и Италии. Но это лишь *отдельные* черты, произвольно и целенаправленно вырванные из достаточно сложной *системы* черт, которая только и может быть охарактеризована как «нацизм» и «фашизм». Если идти по пути, избранному американскими авторами, то «фашистским» можно назвать и идеальное государство Платона, и «Город Солнца» Кампанеллы, и даже режим, созданный в III в. до н. э. китайским императором Цин Шихуаном. Так, кстати сказать, и делают некоторые политики и политические аналитики, включая Фергюсона и Бжезинского. Из всей сложной — и к тому же динамичной — системы черт, характерных для российского режима начала XXI века, они выбирают такие, которые позволяют провести аналогии между этим режимом, с одной стороны, и нацизмом и фашизмом — с другой. Аналогии поверхностные, частные, возбуждающие воображение и настраивающие против России, но уводящие в сторону от понимания реального положения вещей.

Такого же рода неадекватная интерпретация наблюдается и в других случаях, когда на основе совпадения (реального или мнимого) отдельных черт разных режимов делается вывод об их тождественности — субстанциональной или типологической. Это в полной мере относится к интерпретации нынешнего российского режима как если и не сталинистского, то наделенного некоторыми сталинистскими чертами, а Путина — как политика, вставшего на путь сталинизации России.

Сталинизм — понятие, обладающее не большей концептуальной строгостью, чем фашизм. Никто пока не предложил описания этого феномена как *системного целого*. Никто не обозначил четко его *типологических черт*. Никто не сформулировал *сущности* сталинизма. Мы знаем, что это репрессивный режим. Но в мире было много репрессивных режимов. Мы знаем, что это режим антигуманный, построенный на примате государства над обществом, жесткой централизации и т. д. и т. п. Но в мире было много режимов, наделенных теми или иными из названных черт, которые (режимы), если не вставать на путь ложной модернизации, не могут быть отождествлены со сталинизмом.

Отсюда вытекают по меньшей мере два вывода. Вывод первый (относящийся ко всем без исключения режимам): в политическом режиме, именуемом «сталинизмом», содержались черты, которые были характерны не только для этого режима — например, ориентация на построение централизованного государства. Вывод второй, тоже относящийся ко всем режимам: сталинизм — это уникальная система черт, которые лишь в совокупности, или лучше сказать, в системной целостности делают сталинизм сталинизмом. Вырывать из этой системы какую-то одну черту, пусть и вызывающую всплеск эмоций, находить ее аналог в другом режиме и на этом основании отождествлять последний со сталинизмом — операция, логически, а в конечном счете, и политически некорректная.

Или взять советский режим постсталинского периода. То, что мы иногда называем «советским» только потому, что это имело место в советском обществе, например, неправый суд (он, как известно, существовал и после смерти Сталина), властная монополия одной партии и т. п., могло, будучи вырвано из социально-исторического контекста, не иметь прямого отношения к советскому режиму и присутствовать в других неправовых режимах.

Почему же нынешний российский политический режим отождествляется с фашизмом (нацизмом, гитлеризмом), сталинизмом и советским режимом? Что за этим стоит: особая перцептуальная оптика, порожденная спецификой геополитического положения Соединенных Штатов, американского менталитета и американской политической культуры, или стремление решить определенную идеологическую и политическую задачу? Если говорить в общем и целом, то, по-видимому, и то, и другое. Что же касается, отдельных персон, то в разных случаях приоритетной может оказаться либо одна, либо другая составляющая.

Человек часто мыслит аналогиями, что связано и с леностью сознания, и с постоянно дающей о себе знать ограниченной способностью последнего проникнуть в глубину сложных объектов, и со стремлением представить мир, в том числе политический, как систему типологически однородных объектов, облегчающую построение алгоритма управления этим миром и т. п.

К тому же, как мы уже говорили, образ Другого строится в тесной и произвольной увязке с Я-концепцией. Говоря более конкретно, это означает, что американец видит мир не совсем таким, каким его видит европеец или китаец или россиянин: у него иной исторический опыт, он проходит иную социализацию и обретает иные политические привычки, иначе позиционирует и свою страну,

и другие страны и т. д. и т. п. Его видение мира америкоцентрично, как америкоцентричны его критерии оценок различных явлений и сами эти оценки. Его мировидение так же ущербно, как ущербны все другие мировидения. Но это иная, специфически американская ущербность. В итоге американцу так же трудно понять Россию, как нам — Америку: мы смотрим друг на друга и на остальной мир с разных «наблюдательных пунктов» и открывающиеся перед нами «картины» отличаются друг от друга по многим параметрам.

Скажем, для американца, воспитываемого в духе демократии и живущего при демократии, последняя представляет одну из базовых политических ценностей, а для жителей многих других стран она ценности не представляет, что обитателю «сияющего Града на холме», считающего Америку центром земли, кажется ненормальным... Американец высоко ценит отдельную человеческую жизнь, а в других странах цена человеческой жизни всегда была и остается невысокой, и это тоже вызывает у него недоумение и осуждение. И примеров подобного рода можно привести великое множество.

Вместе с тем, формируя образ Другого, мы можем совершенно сознательно и целенаправленно выстраивать такой его имидж, который будет позволять манипулировать общественным сознанием, вызывая желаемую реакцию, и проводить желаемый политический курс. Это и делают некоторые из американцев, формирующие образ политического режима современной России.

Нельзя, конечно, совершенно исключать, что кому-то из американских авторов, пишущих о России (а теоретическая и историческая подготовка некоторых из них, судя по их творениям, наводит на мысль, что если они и учились в колледже, то были в числе «двоечников») нынешний российский режим действительно представляется режимом фашистского или фашизирующегося типа, а Путин — новым Муссолини.

Но прослеживается (опять-таки, судя по публикациям) и более реалистическая причина такого отождествления. Мало кто из простых американцев может вразумительно, объяснить, что такое фашизм. И тем не менее, это понятие давно уже стало собирательным синонимом самого отвратительного политического режима, когда-либо существовавшего в истории. Синонимом жестокости, агрессивности, античеловечности, аморализма, иррациональности... Говорим «фашизм» — и всем понятно: режим — хуже некуда, надо против него бороться. И если новая Россия пошла по пути фашизма, то это плохая страна, у нее плохое руководство, и демократическим странам надо ее опасаться. Так что не ошибся профессор Фергюсон,

называя гитлеровский режим не «нацизмом», а «фашизмом». О «нацизме» не каждый, может быть, и слышал. А главное — ослабевают эмоциональный заряд. Так что согласимся на сей раз с Арнольдом Бейхманом (тем самым, который говорит о сталинистской России): «обзывать неугодных персонажей 'фашистами' — это по-прежнему популярный политический прием... Назовите кого-нибудь фашистом, и этого будет достаточно для обвинения»¹⁵⁴.

Аналогичным образом обстоит дело со «сталинизмом». Далеко не все в Америке могут расшифровать это понятие, но многие слышали, что Сталин «поработил пол-Европы» и создал концентрационные лагеря, в которых погибли миллионы людей. Так что если Путин ведет Россию по пути возрождения сталинских порядков, то это опасно и для России, и для остального мира.

А как относиться к стране, которая хотя и меняет время от времени свои политические режимы, но делает это чуть ли не стоя на месте и оставаясь в плену многовековой традиции? Как относиться к стране, население которой чуть ли не с порога отвергает демократию, как нечто чуждое их культуре, как ширму, используемую властями предержажными для обмана народа? С такой страной Соединенным Штатам и другим членам «семьи цивилизованных народов» надо быть настороже и не подпускать ее слишком близко к себе.

Одним словом, негативные образы российского политического режима используются для выполнения определенных инструментальных функций — функций защиты Америкой и Западом в целом своих национальных интересов или того, что они считают таковыми. Об этом почти открытым текстом написал недавно (в статье «Россия и Запад: опасный дрейф») Майкл Макфол: «Для многих западных лидеров растущий авторитаризм России вполне мог бы быть замаскированным благом, предоставляющим им отличное оправдание их нежелания решать трудный и сложный вопрос, как прикрепить (anchor) Россию к Западу»¹⁵⁵. Это сказано

¹⁵⁴ Бейхман А. Фантазии на тему фашизма // The Washington Times, 30 августа 2005. <http://www/belintellectuals.com/library/print.php?id=208>. В том же духе высказалась недавно на страницах The Washington Post и Энн Аппельбаум, хотя говорила она не о «фашизме», а о Гитлере. «Если вы используете в дискуссии слова «Гитлер» или «третий рейх», то непременно пробуждаете воспоминание о высшей форме зла и ставите своего оппонента в неудобное положение» (Энн Аппельбаум. Аналогии с Гитлером // The Washington Post 20 мая 2008. Опубликовано на сайте ИноСМИ. Ru <http://www.inosmi.ru/translation/241450.html>

¹⁵⁵ McFaul M. Russia and the West: A Dangerous Drift // Current History, October 2005. P. 310.

об авторитаризме. А если это не авторитаризм, а кое-что похуже? Скажем, «фашизм», «сталинизм» и т. п.?

Есть, впрочем, в Америке образы России, о которых можно сказать, что они «лучше названных». Это, в частности, образ «нормальной страны». Все началось с публикации в 2004 году на страницах «Форин Аффферс» уже цитировавшейся выше статьи Андрея Шлейфера и Дэниеля Трейсмана «Нормальная страна». Основная идея, которую проводят ее авторы, проста: широко распространенное представление о том, что Россия погружается в экономический и политический кризис, не соответствует реальному положению вещей. Напротив, факты свидетельствуют о том, что она развивается как *обычная страна среднего уровня, вставшая на путь демократических преобразований*. «В сравнении с другими странами, находящимися на том же уровне экономического и политического развития, Россия выглядит, скорее, правилом, чем исключением»¹⁵⁶. И вот общий вывод: «Россия — просто нормальная страна, каким бы разочаровывающим ни было это для тех, кто надеялся на что-то большее»¹⁵⁷.

Идентификация России как «нормальной страны» была встречена критикой со стороны ряда американских исследователей — прежде всего сторонника «московитской» модели эволюции российского общества Стивена Роузфилда, опубликовавшего весной 2005 года статью «Россия: ненормальная страна»¹⁵⁸. В соответствии с «нормами, разработанными Парето, Эрроу и Бергсоном», утверждал Роузфилд, «Россия является ненормальной политической экономией (is an abnormal political economy), для которой маловероятны (unlikely) демократизация, вестернизация или развитие свободного предпринимательства в ближайшей перспективе (any time soon)»¹⁵⁹. При этом американский экономист поясняет, что «нормальной» следует считать страну с «демократическим свободным предпринимательством

¹⁵⁶ Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country Foreign Affairs, March/April 2004, www. foreignaffairs.org. P. 1.

¹⁵⁷ Shleifer A. and Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, March/April 2004, www. foreignaffairs.org. P. 10. Идут споры о том, кто первым стал называть Россию «нормальной страной». Чаше других упоминают Андерса Ослунда, опубликовавшего на страницах International Herald Tribune (March 19, 1997) статью Russia Gets on Track to Be a Normal Country и Владимира Шляпентоха, выступившего в Current History (No. 212, October 1997) со статьей Normal Russia.

¹⁵⁸ Rosefelde S. Russia: An Abnormal Country // в The European Journal of Comparative Economics, 2 (1) 2005.

¹⁵⁹ Там же.

или социальной демократией типа той, что существует в Европейском Союзе (EU social democracy)»¹⁶⁰.

Впрочем, как замечает Роузфилд, в какой-то момент можно было подумать, что Россия готова встать на путь постепенного превращения в «нормальную страну», однако после «дела ЮКОСа» стало ясно, что «Россия возвратилась к Московии и несмотря на орвеллианскую демократическую риторику не намеревается совершать переход к демократическому свободному предпринимательству»¹⁶¹.

Возникает вопрос: а могут ли американцы строить и широко распространять позитивные образы «ненормальной» страны, которая «не хочет» даже попытаться встать на путь нормализации; страны, которая, отстав от Запада, не хочет стать его прилежным учеником; страны, которая демонстрирует свое намерение проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и стремится хотя бы отчасти восстановить свои позиции в мире?

Ответ на этот (не только риторический) вопрос в немалой степени зависит от того, как в Америке представляют себе дальнейшее развитие России и не надеются ли американцы все-таки заставить ее стать такой, какой они хотели бы ее видеть. Иными словами, от того, повторится или не повторится в той или иной форме ситуация начала 90-х годов.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

На протяжении большей части президентства Путина у американцев были в ходу два основных типа образа будущего (последипутинского) политического режима России. Один может быть условно назван *пессимистическим*, второй — *умеренно оптимистическим*.

Пессимисты полагали, что хотя сложившийся в стране авторитарный режим в принципе подвержен изменениям, идти они будут медленно, и потому не следует ожидать какого-то радикального прорыва в построении демократического государства в России в обозримом будущем. Тем более, что отход от демократии, происшедший в последние годы, полагали они, не был случайным и не

¹⁶⁰ Rosefelde S. Russia: An Abnormal Country в The European Journal of Comparative Economics, 2 (1) 2005. <http://www.bof.fi/bofit/eng/6dp/04abs/pdf/dp1504.pdf>. P. 7.

¹⁶¹ Rosefelde S. Russia: An Abnormal Country // в The European Journal of Comparative Economics, 2 (1) 2005. <http://www.bof.fi/bofit/eng/6dp/04abs/pdf/dp1504.pdf>. P. 7.

противоречил настроению народа. «В то время как Владимира Путина критикуют за то, что он превращает Россию в однопартийное государство, опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что большинство россиян поддерживают его действия...»¹⁶². Поддерживают же они президента потому, что, как полагает Пайпс, «их совершенно не волнуют такие западные ценности как демократия и права человека»¹⁶³. Русские не верят в демократию и склонны рассматривать демократические институты как обман, как ширму, за которой скрывается узкий круг людей, сосредоточивших в своих руках всю власть и контролируемых богатыми и влиятельными кликами. Такая позиция, убеждал заокеанский историк, связана с политическими традициями России и национальной политической культурой.

Было, впрочем, немало пессимистов, полагавших, что дело не в традиции, а в сложившейся «гиперпрезидентской системе управления» (Э. Качинс), которая за время пребывания Путина на посту главы государства сумела укрепиться настолько, что лишила демократию всяческих перспектив на ближайшие годы. «...Каждому, кого волнуют проблемы гражданского общества и демократической системы управления, совершенно очевидно, что в последние годы события развиваются в неверном направлении, и, к сожалению, в ближайшем будущем перемен к лучшему я не ожидаю»¹⁶⁴. Иными словами, независимо от причин его появления авторитарный режим в России, полагали многие американские аналитики, будет сохраняться и в дальнейшем. И это был, пожалуй, самый распространенный сценарий.

Что касается умеренных оптимистов (которых, надо признать, было не так уж и много), то они полагали, что раньше или позднее Россия продолжит — возможно, пройдя через тяжелые испытания — прерванное при Путине движение по демократическому пути. «Быть может, на короткий срок в России и произойдет ухудшение ситуации, — размышлял в мае 2006 года Збигнев Бжезинский. — Но в долгосрочной перспективе я думаю, все будет гораздо лучше, чем сейчас... мне кажется, что в обществе понемногу

¹⁶² Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org. P. 1.

¹⁶³ Ibid. P. 1.

¹⁶⁴ Качинс Э. Демократия и гражданское общество в России: назад в будущее (Carnegie Endowment). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/225517.html>

пробуждается другой способ видения мира. Понимание того, что былого, или империи, уже не вернуть. Также существует определенное желание использования того, что западный мир уже достиг, и большие опасения по отношению к будущему, а особенно по поводу растущей мощи Китая. Все это со временем должно произвести глубокие перемены в России, но не ранее, чем через десять лет. Этот процесс уже не повернуть вспять»¹⁶⁵.

Свои надежды умеренные оптимисты связывали, по меньшей мере, с тремя факторами. Во-первых, они — как, впрочем, и некоторые из пессимистов — не поддерживают мнение о россиянах как народе, в принципе отвергающем демократические ценности в силу унаследованных авторитарных культурных установок. «...Культура не всегда определяет судьбу народа. Если культура определяла бы это, то мы бы не увидели демократии ни в Японии, ни в Германии... Проводимые в России опросы общественного мнения показывают, что россияне ценят демократию, поскольку они довольно высоко ставят такие понятия, как «свобода слова», «свобода собраний», «свобода передвижения»»¹⁶⁶. Просто строить демократию трудно, для этого необходимо терпение и время.

С этим в принципе согласен и известный американский русист-культуролог Джеймс Биллингтон. Но он полагает, что активную роль в этом процессе способна сыграть как раз традиционная и, как он подчеркивает, значимая для российского общества сила — русская православная церковь. По мнению Биллингтона, среди российских священнослужителей есть люди, стремящиеся соединить духовные

¹⁶⁵ Бжезинский З. Запад слишком богат // Gazeta Wyborcza, 22 мая 2006. <http://www.inosmi.ru/print/227609.html>

¹⁶⁶ Стоунер-Вайсс К. Россия, нефть и демократия // Washington Profile, 18 ноября 2006. Надо заметить, что Кэтрин Стоунер-Вайсс, заместитель директора Центра проблем демократии, развития и верховенства закона Стэнфордского университета, занимает весьма критическую позицию по отношению к Путину и нынешнему политическому режиму и предсказывает, что его ждет неминуемый кризис. «...В ближайшие 10–15–20 лет Россия станет все больше зависеть от нефти и газа и начнет проявлять все больше симптомов «голландской болезни». То есть она станет более авторитарным, однако довольно стабильным государством. Граждане России не будут выходить с протестами на улицы, потому что жизнь будет не столь плоха, но она не будет и особенно хороша. Такое положение сохранится до тех пор, пока не закончатся запасы российской нефти или не уменьшится мировой спрос на нефть. И тогда проявятся все проблемы российской экономики и политики, включая недостаточное внимание к установлению власти закона, к привлечению прямых иностранных инвестиций. Результатом станет серьезный кризис». Однако, судя по некоторым ее высказываниям, в том числе и приведенному выше, она смотрит на этот кризис как очистительный.

потребности своих прихожан с потребностями материальными и объединить верующих вокруг социальных, образовательных и культурных центров. Для страны, где реформы всегда осуществлялись сверху вниз (from the top down), деятельность таких центров могла бы означать «начало общего процесса построения демократии снизу вверх (from the bottom up)». Именно так, создавая «демократию повседневной жизни», действовала протестантская церковь в Америке XIX в. Сегодня, утверждает Биллингтон, православная церковь может помочь России в ее «борьбе за создание некой разновидности жизнеспособной демократии в рамках масштабной, континентальной (continent-wide) цивилизации, у которой нет этой традиции»¹⁶⁷.

Второй фактор, работающий на демократическую перспективу, — смена поколений в России: молодые люди, почувствовав сладкий вкус западной жизни и, глядя на своих сверстников в Грузии и на Украине, осуществивших соответственно «революцию роз» и «оранжевую революцию», могут последовать их примеру. «Они выросли уже в другой обстановке. Есть сопротивление. События в Грузии, на Украине и в Киргизии раззадорили и российскую молодежь. Если у украинцев получилось, почему бы не попробовать нам, — рассуждают они»¹⁶⁸.

Третий фактор, отчасти уже отмеченный, — сила примера сопредельных с Россией государств плюс давление со стороны западных демократий, прежде всего Соединенных Штатов. Подавляющее большинство американских аналитиков упрекают Дж. У. Буша в чрезмерной мягкости в отношении России. «В последние годы мы совсем не отличались активностью в деле критики российских проблем в сфере демократии. Если бы Вашингтон серьезно относился к этому вопросу, он бы по-другому подошел к российскому председательству в Большой Восьмерке»¹⁶⁹. Такая ситуация, полагают за океаном, должна быть изменена. «... Пришло время кому-то из официальных лиц США сделать всеобъемлющее заявление о России и ее значении для американской внешней политики... Будущий путь развития России слишком важен для наших интересов, как краткосрочных, так и долгосрочных, чтобы мы могли пренебречь этой задачей, и необходимо, чтобы это поняли

¹⁶⁷ Kennan Institute. Publications. Meeting Reports. Billington J. Reflections on Orthodoxy and the Construction of Civil Society and Democracy in Russia. P. 2.

¹⁶⁸ Голдман М. В России стало меньше демократии // *Le Temps*, Швейцария. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/07/3458/220194.html>

¹⁶⁹ Стоунер-Вайсс К. Россия, нефть и демократия // *Washington Profile*, 18 ноября 2006.

также наши друзья и коллеги в России»¹⁷⁰. В дело должны включиться не только правительство, но и общественные организации, причем не только в Америке. «... Международное сообщество не должно поворачиваться спиной к людям, работающим над строительством гражданского общества в России»¹⁷¹.

Эти два типа образов будущего российского политического режима — пессимистический и умеренно оптимистический — сохраняются за океаном и поныне. Как сохраняются в принципе аргументы, которыми оперируют их создатели и сторонники. Однако за последние год-полтора, накануне и в период российских парламентских и президентских выборов, за океаном, да и вообще на Западе явно преобладающими стали представления о том, что «путинский режим» обрел еще большую жесткость, и ожидать его демократизации в ближайшем будущем оснований еще меньше, чем прежде.

Ярким подтверждением этого пессимизма и критицизма стала серия публикаций, появившихся зимой 2007 — весной 2008 года на страницах таких известных изданий, как *Foreign Affairs*, *The New York Times*, *New York Post* и других, а также ряд посвященных России аналитических докладов и сообщений, подготовленных крупными американскими «фабриками мысли» вроде Центра стратегических и международных исследований.

«В краткосрочной перспективе “пропутинская” Россия будет напоминать сегодняшнюю: пространство публичной политики будет и дальше сокращаться, а общественные институты — все больше ветшать»¹⁷². Такова оценка Сары Мендельсон из вышеупомянутого Центра. Глубоким пессимизмом проникнут и взгляд на ближайшее будущее России главного редактора элитного журнала *New Yorker* Дэвида Рэмника, полагающего, как и Сара Мендельсон, что с переездом Медведева в Кремль ничего не изменится. «... Переход от Путина к Медведеву — это вообще не переход. Иными словами, эти выборы — не выборы, и вся эта так называемая оппозиция — попросту декорация»¹⁷³.

¹⁷⁰ Качинс Э. Демократия и гражданское общество в России: назад в будущее (Carnegie Endowment). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/225517.html>

¹⁷¹ Стоунер-Вайсс К. Россия, нефть и демократия *Washington Profile*, 18 ноября 2006.

¹⁷² Какой будет Россия после Путина? (Council On Foreign Relations) 2 февраля 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/232595.html>

¹⁷³ «Мы действительно опоздали на паром к построению отношений с Россией» (PBS, США) 8 марта 2008. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240103.html>

Но, конечно, самым резонансным документом этого периода стал упоминавшийся выше доклад «Альтернативные варианты будущего России к 2017 году». Признаваясь, что «когда речь идет о России, прогнозирование, как показывает опыт, чревато особым риском»¹⁷⁴, Качинс, инициировавший подготовку этого доклада, предлагает три альтернативных сценария развития России в пределах ближайших десяти лет. И только в одном из них допускает возможность установления в стране (в 2016 году) демократического режима. Но в этот сценарий не верят даже его авторы, в чем откровенно признается Качинс. «Россия может стать в некотором смысле более плюралистической к 2017 году, но не подлинно демократической. Откровенно говоря, трудно представить себе, как зрелая демократия могла бы возникнуть в России в следующие 10 лет; через 20 лет относительно стабильного роста и непрерывности [в своем развитии] — возможно, но не через 10 лет»¹⁷⁵.

Примечательно, что согласно предлагаемому сценарию, демократический прорыв в России происходит в результате политического хаоса, порожденного некомпетентной политикой властей и ухудшением экономического положения страны и связанного с падением цены на нефть до 20 долларов за баррель. А это падение, в свою очередь, связано с рациональной энергетической политикой, проводимой США под руководством ставшего президентом Альберта Гора. Особую пикантность этому сценарию придает то обстоятельство, что демократический прорыв в России совершается благодаря усилиям «двух старых либеральных воителей и политических врагов» — Бориса Немцова и Григория Явлинского, ко-

¹⁷⁴ Качинс Э. Искусство предсказывать будущее России (The Moscow Times December 21, 2007). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/238583.html>

¹⁷⁵ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 22. В своих многочисленных комментариях к этому докладу Качинс не раз потом повторял: «Никто (!) из нашей группы не считает, что это (появление в России «зрелой демократии» — Э. Б.) возможно и реально в течение 10 лет» (из выступления на радиостанции «Эхо Москвы» 14 декабря 2007 года. Цит. по: <http://echo.msk.ru/programs/sut/57189.phtml>). И еще: «Через десять лет в России не возникнет зрелой демократии. Мы пришли к мнению, что за этот период политическая система страны может приобрести более плюралистический характер, однако 10 лет почти наверняка будет недостаточно для построения демократии, тем более что нынешние тенденции отличаются противоположной направленностью» (Качинс Э. Искусство предсказывать будущее России (The Moscow Times December 21, 2007). Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/238583.html>).

торые, впервые объединив свои усилия, обеспечивают проведение свободных выборов и развитие страны по демократическому пути.

Два других сценария предрекают России авторитарное будущее — но с вариантами. Первый из них назван «Путинизм без Путина», и этим все сказано: Путин уйдет с поста президента РФ, но созданный им авторитарный режим останется. Он, правда, станет чуть либеральнее (Дума обретет несколько большую независимость, более свободным станет телевидение и т.п.), но суть режима не изменится.

Второй сценарий рисует приход к власти (после убийства Путина) «силовиков» (это слово дается без перевода: *siloviki*), возглавляемых новоизбранным президентом — «православным чекистом», который становится диктатором — но диктатором своеобразным. Ярый националист, проводящий свой курс под лозунгом «Россия — для русских» и опирающийся на партию «Слава России» (бывшая «Единая Россия»), он вводит в стране чрезвычайное положение, распускает Думу, ведет жестокую борьбу с коррупционерами, опираясь при этом на СМИ. Происходит консолидация (под эгидой России) наиболее богатых нефтью и газом стран СНГ. Одним словом, рождается «сильная и уверенная в себе Россия, безжалостно прагматичная при проведении политического, экономического и внешнеполитического курсов. Она динамична, богата и совсем не демократична»¹⁷⁶. Примечательно, что диктаторская Россия сближается с Соединенными Штатами, Евросоюзом и укрепляет отношения с НАТО.

Качинс поясняет, что с помощью этого сценария он хотел разбить бытующие в Америке стереотипные представления о том, что «более богатая Россия будет более демократичной и/или что менее демократичная Россия будет категорически противостоять Соединенным Штатам»¹⁷⁷. Была и третья задача: продемонстрировать «хрупкость нынешней российской стабильности», которая, как выясняется, держалась на одном человеке: президенте Путине. Не стало Путина — не стало в одночасье и стабильности.

В данном сценарии Качинс и в самом деле разрушает усиленно навязываемые Америкой миру представления о существовании

¹⁷⁶ Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 20.*

¹⁷⁷ Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 20.*

прямой корреляции между экономическими успехами страны и демократической природой существующего в ней политического режима. Но в этом разрушении нет ничего революционного, ибо всем специалистам (и не только специалистам) хорошо известно, что это — искусственная корреляция, свидетельством чему является опыт многих стран, включая Чили, Сингапур и Китай. Вместе с тем предлагаемый сценарий дает лишнее подтверждение пессимистического взгляда американского экспертного сообщества на демократические перспективы России: даже умеренный путинский авторитаризм — и тот хрупок и может в одночасье перерасти в хотя и успешную и в чем-то даже выгодную в краткосрочной перспективе, но стратегически опасную диктатуру.

Усиление политического пессимизма американцев в отношении будущего политического режима в России связано не только с укреплением позиций в российском государстве и обществе пропутинских сил, но и, по меньшей мере, еще с двумя обстоятельствами.

Первое из них — крах надежд на возможность осуществления в России в период думско-президентских выборов 2007–2008 годов направляемой Западом «цветной революции» наподобие тех, что удалось организовать в Грузии и на Украине. Второе касается способности Запада воздействовать на Россию. В Америке и по сей день живо представление о том, что если последнюю не удалось и, возможно, уже не удастся трансформировать по предлагаемой американцами модели, то повлиять на характер ее дальнейшего развития в выгодном для Америки направлении — если не терять времени и действовать напористо — еще можно и нужно. Москва еще не «потеряна» окончательно для Вашингтона.

Однако прежней уверенности в возможности направляемой извне (прежде всего из-за океана) демократизации России у американцев уже нет. Отсюда и утрата былых надежд на реализацию в России в обозримом будущем демократической альтернативы, ибо, по их убеждению, сам российский народ в ближайшие годы на ней настаивать не будет. Придется подождать, когда подрастет молодой и сильный средний класс, для которого свобода и демократия будут не роскошью и не мало востребованным довеском к сытой жизни, а первой жизненной потребностью.

Впрочем, и пессимисты, и умеренные оптимисты — во всяком случае, многие из них — сходятся в том, что Россия способна преподнести сюрпризы — и политические, и экономические, и потому, считают они, сказать с уверенностью, как будет выглядеть

российский политический режим, да и Россия в целом, в ближайшей перспективе, невозможно. Цви Гайтлман, завершает свои рассуждения о «демократизации России в сравнительной перспективе» известным пассажем из «Мертвых душ» Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

«В начале двадцать первого века, — убежден Гайтлман, — все еще не ясно, куда несется Русь»¹⁷⁸. Уступать ей дорогу, замечает любитель Гоголя, никто из тех, кто «косится» на Россию, конечно же, не намерен. Но всем, резонно добавляет он, придется иметь в виду, что «хотя Россия больше и не является супердержавой, она остается крупнейшим государством мира, страной с населением около 145 миллионов человек и великой державой, с которой остальная часть мира все еще обязана находить общий язык (to come to terms)»¹⁷⁹.

Цви Гайтлман решается сказать то, о чем предпочитают не распространяться его коллеги, рисующие отвратительные образы авторитарной, а то и диктаторской России: какой бы она ни оказалась в действительности, и Америке, и Европе придется не только иметь с ней дело, но и договариваться. Это — политическая реальность, которая заставляет политиков во имя практической целесообразности закрывать глаза на любые образы, подлинные и мнимые.

Конечно, допуская разные сценарии эволюции российского политического режима, американцы предпочли бы демократический вариант. Мы, россияне, — тоже.

¹⁷⁸ Gitelman Z. The Democratization of Russia in Comparative Perspective 6 // Developments in Russian Politics. Ed. by White S., Gitelman Z., Sakwa R. Durham, 2005. P. 256.

¹⁷⁹ Gitelman Z. The Democratization of Russia in Comparative Perspective 6 // Developments in Russian Politics. Ed. by White S., Gitelman Z., Sakwa R. Durham, 2005. P. 256.

Глава 3. «БЕССИЛЬНЫЙ ПАРЛАМЕНТ», «СЛАБЫЕ ПАРТИИ», «ФОРМАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ» (Внутренняя политика)

Естественным продолжением и дополнением создаваемого американцами образа российского политического режима является образ внутренней политики, проводимой российским государством. Сами заокеанские эксперты, правда, практически не пользуются понятием «внутренняя политика» и предпочитают говорить о строительстве нового государства, ведущемся в России с начала 90-х годов и охватывающем широкий круг отношений и мероприятий в различных областях¹⁸⁰.

Особое внимание американские исследователи уделяют отношениям между исполнительной и законодательной властью и трансформациям институционального баланса; электоральной политике государства; отношениям между федеральным центром и регионами (при акцентированном интересе к положению дел в Чеченской республике и политике Кремля в отношении Чечни); партийному строительству, а также процессу формирования национально-государственной идентичности.

Это, конечно же, далеко не полный перечень внутривнутриполитических проблем, оказывающихся в поле интереса американских наблюдателей. Но когда они выходят за пределы очерченного круга и касаются таких сфер, как культура, демография, образование, здравоохранение, то зачастую ограничиваются описанием шокирующих моментов российской действительности как то вымирающие от алкоголизма или экологических катастроф деревни и города; драматическое сокращение численности населения страны; пугающе быстрое распространение СПИДа и других тяжелых заболеваний; высокий уровень

¹⁸⁰ В политической науке под внутренней политикой обычно понимается деятельность государства, осуществляемая внутри страны, направленная на сохранение или изменение существующей социально-политической системы и охватывающая комплекс мероприятий в политической (государственной и партийной), национальной, религиозной, культурной и других сферах. Некоторые исследователи включают во внутреннюю политику правовую, социальную и даже экономическую политику. Однако более распространенным и, на наш взгляд, более корректным является разграничение внутренней, правовой, социальной и экономической политики.

детской смертности и т. д., не вдаваясь при этом, как правило, в анализ государственной политики в данных областях¹⁸¹.

Надо сразу сказать, что образ внутренней политики российского государства, конструируемый американцами, играет одну из решающих ролей в формировании интегрального образа нашей страны, помогая заокеанским имиджмейкерам не только описывать «сомнительное прошлое и неясное будущее» России, но и обосновать свои представления о путях ее дальнейшего развития — как пессимистические, так и оптимистические (к сожалению, далеко уступающие первым по численности). Именно на основе анализа тех или иных действий российских властей в различных сферах внутренней политики и состояния этих сфер американские наблюдатели делают выводы о степени демократичности российского государства, о социальных, экономических и даже внешнеполитических перспективах России. Так что можно, не боясь преувеличения, утверждать: образы российской внутренней политики являются одним из базовых, а во многом и одним из определяющих элементов международного имиджа современной России.

Помимо стандартного набора факторов, определяющих общий характер и тональность едва ли не всех образов нашей страны, формирующихся за океаном (общий вектор российско-американских отношений, образ политического режима и президента, успехи в построении демократии и др.) на образ внутренней политики России большое влияние оказывают фактическое состояние и динамика эволюции российских политических институтов, а также меняющаяся приоритетность сфер внутривнутриполитической активности государства. Нельзя не упомянуть и о таком важном факторе, как американская государственная и партийная система, которые, будучи приняты заокеанскими имиджмейкерами за эталон, провоцируют их на сравнения отнюдь не в пользу России.

Динамика образов российской внутренней политики в целом соответствовала динамике развития постсоветского российского государства и смены власти в Кремле. На передний план выходили именно те аспекты образа, которые отражали наиболее актуальные для того или иного периода проблемы.

¹⁸¹ Эти образы (предстающие порой как череда ярких, рассчитанных на эмоциональное восприятие «картинок») рассматриваются в других главах книги — прежде всего в главе, посвященной анализу социального портрета российского общества.

Так, в начале 1990-х, внимание американцев было сосредоточено на взаимодействии исполнительной и законодательной власти. Вновь этот аспект внутренней политики стал приоритетным в начале 2000-х гг., когда Путин приступил к реконструкции властного баланса.

Отношения федерального центра и регионов были предметом пристального внимания американских экспертов как на протяжении 1990-х гг. (во многом из-за войны в Чечне), так и в 2000-х гг., когда начали выстраиваться новые контуры российского федерализма.

Проблемы партийного строительства оставались в поле внимания американцев на всем протяжении 1990-х гг. и обычно рассматривались ими в контексте отношений Ельцина с Государственной Думой и прогнозов на очередные выборы в органы государственной власти. Интерес к партийному строительству в России сохранялся у американских экспертов и в годы президентства Путина — прежде всего в связи с его стратегией построения «властной вертикали».

«РОССИЯ В ПОИСКАХ СЕБЯ»

Однако начать рассмотрение образа внутренней политики России следовало бы с другого его аспекта, выросшего из вопроса, который в начале 90-х годов был одним из самых злободневных и волновал как самих россиян, так и зарубежных, в том числе американских, наблюдателей. Это вопрос о том, не постигнет ли новую Россию судьба Советского Союза, избежит ли она распада. И если избежит, то что будет представлять собой как страна и как государство, каким будет ее место в мире и что за народ будет проживать на ее территории.

Уверенности в том, что Россия окажется способной сохранить свою территориальную целостность, не было в начале 90-х ни у ряда российских политиков и экспертов (хотя далеко не все из них решались говорить об этом вслух), ни у некоторых, в том числе крупных, американских, экспертов. Збигнев Бжезинский, например, выступил в 1992 году на страницах журнала *Foreign Affairs* (в статье «Холодная война и ее последствия») со сценарием объединения дальневосточных районов России в Сибирскую Дальневосточную республику, независимую от России.

Не вполне ясной представлялась в те годы судьба России и другому известному американскому аналитику — Уолтеру Лакеру. «... Просто представить Россию в качестве великой державы или

в виде множества маленьких объединений. Что-либо среднее было бы нестабильным и недолговечным. Действительно, есть силы, противостоящие дальнейшей дезинтеграции России — с одной стороны российские националисты и старые коммунисты, а с другой стороны — Запад. Но насколько сильны они?»¹⁸².

Неопределенность будущего Российской Федерации выглядела тем более обоснованной, что экономика страны лежала в развалинах, и возможность ее быстрого возрождения казалась нереальной, а в умах людей, в том числе и близких к властным структурам, царили, говоря словами вчерашнего классика, «разброд и шатания». Как писал тот же Лакер, «Россия — это пустыня... такой вакуум открывает двери любым диким идеям»¹⁸³.

Беспокойство по поводу сохранения территориальной и политической целостности России подогревалось и характерным для того времени «парадом суверенитетов», который Ельцин не только не пресекал, но, по сути дела, стимулировал своей политикой.

Перспектива дезинтеграции России представлялась американцам в 90-е годы и особенно в первой их половине тем более реальной, что развал Советского Союза сопровождался утратой россиянами (как, впрочем, и многими другими народами, проживавшими в бывших советских союзных республиках) своей этнической и национально-государственной идентичности. Распад «советской империи», утверждали они, стал настоящим шоком для населявших ее народов, особенно для русских, которые в один момент превратились в народ без страны, в «народ, находящийся в поиске своей идентичности»¹⁸⁴.

Такая ситуация, полагали американские эксперты, была не случайной. И ее глубинные корни они пытались отыскать в российской истории — дореволюционной и советской. Как пишет в своей книге «Россия в поисках себя» крупнейший американский русист и культуролог Джеймс Биллингтон, «исторически Россия была объединена и управлялась самодержавными властителями, опиравшимися на крупные военно-полицейские силы и огромный бюрократический аппарат. Централизованная и практически неограниченная власть легитимировалась идеологическими инсти-

¹⁸² W. Laqueur. Russian Nationalism. С. 108.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ J. Dunlop. Russia: Confronting a Loss of Empire, 1987–1991 Political Science Quarterly. Volume 108, Number 4. 1993–1994. P. 603.

тутами (православная церковь, коммунистическая партия), притязания которых выходили за традиционные этнические и языковые пределы; властителя они наделяли атрибутами божества. Все это делало Россию на протяжении большей части ее истории похожей скорее на империю древнего мира, чем на современное национальное государство»¹⁸⁵.

При этом Биллингтон утверждает, что «с точки зрения культуры, вплоть до XIX столетия особого смысла в национальной самоидентификации Российской империи не было», поскольку в большинстве своем население определяло свою идентичность «служением царю, принадлежностью к православной церкви и тем, что они проживали в России»¹⁸⁶. Зато XIX век стал для России периодом активного поиска идентичности, который, в конечном итоге и привел, по мнению историка, к «невиданным социальным потрясениям» в XX в. «И все это, в свою очередь, стало прелюдией к драматическому, если не сказать хаотическому, новому поиску национальной идентичности после крушения коммунизма»¹⁸⁷.

Особенно тяжелым, убежден Джон Данлоп, другой американский историк, было положение русских. По его словам, советское государство приложило максимум усилий, чтобы лишить их этнической идентичности, подменив последнюю идентичностью советской. Это нашло отражение и на политико-институциональном уровне: в РСФСР отсутствовало большинство институтов, которые существовали в других союзных республиках — в частности, Академия наук, МВД, КГБ, специальные российские радиостанции и телеканалы. «Не было даже российской коммунистической партии, в то время как у других республик были свои партийные организации»¹⁸⁸. Все это, утверждает Данлоп, было сделано с одной целью: «связать русских... как можно теснее с СССР». И режим с успехом достиг ее. Ту же цель преследовала и политика расселения русских по территории национальных республик. «Поощряя такую миграцию, режим стремился создать супер-этнос «советского человека», который говорил бы по-русски, но этнически и культурно не был бы чисто русским»¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Дж. Биллингтон. Россия в поисках себя... С. 19.

¹⁸⁶ Там же. С. 20, 21.

¹⁸⁷ Там же. С. 21.

¹⁸⁸ J. Dunlop. Russia: Confronting a Loss of Empire, 1987–1991 ...P. 603.

¹⁸⁹ Там же, С. 604.

Иначе говоря, за долгие годы советского правления русские практически полностью лишились этнической идентичности, обретя взамен идентичность «имперскую». И как только «империи» не стало, они не просто остались без государства, частью которого были, они потеряли себя. Русские стали иностранцами не только в новых суверенных государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза, но и у себя дома, в России. Распад СССР, приходит к заключению Данлоп, поставил их перед неожиданным выбором: спасение «империи» или построение национального государства. Выбор, на который не могло решиться ни общество, ни политическое руководство страны и который фактически был сделан одним человеком — Борисом Ельциным. «Решительно выбрав построение российского национального государства, и отвергнув спасение империи, Ельцин положил конец умирающей последней в мире крупной империи и освободил русских, чтобы они могли решать свои монументальные экономические и социальные проблемы»¹⁹⁰. В том числе и проблему идентичности — этнической и национально-государственной.

Американцы, правда, опасались, как бы процесс поиска этой идентичности не вызвал в России всплеск национализма: почва для этого была благоприятная. «Чувство дезориентации и потери, которое переживали русские, в поисках пост-имперской идентичности, может стать почвой для развития экстремистских течений и идеологий»¹⁹¹, писал с тревогой Данлоп.

Ему вторили коллеги, в частности, упоминавшийся выше Уолтер Лакер. Автор знаменитой «Черной сотни»¹⁹², был, похоже, убежден в неизбежности всплеска национализма. «Националистические силы, некоторые даже крайне правого толка, другие более умеренные, имеют все шансы в борьбе за российскую душу и политическое будущее, по крайней мере, в краткосрочный период»¹⁹³. Больше того, в росте националистических настроений Лакер видел естественное следствие распада СССР и вместе с другими американскими и европейскими аналитиками опасался, как бы русский

¹⁹⁰ Там же. С. 615.

¹⁹¹ Там же. С. 633.

¹⁹² Лакёр Уолтер. Черная сотня. Пер. с англ. М., 1994. Следует предупредить читателя, не знающего английского языка, что в русском переводе подзаголовка книги допущена грубая подтасовка. The Rise of the Extreme Right in Russia, т. е. «Возникновение крайней правой силы в России» переведено как «Происхождение русского фашизма».

¹⁹³ W. Laqueur. Russian Nationalism. P. 103.

национализм не превратился в устойчивую черту российской действительности и не привел к трагическим последствиям. «Такие настроения широко распространены и могут иметь катастрофические последствия, если радикальные демократы и национал-либералы отдадут вопросы патриотизма и защиты национальных интересов на откуп крайне правым. Так же, как в Германии после Версаля, это будет равносильно тому, чтобы оставить страну экстремистам»¹⁹⁴.

Упоминание о Германии и Версале тут, разумеется, не случайно. Политический и экономический кризис, уязвленное национальное самолюбие, рост националистических настроений — все это уже было в Европе, и чем это кончилось — известно. Теперь, в начале 90-х, американцы гадали, не решат ли русские восстанавливать утраченную идентичность военным путем, как когда-то сделали немцы. Высказывания некоторых российских политиков давали повод для таких опасений. «Тезис Жириновского был и остается очень простым: этнические русские должны вернуть империю и поставить на место малые народы»¹⁹⁵.

Справедливости ради следует заметить, что даже при наличии таких тревог многие американцы, разделявшие оптимистический взгляд на будущее России (а он в первой половине 90-х был доминирующим), сохраняли уверенность в том, что ей удастся — с помощью Америки и Европы — преодолеть хаос, избежать распада, а в последующем, возможно, и совершить рывок вперед. Пожалуй, с наиболее оптимистическим прогнозом выступил в то время тот же Джон Данлоп. «Каким бы парадоксальным это не показалось, потеря исторических царской и советской империй может привести к возрождению России, как основной евразийской державы, успешной в экономическом и культурном развитии, на зависть остальному миру»¹⁹⁶.

По мере выхода страны из кризиса и, особенно, с появлением в Кремле Владимира Путина, попытавшегося «стянуть» рассыпающуюся Россию государственным «обручем», опасность ее дезинтеграции все более уменьшалась, и проблема отходила на задний план. Сегодня уже никто из солидных американских аналитиков не рассматривает как реальную перспективу распада Российской Федерации на несколько самостоятельных террито-

¹⁹⁴ Там же. С. 107

¹⁹⁵ J. Dunlop. *Russia: Confronting a Loss of Empire, 1987–1991* ...P. 633.

¹⁹⁶ J. Dunlop. *Russia: Confronting a Loss of Empire, 1987–1991* ...P. 634.

рий или выхода из нее отдельных республик, включая Чечню. Нет, похоже, и опасений, что «веймарский синдром» повторится в России.

Вместе с тем мысль о том, что траектория дальнейшего развития российского государства остается неопределенной и при неблагоприятном стечении обстоятельств дело может завершиться политическим хаосом, который, в свою очередь, повлечет за собой разрушение России в той или иной форме, не покидает американцев. Одно из последних тому подтверждений — рассмотренный в предшествующей главе доклад Эндрю Качинса, опубликованный, напомним, в ноябре 2007 года. Да и более серьезные эксперты, изучающие Россию не один десяток лет, напоминают, что хотя проблема национальной идентичности утратила прежнюю остроту, она все еще остается не решенной. Не случайно книга Биллингтона «Россия в поисках себя» — произведение не историческое, а актуально-политическое — была опубликована не в начале и даже не в середине 90-х, а в 2004 году.

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ: БАЛАНС... БЕЗ БАЛАНСА

И все же главное внимание американских экспертов, формирующих образы внутренней политики России, концентрируется на вопросах государственного и партийного строительства и государственного управления. Тем более что, как резонно заметила К. Стоунер — Вайсс, «построение государства — это процесс, а не событие»¹⁹⁷, а значит, дело не быстрое и серьезное, требующее столь же серьезного подхода.

Характер внутренней политики, проводимой государством, во многом зависит от характера отношений между исполнительной и законодательной властью. Это объясняет, почему в американских исследованиях, посвященных российской внутренней политике, первое место занимает анализ отношений президента и парламента и почему в образах внутренней политики доминирует именно образ отношений этих двух властных структур.

Связывая возрождение России с построением новой системы институтов власти, способной не просто сохранить целостность страны, но и обеспечить эффективное государственное управле-

¹⁹⁷ K. Stoner-Weiss. Resistance to the Central State on the Periphery/in The State After Communism. Ed. by T.Colton and St. Holmes. N.Y. 2006. P. 112.

ние, американцы — во всяком случае, многие из них — утверждали, что оптимальной формой организации власти для построения демократии в России является парламентская республика. Эта позиция существенно расходилась с убеждениями лидеров нового молодого российского государства, отдававших предпочтение исполнительной, а именно президентской, власти. «Формальное конституирование президентства, — напоминал Стивен Уайт, — произошло в 1990 г. в рамках реформы политических институтов, предпринятой на исходе горбачевской эпохи»¹⁹⁸. В 1991 г. Россия избрала своего первого президента, а уже в 1993 г. именно президент стал определяющей фигурой в политической системе, после того, как Ельцин, «воспользовавшись властью после роспуска парламента, принял Конституцию, которая расширила его и без того внушительные полномочия»¹⁹⁹.

Как среди отечественных исследователей, так и среди части западных наблюдателей распространено представление, что введение в постсоветской России поста президента страны соответствовало устойчивой национальной традиции, в соответствии с которой власть в российском государстве фактически всегда держалась на единоличном правлении в той или иной его форме. В дореволюционные времена во главе Российской империи стоял царь, в советский период ему на смену пришел Генеральный Секретарь, возглавлявший Коммунистическую партию, «чье формальное господство в системе было подтверждено ст. 6 Конституции 1977 г.... сама же партия фактически представляла собой постоянное правительство, не доступное контролю ни с помощью избирательных урон, ни с помощью средств массовой информации или судов»²⁰⁰.

Однако далеко не все аналитики склонны объяснять сильную президентскую власть в России исторической приверженностью последней единоличному правлению. М. Макфол, например, утверждает, что «президентство (а затем и значительные властные полномочия) стало скорее следствием переходного процесса. Более того, в отличие от многих других президентских систем в регионе, старая коммунистическая элита не создавала российское президентство. Напротив, создание института президентства входило в стратегию отделения антикоммунистического движения от

¹⁹⁸ S. White. *Russia's new politics*. Cambridge University Press. 2000. P. 70.

¹⁹⁹ *Ibidem*.

²⁰⁰ *Ibid.* P. 70–71.

власти старых элит»²⁰¹. Считалось, пояснял Макфол, что поскольку Ельцин был более популярен среди населения, чем депутаты Съезда, получение им мандата на правление непосредственно от населения придаст ему вес в противостоянии с консервативно настроенными депутатами. Таким образом, полагал американский аналитик, «решение создать пост президента было ответом на конкретную политическую ситуацию, а вовсе не результатом тщательно продуманной стратегии или философии, исходящей из идеи необходимости разделения властей или установлении системы сдержек и противовесов»²⁰². Подтверждение этого Макфол находит в том факте, что полномочия президента были сформулированы и инкорпорированы в Конституцию уже после референдума о введении поста президента.

Окончательное же смещение баланса власти в пользу президента произошло, как полагают американские аналитики, непосредственно под влиянием личных качеств Ельцина и текущей политической и экономической ситуации, складывавшейся в России в тот период. Даже в советской политической системе, — напоминал С.Уайт, — имелись силы уравнивающие полномочия Генерального Секретаря. «Лидерство после Сталина принимало все более коллективный характер. Чтобы избежать излишней концентрации власти в руках одного человека, полномочия Генерального Секретаря были после 1964 года разведены с полномочиями премьер-министра»²⁰³.

Система, которая начала формироваться в 1991 г., после введения поста президента России и всенародного избрания на него Ельцина, также не предполагала концентрации всей власти в руках президента — всенародно избираемый парламент, представлял собой серьезный противовес всенародно же избираемому президенту. «Своим весом в системе Ельцин был обязан во многом тому, что он был избран всем народом — в отличие от Горбачева, который был избран... советскими парламентариями... В то же время он был вынужден управлять страной совместно со Съездом народных депутатов, который тоже был избран и был также вправе заявить, что представляет волю электората»²⁰⁴.

²⁰¹ M. McFaul. Party Formation and Non-Formation in Russia. Working papers. Russian and Eurasian Program. N.12. May 2000. P. 27.

²⁰² Ibid. P. 28.

²⁰³ S. White. Russia's New Politics. P. 70.

²⁰⁴ Ibid. P. 79.

Такая властная система была изначально чревата конфликтами между двумя ее институтами, особенно в условиях непредсказуемости демократического перехода. «... Было совершенно неясно, как всенародно избираемый парламент будет взаимодействовать с всенародно же избираемым президентом...»²⁰⁵. И если в США и других развитых демократических странах существуют выработанные десятилетиями механизмы урегулирования конфликтов и поддержания эффективного баланса полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти, то построение в России таких механизмов фактически с нуля, да еще в условиях экономического кризиса, который переживала страна в начале 1990-х гг., имело мало шансов на успех.

Не удивительно, что, как писал С. Уайт, когда Съезд народных депутатов, изначально настроенный на поддержку Ельцина, выступил против радикальных экономических реформ, инициированных президентом и его командой, как только проявились первые тяжелые последствия этих реформ, возникло противостояние главы государства и Съезда. Противостояние, которое завершилось применением военной силы против парламента, поведение которого было названо Ельциным «саботажем программы реформ»²⁰⁶. И это, как полагают многие американские эксперты, был конец российского парламентаризма: доминирующей фигурой в системе государственной власти стал президент.

В подтверждение этого вывода обычно ссылаются на новую Конституцию РФ, проект которой был предложен Ельциным вскоре после октябрьских событий 1993 г. и которая наделяла его исключительными полномочиями — обстоятельство, отмечаемое практически всеми американскими экспертами. «Президент был главой государства и гарантом самой конституции... Именно президент представлял Российскую Федерацию в стране и за границей и определял основные направления внутренней и внешней политики государства... Он назначал премьер-министра... кандидатов на пост главы Центробанка, назначал и снимал с должности вице-премьеров и министров, назначал кандидатов в Конституционный и Верховный суды и в прокуратуру. Он формировал и возглавлял Совет безопасности, назначал и снимал с должности своих представителей в регионах и высшее командование вооруженных сил, а также дипломатических представителей. Вдобавок к этому он

²⁰⁵ S. White. *Russia's New Politics*. P. 36.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 79.

имел право законодательной инициативы, а также мог распустить Думу в особых ситуациях, мог издавать декреты, которые имели силу закона на всей территории Федерации»²⁰⁷.

Этот внушительный список полномочий, перечисленных С. Уайтом, создает образ действительно неограниченной власти президента России, которая была к тому же еще и практически непоколебимой. Институт импичмента, правда, был предусмотрен Конституцией РФ, но его процедура — и Уайт подчеркивает это обстоятельство — была предельно усложнена. «Дума должна была, прежде всего, проголосовать за проведение процедуры импичмента большинством в две трети голосов по инициативе, по крайней мере, трети депутатов, после того как специальная комиссия депутатов примет решение о его [президента — В. Ж.] виновности в измене или в другом преступлении подобной тяжести; Верховный Суд должен был проверить, существуют ли основания для подобного обвинения, а Конституционный Суд — подтвердить, что соблюдены все необходимые процедуры, после чего Совет Федерации должен был проголосовать в поддержку данного решения большинством в две трети голосов, не позднее трех месяцев, после выдвижения обвинения (ст. 93). Учитывая данную процедуру, — заключает С. Уайт, — было практически нереально ожидать, что Ельцин или любой другой президент будут смещены с должности посредством этой процедуры...»²⁰⁸. Сам же президент, подчеркивал американский аналитик, мог достаточно легко распустить парламент.

Отмечается и то важное обстоятельство, что глава российского государства располагал дополнительными властными возможностями, не фиксированными Основным Законом. В качестве примера Уайт ссылается на особое место президентской администрации в системе власти, полномочия которой (администрации) никак не оговариваются в Конституции. «По сути, это было почти правительство в правительстве, с аппаратом, насчитывающим около 2000 человек, во многом напоминающее аппарат ЦК КПСС и располагавшееся в том же здании, причем возглавляли его советники президента, чье влияние способно было затмить влияние соответствующих министров»²⁰⁹.

²⁰⁷ В качестве иллюстрации безграничной власти президента М. Макфол указывал на то, что решения о приватизации нефтяных компаний, телевизионных каналов и никелевых шахт были приняты президентом и закреплены им в соответствующих указах (M. McFaul. Party Formation... P. 6).

²⁰⁸ S. White. Russia's new politics... P. 83.

²⁰⁹ Ibidem.

В то же время Государственная Дума, как отмечали заокеанские аналитики, становилась после 1993 года все более формальным институтом, полномочия которого лишь дополняли, но не уравнивали президентскую власть. В качестве подтверждения столь незавидного положения парламента нередко приводится процедура назначения премьер-министра. «... Государственная Дума должна утверждать выбор президента...но если она отклонила предложенную президентом кандидатуру три раза, тогда Государственная Дума распускается, и назначаются новые выборы. Не удивительно, что голосование против кандидатуры премьер-министра случались крайне редко»²¹⁰. С. Уайт дополняет этот образ подробными описаниями неоднократных смен Ельциным кабинетов министров, указывая при этом на беспомощность Думы и ее неспособность противостоять эмоциональным перепадам Ельцина, который нередко принимал такие решения, просто исходя из «чувства ревности перед популярностью своего подчиненного»²¹¹.

В условиях постоянного противостояния с Государственной Думой все значимые политические решения фактически вырабатывались и принимались в Кремле узким кругом лиц в составе президента и его ближайших помощников и советников, причем круг этот менялся в зависимости от настроения президента. Если эти решения нельзя было оформить посредством президентских указов (к которым часто прибегал Ельцин) и их требовалось провести через Государственную Думу, то глава государства «угрожал депутатам роспуском или пытался задобрить их различными материальными приманками. Во многих случаях, когда Ельцин не мог провести нужный ему законопроект, он просто хоронил его, а законодательный вакуум заполнялся региональными актами, правилами, нормами или указами»²¹².

Фактически в американских исследованиях российской властной системы 1990-х гг. доминирует образ «институционально слабой» системы личной власти, в которой формальная позиция значит гораздо меньше, чем неформальные каналы непосредственного влияния на президента²¹³. Ельцин, по мнению их авторов, создал властную структуру, основанную на личных связях, на борьбе

²¹⁰ M. McFaul. Party Formation ...P. 6.

²¹¹ S. White. Russia's New Politics... P. 87.

²¹² T Remington. Putin, the Duma, and Political Parties//Putin's Russia Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham. 2005. Ch.3. P. 31.

²¹³ S. White. Russia's New Politics. . P. 92.

конкурирующих между собой кланов, протекавшей в условиях всеобщей подозрительности и при полной бесконтрольности. Эффективность такой системы напрямую зависела от личных характеристик самого президента, в частности от его здоровья, а также личных предпочтений²¹⁴.

Доминирование президента во властной структуре сохранилось и в 2000-х гг. Однако, как отмечают многие исследователи, последняя значительно изменилась. Путин институционализировал смещенный в сторону исполнительной ветви баланс властей. Не полагаясь лишь на личные связи и поощрение депутатов, он с самого начала стал создавать механизмы, подводящие под господство Кремля прочную институциональную базу. С одной стороны он, как пишет Т. Ремингтон, с помощью прокуратуры и МВД «охладил» оппозицию, а с другой, реструктурировав отношения между субъектами федерации и центром, изменив избирательное законодательство и обеспечив необходимый результат на региональных выборах, укрепил властную вертикаль²¹⁵. Фактически, как отмечают американские эксперты, уже к концу своего первого президентского срока Путин в отношениях с Государственной Думой мог всегда рассчитывать на подавляющее большинство «партии власти», которая обеспечивала проведение его законопроектов.

А после того, как он провел закон об изменении способа формирования Совета Федерации, последний также попал под его полный контроль. Надо, впрочем, заметить, что решение президента реформировать эту палату американские наблюдатели восприняли неоднозначно. Хотя многие признавали, что этот шаг мог повысить роль регионов в федеральной политике, целый ряд экспертов видели в нем угрозу понижения политической роли и веса российского «сената» — угрозу, которая в дальнейшем могла вообще привести к исчезновению Совета Федерации²¹⁶. О такой перспективе, считали они, могло свидетельствовать, в частности, создание Госсовета, состоящего из глав исполнительной власти регионов — фактически совещательного органа, способного заменить собой Совет Федерации²¹⁷.

Кроме того, полагают западные наблюдатели, Путин, лишив губернаторов депутатской неприкосновенности, мог теперь ис-

²¹⁴ S. White. *Russia's New Politics*. P. 99.

²¹⁵ T. Remington. *Op. cit.* P. 32.

²¹⁶ C. Ross. *Op. cit.* P. 38.

²¹⁷ E. Teague. *Putin Reforms the Federal System*. In: C. Ross (Ed.). *Regional Politics in Russia*. Manchester University Press. 2002.

пользовать угрозу судебного преследования, чтобы сохранять над ними свой контроль²¹⁸. Эта реформа могла также, считали они, лишить независимости и Совет Федерации, поскольку, судя по его новому составу (в котором преобладают московские чиновники), он будет в большей степени связан с федеральным центром, а не с региональными властями. Как пишет Т. Ремингтон, в результате проведенных реформ Путин обеспечил практически постоянную поддержку своим законопроектам и в обеих палатах Федерального Собрания²¹⁹.

По мнению американских экспертов, Путин выработал в отношениях с парламентом определенный, отличный от прежнего, стиль. Одну из характерных черт этого стиля они видят в посланиях, с которыми президент ежегодно выступает перед думацами и «сенаторами». Эти послания играют особую роль в отношениях исполнительной и законодательной власти, ибо, замечает Т. Ремингтон, в отличие от ельцинских посланий являются полноценным инструментом формулирования политической повестки дня на федеральном уровне. Они служат для институтов власти сигналами особой заинтересованности президента в развитии той или иной сферы или проведении определенной политики. По итогам выступления президента правительство в большинстве случаев готовит соответствующие законопроекты, которые проводятся через Думу и Совет Федерации. И хотя тут бывают задержки и неудачи, это — явный шаг вперед по сравнению с тем, что было в годы президентства Ельцина. По мнению Т. Ремингтона, успех Путина в продвижении «своих» законопроектов отражал, с одной стороны, изменившийся баланс политических сил в парламенте, а с другой — умелое управление Кремля отношениями с законодателем с целью получения поддержки своих политических программ со стороны большинства депутатов²²⁰.

Повысившаяся в 2000-х гг. эффективность внутренней политики не мешает американцам жестко критиковать Путина за *концентрацию чрезмерной, по их мнению, власти в руках Кремля, который так и не выстроил сбалансированной системы властных отношений, без которой нет и подлинной демократии.*

²¹⁸ E. Teague. Op. cit.

²¹⁹ T. Remington. Op. cit. P. 36.

²²⁰ Idid. P. 35.

ЦЕНТР И РЕГИОНЫ: ОТ «РАЗДАЧИ СУВЕРЕНИТЕТОВ» К «ВЛАСТНОЙ ВЕРТИКАЛИ»

Одним из главных направлений российской внутренней политики американские эксперты считали и считают выстраивание отношений между федеральными центром и субъектами федерации (регионами). В 90-е годы их интерес к этим отношениям был во многом связан с влиянием последних на судьбу территориальной целостности России. В 2000-е годы отношения центр-регионы рассматриваются, прежде всего, под углом продвижения России по пути демократии.

Заокеанские аналитики пытаются понять, какая политика в отношении регионов помогла Ельцину несмотря ни на что решить труднейшую задачу — сохранить целостность России. И тут они находят разные ответы.

Одни авторы, в частности Лapidус и Уокер склонны считать, что Ельцину помогли скорее такие присущие России черты, как этническая и культурная гомогенность, а также долгая история ассимиляции, нежели конкретные целенаправленные действия²²¹. Даже, несмотря на то, что в стране проживали более 120 различных национальностей, 81,5 % населения, подчеркивали они, составляли этнические русские. О том же пишет П. Ратланд: «Россия объединяет сильное чувство культурной гомогенности и четыре века жизни в одном государстве»²²².

Другим экспертам такой подход казался слишком упрощенным. Так, Д. Трейсман в своей книге «После потопа. Региональные кризисы и политическая консолидация в России», впервые опубликованной в 1999 г., утверждал, что хотя фактор этнической и культурной гомогенности, безусловно, облегчил отношения федерального центра и периферии в 1990-е гг., он не объясняет, почему федеральный центр выстоял в битве с регионами за суверенитет. По его мнению, опасность, грозившая России, заключалась не в том, что «многие регионы решат отделиться в силу преобладания в них нерусских этносов, а в том, что поведение нескольких националистически настроенных региональных лидеров может, как детонатор, вызвать

²²¹ G. Lapidus and E. Walker. Nationalism, Regionalism and Federalism: Center-Periphery Relations in Post-Communist Russia. In G. Lapidus ed. The New Russia: Troubled Transformation. Westview. 1995. P. 87.

²²² P. Rutland. Has Democracy Failed Russia?//National Interest. Winter 1994. P. 3.

целую волну несоблюдения субординации, которая подорвет доверие к центру и его способность к управлению»²²³. В условиях отсутствия институтов, регулирующих отношения между центром и регионами, считал Трейсман, «сочетание национализма, экономического раскола, региональных политических амбиций и общей подозрительности могло оказаться чрезвычайно огнеопасным»²²⁴.

В подтверждение своей правоты американский эксперт ссылается на судьбу СССР. Еще в 1985 г. никто из советологов и предположить не мог, что целостности СССР что-то угрожает, ибо из всех союзных республик, только Грузия и прибалтийские республики требовали независимости. Но этой небольшой искры оказалось достаточно, чтобы, разросшиеся политические амбиции республиканских лидеров и подозрительность местного населения, спровоцировали целый пожар независимости, положивший конец Советскому Союзу. (Примечательно, что Трейсман, отстаивая свой тезис о том, что этническое единство не может быть гарантом территориальной целостности, приводил в пример именно распад СССР, где республики Средней Азии в гораздо большей степени стояли за сохранение Союза, чем «братские славянские республики». «Не прими славянские республики такого решения — во многом predetermined единоклюнной поддержкой украинским населением идеи независимости — Советский Союз, в той или иной форме, возможно без Прибалтийских и Закавказских республик, мог бы сохраниться»²²⁵.)

Судьба СССР наводила американского аналитика на мысль, что, если Ельцин так легко договорился о прекращении существования Союза с лидерами Украины и Белоруссии, то вполне возможно, что в других условиях российские региональные лидеры могли бы сделать то же самое. То есть ни фактор этнического и культурного родства, ни фактор общей истории не могли, по Трейсмону, исключить вероятность того, что лидеры Сибирского или Дальневосточного регионов договорятся между собой и решат выйти из России. Ведь Белоруссия была частью Российской империи дольше, чем многие из ее регионов, но это не помешало ей объявить о своей независимости. «Общая история и культура оказались на удивление малозначимыми на встрече трех лидеров в лесах, недалеко от Минска»²²⁶.

²²³ D. Treisman. *After the Deluge. Regional Crises and Political Consolidation in Russia*. The University of Michigan Press. 1999. P. 23.

²²⁴ *Ibidem*.

²²⁵ D. Treisman. *Op.cit.* P. 24.

²²⁶ *Ibidem*.

Не могла помешать территориальному распаду России и экономическая взаимозависимость регионов, как не помешала развалу СССР экономическая взаимозависимость союзных республик. Тем более, что внутрirosсийские экономические связи были серьезно подорваны общим экономическим кризисом, который переживала Россия в 1990-е гг.

Трейсман приходит к выводу, что в 90-е годы в развитии отношений между центром и регионами преобладала тенденция не к усилению федерального центра, а к усилению регионов. И в основе этого, как ни парадоксально, считает он, лежала политика проводимая Ельциным в сфере территориального управления. В ответ на утверждения некоторых экспертов, что Конституция 1993 г., расширив полномочия президента, усилила федеральный центр, Трейсман обращает внимание на то, что эта же Конституция расширила и полномочия глав исполнительной власти в регионах: все больше и больше региональных лидеров избиралось населением, а Совет Федерации стал фактически официальным инструментом их участия в федеральных делах, предоставив им к тому же юридическую неприкосновенность. Более того, «Конституция оставила нерешенными многие из важнейших вопросов отношений регионов и федерального центра, и практически сразу после ее вступления в силу начался процесс переговоров, приведший к подписанию двусторонних соглашений о разделе полномочий»²²⁷.

Однако был один аспект в политике федерального центра по отношению к регионам, помогающий понять, как Ельцину все-таки удалось, предоставив последним значительную автономию, удержать их от объявления полной независимости и отделения от России. Речь идет о фискальной политике, проводившейся федеральным центром. «Используя субсидии и налоговые льготы в отношении тех регионов, которые были более других склонны к протестным действиям, разрушительным для государства, центральной власти удалось погасить кризисы в большинстве горячих точек, прежде чем они приобрели необратимый характер»²²⁸. Иначе говоря, финансовая помощь в том или ином ее виде использовалась федеральным центром не для поддержки своих сторонников в регионах, а для задабривания своих противников. Те регионы, которые в наибольшей степени выражали свое недовольство действиями федеральных властей и непосредственно Ельцина, и гу-

²²⁷ D. Treisman. Op. cit P. 26.

²²⁸ Ibid. P. 34.

бернаторы которых проводили наиболее сепаратистскую политику, получали наибольшие субсидии, налоговые льготы — словом, в них вкладывались наибольшие средства из скудного федерального бюджета. А самые преданные сторонники федерального центра были вынуждены компенсировать эти расходы.

Больше того, сама конфронтация центра и регионов служила, по мнению Трейсмана, важным механизмом установления и поддержания отношений между федеральным центром и регионами. «Среди ненадежности, которая сопровождала демократизацию, региональные протесты стали единственным надежным средством передачи определенного типа информации. Парадоксально, но сигналы, которые передавали протесты против центральных властей, были чрезвычайно важны для самого центра»²²⁹. Такие сигналы, считает американский аналитик, позволяли федеральному центру укрепить свою власть, давая ему возможность политически рассчитать, куда направить ограниченные финансовые ресурсы. «Обратная связь, которая существовала между выборами, региональными протестами и фискальным перераспределением, хотя бы временно компенсировала отсутствие институтов вертикальной интеграции, таких как национальные партии и бюрократическая иерархия и позволила сохранить Россию»²³⁰.

Но есть у американцев и другой взгляд на проблему. Так, Кэтрин Стоунер-Вайсс, соглашаясь с тем, что фискальная политика Ельцина спасла Россию от распада, тут же отмечает и ее пагубную сторону. Как мера временная эта политика предполагала, что постепенно будут включаться и другие механизмы укрепления связей центра и регионов. Однако в условиях институционального вакуума, который явно затянулся в 1990-е гг., фискальная политика Кремля ставила под угрозу существование единого правового пространства в России. Федеральный центр фактически закрывал глаза на несоответствие федеральному закону законов поощряемых им регионов. Это служило дурным примером для всех субъектов федерации, ставило Москву в сложное положение, а в итоге тоже угрожало целостности страны. «Регионы, которые центр покупал... были среди тех, чьи законы в наибольшей степени не соответствовали федеральным законам и Конституции. Именно такая фактическая автономия регионов оказалась особенно разрушительной для центральной власти...»²³¹.

²²⁹ D. Treisman. Op.cit. P. 34.

²³⁰ D. Treisman. Op. cit. P. 26.

²³¹ K. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 90.

В отличие от Ельцина Путин, как отмечают американские наблюдатели, не собирался «потворствовать» региональным властям в их стремлении захватить максимум полномочий за спиной у федерального центра. Уже в мае 2000 г., т.е. практически сразу после инаугурации, он заявил о намерении восстановить мощь российского государства и с этой целью реформировать федеративные отношения, что стало одним из основополагающих элементов его политики построения «вертикали власти».

Задача эта была непростая не только в силу тяжелого наследия 1990-х гг. — фактически Путин унаследовал децентрализованную страну — но и в силу исторической и географической специфики России. Как пишет профессор Университета Западного Кентукки Дэвид Киллинг, «Путин сталкивается с одной из наименее разрешимых географических проблем мирового масштаба — как осуществлять экономический и политический контроль над этнически и лингвистически разделенной территорией»²³².

По словам К. Стоунер-Вайсс, Путин «начал войну по всем фронтам с противостоянием регионов Москве»²³³. Первым шагом в этой войне стало формирование семи федеральных округов, каждый из которых включал в себя около 12 регионов России и возглавлялся назначенным представителем Президента. Оценивая этот шаг как противоречивый, американка увидела в нем попытку «поставить в политико-административной иерархии назначенных президентом представителей выше избираемых губернаторов и республиканских президентов»²³⁴. А это, по ее мнению, уже изначально предопределяло конфликтный характер создаваемой системы²³⁵. «И главы региональных администраций, и федеральные чиновники, такие как главы региональных отделений федеральных органов, очень скоро начали сопротивляться тому, что, они считали неэффективным вмешательством в их деятельность»²³⁶ — утверждает К. Стоунер-Вайсс.

Впрочем, скоро стало ясно, что «наделенные внушительными полномочиями на бумаге» полпреды — совершенно неэффективный инструмент контроля федеральной власти над регионами. Эта

²³² D. J. Keeling. Putin's Reality is Russia's Geography. <http://www.amergeog.org>

²³³ K. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 107.

²³⁴ Ibid. P. 108.

²³⁵ C. Ross. Putin's Federal Reforms and the Consolidation of Federalism in Russia: one step forward, two steps back!//Communist and Post-Communist Studies. 36(2003). P. 36.

²³⁶ K. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 109.

неэффективность, отмечает Стоунер-Вайсс, определялась уже тем, что сфера их ответственности была очень плохо очерчена. «Например, было не ясно, до какой степени они должны были контролировать действия региональных правительств... им не были даны полномочия ни на расходование федеральных средств, ни на осуществление контроля над исполнением федеральных законов»²³⁷.

К тому же, будучи обременены широким кругом обязанностей, полпреды имели в своем распоряжении очень маленький аппарат служащих, особенно «по сравнению с типичной региональной администрацией». И это в условиях, когда каждый из полпредов представлял президента в среднем в 12 регионах («административные центры которых, могли находиться в сотнях километрах друг от друга), а в каждом регионе действовало сорок или пятьдесят федеральных агентств, и это означало, что каждый представитель должен был координировать или контролировать работу около 400–600 агентств»²³⁸. Неудивительно, что уже «к 2002 г. эффективность деятельности полпредов по усилению полномочий слабой центральной власти в регионах оказалась под вопросом»²³⁹.

Еще одну слабость (и даже опасность) института полпредов американцы видят в том, что наделение последних неограниченными полномочиями потенциально провоцирует их на властные злоупотребления. «Путинская реформа может просто создать семь мощных квазирегиональных государств. Полпреды уже начали создавать институты, необходимые для превращения округов в региональные минигосударства. Например, мы видим развитие в федеральных округах советов глав региональных законодательных и исполнительных ветвей власти (минисоветы федерации), советы региональных губернаторов (минигоссоветы)... также полпреды активно продвигали развитие единого информационного пространства в своих округах. Для этой цели они создали советы по средствам массовой информации на уровне округов. Теперь пресса будет контролироваться не только губернаторами, но и полпредами, что вряд ли является хорошим рецептом для создания открытого “гражданского общества в России”»²⁴⁰.

«Большую опасность» американские эксперты видят в том, что «полпреды создадут свои личные владения или что со временем

²³⁷ K. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 109.

²³⁸ C. Ross. Op. cit. P. 37.

²³⁹ K. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 109.

²⁴⁰ C. Ross. Op. cit. P. 37.

они будут действовать совместно с региональными элитами и создадут еще одну бюрократическую прослойку между президентом и регионами»²⁴¹. Это разрастание бюрократии, считают они, — еще один негативный эффект путинской политики в отношении регионов. Российская бюрократическая структура разрасталась на протяжении всех 1990-х гг. («число бюрократов в России выросло за последние 10 лет, в то время как в целом численность населения сократилась...»²⁴²), однако это не помешало регионам проводить политику, противоречащую федеральным законам и вступать в конфронтацию с федеральным центром, замечает Стоунер-Вайсс.

Мало пользы принесли, по мнению американских исследователей, полпреды и в деле восстановления единого правового поля в России. Регионы все так же принимают законы, противоречащие конституции РФ, а Путин так ни разу и не применил закон (в спешном порядке проведенный через Госдуму), позволяющий ему смещать региональных лидеров за принятие нормативных актов, нарушающих федеральный закон. Излюбленный пример, приводимый американцами в подтверждение сказанного — губернатор Приморского Края Евгений Наздратенко: вместо того, чтобы предать его суду за коррупцию и нарушение федеральных законов, человека назначили председателем Государственного комитета по рыболовству.

Справедливости ради, надо отметить, что отдельные американские исследователи все-таки считают, что политика Путина в отношении регионов как минимум позволила ему осуществить правовую гармонизацию в стране и «оказала положительное влияние на демократизацию в регионах. До путинских реформ треть из 89 российских регионов управлялась авторитарно, а их Конституция и законы нарушали федеральную Конституцию, в частности ее положения о демократии и правах человека»²⁴³.

В целом же, по мнению американских экспертов, введение федеральных округов и института полпредов практически не изменило сложившуюся в 1990-е гг. асимметричную систему отношений федерального центра и регионов. Вместе с тем, эта реформа укрепила позиции и расширила ряды бюрократии и усилила «авторитарно-бюрократическое вмешательство в региональную политику и региональные выборы, а также способствовала созданию прези-

²⁴¹ С. Ross. Op. cit. P. 37.

²⁴² К. Stoner-Weiss. Op. cit. P. 110.

²⁴³ G. Hahn. Reforming the Federation Op. cit. Chapter 9. PP. 148–168. P. 160.

дентской администрацией корпоративной структуры... и помогла Кремлю создать корпоративно-бюрократическую политическую партию»²⁴⁴.

Абсолютно неэффективной с точки зрения повышения управляемости политической системы оказалась, по мнению американцев, и отмена выборности глав исполнительной власти регионов. Сама эта мера, считает К. Стоунер-Вайсс, фактически свидетельствовала о признании неэффективности предыдущей реформы, то есть введения федеральных округов. В подтверждение бесплодности подобного рода шагов указывают на печальный опыт 90-х, когда назначаемые президентом губернаторы контролировались им так же плохо, как и избираемые. Вспоминают и о советском опыте, когда региональные лидеры назначались центром, что, однако, не спасло Советский Союз от распада. «Назначаемость из центра, очевидно, не может являться гарантией лояльности»²⁴⁵, — приходит к выводу К. Стоунер-Вайсс.

По мнению многих экспертов, *политика Путина в отношении регионов, встраивающаяся в стратегию создания «вертикали власти», разрушает систему федеративных отношений и, по сути дела, ведет к созданию на территории РФ унитарного государства*. Старший научный сотрудник Центра исследования терроризма и разведывательной деятельности Гордон Хан так и говорит: в России (которой «по-прежнему угрожает этнический и религиозный коммунизм и специфика ее национально-территориальной структуры»²⁴⁶ идет «процесс дефедератизации»²⁴⁷. С момента вступления Владимира Путина на пост Президента России в марте 2000 г., пишет он, «российская федеративная система разрывается на части, а президент продемонстрировал, что он в своих действиях несколько не связан принципами федерализма»²⁴⁸.

В итоге складывается довольно широко распространенное представление о России как стране, где *федерализм, как и демократия, носит чисто формальный характер*: все необходимые структурные элементы в наличии, они также зафиксированы в Конституции, но на практике «ни федеральные власти, ни субъекты федерации не следуют этим принципам в полной мере. Демократическое федеральное государство, основанное на принципах федерализма

²⁴⁴ G. Hahn. Reforming the Federation Op. cit. Chapter 9. P. 159.

²⁴⁵ G. Hahn. Op. cit. P. 109.

²⁴⁶ Ibidem.

²⁴⁷ Ibid. P. 167.

²⁴⁸ C. Ross. Op. cit. P. 29.

все еще не сложилось в России»²⁴⁹. Больше того, многие за океаном полагают, что такое положение вещей — прямое следствие реформ Путина, которые, как утверждает, например, Дэвид Соломон из Джорджтаунского университета, могут вообще положить конец федерализму в России²⁵⁰. Еще более категорична Ф. Хилл: «Короткий ответ на этот вопрос (может или нет, Россия все еще называться федеративным государством — В. Ж.) кажется, звучит так: «Нет, не может»²⁵¹.

В общем, как считает большинство американских аналитиков, Путин, оказавшись перед той же дилеммой, что стояла перед Ельциным, а до этого и перед Горбачевым — сохранение целостного государства или следование принципам демократии и федерализма, которые, как, видимо, полагали все эти лидеры, могут привести к непредсказуемым последствиям, выбрал первое.

ЧЕЧНЯ: НЕРЕШЕННЫЙ ВОПРОС

Особое внимание при рассмотрении региональной политики Кремля американцы обращают на отношения федерального центра и национальных республик. При этом в центре внимания находится, как и следовало ожидать, Чеченская Республика и «чеченский вопрос». Политика в отношении этой республики стала одной из наиболее эмоционально окрашенных тем в американских публикациях, касающихся России — темой, оказывавшей и продолжающей оказывать серьезное влияние не только на образ внутренней политики России, но и на имидж России в целом. Высокий уровень этнической гомогенности Чеченской республики добавлял в чисто территориальные отношения федерального центра и регионов национальный аспект и нередко служил основанием для обвинений Кремля в этническом геноциде.

Надо сказать, что за десятилетие, прошедшее с начала чеченской кампании, эмоциональный фон лишь слегка изменился — «террористы» после 2001 г. немного потеснили «героев»

²⁴⁹ C. Ross. Op. cit. P. 31.

²⁵⁰ D. P. Solomon. A Tsar is Born: The Consolidation of Power in Putin's Russia//The Center for Security Policy. Occasional Papers Series. August 2006. No.13. P. 3.

²⁵¹ F. Hill. Governing Russia: Putin's Federal Dilemmas//New Europe Review. January 2005. <http://www.brookings.edu/printme.wbs?page=/pagedefs/266631e4838cf3e4db975f30a1415cb.xml>

и «борцов за свободу», но не вытеснили их совсем, особенно в журналистском лексиконе, откуда они и извлекаются всякий раз, когда Западу требуется «указать» России на ее поведение «не достойное» страны, претендующей на законное место в ряду развитых стран.

На степень критичности высказываний американцев в отношении российской политики в Чечне безусловное влияние оказывает общее состояние российско-американских отношений. При их обострении положение дел в республике — реальное или мнимое — нередко становится одним из козырных аргументов в антироссийской риторике. И напротив, в редкие периоды потепления двусторонних отношений американские обозреватели стараются не акцентировать внимание на политике федерального центра в отношении Чеченской Республики.

До 2002 г. официальная позиция США в отношении политики Москвы в Чечне была лишь немного менее критичной по сравнению с весьма жесткой позицией европейских стран. В целом западное сообщество любыми средствами пыталось оказывать давление на Россию в этом вопросе. Различные международные и национальные организации с переменным успехом принимали резолюции, осуждающие поведение России. Так, в 2002 г американский Госдепартамент в своем ежегодном отчете о правах человека выступил с жесткой критикой по адресу российских властей, продолжающих военные действия в Чечне.

Некоторые коррективы в официальную позицию американских властей внес захват заложников в Москве в октябре 2002 — и то на фоне подготовки вторжения США в Ирак. В надежде заручиться поддержкой России в этой военной операции, Вашингтон стал гораздо более терпимо относиться к военным методам, используемым Россией в Чеченской республике.

Смягчилась в 2000-х гг. и позиция американских экспертов относительно предоставления Чечне независимости. Сегодня (в отличие от 1990-х гг., когда за океаном, как и в Европе, преобладало мнение, что единственное, что нужно сделать, — это предоставить Чечне свободу, а дальше чеченский народ сам быстро построит демократию) американские аналитики более осторожны в своих рекомендациях. Возможно, дали о себе знать уроки 1990-х, показавших, что гражданское общество и демократия требуют определенного уровня развития государственности, а «преждевременно дарованная в 1990 г. независимость оказалась для Чечни столь же пагубной, как и для многих бывших колоний в Африке и в дру-

гих частях планеты»²⁵². Теперь предлагается предоставить Чечне независимость лишь после того, как там будет создана солидная основа национальной государственности. А пока сами чеченцы, по мнению американских аналитиков, «должны согласиться на автономию Чечни в составе Российской Федерации как на решение для ближне- и среднесрочной перспективы, и дать обещание добиваться независимости в долгосрочной перспективе исключительно мирными политическими средствами»²⁵³.

В 2000-х гг., вскоре после захвата заложников в Москве и в Беслане, слегка смягчилась позиция даже самых критически настроенных аналитиков. Так, например, А. Ливен, высказывавшийся в 1990-х гг. довольно жестко относительно российской кампании в Чечне, оказался одним из тех американских исследователей, которые возложили ответственность за развязывание конфликта не только на федеральные власти, но и на чеченских лидеров. В частности, он вслед за некоторыми из своих коллег отмечал неспособность чеченских властей выстроить действующие органы власти в период так называемой независимости и на то, что они фактически отдали республику на откуп бандитам²⁵⁴. На «... неспособность чеченцев создать основные институты эффективного государства и современного гражданского общества»²⁵⁵ обращала внимание и Ф. Хилл.

Абсолютное большинство заокеанских исследователей считали решение Ельцина начать военные действия в Чеченской республике ошибочным и необоснованным. Причина такого решения называлась практически всеми одна и та же: Ельцин видел в поведении Чечни «вызов суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации»²⁵⁶. По словам Ж. Кипп, возможная независимость Чечни, могла, по мнению федерального центра, спровоцировать эффект «домино», который привел бы к тому, что Россию разорвали бы на части, как когда-то СССР. Более критически настроенные исследователи считали, что федеральные власти просто не хотели терять

²⁵² Ф. Хилл и А. Ливен. Пусть чеченцы сами выбирают себе лидеров. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/06/3457/217987.html>

²⁵³ А. Ливен. Западная стратегия для Чечни. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/06/3457/212785.html>

²⁵⁴ А. Ливен. Указ. соч.

²⁵⁵ Ф. Хилл и А. Ливен. Указ. соч.

²⁵⁶ J. W. Kipp. Putin and Russia's Wars in Chechnya//Putin 'Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham. 2005. Part IV. Chapter 11. P. 207.

экономически важные территории: «российские интересы остались теми же, что и в XVIII в.: она хочет доминировать в целом регионе между Черным и Каспийским морями с тем, чтобы одновременно обеспечить безопасность своим торговым путям и южным границам и контролировать основную часть торговли в Средней Азии. Развитие новых месторождений нефти и газа в странах на побережье Каспийского моря просто подняло ставки»²⁵⁷.

Но и те, и другие, полагали, что отношения с Чеченской республикой можно и нужно было отлаживать мирным путем — так же, как Ельцин делал это с Татарстаном и Башкортостаном. Почему на Чечню у него не хватило терпения? Д. Трейсман утверждает, что к моменту начала чеченской кампании федеральному центру уже удалось договориться с «основными нарушителями спокойствия (Татарстан, Башкортостан)... парад суверенитетов уже подходил к концу»²⁵⁸. Иначе говоря, угроза, что другие республики тоже заявят о своем желании стать независимыми, была незначительной. В то же время это означало отсутствие опасности ведения военных действий сразу на нескольких направлениях. Все это развязывало Ельцину руки. «Скорее всего, именно ослабление этой угрозы (дезинтеграции — В. Ж.) сделало возможным введение войск»²⁵⁹. Возникни «чеченская ситуация» в период активной борьбы регионов за суверенитет, «Москва очень не охотно пошла бы на применение или даже угрозу применения силы»²⁶⁰. К тому же, как писала Ж. Кипп, суверенитету России угрожала нация в составе менее миллиона человек, и Ельцин посчитал, что сможет справиться с ней силой²⁶¹.

Некоторые из экспертов полагали также, что Ельцин рассматривал чеченскую кампанию как возможность вернуть себе утраченную популярность среди населения, и это было его ошибкой. Как пишет Трейсман, «Чечня была как раз тем регионом, где санкции — даже военные — в наименьшей степени могли иметь успех. Во-первых, ее лидер Джохар Дудаев был скорее «мобилизатором», чем «стратегическим» сепаратистом. На самом деле он был единственным главной исполнительной власти в этнической республике России в

²⁵⁷ R. Cottrell. Chechnya: How Russia Lost//The NY Review of Books. V. 45. N 14. September 24, 1998 <http://www.nybooks.com/articles/742>

²⁵⁸ D. Treisman. Op. cit. P. 28.

²⁵⁹ Ibid. P. 37.

²⁶⁰ Ibid. P. 28.

²⁶¹ J. W. Kipp. Op. cit. P. 208.

начале 1990-х гг., кто пришел к власти, как лидер националистического движения. Кроме того, исторические и культурные факторы во многом предопределяли сплочение местного населения вокруг своих лидеров в конфликте с Москвой. Война, хотя она и дорого стоила местному населению, способствовала росту популярности Дудаева, а не Ельцина»²⁶².

Явившись результатом стечения неблагоприятных обстоятельств, война в Чечне, по мнению абсолютного большинства исследователей, дала толчок новому витку в историческом противостоянии России и Чечни, выход из которого не так просто найти. «...История пренебрежений и злоупотреблений со стороны Москвы, в том числе две недавние войны, проведенные в наказание, резко ограничили перспективы на примирение и восстановление отношений»²⁶³, – писал профессор Корнельского университета, директор программы «Исследование мира» Мэтью Евангелиста. Чеченские войны создали, по его мнению, препятствия к примирению на уровне рядовых граждан, причем как среди чеченцев, у которых кровная месть сохранилась с исторических времен, так и среди русских, для которых чеченцы автоматически приравниваются к террористам.

Американцы подчеркивают, что война в Чечне оказала серьезное влияние на межэтнические отношения в России и на национальную политику, проводимую российскими властями: появился прецедент военного подавления этнического меньшинства, а, значит, повысилась вероятность того, что в подобной ситуации федеральные власти гораздо легче могут пойти на нарушения прав этнических меньшинств. Это не может не породить в обществе социальной напряженности, прорывающейся в периодических вспышках межэтнического насилия в различных регионах страны — вспышках, на которые власти, как считают американцы, фактически закрывают глаза²⁶⁴.

Ариель Коэн приходит в этой связи к радикальному выводу: в России возродился этнический национализм и экстремизм²⁶⁵. Особенно отчетливо это проявляется в отношении к исламскому населению страны. После чеченской войны ислам часто ассоцииру-

²⁶² D. Treisman. Op. cit. P. 37.

²⁶³ M. Evangelista. Chechnya's Russia Problem//Current History. October 2003. P. 319.

²⁶⁴ <http://www.wnyc.org/shows/lopate/episodes/2007/10/04>

²⁶⁵ A. Cohen. Domestic Factors Driving Russian's Foreign Policy//Heritage Policy Issues/ November 19, 2007 <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/bg2084.cfm>

ется в российском обществе с экстремизмом, а потому проявление агрессивности — как со стороны государства, так и со стороны общества — по отношению к мусульманскому населению часто оправдывается самим же обществом²⁶⁶. По сообщениям Фридом Хаус, в России растет насилие и дискриминация в отношении этнических меньшинств, особенно представителей Кавказа и Средней Азии²⁶⁷. О росте этнического насилия и неспособности государства справиться с ним сообщает и Международная Амнистия²⁶⁸. Более того, как полагает А. Коэн, российское правительство в попытке ликвидировать идейный вакуум, который существует уже второе десятилетие, нередко эксплуатирует термин «патриотизм», балансируя между чрезмерной национальной гордостью и параноидальным национализмом, близким настроениям улиц²⁶⁹. «Кремль намеренно терпимо относится к экстремизму, культивируя таким образом «внутреннего врага», и позиционируя себя в качестве единственного защитника»²⁷⁰ от него. Радикальные движения, в свою очередь, воспринимают призывы властей к созданию «сильной России», как сигнал к атаке. Патриотическая риторика властей и «ненависть, царящая на российских улицах», по мнению многих американских исследователей, образуют вкуче источник постоянной нестабильности.

Многие аналитики за океаном уверены, что Путин, как и Ельцин, использовал чеченскую кампанию для завоевания популярности среди населения, но в отличие от первого президента ему это действительно удалось²⁷¹. Вместе с тем, Путина упрекают в неоправданном стремлении увязать решение чеченской проблемы с борьбой против международного терроризма. Больше того, на протяжении своего президентства Путин, по мнению ряда аналитиков, использовал международную обстановку как прикрытие для решения вопросов территориального устройства России военными методами. При этом Россия, считают они, ведет себя — в очередной раз — непоследовательно: заявляя о международном характере чеченского конфликта, она отказывается от участия международного сообщества в его разрешении. «Если Путин уверен, что чеченский

²⁶⁶ A. Cohen. Op. cit.

²⁶⁷ Ibidem.

²⁶⁸ <http://winnipeg.indymedia.org/item.php?15379S>

²⁶⁹ A. Cohen. Op. cit.

²⁷⁰ Ibidem.

²⁷¹ J. Kipp. Op. cit. P. 205.

конфликт это международная проблема — продукт глобального заговора террористов — тогда он должен приветствовать попытку решить его на международном уровне» — заключает М. Евангелиста²⁷².

По мнению ряда экспертов, попытка отождествить чеченский конфликт с борьбой против международного терроризма не только политически некорректна, но и опасна для России: она ведет к тому, что истинные причины конфликта замалчиваются и постепенно забываются, а значит, теряются ключи к пониманию его причин и к его разрешению. «К сожалению, своими словами и действиями, совершенными за последние четыре года, Путин продемонстрировал, что он не в состоянии рассматривать чеченский конфликт так, чтобы найти пути его мирного разрешения»²⁷³.

Абсолютное большинство американских авторов, пишущих о рассматриваемой проблеме, уверены в том, что *хотя фаза военного противостояния в этом конфликте преодолена, он до конца не исчерпан*. Кремль вместо того, чтобы проводить разную политику в отношении противостоящих ему «кругов — идеологов, преступников, мстителей», борется с «терроризмом». А это не только «открывает путь массовым нарушениям прав человека»²⁷⁴, но делает Чеченскую Республику источником политической нестабильности и экономическим бременем для России, а значит препятствием на пути ее демократизации.

В общем и целом, «чеченская карта» используется американцами как одно из самых наглядных, ярких и, как они сами считают, убедительных свидетельств ошибочности и неэффективности национально-региональной политики Кремля — по крайней мере, на некоторых ее направлениях.

ПАРТИИ ДЛЯ КРЕМЛЯ

Доминирование исполнительной власти в политическом процессе определяло, считают американские эксперты, место и роль политических партий в стране, равно как и выбор Кремлем партийной системы, которую он пытался построить.

«Суперпрезидентская республика», по определению, не могла способствовать развитию эффективной и демократической по духу

²⁷² М. Evangelista. Op. cit. P. 319.

²⁷³ Ibidem.

²⁷⁴ N. Abdullaev. Chechnya Ten Years Later//Current History. October 2004. P. 336.

партийной системы. Российский президент обладал столь широкими властными полномочиями, что некоторые аналитики вслед за известным специалистом в области проблем демократии Гильермо О'Доннеллом называли российскую политическую систему «делегированной демократией», в которой «кто бы не победил на президентских выборах, получал право управлять так, как он или она считали нужным, будучи ограничены лишь... конституционно обозначенным сроком пребывания в должности»²⁷⁵. В этих условиях партии, которые по определению должны служить каналами связи между государством и обществом, и которые таким образом неизбежно ограничивали бы свободу его действий, были не нужны президенту, который «заявлял, что правит в интересах всей нации» и демонстрировал свою «внепартийность». Ему нужна была сильная партийная система, основной целью которой было «мобилизовать электорат, чтобы добиваться парламентского большинства»²⁷⁶.

К тому же в российской политической системе Государственная Дума — единственная арена, на которой могут доминировать партии — была абсолютно неэффективным институтом²⁷⁷, ведь «...большинство в российской Думе не могло влиять ни на состав правительства, ни на характер проводимой политики»²⁷⁸.

Реальное соотношение сил исполнительной и законодательной власти и стало определяющим при построении первой партийной системы в 1990-х гг. Как писал М. Макфол, ее организация полностью определялась стремлением президента максимально сохранить существующий баланс власти. Поскольку партии могли стать — по крайней мере, теоретически — ненужными конкурентами в борьбе за власть, систему необходимо было организовать таким образом, чтобы сохранить видимость партийной активности, но не допустить усиления роли и влияния партий. Тем не менее, Макфол полагал, что партийная система, как и система президентской власти, не была результатом продуманной концепции. Следуя своему представлению о российской внутренней политике как результате случайностей и стечения обстоятельств («так получилось»), он утверждал, что «у Ельцина просто не было времени или особого желания, чтобы соизмерять электоральный

²⁷⁵ G. O'Donnell. Delegative Democracy//Journal of Democracy. Vol.5. N1. January 1994. P. 1994.

²⁷⁶ Ibidem.

²⁷⁷ M. McFaul. Party Formation P. 23.

²⁷⁸ S. White. Russia's new politics... P. 61.

эффект пропорциональной системы представительства и системы по принципу: победитель получает все»²⁷⁹. Поэтому Ельцин, не вдаваясь в подробности, просто принял тот проект, который стал компромиссом в противостоянии советников Ельцина и депутата В. Шейниса²⁸⁰.

Есть, однако, и другой взгляд на формирование партийной системы в России начала 90-х годов. По мнению Т. Ремингтона и С. Смита, истоки сложившейся партийной системы следует искать вовсе не в нежелании Ельцина вникать в тонкости различных электоральных систем, а в объективных характеристиках российского политического процесса тех лет. «Хотя Ельцин и его советники, безусловно, хотели бы максимизировать число дружески настроенных депутатов в Думе на новых выборах, у них была слабая фактологическая база, чтобы определить, какая система способствовала бы достижению их цели»²⁸¹.

Но мало того, что, как отмечают Ремингтон и Смит, в российский парламент прошли далеко не все политические партии, существовавшие в то время в России. Сами эти партии представляли собой в период формирования избирательного законодательства (1993 год) «немногим больше, чем просто парламентские фракции и ассоциации элит; их региональные отделения были в зачаточном состоянии... И вот у этих протопартий было всего два месяца на то, чтобы стать соответствующими всем требованиям для участия в выборах, выставить кандидатов и начать кампанию. Элементарно не было времени, для объединения малых групп в более крупные, более конкурентные партии»²⁸².

Отсутствие опыта проведения избирательных компаний также сыграло немаловажную роль. Действующие партии не могли опереться ни на результаты выборов депутатов в 1989 г. и 1990 г., ни президентских выборов 1991 г., чтобы оценить уровень поддержки на национальном и местном уровнях, на который они могли бы рассчитывать. Избирательные округа также впервые создавались к выборам 1993 г. Даже результаты референдума могли служить лишь слабой базой для оценки партийных предпочтений в обще-

²⁷⁹ M. McFaul. Party Formation... P. 31.

²⁸⁰ Ibidem.

²⁸¹ T. Remington and S. Smith. Political Goals, Institutional Context and the Choice of an Electoral System: The Russian Parliamentary Election Law//American Journal of Political Science, Vol. 40. N 4. November 1996. P. 1259.

²⁸² Ibidem.

стве, учитывая, ухудшение экономической и социальной ситуации в стране²⁸³.

В результате ни один из рассматриваемых проектов будущей системы, не имел серьезной фактологической базы, ни один не мог дать стопроцентной гарантии достижения поставленной Ельциным и его окружением цели. «Смешенная система казалась лучшим путем минимизации риска того, что оппозиционные силы будут настолько сильны в новом парламенте, что смогут заблокировать реформы»²⁸⁴. Так в России была сформирована смешенная электоральная система, которая стимулировала развитие многопартийности.

Результаты первых выборов по новому закону в Государственную Думу оказались настолько шокирующими для президента и его ближайшего окружения, что на протяжении последующих нескольких лет Ельцин пытался внести изменения в закон о выборах и отменить пропорциональную систему представительства, но — безуспешно: «избранные депутаты были заинтересованы в сохранении электоральной системы, которая привела их к власти...»²⁸⁵. В 1995 г., когда вопрос о реформе избирательной системы был вынесен на обсуждение в Государственной думе, партийным лидерам, по утверждению Т. Ремингтона и С. Смита, существующая система была выгодна и они не были заинтересованы в ее ревизии. Партии к этому времени все еще оставались в зачаточном состоянии, но «парламентские лидеры могли использовать ресурс парламентских фракций, чтобы координировать отношения с региональными отделениями, укрепить лидерские позиции в партийной организации и разработать партийную программу... кроме того, они могли контролировать состав партийного списка»²⁸⁶.

Слабость партий американские аналитики склонны связывать с тем, что им (партиям) не удалось заручиться поддержкой общества. Все перипетии, переживавшиеся российской политической системой с момента распада СССР, никак не способствовали политической активизации общества. Коррупцированная система государственного управления и политически аморфное общество дополнялись столь же аморфной партийной системой. В одной из наиболее цитируемых работ по рассматриваемой проблематике,

²⁸³ T. Remington and S. Smith. Political Goals... P. 1259.

²⁸⁴ Ibid. P. 1260.

²⁸⁵ Ibid P. 1277.

²⁸⁶ Ibidem.

а именно «Как Россия голосует», читаем: «В России более чем у трети электората отсутствует партийная идентификация... а большинство в значительной степени антипартийны»²⁸⁷. Такая ситуация объяснялась отсутствием адекватной политической культуры, семидесятилетней историей однопартийного правления и, конечно, слабостью самих партий.

Некоторые специалисты, в частности, С. Уайт, считают, что «к концу 1990-х гг. Россия, безусловно, стала многопартийным государством»²⁸⁸. Но тут же уточняют, что российские партии не превратились в «центральный элемент политического процесса»; что «они чаще всего были не больше чем инструментами для продвижения активных политиков с незначительным членством и плохо обозначенной программой»; что «многие из новых партий вообще избегали слова «партия», если была такая возможность — наследие времен, когда «партия» означало КПСС, которая монополизировала власть и (по отношению к большинству россиян) злоупотребляла своим положением. ... Было также очевидно, что обычные граждане неохотно ассоциировали себя с политическими партиями, которые начали конкурировать за их поддержку... Партии были институтом, которому доверяли меньше всего в России...»²⁸⁹.

Такая партийная система, дальнейшее строительство которой после 1993 г. было фактически пущено Кремлем на самотек, не могла обеспечить ни эффективную связь общества и государства, что предполагает демократическая политическая система, ни даже поддержку Кремля со стороны Государственной Думы, к чему первоначально стремился Ельцин. Не удивительно, что один из первых шагов в сфере внутренней политики, предпринятый в 2000 г. новым президентом, касался именно реформирования партийной системы. Причем реформирование это осуществлялось, как подчеркивали американцы, в рамках построения «властной вертикали» и служило основной цели — установлению контроля над законодательной властью. Для этого Путиным была избрана стратегия построения межпартийных коалиций, лояльных по отношению к Кремлю.

Первой из них стал «временный альянс между фракцией «Единое» и коммунистами, к которому присоединились независимые

²⁸⁷ S. White, R. Rose and I. McAllister. How Russia Vote. Chatham. 1997. P. 135.

²⁸⁸ S. White. Russia's new politics... P. 60.

²⁸⁹ Ibidem.

депутаты»²⁹⁰. В Думе следующего созыва, как утверждает Т. Ремингтон, именно «Единство» стало партией, которая имела «прямой доступ в Кремль», выступив при этом в роли гаранта сохранения прокремлевского большинства в Думе, и основным посредником в ее отношениях с Кремлем. Именно «сила и слаженность «Единства» дала Кремлю возможность обеспечивать большинство в поддержку почти любого законопроекта, который он хотел провести»²⁹¹.

Вторая коалиция была сформирована «Единством» из ОВР, «Регионов России» и «Народных депутатов». И хотя, как замечает Т. Ремингтон «Единство» не всегда могло обеспечить партийную дисциплину в рядах этой коалиции... такой опыт послужил основой для дальнейшего развития стратегии построения прокремлевских коалиций в Госдуме. При этом основным инструментом давления в таких коалициях, была поддержка Кремля: партия, которая нарушала партийную дисциплину в коалиции, могла быть лишена поддержки на следующих выборах.

«Единство» фактически стало инструментом Кремля в Государственной Думе. «Оно приносило президенту и правительству одну победу за другой, но за определенную цену. Правительство было вынуждено идти на уступки в некоторых сферах, с тем, чтобы получить прохождение наиболее приоритетных законопроектов, таких как поправки в годовой бюджет или реформирование налоговой сферы»²⁹².

Ставка на формирование прокремлевского большинства в парламенте стала основой партийного строительства в 2000-е гг. Постепенно фракции и коалиции, формировавшиеся Кремлем с помощью «Единства», привели к институционализации партии большинства — «Единой России».

На поддержку такой политики была направлена и электоральная политика, проводимая Кремлем в 2000-х гг. Американские наблюдатели указывают на то, что практически все поправки, которые пошагово вносились в российское избирательное законодательство («повышение порога для прохождения в Государственную Думу, отмена порога явки, ликвидация графы «против всех» и одномандатных округов, по которым ранее избиралась половина состава Думы»²⁹³), были направлены на обеспечение привилегиро-

²⁹⁰ T. Remington. Putin, the Duma, and Political Parties. P. 35.

²⁹¹ Ibid. P. 36.

²⁹² Ibid. P. 40.

²⁹³ М. Вайс. Нечестные выборы//The Weekly Standard. 05.12.2007 <http://www.inosmi.ru/translation/238220.html>

ванных условий для партии Кремля и, в конце концов, на укрепление власти самого Кремля²⁹⁴.

В соответствии с логикой создания блоковой партийной системы, подконтрольной Кремлю, указывают американские аналитики, была осуществлена и попытка создания «оппозиционной партии». На ее роль была выбрана коалиция трех небольших партий — «Родины», «Российской партии жизни» и «Российская партия пенсионеров». Как замечает аналитик американской газеты Washington Post Питер Финн, «...данный альянс стал результатом серии встреч между партийными руководителями и президентом Владимиром Путиным, который благословил это предприятие. Все говорит о том, что цель объединения достигнута: теперь сторонники Путина находятся по обе стороны российской политической сцены. Данное объединение стало новым свидетельством нетерпимости Кремля к политическому плюрализму и к демократической составляющей в любой неуправляемой форме»²⁹⁵.

Между тем, «Справедливая Россия», которая «появилась на свет по благословию Кремля и долго была его надежным помощником в проведении большинства политических решений»²⁹⁶, накануне парламентских выборов 2007 г. столкнулась с непредвиденными трудностями. Американские наблюдатели ограничились в своих комментариях лишь констатацией того, что, по всей видимости, Кремль решил все-таки отдать предпочтение однопартийной системе.

Именно черты однопартийности видят они в новой партийной системе России, ставшей результатом целенаправленного партийного строительства Путина. «... В российской политической сфере установилась монополия прокремлевской партии «Единая Россия», во многом напоминающая старые времена, когда Коммунистическая партия Советского Союза обладала монополией»²⁹⁷.

²⁹⁴ Так, например, комментируя отмену выборов по одномандатным округам, заместитель главного редактора журнала Jewcy Magazine М. Вайс, пишет, что «теперь она (Государственная Дума — В. Ж.) вся избирается по пропорциональной схеме, благодаря чему стало проще набирать депутатов из числа друзей режима...» (М. Вайс. Нечестные выборы//The Weekly Standard. 05.12.2007. <http://www.inosmi.ru/translation/238220.html>).

²⁹⁵ П. Финн. Оппозиционная партия похожа на творение Путина The Washington Post. 30.08.2006. <http://www.inosmi.ru/translation/229617.html>

²⁹⁶ М. Вайс. Указ. соч.

²⁹⁷ Р. Джонсон. Новая Россия: во многом почти как старая // The Weekly Standard 23.01.2008. <http://www.inosmi.ru/translation/239088.html>

Сравнение «Единой России» с КПСС стало все чаще появляться в американских комментариях. «Прошло всего 4 года с момента создания партии «Единая Россия» президента Владимира Путина, а число ее членов растет в 2 раза быстрее, чем росла численность Коммунистической партии при большевиках. Как и Коммунистическая партия прошлого века, она стала самым верным путем к успеху в российском обществе... Более двух третей российских федеральных и региональных парламентариев и 70 из 89 региональных губернаторов являются членами «Единой России». Тысячи государственных служащих, известных личностей и ведущих представителей деловых кругов вступили в эту партию в последние годы, когда она превратилась в господствующую силу в национальной и местной политике»²⁹⁸.

На этом фоне реакция американских наблюдателей на результаты парламентских выборов 2007 г. была вполне ожидаемой и предсказуемой. Никто не сомневался в победе «Единой России» и лишь ждали официальных результатов, чтобы вынести окончательный «приговор». Дэвиду Саттеру эти выборы напомнили до боли знакомое «безальтернативное голосование советского периода, смысл которого, словно в капле воды, отразился в ставшем знаменитым ответе советского рабочего, державшего в руках портрет Брежнева, на вопрос иностранного корреспондента: «Что мне дали — то и держу»²⁹⁹.

Д. Саттера поддержал М. Макфол: «Выборы также превратились в фарс. Условия для борьбы неравные, а самым активным кандидатам от оппозиции, таким как бывший премьер-министр и бывший кандидат в президенты Михаил Касьянов, вообще не дали принять участие в предвыборной гонке... личная популярность Путина и контроль Кремля над средствами массовой информации и органами власти в регионах обеспечили убедительную победу его партии «Единая Россия». Те партии, которые в своей деятель-

²⁹⁸ М. Мейнвиль «Партия Путина перешеголяла КПСС//The Washington Times. 26.05.2006. <http://www.inosmi.ru/translation/227743.html>. Этот мотив звучит и в других комментариях. «Поддерживающая президента Владимира Путина партия «Единая Россия» с помощью активной вербовки новых членов и законов, которые ставят ее оппонентов в еще более невыгодные условия, консолидирует свою власть до уровня, который критики сравнивают с политической монополией советских дней» (П. Финн. Политическая машина Путина укрепляет позиции // The Washington Post. 09.06.2006. <http://www.inosmi.ru/translation/228055html>).

²⁹⁹ Д. Саттер. Россия Инкорпорейтед // The Weekly Standard 17.12.2007. <http://www.inosmi.ru/translation/238292.html>

ности не ориентируются на Кремль, сегодня стали намного слабее, и им приходится работать в гораздо более сложных политических условиях. А те сторонники независимых политических деятелей, которые могли и оказывали им финансовую помощь, в испуге бежали из сферы политики»³⁰⁰.

Примечательно, что, критикуя избирательное законодательство и фиксируя нарушения, имевшие место во время выборов 2007–2008 гг., большинство американских аналитиков сходятся во мнении, что результаты этих выборов отражают доминирующую политическую ориентацию россиян. Как замечает Саттер, «даже если принять во внимание масштаб злоупотреблений, в поддержку нелиберальной политики высказалось все же большинство населения»³⁰¹. Отсюда и вывод: «Единая Россия» — уже не просто инструмент Кремля, ей удалось завоевать общество и начать менять его под себя. Именно эта организация может стать основой новой политической системы России, контуры которой наметились весной 2008 г.

Вместе с тем, отмечается, что поддержка большинством россиян «Единой России» (которая на самом деле была поддержкой Путина) вовсе не свидетельствует о гражданской активности населения, о поддержке ими партийной политики, проводимой властями и массовом стремлении граждан идентифицировать себя³⁰² с той или иной из существующих партий.

³⁰⁰ М. Макфол. Фактор страха//Newsweek. 03.03.2008 <http://www.inosmi.ru/translation/239952.html>

³⁰¹ Д. Саттер. Россия Инкорпореيتد// The Weekly Standard. 17.12.2007. <http://www.inosmi.ru/translation/238292.html>

³⁰² Тэд Брэдер из Мичиганского университета и Джошуа Такер из Принстона попытались применить используемые на Западе модели партийной идентификации граждан к российской действительности и, вопреки общепринятому мнению, обнаружили ростки партийной приверженности у россиян: по их словам, российские «избиратели проявляют лояльность к партиям, чья политика и платформа отражают интересы и чаяния избирателей» (Т. Brader and Joshua A. Tucker. The Emergence of Mass Partisanship in Russia, 1993–1996//American Journal of Political Science. Vol. 45. N1 January 2001. P. 78). Схожую точку зрения высказывают Артур Миллер и Томас Клобукэр из Университета Айовы, утверждая, что российские граждане уверены в необходимости партий для развития демократии и даже используют партийную идентификацию при принятии политических решений (А. Miller and Th. Klobucar. The Development of Party Identification in Post-Soviet Societies// American Journal of Political Science. V. 44. N4. October 2000. P. 684). Однако такая точка зрения разделяется лишь немногими американскими специалистами.

* * *

Оценивая в целом образы внутренней политики российского государства, сформировавшиеся к настоящему времени в американском научном сообществе, можно с уверенностью сказать, что при всех существующих между ними различиях их контуры и основные черты совпадают.

Главную роль в определении внутривластного курса страны, считают американцы, играет исполнительная власть во главе с президентом РФ. Партийная политика полностью подчинена одной задаче — поддержанию контроля Кремля над Государственной Думой и обществом в целом. Федеральный центр стремится полностью доминировать над региональными властями, хотя четкого отлаженного механизма взаимодействия центра и регионов до сих пор не создано. Федеральные власти, по-прежнему, предпочитают пожарные меры, которые «лечат» не причину, а следствия. Ельцин в качестве таких мер использовал фискальные поощрения, Путин же предпочитал жестко контролировать исполнителей в регионах и лично отдавать им указания. Такая внутренняя политика привела к полной апатии населения, которое в своем большинстве не ассоциирует себя ни с властью в целом, ни с одной из партий, созданных этой властью.

В своих суждениях о том, какой может оказаться российская внутренняя политика в обозримом будущем, американские эксперты в большинстве своем проявляют осторожность, о чем свидетельствует, в частности, доклад Качинса. Вместе с тем, они едва ли не единодушно констатируют: *при формировании этой политики российские власти слишком связаны такими факторами, как история, география, культура России, этнические и конфессиональные характеристики ее населения.* На каждом из решающих исторических этапов власти раз за разом склоняются к выбору в пользу стабильности и управляемости, которые очень часто отождествляются ими с жестким контролем и авторитарными методами руководства государством и обществом.

Глава 4. «ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ» НА «НЕФТЯНОЙ ИГЛЕ» (Экономическая политика и экономический режим)

СПЕЦИФИКА И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА РОССИИ

К числу центральных образов новой России, формировавшихся за океаном с момента ее появления на политической карте мира, относится и экономический образ. Тут, как и в других случаях, следовало бы, конечно, говорить об *образах*, учитывая расхождения во взглядах американских экспертов. А расхождения эти налицо, и вызваны они не только различием их идеологических ориентаций, неодинаковым знанием и пониманием России и разным отношением к ней, но и разной степенью личной вовлеченности в российские дела. Некоторые из американцев были экономическими советниками правительства РФ в первой половине 90-х годов, и это не могло не повлиять на их оценку того, что происходило в России полтора десятка лет назад и что происходит ныне. Дает о себе знать и нескрываемая неприязнь некоторых из них к Владимиру Путину.

Однако при всех расхождениях всегда существовал и существует собирательный *доминирующий образ*, в основе которого лежит консенсус большинства экспертов по обсуждаемым вопросам. Этот образ и будет находиться в центре нашего внимания.

На протяжении короткой истории новой России он менялся неоднократно. Наиболее радикальные изменения этого образа приходятся на годы президентства Путина, особенно второй его срок, что связано со стечением обстоятельств, о которых будет сказано далее. Но и в рамках этого периода нельзя не выделить последние несколько месяцев 2007-го и первые несколько месяцев 2008-го годов (время подготовки и осуществления изменений в высших эшелонах власти), когда американцами была предпринята массивная попытка пересмотра широко распространенных ранее оценок экономической политики Ельцина и, говоря словами Андерса Ослунда, «разоблачения мифа» об успешной экономической политике Путина.

Сигналом к этому пересмотру послужил вышеупомянутый доклад группы Качинса «Альтернативные сценарии развития России

к 2017 году» и приложенные к нему содоклады экспертов вашингтонского Центра стратегических и международных исследований. За ними последовали многочисленные публикации того же рода в западных и российских изданиях. Наиболее яркие примеры — статья А. Ослунда «Разоблачая грандиозный миф о президенте Путине», опубликованная 29 ноября 2007 года в газете «Moscow Times», и статья М. Макфола и К. Стоунер-Вайсс «Миф об авторитарной модели», помещенная в журнале *Foreign Affairs* за январь-февраль 2008 года и вызвавшая реакцию как в самих Соединенных Штатах, так и за их пределами.

Специфика экономической науки, широко использующей количественные методы исследования и опирающейся на статистические данные, пусть даже не всегда достаточно надежные, не могла не способствовать повышению (по сравнению с другими ее образами) степени адекватности экономического образа России, формируемого американскими экспертами, его большему соответствию реальности. К тому же в отличие от ее политического образа, формированием которого занимаются не только профессиональные политологи, но и многочисленная армия журналистов, публицистов, политиков, далеко не всегда знакомых с российскими реалиями и порой несущих с собой старый «советологический» груз, экономический образ России формируется в основном специалистами. Есть, как мы увидим, малоквалифицированные или выполняющие «социальный заказ» представители названной «армии» и в рассматриваемой сфере, но роль первой скрипки тут играют, повторю, достаточно хорошо информированные профессионалы высокого класса³⁰³, включая тех, кто давно уже занимается Россией.

Речь идет, в частности, о таких экспертах, как Маршалл Голдман, директор Центра по изучению России и Евразии при Гарвардском университете, автор многочисленных работ по российской экономике, включая переведенную на русский язык книгу «Пиратизация России»³⁰⁴; старший научный сотрудник Института международной экономики им. Петерсона (а в недавнем прошлом — руководитель

³⁰³ Некоторые из них регулярно приглашаются кремлевской администрацией на ежегодные заседания интеллектуального клуба «Валдай», где обычно выступит В. Путин, и имеют тесные контакты с представителями российских деловых кругов, президентской администрации и СМИ.

³⁰⁴ Голдман М. Пиратизация России. Пер. с англ. Новосибирск/Москва, 2005. См. также: Goldman M. Lost Opportunity: Why Economic Reforms in Russia Have Not Worked. N.Y., 1994; Russian Energy: A Blessing and a Curse// *Journal of International Affairs* 53, 1 (Fall 1999).

Московского отделения Фонда Карнеги) Андерс Ослунд, автор книг «Строительство капитализма»³⁰⁵, «Капиталистическая революция в России: почему рыночные реформы увенчались успехом, а демократия потерпела неудачу» и других, а также многочисленных статей о российской экономике; профессор экономики Гарвардского университета Андрей Шлейфер, опубликовавший нашумевшую книгу «Нормальная страна. Россия после коммунизма»³⁰⁶; профессор Стивен Роузфилд из университета Северной Каролины, автор получившей широкую известность книги «Россия в 21 веке. Расточительная супердержава»³⁰⁷; а также Дэниел Трейсмен, Джозеф Штиглиц, Питер Ратленд, Джеймс Миллар, Стивен Фиш, Стивен Коткин, Хилари Эппел, Падма Десаи, Крайстиа Фриланд, Стивен Вигрен, Тимоти Фрай и другие.

Добавим к сказанному, что и среди неэкономистов, затрагивающих в некоторых из своих публикаций экономическую проблематику, мы видим людей, серьезно погруженных в российские реалии — таких, как Стивен Коэн, Леон Арон, Дмитрий Саймс, Сара Менделсон, Томас Грэм и, конечно, Ричард Пайпс.

Надо, впрочем, сразу оговориться, что достаточно высокий профессиональный уровень многих американцев, пишущих о российской экономике, отнюдь не гарантирует их объективности и ценностной нейтральности высказываемых ими суждений. Это касается, прежде всего, оценок экономической политики российского руководства в ее тактическом и стратегическом аспектах, методов проведения реформ и их результатов, характера экономических институтов, сложившихся в годы преобразований, не говоря уже о личном вкладе в экономическое развитие России таких фигур, как Борис Ельцин, Анатолий Чубайс, Егор Гайдар, Владимир Путин, Алексей Кудрин и другие.

Яркий пример — Андерс Ослунд, служивший с 1991 по 1994 гг. экономическим советником правительства России и, в отличие от того же М. Голдмана, никогда не пытавшийся понять природу экономических процессов, происходивших в Советском Союзе, докопаться до их исторических истоков. Ослунд открыто гово-

³⁰⁵ Ослунд А. Строительство капитализма. Пер с англ., М., 2003. См. также: How Russia Became a Market Economy. Wash., D. C., 1995.

³⁰⁶ Shleifer A. A Normal Country. Russia After Communism. Cambr., Mass., London, 2005. См. также: Shleifer A. and D. Treisman. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambr., MA, 2000.

³⁰⁷ Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambr. Univ. Press, 2005.

рит о своей нелюбви к советскому строю, в котором не видит ни единого светлого пятна. «В отличие от многих специалистов по экономике Советского Союза и восточноевропейских стран меня никогда не привлекали отдельные «достижения» социализма. Проведя три года в Советском Союзе и один год в Польше, я близко столкнулся с коммунистическими реалиями и нашел их абсолютно отвратительными... коммунизм следовало не реформировать, а разрушить»³⁰⁸.

Не в восторге Ослунд и от того, что происходит в нынешней России, и в его многочисленных публикациях (и сопровождающих их политических рекомендациях) порой просматривается мысль о том, что Запад во главе с Америкой должен «заставить» Кремль идти по «правильному» пути. Впрочем, такого рода настроения характерны не только для шведско-американского аналитика.

И, тем не менее, подходы и оценки того же Ослунда и тех, кто разделяет его взгляды, заслуживают внимания как по причине того, что они отражают определенные стороны российской экономической реальности, так и по причине их репрезентативности.

У каждого из американских исследователей — свой «угол» взгляда на рассматриваемый и описываемый предмет. И мало кто из них охватывает взором все стороны российской экономической реальности. Но из этой мозаики складывается интегральный экономический образ современной России, в котором — идет ли речь о первой или второй половинах 90-х гг., о первом или втором сроках президентства Путина — просматриваются четыре внутренне связанные друг с другом и выписанные у разных авторов в разной пропорции и с разной степенью четкости, грани.

Это, во-первых, *общая экономическая ситуация*, сложившаяся в России на данном этапе ее развития, или, другими словами, картина крупномасштабных экономических процессов и явлений, характеризующих состояние народного хозяйства в целом (ВВП, объем инвестиций, уровни инфляции и безработицы и т.п.). Словом, речь идет о *состоянии макроэкономики*.

Во-вторых, это *методы хозяйствования*, включая *методы реформирования экономики*, что было особенно актуальным в 90-х годах, когда происходил переход от социалистического планового хозяйства к капиталистическому (протокапиталистическому) рыночному хозяйству и что, по мнению многих экспертов, сохраняет свою актуальность по сей день, поскольку реформы далеко не завершены.

³⁰⁸ Ослунд А. Строительство капитализма. Пер. с англ. М., 2003. С. 13.

В-третьих, это стратегия — прежде всего государственная — экономического развития и формирующийся в стране общественно-экономический уклад.

Наконец, в-четвертых, это перспективы развития российской экономики — преимущественно краткосрочная и среднесрочная.

Соотношение этих граней — а оно менялось с течением времени — определяло и определяет содержание, характер и, если так можно сказать, общую тональность формирующегося за океаном экономического образа России.

«ЕЛЬЦИНСКИЕ» 90-е: КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, ОШИБОЧНЫЕ МЕТОДЫ, ПРАВИЛЬНЫЙ КУРС

Все американские аналитики признают, что к моменту воцарения Ельцина в Кремле экономика России «пребывала на грани коллапса»³⁰⁹. Тяжелым оставалось экономическое положение и в первые годы его пребывания на посту президента. Но такая ситуация возникла не вдруг. «Когда Горбачев в 1985 году пришел к власти, — уверен М. Голдман — лошадь (экономика) уже была нетрудоспособной... Кроме того, Горбачев, несмотря на свои навыки государственного деятеля, был бездарным «наездником», по крайней мере в том, что касалось разработки и внедрения хорошей экономической политики. К 25 декабря 1991 года, когда Ельцин «вытолкнул» Горбачева из кабинета, экономика была в еще более отчаянном положении. За последние годы правления Горбачева экономический рост, который до того только начал замедляться, фактически стал отрицательным... Согласно подсчетам ЦРУ США, в 1990 году ВВП (так в тексте — Э. Б.) всего Советского Союза упал на величину где-то между 2,4 и 5%. В следующем, 1991 году, ВВП уже только России также упал на 5 процентов»³¹⁰.

Свидетельства глубокого кризиса были повсюду. В стране бушевала гиперинфляция (в 1992 году она достигла 2500 процентов³¹¹, а цены выросли в 26 раз). Казна была почти пуста. «Были времена, когда Россия была близка к банкротству. По некоторым

³⁰⁹ Millar J. Putin and the Economy // Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham et al., 2005. P. 128.

³¹⁰ Голдман М. Пиратизация России. С. 28.

³¹¹ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 187.

показателям, таким, как, скажем, ничтожные 2 млрд долларов валютного и золотого запаса в Российском Центробанке на 1991 год, она уже была банкротом»³¹². Государство увязло в многомиллиардных внешних долгах. Экономическая преступность в условиях отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы и кризиса судебной системы достигла гигантских масштабов: страну активно разворовывали. Промышленность и сельское хозяйство лежали в руинах, и восстанавливать их было тем труднее, что прежние хозяйственные связи между предприятиями (часть из которых в одночасье стали иностранными) были разрушены после распада Советского Союза. По оценке Дж. Миллара из университета Джорджа Вашингтона, «экономическая депрессия тех лет (речь идет о России начала 90-х — Э. Б.) была глубже и разрушительнее, чем какая-либо другая депрессия из числа зарегистрированных в послевоенный период»³¹³.

Необходимость радикального реформирования российской экономики была очевидной и для Кремля, и для национальных элит, и для западных экспертов. Очевидным (по крайней мере, для большинства) было и то, что речь могла идти не о восстановлении советской системы хозяйствования, а о переходе к капиталистической рыночной экономике. В *этом* отношении ситуация выглядела практически *безальтернативной*. Во всяком случае, так оценивали ее в начале 90-х и оценивают — ретроспективно — сегодня американские эксперты.

Но вставал вопрос: *как* совершить этот переход, с помощью *каких методов*, в *какие сроки*? Был ли вообще у Ельцина выбор? Многие полагают, что существовали *альтернативные* по отношению к избранному, т. е. более эффективные в экономическом отношении и менее болезненные в социальном плане модели преобразования советской экономики, которыми российские реформаторы не желали воспользоваться по политическим (как можно быстрее создать если не класс, то хотя бы слой частных собственников — политическую и экономическую опору нового режима) и иным соображениям. Что же касается форм и методов реформирования российской экономики, избранных Ельциным и его командой, то они, по мнению большинства американских экспертов, оказались во многом ошибочными, ибо основывались на грубых просчетах.

³¹² Голдман М. Пиратизация России. С. 29–30.

³¹³ Millar J. Putin and the Economy // Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham et. al., 2005. P. 129.

«Экономисты-радикалы» и их советники уверяли президента, что после того, как будут отпущены цены и покончено с централизованным планированием, произойдет резкий экономический спад, «но через девять месяцев можно будет ожидать подъема... Потребовалось, однако, не девять месяцев, а почти девять лет, чтобы экономика вновь поднялась на ноги»³¹⁴.

Маршалл Голдман, оценивая экономическую реформу 90-х, утверждает, что она имела «извращенную и грубую природу»³¹⁵. И результаты ее нельзя в целом считать удачными. «...Трудно отрицать, что российские экономические реформы не оправдали оптимистических предсказаний тех, кто считал, что Россия примет рынок и восполнит потерянное время быстрым экономическим ростом. Более того, ни в коем случае, и даже после начала экономического роста в 1999 году, нельзя сказать, что результаты были достаточно впечатляющими, чтобы оправдать распространение таких социальных чудовищ, порожденных реформами, как русская мафия, бизнес-олигархия, бегство капитала и инфляция. Эти чудовища оседлали Россию и породили дисфункциональные, трудноизлечимые модели поведения»³¹⁶.

Еще более резкую оценку дает реформам экономист Стивен Роузфилд. Сразу после дефолта он обвинил российскую элиту в том, что она осуществила «неправильную (wrong) “приватизацию”, неправильную “стабилизацию” и неправильное “освобождение от [государственного] контроля (decontrol)”»³¹⁷, в результате чего возник «феномен, который может быть описан как «клептократический плюрализм (правление различного рода воров, включая президента и его окружение, министров, бюрократов, представителей служб безопасности, менеджеров, представителей финансовых институтов и мафию)», представляющий «игру без правил», направленную на получение «привилегий и власти»»³¹⁸.

³¹⁴ Millar J. Putin and the Economy // Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham et. al., 2005. P. 129.

³¹⁵ Голдман М. Пиратизация России. Пер. с англ. Новосибирск/Москва, 2005. С. 9.

³¹⁶ Голдман М. Пиратизация России. С. 38–39.

³¹⁷ Rosefelde S. Russia's Warped Transition: The Destructive Consequences of Ethically Unconstrained Utility Seeking // Eastern Economic Journal, Fall 1999. — http://www.findarticles.com/p/articles/mi_qa3620/is_199910/ai_n8870255

³¹⁸ Rosefelde S. Russia's Warped Transition: The Destructive Consequences of Ethically Unconstrained Utility Seeking // Eastern Economic Journal, Fall 1999. — http://www.findarticles.com/p/articles/mi_qa3620/is_199910/ai_n8870255

Наибольшие нарекания вызывают избранная ельцинскими реформаторами стратегия шоковой терапии и, как ее продолжение, программа ускоренной приватизации. Примечательно, что последнюю критиковали не только специалисты по России, но и такие крупные авторитеты, как Джозеф Штиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике и до 2000 года главный экономист Всемирного банка, и Алан Гринспен, бывший Председатель Совета управляющих Федеральным резервным банком США. По словам острого на язык Маршалла Голдмана, это была не приватизация, а «пиратизация России» — «разграбление страны... во имя приватизации и перехода к рынку», «открытый и беспринципный захват того, что некогда было государственной собственностью»³¹⁹.

Те из исследователей, которые лучше других знакомы с историей России и историей советской экономики (Р. Пайпс, С. Роузфилд, М. Голдман и др.), готовы ныне признать, что многое из того, что происходило в российской экономике в 90-е годы, — это «отголосок» не только коммунистических времен, но и дореволюционного прошлого. «Приватизационным попыткам реформаторов не благоприятствовали не только семьдесят лет репрессий и антирыночной идеологии, навязанной коммунистами, но и то, что у рынка никогда не было прочных корней и в эпоху царизма... бизнес при царе, в лучшем случае, имел поверхностное сходство с тем, что мы сочли бы жизнеспособной рыночной конкуренцией. Поэтому и неудивительно, что многие из аномалий рынка, которые отличают бизнес в России от сегодняшнего бизнеса на Западе, возникли еще при царях. Так, многие понятия, например такие, как государственный контроль над сырьевыми ресурсами и всеильная роль, которую играют в стране *чиновники*, уходят своими корнями в эпоху царизма, при коммунизме эти пороки только усугубились»³²⁰.

Признается и то, что одним из источников неудач при проведении реформы были ошибочные рекомендации западных, в том числе американских, экспертов (Д. Сакса, Д. Хэя и других), выступавших в роли советников российского правительства. Одну из главных их ошибок сегодня видят в том, что они не учли специфики России и, в частности, специфики... российской культуры.

Такой — неожиданный, на первый взгляд — вывод вполне вписывается в обозначившуюся на Западе в последние полтора-два десятилетия тенденцию к рассмотрению культуры (понимаемой,

³¹⁹ Голдман М. Пиратизация России. С. 12.

³²⁰ Голдман М. Пиратизация России. С. 45.

впрочем, по-разному) в качестве одного из важнейших факторов общественного, в том числе экономического, развития³²¹. «Многие из советников, работавших над экономической реформой в России, — сетует Голдман, — отвергали предположение, что Россия и русские по-другому справляются с экономическими ситуациями, чем их визави на Западе. Нет такого феномена, утверждали эти советники, как особый российский «экономический человек»...

Но если даже, — настаивает Голдман, — некоторые россияне и так же реагируют на те же самые стимулы, как американцы или немцы, то все-таки проблема в том, что институты, которые были «вылеплены» за семьдесят лет коммунизма и за века царского правления, очень сильно отличались от тех, которые развились на Западе. Таким образом, ответная реакция вполне может быть такой же, но так как соответствующие институты в России очень сильно отличаются от западных, то эффект этой ответной реакции может быть канализирован совсем в другом направлении...

Не нужно быть марксистским экономическим детерминистом, — заключает американский экономист, — чтобы признать, что действительно есть случаи, когда давние культурные традиции уступают превосходящим соблазнам новых экономических инициатив. Однако чем больше различий в структуре институциональной среды, тем выше вероятность, что будут различаться и ответные реакции...»³²².

³²¹ Наиболее показательны в этом отношении работы Лоуренса Харрисона (автора вышедшей в 1985 году книги «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки», во многом способствовавшей началу дискуссии о роли культуры в экономике), Дэвида Ландеса, Джеффри Сакса, Майкла Портера и других. Этапным явлением можно считать публикацию книги Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. N., Y., 2000.

³²² Голдман М. Пиратизация России. С. 47–48. О важной роли культуры в экономическом развитии говорил и Алан Гринспен в своей лекции, прочитанной в Международном центре имени Вудро Вильсона 10 июня 1997 года. «Многое из того, что мы принимали как данность в нашей системе свободного рынка и приписывали человеческой природе, оказалось вовсе не природой, а культурой... Демонтирование функций централизованного планирования в экономике не устанавливает автоматически, как некоторые считали, свободно-рыночную предпринимательскую систему. Рыночную экономику подпират огромная масса капиталистической культуры и инфраструктуры, которая эволюционировала в течение целых поколений: законы, конвенции, поведение и широкий спектр бизнес-профессий и практик, которые не имели важных функций в экономике с централизованным планированием» (Alan Greenspan, *Speech to the Woodrow Wilson International Center for Scholars*, New York City, June 10, 1997. P. 2.).

И все же основной причиной неудач и провалов при проведении реформы, прежде всего приватизации, американские аналитики признавали ошибки самых реформаторов — ошибки, которых можно было избежать.

Начало 90-х, когда реформа стала набирать ход, характеризовалось не только глубоким кризисом российской экономики. Напряженной была и социальная обстановка, существовал реальный риск массовых протестов и даже насилия. «Вряд ли это было подходящее время для того, чтобы начинать другие далеко идущие социальные эксперименты, такие, например, как приватизация крупной государственной промышленности»³²³. Между тем 60–70 % российских предприятий было приватизировано всего за три-четыре года. И это касалось не только мелких предприятий, магазинов и т. п.

Но мало того, что приватизация была «беспорядочной», «поспешной», «сверхамбициозной». Она была еще и «непрозрачной», изобиловала «мошенническими сделками» и «инсайдерскими операциями», направленными на обеспечение бизнес-интересов определенных групп. Аукционы по продаже государственных предприятий проводились таким образом, что победителем оказывался не тот, кто был готов предложить наибольшую цену, а тот, кто предлагал наибольшую взятку.

Голдман сравнивает практиковавшиеся Чубайсом методы приватизации со сталинскими. «Конечно, Сталин устанавливал государственный контроль, а Чубайс пытался устранить его, но, как это типично для России, и Сталин, и Чубайс настаивали на мгновенных, неэволюционных трансформациях. Это неизбежно вело к крайностям и искажениям.

Навязывая политические цели и игнорируя экономические императивы, Чубайс по «нечаянности» создал такие структурные деформации в экономике, которые будет нелегко исправить. Он предпочел пренебречь тем фактом, что не существовало никакого рынка или конкурентной инфраструктуры, которые могли бы вобрать в себя или «усмирить» эти только что приватизированные монополии. Так же как не было и существенных процедур контроля, таких как аудиторские проверки и отчетность перед владельцами, держателями акций и советами директоров»³²⁴.

Существует, впрочем, и иная точка зрения на характер экономических реформ, проводившихся в 1990-х годах, особенно

³²³ Голдман М. Приватизация России. С. 45.

³²⁴ Голдман М. Приватизация России. С. 53.

в их первой половине. По мнению профессора Калифорнийского университета (Беркли) Стивена Фиша, эти реформы не были радикальными — напротив, им не хватало радикализма. Не было и шоковой терапии. Он так и пишет: «Россия не подверглась шоковой терапии. Ее экономические реформы представляли собой мешанину из полумер и схем, которые имели мало общего с шоковой терапией»³²⁵. Фиш неоднократно возвращается к этой мысли, добавляя (и фактически солидаризируясь в этом отношении с Ослундом), что некоторые посткоммунистические страны потому и добились бóльших по сравнению с Россией успехов в реформировании народного хозяйства, что действовали более радикально и более последовательно использовали методы шоковой терапии³²⁶. Но это, все-таки, не доминирующая позиция, ибо большинство аналитиков, не отрицая непоследовательного и половинчатого характера реформ, проводившихся Гайдаром и Чубайсом, настаивает на их радикальном, «шоковом» характере.

Американские эксперты считают, что *Ельцин не завершил начатое им преобразование экономики, остановившись на полпути*. «Крайне негативные экономические последствия шоковой терапии для большинства российских граждан наиболее пагубно сказались на рыночной реформе и создали политическую оппозицию дальнейшим реформам в Думе и в различных республиках страны. В результате процесс создания новых рыночных институтов при Ельцине натолкнулся на препятствия и остался незавершенным к тому времени, когда он передал власть Владимиру Путину»³²⁷.

Но негодная тактика, избранная ельцинскими реформаторами, не только воздвигла препятствия на пути завершения рыночных реформ. Эта тактика, особенно отчетливо проявившаяся в подходах к приватизации, равно как и противоречивость и незавершенность начатых реформ во многом предопределили, как убеждены многие американские эксперты, появление тех проблем, с которыми и сегодня сталкивается российская экономика и российское общество в целом. Они подготовили почву для появления *резкого разрыва между богатыми и бедными и рождения олигархов*, для широко

³²⁵ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2006. P. 158.

³²⁶ Fish S. Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics. Cambr., 2006. P. 158. P. 175–176.

³²⁷ Millar J. Putin and the Economy // Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. by D. Herspring. Lanham et. al., 2005. P. 129.

распространившейся *коррупции*, открыли широкие просторы для *теневого бизнеса*. Больше того, они сделали неизбежными последующие попытки государства исправить хотя бы некоторые перекосы, допущенные в 90-х — те самые попытки, которые (как мы увидим далее) квалифицируются сегодня многими американскими экспертами как «возвращение государства в экономику».

И, тем не менее, при ответе на вопрос, какой тип общественных, включая экономические, отношений (какой общественно-экономический уклад) утвердился в России в результате реформ 90-х, американские аналитики практически единодушны. Это — *капитализм*. Страна возвратилась на путь капиталистического строительства, прерванного революцией. «Россия сегодня не является демократической страной, но в ней господствует капитализм, который все еще развивается... Российский капитализм не настолько чист, как в Америке и большей части Европы. И все же это капитализм»³²⁸. Эти слова были сказаны Ричардом Пайпсом в мае 2006 года. Но о переходе России на рельсы капиталистических отношений говорили еще в конце 90-х — и тот же Пайпс, и Голдман, и Ослунд, и Сакс, и Леон Арон, и десятки других аналитиков, обращающих взор к современной России.

Другое дело — *характеристики* этого капитализма. Многие называют его «диким». Но это скорее метафорическая оценка, которая если и используется серьезными исследователями, то тут же расшифровывается: *капитализм неразвитый*, не имеющий под собой правовой основы, не опирающийся на необходимую инфраструктуру или даже включающий элементы других укладов. Большинство же американцев характеризует российский капитализм как *олигархический*. По словам Дэвида Хоффмана, автора книги «Олигархи», в России произошел «грандиозный переход» «от потерпевшего крах социализма к олигархическому капитализму»³²⁹. О том же пишут Андерс Ослунд в работе «Олигархия в сравнении: Россия, Украина и Соединенные Штаты», Маршалл Голдман в своей «Пиратизации России» и другие эксперты, не говоря уже о многочисленных журналистах.

Можно, конечно, оспаривать такую характеристику нового российского капитализма как однобокую, оценивающую его не столь-

³²⁸ Пайпс: Путин возвращается к царским временам («Gazeta Wyborcza», Польша) — <http://www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/227673.html>

³²⁹ Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2007. С. 12.

ко с точки зрения структуры хозяйственных отношений, сколько с точки зрения структуры отношений собственности. Но в таком подходе есть своя истина.

В самом деле, одним из важнейших следствий экономических преобразований 90-х и, прежде всего, приватизации стало появление в России так называемых олигархов³³⁰. Большинство серьезных аналитиков, исследующих феномен российской (и не только российской) олигархии (к ним можно отнести К. Фриланда, Д. Хоффмана, А. Ослунда, Ф. Шлейфера, Д. Трейсмана, М. Голдмана), отмечают, что это отнюдь не уникальный феномен. Сегодня олигархи существуют в ряде стран со средним уровнем дохода на душу населения (из числа бывших советских республик называют Украину и Казахстан, а также некоторые страны Латинской Америки). Вспоминают об известных американских олигархах середины XIX века (вошедших в историю под прозвищем «баронов-разбойников»), на которых, по мнению А. Ослунда, как раз и походят российские олигархи.

И в США, и в России, считает А. Ослунд, олигархи³³¹ возникали как продукт сочетания определенных экономических, политических и правовых условий. Называя в качестве «отличительной экономической характеристики олигархов» их ограниченное количество и «огромное богатство», американский аналитик выделяет четыре момента (он называет их по-разному: «причины», «особенности» и т.п.), приведшие к появлению этой группы. «Первой из

³³⁰ Аристотель использовал понятие «олигархия» (гр. *oligos* «немногий» и *archē* «власть») для обозначения власти небольшой группы лиц (а также самих этих лиц), правящих в собственных (корыстных) интересах. В современной России понятие «олигархия» стало использоваться (насколько известно автору этих строк — с легкой руки Бориса Немцова) для обозначения небольшой группы крупных собственников, получивших (благодаря этой собственности) доступ к политической (государственной) власти. «Олигархия» стала синонимом сращивания экономической и политической власти в лице немногих супербогатых собственников.

³³¹ «“Олигарх”, — поясняет Ослунд, — это очень состоятельный, имеющий хорошие политические связи бизнесмен, миллиардер, или почти миллиардер, который является основным собственником конгломерата предприятий и тесно связан с президентом. Возможно, было бы более правильно называть олигархов плутократами, поскольку они сосредоточены на зарабатывании денег, а не на управлении государством» (Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States, CASE Studies & Analyses, 296, April 2005 — доклад, подготовленный для международной конференции «Европа после расширения», организованной Центром социально-экономических исследований CASE 8–9 апреля 2005 г., Варшава. Русский перевод в: ЭКОБЕСТ (2004) 4, 4, 665-689 -http://www.google.com/search?q=cache:laJfEbfEjsJ:www.ipm.by/pdf/Aslund.pdf+postsoviet+affairs&hl=ru&gl=ru&ct=clnk&cd=4&lr=lang_ru.)

основных причин такого накопления и концентрации богатства было быстрое достижение значительной экономии на масштабе в определенных отраслях экономики, в особенности в металлургической и нефтедобывающей промышленности, а также в области строительства железных дорог. Вторая особенность заключается в том, что подобная экономия на масштабе не может быть достигнута в небольшой стране. Сверхбогатые люди появляются лишь в странах, имеющих крупные рынки, что объясняет их появление только в трех крупнейших постсоветских странах (России, Украине и Казахстане). Третьей чертой, общей для американской индустриализации и посткоммунистического периода, были быстрые структурные изменения, способствовавшие накоплению огромного богатства теми немногими, кто знал, как воспользоваться моментом... Четвертой экономической характеристикой является наличие возможностей извлечения ренты, которую зачастую трудно отделить от экономии на масштабе»³³².

Эти условия и сложились в России в 90-х годах, породив специфическую группу предпринимателей, которых окрестили «олигархами». Однако они не были первыми. Из того, что реально происходило в России на протяжении первого десятилетия реформ, и из того, что пишут Ослунд, Голдман, Хоффман, Трейсман, Шлейфер и другие американские эксперты, вырисовывается, если можно так сказать, трехэтапная история становления постсоветской экономической системы и, прежде всего, системы властных отношений в сфере экономики.

На первом этапе (от начала до середины 90-х) в этой сфере идет гоббсовская *bellum omnium contra omnes* — война всех против всех, и экономическая власть попадает (в значительной своей части) в руки организованной преступности (мафии), занявшей пространство, оставленное отступавшим государством. Возникает своего рода *бандитский капитализм*.

Во второй половине 90-х ряд крупных собственников обособляется от мира организованной преступности, оттесняет ее на периферию, создает корпоративные службы безопасности и медийные службы, одновременно захватывая ключевые посты в государстве или устанавливая тесные связи с его крупными представителями. Возникает вышеупомянутый *олигархический капитализм*. В 2000-х годах он претерпевает заметные изменения, но об этом, позднее, когда речь пойдет о президентстве Путина.

³³² Aslund A. Comparative Oligarchy: Russia, Ukraine, and the United States.

Единодушно признавая, что Ельцину и его команде, приступившим в начале 1990-х годов к реформированию национальной экономики, пришлось действовать в *тяжелейших условиях*, и в большинстве своем соглашаясь, что при проведении этих реформ было допущено множество *ошибок и просчетов*, а сами реформы *не были доведены до конца* и породили ряд *нежелательных последствий*, американские аналитики вместе с тем утверждают и другое. А именно, что *стратегический* экономический курс, которым следовал Ельцин, был *правильным*. Это был исторически оправданный курс на утверждение в России *института частной собственности, построение рыночной экономики, ограничение вмешательства государства в хозяйственный процесс, интеграцию России в мировую экономику*. Словом, курс на построение *либерального капиталистического общества*, который к моменту ухода Ельцина из Кремля стал практически *необратимым*.

«ПУТИНСКИЕ» 2000-е: БЛАГОПРИЯТНАЯ СИТУАЦИЯ, ПОРОЧНЫЕ МЕТОДЫ, ОШИБОЧНЫЙ КУРС

Ситуация в экономике и российском обществе в целом, сложившаяся к моменту прихода Путина в Кремль, заметно отличалась — в лучшую сторону — от той, что имела место в начале 90-х годов. Сегодня, после завершения его второго президентского срока, мало кто из американских экспертов отрицает, что хотя по сравнению с другими участниками G-8 и особенно такими странами, как, скажем, США или Япония Россия выглядит в целом экономически слабой, односторонне развитой страной, она *добилась впечатляющего прогресса в экономике*³³³. В подтверждение этого приводится обычно ряд аргументов, которые в обобщенном виде выглядят примерно следующим образом.

³³³ Ярые противники Путина, напротив, стараются показать, что по ряду позиций Россия не продвинулась вперед за последние годы или даже откатилась назад. Вот что пишут в своей статье «Новый феодализм», опубликованной 16 октября 2006 года в журнале Newsweek Оуэн Мэттьюс и Анна Немцова. «Кремль сегодня “на коне” благодаря растущим ценам на нефть: это позволяет ему вести себя напористее, чем когда-либо за последние два десятилетия. Однако основополагающие показатели страны чуть ли не по всем направлениям не дают повода для оптимизма. В рейтинге Всемирного банка, куда включено 208 стран мира, Россия занимает 151-е место с точки зрения подотчетности властей, политической стабильности, эффективности государства, качества регулирования, законности и борьбы с коррупцией — сразу вслед за Угандой и Замбией, и чуть-чуть опережая Казахстан

Во-первых, наметились *высокие и устойчивые темпы экономического роста*. Это признают все, даже недоброжелатели Путина. Так, по словам Андерса Ослунда, «наиболее выдающиеся достижения России заключаются в том, что за 1999–2007 гг. ее ВВП увеличился в шесть раз — с 200 миллиардов до 1,2 триллиона долларов»³³⁴. Что касается темпов роста ВВП, то, по оценкам американских экспертов, он составлял 6–7 процентов в год³³⁵. Такие темпы, как отмечала недавно газета *Christian Science Monitor*, ссылаясь на данные консалтинговой фирмы *Global Insight Ltd.*, «можно назвать завидными с западной точки зрения»³³⁶.

Во-вторых, *возросла инвестиционная привлекательность России*. Она еще не очень велика по сравнению с тем же Китаем и рядом других стран, многих отпугивают коррупция и бюрократизм, с которыми, как отмечается, сталкивается в России иностранный капитал. Тем не менее, тенденция при всех ее колебаниях имеет в стратегическом плане повышательный характер.

В-третьих, создав довольно солидный стабилизационный фонд (более 130 млрд долл.) и золотовалютный резерв (более 430 млрд

и Нигер. А в индексе конкурентоспособности и роста, составляемом Всемирным экономическим форумом, страна скатилась вниз сразу на девять позиций и заняла лишь 62 место. В списке 125 стран она заняла 110-е место с точки зрения независимости судебной системы, 116-е — по надежности банков и 107-е — по уровню доверия общества к политикам» // *Newsweek*, 16 октября 2006. ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/07/01/05/3499/230503.html>. А вот что пишут Макфол и Стоунер-Вайсс. «При Путине снизились рейтинги России по показателям экономической конкурентоспособности, условий для бизнеса, транспарентности и коррумпированности. В 2006 году *Transparency International* поместил Россию по показателям коррумпированности на 121 место (так низко она прежде не опускалась) в списке из 163 стран. Она оказалась между Филиппинами и Руандой» (Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года).

³³⁴ Ослунд А. Разоблачая грандиозный миф о президенте Путине (*The Moscow Times*, 29 ноября 2007. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/238087.html>).

³³⁵ В докладе, подготовленном группой Качинса, говорится, что «ВВП рос на 7 процентов в год», и при этом отмечается, что при пересчете этого роста в номинальных долларах с учетом реальной стоимости рубля «ежегодный рост ВВП приближается к 25 процентам» (Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 6*). По оценке Падмы Десаи «на протяжении последних семи лет темпы роста российской экономики составляли 6,5 процента в год» (Desai P. *Putin's Russia* // *Foreign Affairs*, May/June 2008).

³³⁶ *Christian Science Monitor*, 03-08-2007.

долл.)³³⁷, Россия *застраховала себя* — по крайней мере, до известной степени — *от возможных экономических потрясений в ближайшем будущем*. Это особенно ценно сегодня, когда общая экономическая ситуация в мире выглядит шаткой и специалисты не исключают возможности экономической рецессии в США и ряде других стран.

В-четвертых, Россия достигла *впечатляющих успехов в энергетическом секторе*. На последнее обстоятельство (которое вызывает тревогу и настороженность у многих американских экспертов, опасаящихся «энергетического экспансионизма Кремля» или даже утверждающих, что Россия уже встала на этот путь) в США обращают особое внимание.

Надо, впрочем, заметить, что, признавая впечатляющие успехи России в экономике, американские эксперты в большинстве своем не склонны связывать их ни с реформаторской деятельностью Путина, ни с его экономической политикой. Причины экономического роста в России видятся им в другом.

Прежде всего, называют, конечно же, устойчиво высокие и все продолжающие расти *цены на нефть*. «Цена на нефть является, вероятно, наиболее значительной движущей силой российской действительности со времени первого нефтяного шока 1973 года», говорится в докладе группы Качинса³³⁸. Вообще, трудно найти американского (да и не только американского) аналитика, который бы, констатируя экономические успехи России в последние годы, не связывал бы их в большей или меньшей степени с высокими ценами на нефть и при этом не отмечал, что в этом нет никакой или почти никакой заслуги нынешних российских властей.

Вторую причину роста российской экономики видят в общей тенденции к росту, характерной для региона. «По всему евразийскому региону, от Прибалтики до Китая, среднегодовые темпы роста, начиная с 2000 г. составляют от 7 до 11 %». При этом тут же добавляют, что Россия демонстрирует не самые высокие показатели и по динамике экономического роста занима-

³³⁷ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 6.

³³⁸ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007 P. 5.

ет всего лишь 9 место среди 15 республик бывшего Советского Союза³³⁹.

Еще одну важную причину экономического роста видят в реформах, которые были осуществлены, либо задуманы в 90-х. «... Восстановление российской экономики началось еще до прихода Путина к власти и тем более до того, как закрепился его авторитаризм»³⁴⁰. Что же касается таких либеральных реформ, как введение единой 13-процентной ставки подоходного налога, принятие нового Земельного кодекса, нового Гражданского кодекса, сокращения налога на прибыль и ряда других, то хотя они были осуществлены после ухода Ельцина, разработаны они были «еще при Ельцине»³⁴¹.

Мало кто из американских аналитиков называет в качестве значимой ту причину экономического роста в современной России, которую особо отмечают сами российские власти: устранение хаоса, характерного для 90-х и социально-экономическую, а также политическую стабильность, сделавшие Россию более привлекательной для иностранных инвесторов и благоприятствующими ведению дел отечественным бизнесом. Да и собственно экономическая политика Путина является объектом критики — и подчас довольно жесткой — со стороны большинства американских экспертов, не стесняющихся в выводах. «В ходе второго президентского срока Путин не предпринял ровно никаких экономических реформ, а потому не внес никакого вклада в экономический рост в стране»³⁴². Больше того, президент притормозил либеральные реформы, чему способствовали высокие цены на нефть. «Драматический рост цен на нефть с 2003 года, конечно, ослабил изначальный импульс к прове-

³³⁹ Ослунд А. Разоблачая грандиозный миф о президенте Путине (The Moscow Times, 29 ноября 2007. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/238087.html>). Приведенные в этой статье цифры и аргументы были повторены в опубликованной позднее нашумевшей статье Макфолла и Стоунер-Вайсс (она цитируется ниже), которую ряд американских экспертов назвал элементарной подтасовкой.

³⁴⁰ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

³⁴¹ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

³⁴² Ослунд А. Разоблачая грандиозный миф о президенте Путине (The Moscow Times, 29 ноября 2007. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/238087.html>).

дению структурных экономических реформ, характерный для первой администрации Путина»³⁴³.

Но Путин, говорят нам, не только притормозил либеральные реформы, он предпринял ряд шагов, которые дают основания утверждать, что Россия движется вспять не только в политике, но и в экономике, что *власти отходят от проводившегося в 90-х и начале 2000-х годов курса на построение либеральной рыночной экономики*.

Наглядное начало этого отхода видят в так называемом «деле ЮКОСа», вызвавшем широкий (и, похоже, целенаправленно «подогретый») отклик в США и во всем западном мире. Именно с «разгромом ЮКОСа» американцы связывают последовавшие структурные, организационные и кадровые изменения в экономике, инициированные государством. Особо акцентируются два момента. Во-первых, *изменение отношений между государством и бизнесом*, а конкретнее — *«возвращение» государства в сферу экономики и усиление его роли как регулятора хозяйственной жизни*. Во-вторых, *ослабление гарантий неприкосновенности частной собственности*. Во всяком случае, то, что произошло с ЮКОСом и сопутствовало возникновению его «дела», трактуется большинством американских аналитиков именно таким образом.

Надо заметить, что подобная трактовка вызвана не только предвзятым отношением многих из них к нынешней России и к Путину и вошедшим в последние годы в моду спросом заокеанских СМИ (выражающих интересы определенных политически ангажированных групп) на антироссийские материалы. Для американцев, культура и цивилизация которых пропитаны духом либерализма, рассматривающего рыночно ориентированного индивида в качестве центра социального космоса, высшей ценности и противопоставляющего его государству как безликому и грозному Левиафану, вопрос о масштабах государственного вмешательства в экономику всегда был одним из самых болезненных. И хотя от своей любимой традиционной идеи «минимального государства» или «государства-ночного сторожа» американским либералам пришлось отказаться еще в первой половине прошлого века, настроенное и критическое отношение к «большому государству», играющему активную роль в экономике, они сохраняют до сих пор.

³⁴³ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 5.

Поэтому любое расширение функций государства в экономике они рассматривают как атаку на свободный рынок, покушение на свободу индивида и даже на демократию, неоправданно отождествляя последнюю (распространенная ошибка) с либерализмом.

Не удивительно, что одним из важнейших позитивных результатов российской экономической реформы 90-х — при всем критическом отношении к формам и методам ее проведения — американцы считали сам факт появления института свободного рынка, пусть на первых порах еще и дикого, отказ государства от централизованного планирования и регулирования, его уход из экономики³⁴⁴. При этом лишь немногие (в их числе был наблюдательный Дэвид Хоффман) обратили внимание на примечательный по сути факт: «инициатором перемен выступило государство»³⁴⁵. Очередная революция в России снова произошла (если воспользоваться определением известного советского историка Н. Эйдельмана) «сверху», лишней раз подтвердив особую роль государства в жизни российского общества, что так и остается тайной для тех зарубежных аналитиков, которые привыкли измерять события в России американским (в лучшем случае — западным) аршином.

Но, дав бизнесу свободу, «государство не смогло установить господство права»³⁴⁶. Больше того, в отношениях между государством и бизнесом снова произошел перекосяк: получив свободу от государства, олигархический капитал завладел государством. Джоэлл Хеллман, автор любопытного исследования «Победители получают все: политика частичных реформ в условиях посткоммунистического перехода» характеризует тип отношений, склады-

³⁴⁴ Стивен Фиш и здесь высказывает «особое мнение». «...Россия избавилась от полномасштабного, выдержанного в советском стиле, государственного контроля над экономикой. Планово-командная система начала ослабевать в конце 1980-х годов и была бесцеремонным образом устранена в 1990-х. Но она, — утверждает Фиш, — не была заменена рыночной экономикой. Вместо этого реформы, проводившиеся постсоветскими лидерами России, подстегнули рост того, что может быть названо экономикой рэкета. Это творение характеризуется тесной близостью общественных и частных экономических сил, существующей несмотря на переход огромной части собственности в частные руки и наличием регулирующей руки, которая в одно и то же время хватается, шарит и действует по произволу» (Fish S. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. Camb., 2006. P. 158. P. 172. Курсив мой — Э. Б.).

³⁴⁵ Хоффман. Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2007. С. 12.

³⁴⁶ Хоффман. Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2007. С. 12.

вавшихся между крупным, включая олигархический, бизнесом и государством в условиях перехода от социализма к капитализму как «захват государства»³⁴⁷.

Этим выражением пользуются и другие американские исследователи, полагающие, как уже отмечалось выше, что примерно с середины 90-х годов и где-то до начала второго срока президентства Путина государственная власть если и не находилась под полным контролем олигархов, то испытывала сильное и всестороннее давление с их стороны, и это, как считают многие американские аналитики, отрицательно сказалось и на развитии экономики, и на развитии российского общества в целом. Признавая, что олигархи «причинили ей (России — Э. Б.) много вреда», Д. Хоффман одновременно признает, что «олигархи сделали много полезного для своей страны... Чтобы создать современную экономику, Россия должна освободиться от тяжелого гнета государства и дать индивидуумам возможность добиваться благосостояния. В конце концов, не может быть капитализма без капиталистов»³⁴⁸.

В этом кратком резюме Дэвида Хоффмана, относящемся к 2007 году и обращенном специально к российскому читателю, заключена вся философия либерализма с отчетливо звучащими лэс-сефэрристскими обертнами: дать свободу индивиду, дать свободу бизнесу, ограничить роль государства, предоставив последнему возможность воздействовать на капиталистов, будь они мелкими лавочниками или олигархами, не путем грубого давления, а путем «установления господства права». Больше того, это была, по сути, завуалированная рекомендация российскому правительству, сделанная по горячим следам «дела ЮКОСА».

Это «дело»³⁴⁹ и последовавшие за ним шаги Кремля были апостериори квалифицированы американцами (да и не только амери-

³⁴⁷ Hellman J.S. *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions* // *World Politics*, 1998, vol. 50, 203–234.

³⁴⁸ Хоффман. Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2007. С. 12–13.

³⁴⁹ Об огромном отрицательном резонансе, вызванном в США — в том числе на самом высоком уровне — «делом ЮКОСА» свидетельствует высказывание Стивена Сестановича, сделанное им вскоре после начала процесса над Ходорковским. «Это дело стало единственным (!) очень важным (!) моментом, вызвавшим переоценку (!) режима Путина здесь, в США, даже в рядах высокопоставленных чиновников и администрации Буша» — «Независимая газета», 10.09.2004. То обстоятельство, что «дело ЮКОСА» было, прежде всего, «делом Ходорковского», а «дело Ходорковского» имело скрытую политическую мотивировку и было направлено не на ликвидацию крупного бизнеса как такового, а на ограничение его стратегических

канцами) как начало нового курса в экономике, проявление новых тенденций, ставших объектом их критики, наложившей еще один негативный штрих на экономический образ России.

Речь идет, прежде всего, о том, что они называют «возвращением государства в экономику» или даже «ренационализацией» не только отдельных компаний, но и целых секторов российской экономики. При этом чаще всего приводят в качестве примеров «Газпром» и «Роснефть». Одним из первых об «общегосударственной тенденции... в сторону повторной национализации»³⁵⁰ заговорил Маршалл Голдман. И к настоящему времени представление о российском государстве как о ренационализаторе стало устойчивой чертой его экономического имиджа. Это подтверждает, в частности, вышеупомянутый доклад группы Качинса, в котором утверждается, что Кремль проводит политику «ренационализации нефтяных компаний и активов», передавая доходы, а вместе с ними и риски из частных рук в руки государства³⁵¹.

Некоторые из заокеанских аналитиков, включая того же Голдмана, признают, что *какое-то* возвращение российского государства в экономику было неизбежным, ибо на то существовали *объективные* причины. «...Экономические реформы 90-х годов под руководством Егора Гайдара и Анатолия Чубайса, в особенности приватизация и так называемые “залоговые аукционы”», пишет М. Голдман, были настолько «плохо... проработаны», что «возникновение “обратной тяги” было практически неизбежно — это был вопрос времени»³⁵².

Но в политике Кремля видят не только реакцию на плохо проведенные реформы. За «возвращением» государства в экономику

претензий на формирование (и трансформацию) политической системы в России и управление государством и являло собой сигнал, что времена Ельцина прошли — это обстоятельство хотя и отмечалось некоторыми американскими политиками и аналитиками, однако, отодвигалось на второй или даже третий план. То ли они не поняли сути дела, то ли связывали с политическими планами Ходорковского такие большие надежды, что его фиаско было воспринято столь болезненным образом, остается загадкой. Но факт налицо: акцент критики был смещен в периферийном направлении.

³⁵⁰ Голдман М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

³⁵¹ Kuchins A. C. Foreword Ch. Ryan. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D.C., 2007. P. 8.

³⁵² Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

стоит, как полагают, еще и его реакция на крайне негативное отношение народа к «олигархам», ограбившим, по мнению большинства россиян, страну. «Да и как могло быть по другому, если в течение семидесяти лет всей стране говорили, — напоминает Голдман, — что национальные ресурсы принадлежат народу, а оказалось, что они буквально в одночасье попали под полный контроль и в полную собственность узкого круга лиц, впоследствии прозванных “олигархами”?»³⁵³.

Голдман замечает, что, возможно, ненависть народа к олигархам была бы меньше, если бы хоть кто-нибудь из них сколотил свое богатство собственными усилиями, как это сделали Билл Гейтс, создавший Microsoft или Эдвин Ланд, создавший Polaroid. «Однако практически все новые российские миллиардеры нажили свое богатство путем захвата того, что уже было создано до них. И, получив это богатство в свое распоряжение, люди типа Михаила Ходорковского и Березовского начали — по крайней мере, это продолжалось в течение определенного времени — не наращивать, а растаскивать имеющиеся активы»³⁵⁴. Дело осложнялось еще и тем, что «олигархи» для всех были чужими. Они никогда не входили в номенклатуру. Они никогда не были близки к силовым структурам. К тому же «слишком многие из них принадлежали к нерусским национальным меньшинствам»³⁵⁵.

Было бы, однако, большим заблуждением полагать, что Голдман и те из аналитиков, которые в чем-то разделяют его взгляды (как, например, руководитель программы российских и европейских исследований в Принстонском университете Стивен Коткин) оправдывает новую политику Кремля. Этого не делает никто. Больше того, сегодня американские аналитики все больше подчеркивают, что аппетиты российского государства растут и происходит не просто его возвращение в отдельные компании, направленное на обеспечение контроля государства над природными ресурсами страны, а формирование «экономической системы, которая во все большей степени опирается на огромные компании, находящиеся во владении государства или же государством управ-

³⁵³ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

³⁵⁴ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

³⁵⁵ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

ляемые — компании, открытые для долларов и евро различных инвесторов, но остающиеся, тем не менее, как и многое другое в российской политике и бизнесе, под жестким контролем путинского Кремля»³⁵⁶. В качестве примера приводится «организованное Кремлем» «объединение нескольких государственных и частных производителей авиатехники, еле держащихся на плаву, в новую Объединенную авиастроительную корпорацию, которая будет работать под надзором премьер-министра, назначенного Путиным. Кроме того, Кремль назначил своих директоров из государственной компании-экспортера вооружений на крупнейший автозавод АвтоВАЗ, а 21 апреля стало известно, что власть рассматривает план объединения нескольких авиакомпаний с государственным «Аэрофлотом»»³⁵⁷.

Американские аналитики в большинстве своем единодушны: новая политика Кремля по большому счету неэффективна и опасна для страны и ее экономики. Многие экономисты, говорится в докладе группы Качинса, сомневаются в том, что «проводимая Путиным политика усиления государственного контроля в энергетическом и других секторах действительно подкармливает гуся, несущего золотые яйца, а не душит его... Правительство оправдывает создание гигантских государственных компаний стремлением сделать российские фирмы более конкурентоспособными, однако многие аналитики считают, что это... делает российскую индустрию менее конкурентоспособной...»³⁵⁸.

Не получается ли в таком случае, что ради борьбы с олигархией Кремль идет на экономические риски? Вовсе нет, отвечают американские аналитики, ибо *никакой борьбы с олигархией как таковой Путин на самом деле, по их мнению, не ведет*. «Путин не демонтировал систему олигархического капитализма как таковую», утверждает профессор Питер Ратленд, автор ряда исследований по российской экономике³⁵⁹. Он просто перестроил ее: «на смену горизонтальному плюрализму соперничающих групп, при котором

³⁵⁶ Крамер Э., Майерс С. АО «Кремль» — ребрендинг пая для трудящихся (The New York Times) // ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/translation/226991.html>

³⁵⁷ Крамер Э., Майерс С. АО «Кремль» — ребрендинг пая для трудящихся (The New York Times) // ИноСМИ.Ru. <http://www.inosmi.ru/translation/226991.html>

³⁵⁸ Kuchins A. C. Foreword Ch. Ryan. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D.C., 2007. P. 7–8.

³⁵⁹ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 203.

Кремль выступал в роли арбитра, пришла вертикальная иерархия во главе с Путиным»³⁶⁰. Ему вторит Голдман, провозгласивший рождение «кремлевского капитализма». «Как только первые олигархи были оттерты от активов, на их место тут же пришли... силовики. Однако здесь ситуация развивалась уже по совершенно уникальному сценарию. Главные лица Кремля не просто заняли высокие посты в самых крупных государственных компаниях страны, но и сохранили свой официальный статус... сегодня в России формируется группировка, которую можно условно назвать “кремлевской олигархией”»³⁶¹. Эту позицию разделяет и группа Качинса: в нынешней экономической политике Кремля она видит «просто фиговый листок, прикрывающий массивованную экспроприацию, осуществляемую членами путинского ближнего круга»³⁶².

Березовский, Ходорковский и другие представители «семибанкирщины»³⁶³, говорят американские аналитики, *получили доступ к политической власти с помощью своего богатства*. Теперь наблюдается обратная картина: *политическая власть открывает доступ к богатству*. Имена представителей «кремлевской олигархии» «практически наверняка скоро появятся в списках российских миллиардеров, публикуемых журналом Forbes»³⁶⁴.

Таким образом, «возвращение» государства в некоторые сферы народного хозяйства было воспринято американцами как новая — и притом опасная — ступень в эволюции современного российского капитализма, а именно как формирование *бюрократическо-олигархического капитализма*, который, сохраняя прежнюю

³⁶⁰ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 203. Примечательно, что говоря о новой модели российского олигархического капитализма, Ратленд ссылается на статью Алексея Зудина «Неокорпоративизм в России?», опубликованную в журнале Pro et Contra (Т. 6, № 4, 2001).

³⁶¹ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

³⁶² Kuchins A. C. Foreword Ch. Ryan. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C., 2007. P. 8.

³⁶³ «Семибанкирщиной» (по аналогии с «семибоярщиной» — боярским правительством, существовавшим в России в начале 17 в., в период Смутного времени) называли группу олигархов, в которую входили Петр Авен, Борис Березовский, Михаил Фридман, Владимир Гусинский, Михаил Ходорковский, Владимир Потанин и Александр Смоленский.

³⁶⁴ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

олигархическую природу экономики, сужает пространство экономической свободы. Но больше всего американцев пугает то, что «кремлевские бюрократы», идущие в экономику, — это «силовики» со своим представлением о сильном государстве и сильной власти. Не случайно именно с их деятельностью группа Качинса связывает в одном из предложенных им в «Альтернативах» сценариев переход России к откровенно диктаторскому режиму.

Делается это сознательно или нет, но нарисованная американскими аналитиками картина «кремлевской олигархической ренационализации» имеет отчетливо выраженный *антипутинский характер*. Мало того, хотят сказать нам, что проводившаяся им экономическая политика была *ошибочной и контрпродуктивной* — она была глубоко эгоистичной и антинародной: Кремль вторгается в экономику только для того, чтобы поменять чужих олигархов на своих, получить если не в фактическую собственность, то во владение и пользование то самое народное достояние, которое было когда-то захвачено березовскими и ходорковскими. Но Кремль не только эгоистичен, он *аморален*, ибо готов угробить народное хозяйство ради собственной выгоды. Такого не говорили о Ельцине, даже когда вели речь о его «семье». Такого не говорили и о Путине в первый срок его президентства. Так что перед нами не только новый штрих экономического образа России, но и новые штрихи образа современного российского политического режима и, конечно, имиджа самого Путина.

Надо, впрочем, признать, что не все американские аналитики согласны с тем, что в России идет массированная «ренационализация», как не все согласны с тем, что происходящее «возвращение» государства чревато угрозой диктатуры. Как пишет Стивен Коткин, «если вывести за скобки двух энергетических гигантов — “Роснефть” и “Газпром”, расширение государственной собственности в сфере бизнеса выглядит не слишком радикальным. Кроме того, многие российские государственные компании, включая и упомянутых энергетических гигантов, либо уже сокращают, либо должны сократить долю государства в своих активах до 51 %»³⁶⁵. Приводит он и ряд других доводов в защиту своей позиции. О том же пишет и экономист, профессор Колумбийского университета Падма Десаи. «За пределами энергетического сектора значительная часть российской промышленности, включая предприятия по

³⁶⁵ Коткин С. Миф о новой «холодной войне» // Prospect – magazine, 28 марта 2008. — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240503.html>

производству алюминия, стали, воздушных судов или автомобильное производство, в меньшей степени контролируется Кремлем, более склонна приглашать к активному участию западный бизнес и более открыта для конкурентного давления со стороны иностранных мультинационалов»³⁶⁶.

Сходную позицию занимает и Ричард Пайпс, который полагает, что сегодня «большая часть продукции создается в частных фирмах, и большая часть собственности находится в частных руках. Государство управляет энергетикой, но остальная часть рынка находится по большей мере в частных руках»³⁶⁷.

Не видит американский историк ничего особенно страшного и в том (хотя воспринимает это без восторга), что государство укрепляет свои позиции — в том числе и в экономике. Это не предвестие диктатуры, а скорее «возвращение к царским временам»: Россия — страна, в которой государство всегда играло большую роль в жизни общества и «жители России решительно стоят за то, чтобы правительство осуществляло контроль над экономикой»³⁶⁸.

Все, впрочем, сходятся в том, что ни укрепление экономических позиций «кремлевских бюрократов», ни усиление роли государства в экономике, ни оттеснение олигархов первой волны от власти *не изменили природы существующего строя: он остается по сути своей капиталистическим*, хотя это и слабенький капитализм. Другое дело — *характер* современного российского капитализма.

Тот же Пайпс, который утверждал и утверждает, что Россия является капиталистической страной с переходной экономикой, настойчиво проводит мысль, что и тип отношений собственности, складывающихся в современной России, и характер отношений между государством и рынком, и особенности перехода страны от социализма к капитализму *несут на себе печать российского прошлого, причем не только капиталистического, но и докапиталистического*. Это, собственно, и дало основание ряду американских авторов утверждать (далеко не всегда ссылаясь на Пайпса), что современный российский капитализм включает в себе некоторые феодальные черты и может быть охарактеризован как «новый феодализм».

³⁶⁶ Desai P. Putin's Russia Foreign Affairs, May/June 2008

³⁶⁷ Пайпс: Путин возвращается к царским временам (Gazeta Wyborcza, Польша, 24 мая 2006) — <http://www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/227673.html>

³⁶⁸ Пайпс: Путин возвращается к царским временам (Gazeta Wyborcza, Польша, 24 мая 2006) — <http://www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/227673.html>

Согласно Пайпсу, в средневековой России сложился вотчинный или патримониальный³⁶⁹ тип отношений собственности. «Между разными видами собственности не проводили никакого различия: вотчиной было и поместье, и рабы, и ценности, и права на рыболовство и разработку недр, и даже предки, или родословная. Еще важнее, что ею была и политическая власть, к которой относились как к товару»³⁷⁰. Поэтому московский правитель, выступая в качестве «вотчинника всея Руси», обращался со своим царством «примерно так, как его предки обходились со своими поместьями»³⁷¹. Считая себя не только *правителем* страны, но и ее *владельцем*, суверен мог раздавать ее части тем или иным лицам, делегировать им свою власть или даровать привилегии, ожидая от них в ответ поддержку его власти. Элементы патримониализма, полагает Пайпс, сохранились на протяжении всей истории России и были воспроизведены в специфической форме в современном российском государстве.

Несколько лет назад со своей концепцией современного российского экономического и политического режимов как своеобразной *проекции патримониальной системы*, существовавшей в средневековой России (концепцией, по сути дела, воспроизводящей базовые черты концепции Пайпса), выступил американский экономист Стивен Роузфилд³⁷².

«Российская посткоммунистическая экономическая система, — пишет он, — претерпела глубокие изменения, превратившись из плановой в смешанно-рыночную (mixed-market) авторитарную систему с ярко выраженными российскими характеристиками, восходящими к постмонгольскому подъему Московии (Moscovy) и включающими модернизированные формы автократии, власть (authority) суверена над частной собственностью [патримониализм]), фактическое жалование поместий приближенным [pomestie], стремление к извлечению ренты [kormlenie], общественную взаимную поддержку (круговую поруку), получение барыша [duvan], протекционизм, [slavophilism], подчинение (subjugation) и

³⁶⁹ «Вотчина, по сути дела, — поясняет Пайпс, — есть точный эквивалент латинского patrimonium'a и, подобно ему, обозначает собственность и полномочия, унаследованные от отца» (Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М., 1993. С. 61. Заметим, что впервые книга Пайпса была опубликована еще в 1974 году).

³⁷⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М. 1993. С. 61.

³⁷¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М. 1993. С. 99.

³⁷² См.: Rosefelde S. Illusion of Transition: Russia's Moscovite Future // Eastern Economic Journal, Spring 2005.

крайнее неравенство — система, которую кратко можно назвать московитской моделью (Muscovite model)»³⁷³.

Администрация Путина, говорит Роузфилд, изображает новый режим как лэссэфэристскую систему, где сувереном является потребитель (consumer sovereign), существует частная собственность на средства производства, а власть принадлежит закону. «На самом же деле, — утверждает он, — это система, в которой сувереном является правитель [ruler sovereign], которая основана на жаловании ренты [rent granting], отчуждаемые собственнические привилегии [alienable proprietary privileges] замаскированы под права, а многообразное [protean] управление людьми организовано так, чтобы использовать производительные силы нации в целях удовлетворения желаний автократа с помощью государственной бюрократии и нескольких рядов властных агентов (tiers of powerful agents). Бюрократия включает гражданскую администрацию и, что важнее всего, службы безопасности и военных. Властные агенты, типичным олицетворением которых являются путинские «олигархи», присматривают в его интересах за производственной деятельностью в ключевых сферах [key productive activities], собирают и ремитируют налоги и другие платежи, являющие собой скрытую форму платы за пользование активами»³⁷⁴.

Путин действует как «московитский автократ», утверждает Роузфилд. Он своевольно наделяет привилегиями и синекурами (причем привилегиями и синекурами отзываемыми) своих фаворитов, от которых требует служения государству. На самом деле, «бюрократы, агенты, и другие [его] сторонники (supporters) должны проявлять лояльность по отношению к своему сеньору — в частности, должны, действуя через инсайдерские сети, вести работу, направленную на выполнение его команд — и могут быть смещены без всяких на то причин. Им, в свою очередь, предоставляется относительная свобода рук в отношении аутсайдеров, включая скрытую лицензию на присвоение [plunder] административных прав (формальная собственность) более слабых партий и эксплуатацию рядовых людей»³⁷⁵.

³⁷³ Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambr., 2005. P. 68.

³⁷⁴ Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambr., 2005. P. 68.

³⁷⁵ Rosefelde S. Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower. Cambr., 2005. P. 68–69.

Эти люди, поясняет Роузфилд, могут стремиться (подобно Ходорковскому, добавляет он) к проведению независимого курса, но реализовать на практике свое стремление они не могут, поскольку их привилегии не защищены властью закона. Они волей-неволей должны играть в «московитскую игру» — в противном случае им грозит немилость «сеньора».

Роузфилд подчеркивает, что «путинский режим» «несет мало черт открытого сходства с советским административным командным планированием. Старая государственная монополия на производственную деятельность распалась и была заменена новыми установлениями [arrangements], которые предполагают наличие витринного [showcase] частного предпринимательства, личной собственности и экономической свободы»³⁷⁶. Так что сформированный Путиным режим следует рассматривать «не столько как отход от рыночной перспективы, сколько как расширение бюрократической власти, особенно влияния служб безопасности и военных»³⁷⁷.

Нельзя сказать, что образ современной России как своеобразного воспроизведения феодальной «Московии» получил широкое распространение в американском экспертном сообществе, хотя кое-кто из аналитиков принимает эту концепцию, прямо ссылаясь на Пайпса и Роузфилда, или кратко излагая ее, как это делает, в частности, Голдман. Однако некоторые из идей «патримониалистов» используются теми авторами, которые стремятся доказать, что Путин не просто установил в стране авторитарный режим, но повел Россию назад, воспроизводя в сфере экономических и политических отношений элементы моделей, которые сложились много веков назад.

Такой подход прослеживается, например, в концепции «нового феодализма». За годы правления Путина, утверждают ее авторы, «Россия претерпела незаметную на первый взгляд, но весьма радикальную эволюцию — от простого авторитаризма, до строя, который точнее всего можно определить как современный феодализм»³⁷⁸. Сегодня любое сколько-нибудь серьезное дело «за-

³⁷⁶ Rosefelde S. *Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower.* Cambr., 2005. P. 69.

³⁷⁷ Rosefelde S. *Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower.* Cambr., 2005. P. 69.

³⁷⁸ Мэттьюс О., Немцова А. Новый феодализм. // Newsweek, 16 октября 2006 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/07/01/05/3499/230503.html>.

висит от капризов самого царя, его кремлевских “дружинников” и легиона вассалов, которые “кормятся” за счет их покровительства и, в свою очередь, платят им “оброк”. Буквально все, из чего складывается жизнь любого россиянина, от могущественного олигарха до обычного простолюдина... все больше предполагает те или иные “неправедные” взаимоотношения с государством и его слугами»³⁷⁹.

Своеобразным ответом «патримониалистам», «феодалистам» и другим американским авторам, изображающим российское общество как некую социально-политическую и экономическую «*аномалию*», можно считать образ России как «*нормальной страны*», выписанный сначала в статье Андрея Шлейфера и Дэниела Трейсмана «Аудит России: нормальная страна», опубликованной в марте 2004 года, а затем в книге Андрея Шлейфера «Нормальная страна. Россия после коммунизма», увидевшей свет в 2005 году.

«Нормальная страна», по Шлейферу и Трейсману, — это страна, *напоминающая другие страны, находящиеся примерно на том же этапе исторического развития*, имеющая примерно такие же экономические показатели, характеризующаяся примерно такими же достоинствами и недостатками т. п. Иначе говоря, это *типичная страна своего класса*, хотя у нее есть особенности, обусловленные спецификой ее исторического развития.

По оценке американских аналитиков, «за последние 15 лет в России произошли невероятные изменения»³⁸⁰. Она вступала в 1990-е годы как страна «с деформированной и дезинтегрированной плановой экономикой, с огромным дефицитом товаров массового потребления», а закончила десятилетие как «нормальная капиталистическая страна со средними доходами», в которой существует рыночная экономика, производящая товары и услуги, пользующиеся спросом не у составителей пятилетних планов, а у потребителей. Из страны, в которой доминировала коммунистическая партия и секретные службы, она превратилась в страну, где существуют конкурирующие партии, а политические лидеры избираются и т. п.

«Экономическая и политические системы России по-прежнему несовершенны. Но их недостатки такие же, как у стран на том же

³⁷⁹ Мэттьюс О., Немцова А. Новый феодализм // Newsweek, 16 октября 2006 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/stories/07/01/05/3499/230503.html>.

³⁸⁰ Шлейфер А. и Трейсман А. Аудит России: нормальная страна // Foreign Affairs? 12 марта 2004 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/208402.html>

уровне экономического развития... их правительства страдают от коррупции, их судьи политизированы, а пресса почти никогда не бывает полностью независимой. У них большое неравенство доходов, концентрированная корпоративная собственность и бурное экономическое развитие. Во всех этих отношениях Россия вполне нормальна»³⁸¹.

Являясь «среднестатистической страной со средними доходами», Россия отличается от этих стран тем, что обладает ядерным оружием и играет одну из ключевых ролей в мировой политике. А в остальном она стоит в одном ряду с Мексикой, Бразилией, Малайзией, Хорватией, Аргентиной... И было бы, как говорят Шлейфер и Трейсман, «чудовищной несправедливостью» утверждать, что наблюдаемые в России «проблемы приняли особенно отвратительную форму»³⁸².

Образ России как «нормальной страны» вызвал критику со стороны ряда коллег американских экономистов, не останавливавшихся порой (речь о критиках) перед примитивной подменой понятий. Как говорил, например, Макфол, выступая по «Радио свобода» 13 февраля 2004 года, «смешно, когда они (авторы статьи — Э. Б.) говорят, что Россия становится нормальной страной. Что значит, нормальная? Я живу в Калифорнии, я считаю, что у нас нормальный рынок. Я часто бываю в России. Нельзя сравнивать то, как я живу здесь, и как живут люди там»³⁸³.

Макфол не заметил или, скорее, сделал вид, что не заметил, что Шлейфер и Трейсман говорят о норме не как об идеале и не как о наилучшем из существующих образцов, а как о сумме характеристик, присущих *определенной* группе стран. То есть Россия — не нормальная страна *вообще* (что было бы практически невозможно доказать при отсутствии общепризнанных критериев нормы), а нормальная — или лучше было бы сказать *типичная среднеразвитая капиталистическая страна*.

Калифорния тут не при чем. Тут дело в самой России. Ее образ, нарисованный Шлейфером и Трейсменом, отличался от образов, созданных многими их коллегами, по меньшей мере,

³⁸¹ Шлейфер А. и Трейсман А. Аудит России: нормальная страна // Foreign Affairs? 12 марта 2004 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/208402.html>

³⁸² Шлейфер А. и Трейсман А. Аудит России: нормальная страна Foreign Affairs? 12 марта 2004 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/208402.html>

³⁸³ Что принесли России полтора десятилетия реформ? Обсуждение статьи Андрея Шляйфера и Дэниэла Тризмана — Радио свобода // <http://archive.svoboda.org/11/russia/0204/11.021304-3.asp>

в трех отношениях. Во-первых, оба автора менее критичны по отношению к реформам, проводившимся в стране в 90-е годы. Во-вторых, они не противопоставляют президентство Ельцина президентству Путина. В-третьих — и это главное — они, не отрицая присутствия России недостатков, не демонизируют ее. Возможно, именно эти обстоятельства и послужили причиной неприятия концепции американских экономистов со стороны их сверхполитизированных коллег, видящих свою цель в том, чтобы (о мотивах умолчим) нарисовать экономический образ России, производящий в целом отталкивающее впечатление.

Впрочем, у Шлейфера и Трейсмана есть еще один тезис, который не мог не вызвать особого недовольства критиков России, считающих, что если она не «исправится», то ее ждут нелегкие времена. Авторы «Нормальной страны» думают иначе. «Нельзя... считать, — пишут они, — что недостатки капиталистических демократий со средними доходами несовместимы с будущим экономическим и политическим прогрессом — если бы это было так, Западная Европа и Соединенные Штаты никогда бы не вышли из 19-го века»³⁸⁴. Иными словами, России при всех ее нынешних недостатках не заказан путь к переходу в более «тяжелую» весовую категорию — пусть лишь в отдаленной перспективе.

Впрочем, и образ России как ново-феодального государства, и ее образ как нормальной страны тоже носят периферийный характер и не оказывают решающего воздействия на формирование представлений о современной России и ее экономике, получивших распространение в современных Соединенных Штатах.

ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ: ПРЕПЯТСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Быстрый и во многом неожиданный для американских экспертов рост российской экономики в последние годы и провал их прогнозов, сделанных десять и более лет назад, явно прибавили им осторожности. Качинс заметил недавно с явным смущением: «когда речь идет о России, прогнозирование, как показывает опыт, чревато особым риском. В последние 20 лет нам не только не удавалось предугадать, что на самом деле произойдет в стра-

³⁸⁴ Шлейфер А. и Трейсман А. Аудит России: нормальная страна // Foreign Affairs? 12 марта 2004 — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/208402.html>

не; мы даже всерьез не рассматривали вероятность именно такого развития событий»³⁸⁵.

Тем не менее, американцы, как и прежде, строят прогнозы (принимающие порой, как в «Альтернативах» группы Качинса, форму *сценариев* — жанра, уменьшающего степень ответственности авторов за свои предсказания) относительно перспектив развития российской экономики и состояния экономических институтов в более или менее обозримом будущем. Некоторые из этих прогнозов (принадлежащие в основном авторам, склонным к чрезмерной политизации экономических проблем) рисуют будущее России и российской экономики в мрачном свете, предрекая бывшей супердержаве судьбу Третьего мира. «Россия быстро превращается в страну Третьего мира... И шансы, что в обозримом будущем она вернется на путь прогресса и экономического развития, крайне малы»³⁸⁶. Предлагают и более конкретную аналогию — Анголу. «Кремль рассуждает о создании еще одного Китая, однако путь России скорее схож с путем Анголы — страны, которая зависит от нефти и развивается ныне благодаря ей, однако в прошлом она оказывалась на мели из-за падения нефтяных цен»³⁸⁷.

И все же большинство специалистов (по преимуществу профессиональных экономистов), расходясь между собой в частности и порой очень жестко критикуя российские власти и особенно Путина, предлагают в целом благоприятный краткосрочный прогноз, ставя Россию в один ряд с Бразилией, Индией и Китаем, перспективы экономического развития которых оцениваются, как известно, высоко.

В самой общей форме эта позиция нашла отражение в докладе группы Качинса и была вновь подтверждена в ряде статей, опубликованных последним после появления «Альтернатив». «Хотя стабильность экономического роста нельзя считать гарантированной, — писали американские эксперты, — будущее экономики России в краткосрочной перспективе выглядит довольно многообещающе»³⁸⁸. Больше того, авторы доклада считают «не

³⁸⁵ Качинс Э. Искусство предугадывать будущее России (The Moscow Times, 21 декабря 2007) [ИноСМИ.Ru http://www.inosmi.ru/translation/238583.html](http://www.inosmi.ru/translation/238583.html)

³⁸⁶ Мэттьюс О., Немцова А. Новый феодализм (Newsweek, 16 октября 2006) // [ИноСМИ.Ru http://www.inosmi.ru/stories/07/01/05/3499/230503.html](http://www.inosmi.ru/stories/07/01/05/3499/230503.html).

³⁸⁷ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года.

³⁸⁸ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 2.

только вполне возможным, но и вероятным, что к 2017 году российская экономика будет самой крупной в Европе»³⁸⁹. Стивен Коткин, будучи, как и авторы доклада, настроен критически по отношению к курсу Путина, полагает, тем не менее, что «кремлевский вариант “китайской стратегии”, скорее всего, будет осуществляться и дальше: элементы глобализации, способствующие либерализации политического процесса, будут подавляться, а ее экономические аспекты — развиваться в максимально возможной степени»³⁹⁰. В том же духе высказывается и Ричард Пайпс: если, признается он, «с точки зрения политики мне все видится скорее в черных тонах», то «с точки зрения экономики есть шансы, что Россия когда-нибудь приблизится к Западу»³⁹¹.

Этот ряд благоприятных в целом прогнозов можно было бы пополнить высказываниями ряда других американских экономистов, единодушно признающих, что Россия располагает необходимыми ресурсами и резервами обеспечения дальнейшего роста ее экономики. Называют, разумеется, нефть и газ, видя в них «самую важную движущую силу, определяющую будущее России»³⁹². Но при этом делают весьма существенную оговорку: «экономика России слишком диверсифицирована, чтобы ее можно было отнести к категории “нефтегосударств” (petrostate)»³⁹³. В числе факторов роста экономики упоминают также богатые запасы других полезных ископаемых; высокий образовательный уровень населения, особенно молодежи студенческого возраста; рост производства электроэнергии; высокую норму прибыли и возрастающий приток иностранных инвестиций; рост числа официально зарегистрированных предприятий и другие. Не исключают и проведение новых экономических реформ, которые могли

³⁸⁹ Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 6.*

³⁹⁰ Коткин С. Миф о новой «холодной войне» // Prospect – magazine, 28 марта 2008. — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240503.html>.

³⁹¹ Пайпс: Путин возвращается к царским временам («Gazeta Wyborcza», Польша, 24 мая 2006) — <http://www.inosmi.ru/stories/05/08/08/3450/227673.html>

³⁹² Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 3.*

³⁹³ Kuchins A. *Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 3.*

бы способствовать модернизации народного хозяйства со всеми вытекающими отсюда благоприятными последствиями.

Больше того, высказывается точка зрения, что именно падение цен на нефть (нет худа без добра!) могло бы подтолкнуть российское руководство к изменению своей экономической политики в лучшую сторону: прежде всего, возобновлению прерванных рыночных реформ, отказу от курса на ренационализацию и даже новой волне приватизации.

В общей форме эта последняя мысль проявляется в представлении о том, что *России не помешала бы хорошая встряска, шок* — пусть и болезненные, но в конечном счете очищающие, стимулирующие и потому полезные. Питер Ратленд ссылается при этом на исторический прецедент. «По иронии, семидесятипятипроцентная девальвация рубля, вызванная августовским крахом 1998 года, была, — утверждает он, — самым лучшим из всего, что произошло в российской экономике за долгие годы»³⁹⁴. Конкретизируя свое утверждение, Ратленд поясняет, что девальвация рубля «привела к сокращению импорта, поскольку он сразу же стал значительно более дорогостоящим, и дала российским фермерам и производителям шанс возвратиться на свои старые рынки»³⁹⁵. Одновременно с этим правительство Примакова «повысило налоги на производителей энергии, урезав при этом субсидии»³⁹⁶.

О пользе возможного будущего шока говорит и Ослунд в докладе «Российская экономика перед лицом 2017 года» (где высказывает свое особое мнение), приложенном к докладу группы Качинса. Пока шока не произойдет, уверен он, российское руководство будет вести себя так, как ведет, и положение дел в экономике, да и не только экономике, «будет, по-видимому, ухудшаться»³⁹⁷, несмотря на возможные высокие темпы роста ВВП. В среднесрочной перспективе возможны два такого рода шока: падение цен на нефть и «внутренний спад (domestic disruption)

³⁹⁴ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 189.

³⁹⁵ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 189.

³⁹⁶ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 189.

³⁹⁷ Aslund A. The Russian Economy Facing 2017 // Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 29.

в одной из государственных монополий»³⁹⁸ — вероятнее всего, в Газпроме.

Однако даже те из экспертов, которые выступают с оптимистическими прогнозами (о пессимистах нечего и говорить), как правило, указывают на ряд обстоятельств, которые, по их мнению, могут стать препятствием на пути дальнейшего количественного и качественного роста российской экономики и ее глубокой интеграции в мировое хозяйство.

Речь идет прежде всего об отмеченных выше негативных, с точки зрения американцев (придерживающихся в массе своей антиэтатистской, либеральной традиции), явлениях, отчетливо обозначившихся в последние три-четыре года. И в первую очередь — об усилении роли государства в экономике. Нет, полагают заокеанские эксперты, никаких свидетельств того, что в ближайшие годы государство ослабит свои позиции в хозяйственной сфере, а это значит, что один из главных факторов торможения ее развития будет сохраняться и впредь. «Продолжающееся расширение “государственных корпораций” в экономике будет сдерживать ее рост»³⁹⁹, утверждают эксперты из группы Качинса. «...Каким образом возвращение государства в промышленность и уже очевидное создание среды политического патронажа может повысить производительность экономики и эффективность использования ресурсов страны — на этот вопрос пока нет ответа»⁴⁰⁰, — замечает Маршалл Голдманн. Однако это осторожное высказывание дополняется явными сомнениями, что эти, как он говорит, «возвращение» и «патронаж» приведут к добру, ибо он (как и все его коллеги) убежден: частная собственность имеет преимущество перед государственной.

Картину пагубных последствий присутствия и усиления роли государства в экономике в качестве непосредственного хозяйствующего субъекта рисует Питер Ратленд. «Встает вопрос, сможет ли эта гибридная система, в которой навязчивая государственная бюрократия следит за частными олигархами, продержаться в течение

³⁹⁸ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 29.

³⁹⁹ Kuchins A. Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program. Center for Strategic and International Studies. Wash., D. C. November 2007. P. 24.

⁴⁰⁰ Голдманн М. Кремлевский капитализм // The Moscow Times, 22 сентября 2006. — ИноСМИ-ru. <http://www.bomond.com/read/news.phtml?id=136685&ch+2>

какого-то времени? Вероятно, это возможно *политически*. Но возможно ли это *экономически*?»⁴⁰¹. Устойчивый рост российской экономики, отвечает американский эксперт на им же поставленный вопрос, зависит от притока инвестиций и повышения конкурентоспособности российских предприятий, а «гибридная система» этому не способствует. «По мере того, как будут открываться новые месторождения нефти, строиться новые экспортные трубопроводы, а лицензии на телекоммуникации — выставляться на аукционы, олигархи будут вступать в жесткую конкуренцию друг с другом, отдавая себе отчет в том, что политический фаворитизм, вероятнее всего, определит ее исход. В таких условиях платой за политический риск может стать то, что олигархи будут менее охотно реинвестировать полученную прибыль и расширять свой бизнес. Эти политические неопределенности (uncertainties) — конкретное препятствие для иностранных инвесторов, у которых в Кремле мало друзей и много врагов»⁴⁰².

Обратим внимание, что в качестве препятствия на пути дальнейшего развития российской экономики Ратленд называет «*политическую неопределенность*». Не «*политическую нестабильность*» как отсутствие *устойчивости* сложившейся системы политических институтов и отношений, которую (устойчивость) он, как и большинство его коллег, в общем-то, не ставит под вопрос, а именно политическую неопределенность как *неясность перспектив* этой устойчивости. Неясность, сопряженную с рядом факторов, и прежде всего — с очень сильной зависимостью политического будущего России от одного единственного лица, а именно президента страны, равно как и зависимостью от того, будет находиться на этом посту «хороший парень» или парень «плохой».

Еще одно препятствие на пути развития российской экономики американские эксперты видят в «*покушении*» государства на частную собственность (в качестве самого наглядного примера такого приводится, конечно же, «уничтожение» компании ЮКОС) и *отсутствию в современном российском обществе прочных государственных гарантий неприкосновенности частной собственности* (каковы бы ни были ее источники). «Сущностью успешного капитализма является согласие на существующее право собственности —

⁴⁰¹ Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 203.

⁴⁰² Rutland P. Putin's Economic Record // Developments in Russian Politics 6. Ed. by Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Durham, 2005. P. 203.

и объявление его священным вне зависимости от того, каким путем была приобретена собственность, — утверждает Андерс Ослунд. — Общества, которые принимают право собственности, как правило, демонстрируют более быстрый экономический рост и лучше развивают демократию, чем те общества, которые упорно подвергают сомнению доставшееся им наследие»⁴⁰³. Как человек, обожающий давать правительству советы и рекомендации, Ослунд предупреждает: «Если президент Владимир Путин хочет достичь своей цели удвоения валового внутреннего продукта России в предстоящее десятилетие, ему потребуется крепкая экономика, которая может быть построена только на гарантированном праве собственности»⁴⁰⁴.

Вторая группа возможных препятствий — это негативные явления и процессы, которые обозначились еще в 90-е годы или даже ранее (доставшись в наследство от Советского Союза), но с тех пор сохранились или даже усилились.

Положение малого и среднего бизнеса, которое было незавидным в первые годы реформ, хотя и изменилось к лучшему, однако не настолько, чтобы считать проблему решенной. Согласно данным, приводимым американскими экономистами, в конце 2005 года в России на долю малого и среднего бизнеса приходилось примерно 10–15 % ВВП. В то время как в Соединенных Штатах и Западной Европе этот показатель составлял около 50 %. При этом отмечается, что без расширения масштабов и повышения роли малого и среднего бизнеса трудно ожидать устойчивого экономического роста, не говоря уже о росте среднего класса.

Еще одно препятствие, на которое единодушно указывают все американские аналитики, — *сохраняющийся демографический кризис*. И хотя эта «мина» была заложена не одно десятилетие назад, социально-экономический контекст этого процесса лишь усугубил его. Каждый год страна теряет от 700 до 750 тысяч человек, и пока трудно представить себе, как можно было бы радикально изменить эту ситуацию даже с учетом роста миграционного потока. А это значит, что *нехватка трудовых ресурсов (не говоря уже о нехватке квалифицированных кадров)* будет еще в течение длительного времени оставаться устойчивым тормозом на пути развития российской экономики.

⁴⁰³ Ослунд А. «Проклятие» России // The Moscow Times, 16 января 2004. — ИноСМИ-ru. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/01/3454/204778.html>

⁴⁰⁴ Ослунд А. «Проклятие» России // The Moscow Times, 16 января 2004. — ИноСМИ-ru. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/01/3454/204778.html>

Серьезное препятствие на этом пути видят американцы в *сохраняющейся монополизации ряда отраслей народного хозяйства*. Антимонопольное законодательство остается несовершенным и/или не работает должным образом. А монополия убивает предпринимательский дух и в конечном счете замедляет темпы экономического роста.

Неизменный объект критики со стороны американских специалистов — *коррупционированность российского общества*. Коррупция, достигающая порой гигантских масштабов, пронизывает его, подчеркивают критики, сверху донизу. В экономике она опасна еще и тем, что замедляет экономический рост и препятствует развитию среднего и малого бизнеса, о чем уже шла речь. К тому же она серьезно *подрывает правовую и моральную основу экономических отношений, которая и без того оставляет желать лучшего*.

Российская коррупция представляется американцам тем более опасной и трудноизживаемой, что, по мнению некоторых из них, она глубоко уходит корнями в национальную историю и культуру. «...Еще в царские времена философ Николай Бердяев заметил: “Взятка — самая действенная русская конституция на все времена”». В произведениях Николая Гоголя «Ревизор» и «Мертвые души», да и в романах Льва Толстого, эти реалии отразились в полной мере. Россия является классическим примером того, до какой степени коррупция являлась неотъемлемой чертой самодержавных монархий 19 века.

Коррупция процветала и в 20 веке — при коммунистическом строе»⁴⁰⁵. К тому же это была «государственная коррупция», т. е. коррупция, порождаемая всевластием государства, а точнее — представлявшего его чиновничества, от воли которого (а не от закона и судебных решений) зависело, какие решения будут приняты. Ни при Ельцине, ни при Путине изменений к лучшему не произошло. Скорее даже, как считают американские эксперты, положение ухудшилась, и «из-за того, что в России коррупция имеет глубокие исторические корни и прочно утвердилась в общественном сознании, “расчистка авгиевых конюшен»” будет делом непростым. Более того, то, что происходит сегодня, после многих столетий царской и десятилетий советской власти, только способ-

⁴⁰⁵ Голдман М. Государственная коррупция по-российски // Current History, 2005, #10 — иноСМИ-ru. http://gazeta.39/ru/pub/8/194_1.php?action=results&poll_ident=18

ствуется дальнейшему «узакониванию» коррупции в российской системе ценностей»⁴⁰⁶.

К числу препятствий на пути развития российской экономики некоторые американцы относят, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, *богатство ее природных ресурсов, которые называют «проклятием» России*. «Тезис о том, что природные ресурсы являются «проклятием», — пишет Ослунд, — стал аксиомой в нынешних экономических дебатах о России»⁴⁰⁷. Сам он, правда, относится к этой аксиоме⁴⁰⁸ с некоторой настороженностью, замечая, что «статистических данных в пользу этого утверждения предостаточно», но «корреляция... не то же самое, что причинная связь»⁴⁰⁹. Однако многие из коллег Ослунда если даже и не разделяют в полной мере тезис Сакса-Уорнера, то все же склоняются к выводу, что будь Россия победнее стратегическими ресурсами, она, возможно, была бы вынуждена проявлять большую активность и изобретательность (как это делает Япония) в поисках ресурсов экономического роста, что пошло бы ей на пользу.

Третий ряд обстоятельств, которые, с точки зрения американцев, способны воспрепятствовать успешному развитию российской экономики — *возможные (и весьма вероятные) неблагоприятные тенденции развития мировой (или даже региональной) экономики*. Ситуация тем более вероятная, что Россия, даже еще не вступив в ВТО, все больше интегрируется в мировую экономическую систему. А это значит, что потрясения в последней (на тех же фондовых рынках) неизбежно будут сказываться (так уже бывало) на состояниях и перспективах развития российской экономики.

⁴⁰⁶ Голдман М. Государственная коррупция по-российски // Current History, 2005, #10 — иноСМИ-ru. http://gazeta.39.ru/pub/8/194_1.php?action=results&poll_ident=18

⁴⁰⁷ Ослунд А. «Проклятие» России The Moscow Times, 16 января 2004. — ИноСМИ-ru. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/01/3454/204778.html>

⁴⁰⁸ «В 1995 году Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер выдвинули тезис, что чем больше страна впадает в зависимость от экспорта природных ресурсов, тем ниже становятся темпы ее экономического развития. Очевидным выводом стало то, что дарованные стране богатые природные ресурсы ведут к слабой экономической политике и к так называемой «голландской болезни», когда большие объемы экспорта ресурсов чрезмерно укрепляют национальную валюту, делая остальные отрасли промышленности неконкурентоспособными» (Ослунд А. «Проклятие» России // The Moscow Times, 16 января 2004. — ИноСМИ-ru. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/01/3454/204778.html>).

⁴⁰⁹ Ослунд А. «Проклятие» России // The Moscow Times, 16 января 2004. — ИноСМИ-ru. <http://www.inosmi.ru/stories/05/10/01/3454/204778.html>

Особо обсуждается возможное воздействие на нее *падения цен на нефть*. Никто не знает, когда это может произойти, но практически все сходятся в том, что поскольку динамика этих цен носит циклический характер, то рано или поздно такое падение произойдет и больно ударит по России. Однако разногласия по поводу степени ущерба от падения цен на углеводороды не снимают самой проблемы, существования которой не отрицает никто.

Есть, наконец, еще одно обстоятельство, в котором некоторые американские аналитики — прежде всего из числа сверхполитизированных неэкономистов типа Макфола — видят серьезное препятствие на пути экономического развития России. Это *отсутствие в стране демократии*, а конкретнее — *авторитарный режим*, установленный Путиным. И хотя в мировой литературе, как известно, идут споры о том, как соотносятся авторитаризм в политике и либерализм в экономике, и ряд экономистов, ссылаясь на опыт Чили времен Пиночета и современный Китай, утверждает, что отсутствие демократии — не помеха успешному экономическому развитию, многие из американцев, пишущих о России, с этим не согласны. Они не всегда напрямую отрицают такую возможность, но утверждают (не имея, разумеется, никаких доказательств на руках), что в условиях демократии рост *был бы* еще больше и что существование авторитарного режима, в конечном счете, может привести экономику к стагнации.

Именно эта идея проходит лейтмотивом через в общем-то теоретически слабенькую и вторичную с точки зрения аргументации статью Макфола и Стоунер-Вайсс, которой обеспечили авторитетную трибуну (журнал *Foreign Affairs*), широкую рекламу в США и России и вокруг которой была организована шумная дискуссия. «Возникновение демократии в России в 90-е годы действительно *совпало* с развалом государства и экономическим упадком, однако оно не является их причиной. Равно как возрождение российской автократии при Путине, — пишут ее авторы, — *совпало* с экономическим ростом, но не вызвало его... Какими бы ни были достижения России при Путине, они *были бы* значительно большими, *если бы* демократия выжила»⁴¹⁰.

Как замечает экономист Стивен Коткин, вдоволь посмеявшийся над беспомощностью своих коллег-политологов, «на деле... Мак-

⁴¹⁰ Майкл Макфол, Кэтрин Стоунер-Вайсс. О мифе авторитарной модели или тормозящей роли путинского зажима // «Независимая газета» 25 декабря 2007 года. Курсив мой — Э. Б.

фолом и Стонер-Вайс движет не интерес к экономическим проблемам, а якобы насущная необходимость распространения демократии с точки зрения внешней политики США»⁴¹¹. И это правда. Но правда и то, что многие из тех, кто «лепит» образ российской экономики, будь они политологами, экономистами или политиками, хотели бы представить дело таким образом, что если бы Россия прислушивалась к советам заокеанских демократизаторов, она достигла бы гораздо больших успехов в экономике (и не только в экономике), а тот рост, который наблюдается сегодня — во многом результат случайных совпадений, благоприятной экономической конъюнктуры, а то и просто везения, и надеяться на то, что вся эта благодать сохранится и завтра, бессмысленно и опасно.

Впрочем, некоторые из заокеанских аналитиков не теряют надежды на то, что Россия в дальнейшем «исправится» (особенно если на нее как следует надавить) и пойдет по пути «цивилизованных» стран. «Уверен, — пишет Дэвид Хоффман в «Предисловии к русскому изданию» своих «Олигархов», — что олигархическим капитализмом еще не кончается история России. Это лишь неизбежный этап в начале пути к либеральной рыночной системе»⁴¹².

Конечно, никто из серьезных заокеанских аналитиков не хотел (и не хочет), чтобы Россия стала «второй Америкой». Но они были бы совсем не против превращения ее в страну, ориентирующуюся в ряде отношений на Америку и *подобную Америке по некоторым параметрам*. По этому критерию они будут — можно не сомневаться — оценивать и дальнейшую эволюцию экономических отношений в нашей стране. Что же касается *общего экономического образа современной России*, созданного заокеанскими экспертами, то он выглядит, мягко говоря, *неоднозначно*.

Страна встала на путь *капиталистического* развития и сделала ряд шагов в сторону создания *рыночной* экономики, но это — *олигархическо-бюрократический* капитализм, а в качестве одного из главных игроков на рынке выступает (все более усиливая свою роль) *государство*, эффективность деятельности которого, по меньшей мере, сомнительна. К тому же в последние годы Кремль *свернул курс на дальнейшее осуществление рыночных реформ и модернизацию народного хозяйства*.

⁴¹¹ Коткин С. Миф о новой «холодной войне» Prospect – magazine, 28 марта 2008. — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240503.html>

⁴¹² Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. Пер. с англ. М., 2007. С. 13.

В стране утвердился институт *частной собственности*, но она *плохо защищена* юридически и политически, на пути развития среднего и малого бизнеса стоит *масса препон*, а *коррупция* стала чумой российской экономики и общественной жизни в целом.

России удалось меньше чем за десять лет *добиться впечатляющего роста ВВП*, а темпы этого роста одни из самых высоких в мире, но эти успехи достигнуты в основном *за счет высоких цен на нефть*, которые могут так же быстро *обрушиться*, как быстро они взлетели.

Россия *не может быть отнесена к числу «нефтегосударств»* типа Анголы, но *степень диверсифицированности ее экономики остается слабой*. И даже если последняя будет развиваться без заметных спадов, ее стратегические перспективы не столь лучезарны, как может кому-то показаться. По оценке Стивена Коткина, «в будущем на долю США, ЕС и Китая будет приходиться как минимум по 20 % общемирового ВВП. Аналогичная же доля России, даже если она займет пятое место среди крупнейших экономических держав мира, не превысит 3 %»⁴¹³.

Думается, такая неоднозначность образа российской экономики неслучайна. Если наша страна сегодня и может похвалиться серьезными и притом едва ли не общепризнанными и к тому же верифицируемыми достижениями в какой-то области, то, очевидно, что такой областью является именно экономика. Отсюда и задача ангажированных заокеанских имиджмейкеров: снизить экономическую привлекательность России в глазах Запада, показать, что «стакан» наполнен лишь наполовину, а вторая его половина пуста и какой окажется динамика дальнейшего изменения — большой вопрос.

⁴¹³ Коткин С. Миф о новой «холодной войне» // Prospect – magazine, 28 марта 2008. — ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240503.html>

Глава 5. БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ В «ВЫМИРАЮЩЕЙ СТРАНЕ»

(Социальная политика)

Социальные проблемы российского общества — в отличие от проблем политических и экономических — редко становятся в США предметом самостоятельного исследования. Да и в работах общего характера, посвященных России, занимают далеко не первое место⁴¹⁴. К тому же объектом более или менее серьезного интереса они стали только в 2000-е годы, когда российское государство начало уделять больше внимания социальной сфере. Но и в 1990-х, и теперь социальные образы России сплошь и рядом используются в качестве эмоционального фона при создании ее негативного имиджа. Яркие, порой шокирующие социальные картинки, вырванные из общего контекста (нищие, стоящие на обочинах автострад, по которым мчатся шикарные лимузины новых русских; бомжи и проститутки; беспризорные дети; наркоманы и алкоголики; вымирающие деревни и т.п.) и рассчитанные на эмоциональный эффект, дополняют и «обрамляют» портрет «больного», переживающего глубокий кризис общества, каким многие американцы изображали и продолжают изображать постсоветскую Россию.

Тем не менее, социальный портрет российского общества играет очень важную роль в формировании его интегрального имиджа, складывающегося в США. Это своего рода «соус», под которым подается «главное блюдо», в роли которого выступают образы политического режима, экономической системы, внутренней, внешней и военной политики. Но это не всё. Социальные

⁴¹⁴ В большинстве случаев более или менее близкий к реальности (пусть и не всегда позитивный) социальный образ современного российского общества мы находим в работах американских авторов, которые или не раз приезжали в Россию, или жили какое-то время в ней, то есть были «погружены» в российскую повседневную жизнь, могли взглянуть на нее «изнутри» и таким образом почувствовать и открыть для себя то, что трудно, а то и просто невозможно (такова уже специфика социальной проблематики) разглядеть «снаружи». См., в частности: P. Baker. *Kremlin Rising: Vladimir Putin's Russia and the End of Revolution*; J. Billington. *The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture*; *Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain* Ed. Dale R. Herspring. Rowman & Littlefield Publishers, INC. 2005; D. E. Hoffman *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*; R. Service. *Russia. Experiment with a People*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003; *Developments in Russian Politics*. Ed. Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Duke University Press. Durham. 2005.

проблемы рассматриваются порой и как составная часть политических, экономических и других проблем российского общества, попадающих в поле внимания американцев. В этом случае социальный образ России оказывается органической частью политических, экономических и прочих образов, а его характеристики определяются общей направленностью последних. Социальные штрихи обнаруживаются и в образах россиян с их привычками, традициями, культурой.

Можно выделить несколько факторов, влияющих на формирование социального образа России. Это, прежде всего, социальное положение россиян — отчасти реальное, отчасти созданное воображением имиджмейкеров. Это направленность общего политического или экономического образа, который инкорпорирует в себя социальный образ. Это место и роль, которые конкретный автор отводит социальной проблематике в своем исследовании России и те задачи, которые он ставит перед собой, формируя тот или иной образ. К этому надо добавить, что характер социального образа (как и степень его объективности) во многом зависит от того, являются ли социальные проблемы непосредственным объектом исследования или лишь удобным средством достижения желаемого эффекта от воздействия выписанного образа.

Динамика социального портрета во многом определяется динамикой политического и экономического образов России. Причем меняется не столько непосредственное содержание социального образа, сколько его тональность, смещаясь от более оптимистической к более пессимистической и обратно. Общее улучшение международного имиджа нашей страны способствует повышению уровня оптимизма относительно перспектив ее социального развития, тогда как усиление критики российского политического режима и президента влечет за собой сгущение красок при формировании ее социального портрета.

Что касается структуры и содержания социального образа России, то те немногие авторы, которые не просто используют «социальные картинки» в качестве своего рода «спецэффектов», а пытаются понять суть дела, выделяют, как правило, более или менее стандартный набор «больных» проблем (групп проблем), характерных, по их мнению, для российского общества. Это его социально-групповая структура и социальная динамика, демография, уровень жизни и здоровье нации, социальная патология, экология, образование. Больше всего пишут, конечно, о резком социальном расслоении и социальном неравенстве; о низком уровне жизни и высоком

уровне смертности, ведущем, по сути, к вымиранию народа; о тяжелых социальных недугах, поразивших российское общество. На этих вопросах мы и сконцентрируем внимание в этой главе.

БОГАТЫЕ, БЕДНЫЕ, НИЩИЕ

С распадом Советского Союза российское общество, утверждают американские исследователи, утратило свою декларированную бесклассовость и на сегодняшний день жестко стратифицировано в соответствии с двумя взаимосвязанными критериями: материальным благополучием и наличием властных ресурсов⁴¹⁵. Современное российское общество, таким образом, распадается на два практически не связанных друг с другом мира — мир элиты и мир большинства, связующий элемент между которыми — средний класс — практически отсутствует.

Как пишет С. Уайт, одним из наиболее ярких результатов перехода к рыночной экономике стал «быстро растущий разрыв в доходах и, соответственно, в уровне жизни. В 1991 г., в последний год существования СССР, наименее хорошо оплачиваемая группа, представлявшая пятую часть всего населения, зарабатывала 12 % всего дохода, а наиболее хорошо оплачиваемая часть населения зарабатывала 31 %. К 1997 г. беднейшая пятая часть населения зарабатывала наполовину меньше, чем 6 лет назад, а наиболее богатая пятая часть населения зарабатывала в два раза больше...»⁴¹⁶.

Экономические потрясения 1990-х гг. привели к тому, что неравномерное распределение доходов с каждым годом становилось все более и более очевидным. В конце концов, богатые стали еще богаче, а бедные — еще беднее и их число постоянно росло. Около двух пятых населения к концу 1990-х гг. жило в бедности. «Средний доход был в два раза выше прожиточного минимума в конце 1990-х гг., но пятая часть населения — более 30 млн человек — жили за чертой бедности. Более трети бедняков жили в крайней нищете, со средним доходом в два раза меньше прожиточного минимума, а около половины жили в постоянной бедности»⁴¹⁷. Боль-

⁴¹⁵ R. Service. *Russia. Experiment with a People*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003; *Developments in Russian Politics*. Ed. Stephen White, Zvi Gitelman and Richard Sakwa. Duke University Press. Durham. 2005; M. L. Goldman. *Russia's Middle Class Muddle//Current History*. October. 2006.

⁴¹⁶ S. White. *Russia's New Politics*. Cambridge University Press. 2000. P. 145.

⁴¹⁷ *Ibid.* P. 146.

ше того, как отмечают американские эксперты, значительная часть населения вообще не получала денег за свой труд. Обычной практикой стала невыплата зарплат. К 2000 г. одной пятой работающего населения работодатели не выплачивали зарплату⁴¹⁸. Люди были вынуждены работать в двух, трех местах.

При этом, разрыв в уровне жизни существовал не только между социальными группами, но и, как отмечает С. Уайт, между регионами. Так, например, если в целом по стране в конце 1990-х гг. средний доход был в два раза выше прожиточного минимума, то в Дагестане средний доход был ниже прожиточного минимума, в то время как в Москве гораздо выше⁴¹⁹.

«Поляризация доходов достигла такого уровня, что было уже две «России», отличающиеся друг друга по своим расходам и бытовым условиям, а не только по доходам»⁴²⁰. К концу 1990-х гг., как пишет С. Уайт, пять процентов россиян могли считаться богатыми (4–7 миллионов, если считать вместе с семьями). 15 % можно было отнести к тем, кто жил комфортно, с месячным доходом по меньшей мере 1 тыс. долл. на каждого члена семьи. 20 % населения находились на «среднем» уровне, причем в эти 20 % входили и сотрудники коммерческих фирм, и уличные торговцы, и младшие специалисты правительственных структур, и процветающие бизнесмены, и представители криминальных кругов. Некоторые из них могли даже поддерживать уровень жизни, близкий к уровню жизни западного среднего класса. Еще 20 % населения, можно было отнести к «относительно бедным», а 40 % — к «бедным», четверть из которых жила на грани нищеты⁴²¹.

В 2000-х гг. ситуация, по мнению американцев, изменилась незначительно: в первой половине 2004 г. около 46 % всего дохода приходилось на 20 % самых богатых россиян, в то время как 20 % самых бедных заработали всего 5,4 %⁴²². В 2004 г., по данным, приводимым американским профессором М. Голдманом, 36 российских олигархов стали миллиардерами, при том, что рос-

⁴¹⁸ R. Service. *Russia. Experiment with a People*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003. P. 301

⁴¹⁹ S. White. *Op. cit.* P. 147.

⁴²⁰ *Ibid.* P. 148.

⁴²¹ *Ibidem.*

⁴²² *Developments in Russian Politics...* P. 205.

сийский ВВП был меньше, чем в Португалии⁴²³. А журнал Форбс в 2004 г. насчитал в Москве 33 миллиардера — на два больше, чем в Нью-Йорке⁴²⁴.

Интересно, что приводимые цифры ненамного отличаются от показателей западных стран, но выглядят шокирующими именно на фоне советского прошлого, о котором было принято говорить, как об обществе всеобщего равенства, даже, если в реальности это было равенство большинства в бедности при процветании меньшинства. В СССР, пишут американцы, существовала социальная иерархия: была правящая номенклатура, которая жила в особых социальных условиях⁴²⁵, и было остальное общество. Но при этом только незначительное меньшинство советских граждан жили в нужде и нищете. На фоне этого существующий сегодня имущественный разрыв кажется американским наблюдателям поистине чудовищным. Более того, за всю историю России, утверждают они, российские богачи не были так богаты, как сейчас.

Богатым русским американские наблюдатели уделяют особое внимание. Как пишет С. Уайт, «богачи» включают в себя несколько групп, из которых он выделяет и красочно описывает две: «хорошо образованные, много работающие бизнесмены, занимающие высокие позиции в коммерческих структурах, связанных с государством, и менее образованные предприниматели, связанные с преступным миром и больше склонные вести яркую беспечную жизнь. Бизнесмены более склонны продвигать свои интересы, лоббируя их в государстве, и вкладывать средства в недвижимость; предприниматели живут в менее роскошном окружении, но равнодушны к дорогим автомобилям и любят расслабиться в ночных клубах и стрипбарах. Представители бизнес элиты в основном женаты, жены их не работают; почти у всех — один или два ребенка, из которых они воспитывают адвокатов или экономистов; а их любимые автомобили — «Вольво», «Линкольн» и «Мерседес», хотя некоторые из них продолжают держать и российские автомобили для членов семьи»⁴²⁶.

Мало кто из богачей добился своего положения самостоятельно, не имея влиятельного покровителя. Это означало, что, как пи-

⁴²³ M. L. Goldman. Russia's Middle Class Muddle//Current History. October. 2006. P. 323.

⁴²⁴ Ibidem.

⁴²⁵ M. L. Goldman. Op. cit. P. 321

⁴²⁶ S. White. Op. cit. P. 149.

шет С. Уайт, «больше всего шансов разбогатеть имели те, кто уже был богат или те, кто стоял у власти, а также члены криминальных кланов...»⁴²⁷.

Российские богачи выделяются американскими исследователями в отдельный класс среди остальных самых богатых людей мира. Во-первых, они разбогатели вопреки обнищанию страны в целом, во-вторых их богатство никак не способствует общему процветанию государства. Отличает их от западных состоятельных граждан еще и то, каким образом приобрели они свой капитал. Большинство «новых русских», так или иначе, были связаны с советской номенклатурой и имели шанс воспользоваться экономической и политической неразберихой начала 1990-х гг. Многие из новых русских вышли из криминальной среды. Их темное прошлое делает их практически полностью закрытыми для статических исследований. Российские богатые граждане не дают интервью и не заполняют анкет. По утверждению американских исследователей, практически не существует каких-либо сведений о российском состоятельном классе. И еще одну черту последнего отмечают американцы: несмотря на патриотические речи, они относятся к России как к колонии, ресурсы которой необходимо максимально использовать⁴²⁸.

Некоторые американские исследователи, опираясь на собственные опросы, попытались понять, что значило быть богатым в постсоветской России. «Прежде всего... это значило не беспокоиться о будущем. Это также означало иметь свой собственный бизнес... машину, дачу и квартиру; зарабатывать достаточно, чтобы покупать еду в супермаркетах, пить коньяк и проводить время в ресторанах; а также быть здоровым. Богатые, как показывали опросы, любят иномарки... любят недвижимостью за границей, особенно в Испании, но также в США, на Кипре, в Португалии, Греции и Франции... У новых русских мало времени для отдыха — в среднем только неделя в год и обычно они ее проводят на зарубежных курортах. Более чем половина содержат любовниц, которых они навещают два-три раза в месяц, и они ужинают в ресторанах как минимум 4 раза в неделю. Более 40 % признавались, что были вовлечены в криминальную деятельность в начале своей карьеры и 25 % по-прежнему были связаны с криминальными кругами»⁴²⁹.

⁴²⁷ S. White. Op. cit. P. 150.

⁴²⁸ R. Service. Russia. Experiment with a People. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003. P. 294.

⁴²⁹ S. White. Op. cit. P. 151.

В представлении американцев новые русские не только любят дорогие машины, но и живут в роскошных загородных домах, посещают фитнес-центры, в которых «семейная клубная карта стоит в четыре раза больше среднегодового дохода», их дети получают образование за рубежом, они окружают себя телохранителями, совершают покупки в Милане и Париже, приобретают виллы в Европе, и их легко узнать, когда они выезжают на отдых в Альпы или на Французскую Ривьеру, по непомерным тратам.

Остальная часть населения России, т. е. большинство, стремится лишь к одному — выжить. Образ этого большинства претерпел незначительные изменения в оценках американских экспертов, и то лишь в последние несколько лет. Экономические эксперименты Ельцина привели к обнищанию основной массы населения страны. Безработица стала привычным элементом жизни российского гражданина. Средняя ежемесячная зарплата к концу 1990-х гг. составляла 60\$. Но даже эти деньги получали далеко не все. В этой группе немало пенсионеров, размеры пенсий которых в большинстве своем лишь немногим выше прожиточного минимума. Для многих стариков жизнь стала «просто невыносимой»⁴³⁰. Уровень жизни в России, согласно американским исследованиям, к концу 1990-х гг. упал ниже уровня 1940-х гг. К началу 1999 г. 35–38 % населения жили за официальной чертой бедности⁴³¹.

Основными причинами обнищания населения американские исследователи называют падение уровня заработной платы на государственных предприятиях, безработицу, задержки выплат зарплат и пенсий. Особенно больно ударил по этой группе августовский кризис 1998 г. Цены резко выросли, тогда как зарплаты остались на том же уровне, а многие вообще потеряли источник дохода после ликвидации предприятий. «Реальные доходы упали в три раза, даже в Москве почти половина населения оказалась за чертой бедности, а в ряде регионов люди просто умирали с голоду и вынуждены были есть кошек и собак, ворон, галок и голубей»⁴³².

В 2000-х гг. признают американские исследователи, ситуация действительно несколько улучшилась. В 2003 г. процент населения, живущий за чертой бедности, снизился до 23 % (по другим данным до 30 %), а в 2004 г. (последние данные, на которые опираются аме-

⁴³⁰ S. White. Op. cit. P. 156.

⁴³¹ Ibid. P. 303; Developments in Russian Politics. P. 205.

⁴³² Ibidem.

риканские исследователи) — до 18 %. Но это все равно означает, что около 40 млн человек получает доход меньше необходимого минимума. Российское государство, по-прежнему, утверждают американские эксперты, не в состоянии обеспечить минимальный уровень благосостояния всем своим гражданам. Более того, рост последнего, который произошел не столько благодаря проведенным в последние пять лет реформам, сколько небывалым ценам на нефть⁴³³, наблюдается, в основном в крупных городах. В маленьких городках 57 % населения живет за чертой бедности, в сельской местности — 38 %⁴³⁴.

Социально опасным явлением американцы считают самовоспроизводство бедности в России: «бедность стала самовоспроизводиться: чем беднее были родители, тем меньше они были в состоянии обеспечить адекватный уровень жизни своим детям, включая питание, заботу о здоровье и образование, а это увеличивало вероятность того, что их дети тоже будут бедными»⁴³⁵.

Мало кто из американцев, пишущих о социальных проблемах России, не рисует ужасающие картины социального «дна» — мира бомжей и беспризорников. Согласно данным, приводимым С. Уайтом, число бездомных составляло «4 миллиона по всей стране, в том числе беспризорников: по крайней мере, полмиллиона в конце 1990-х гг., из них только в Москве до 100 тысяч»⁴³⁶. Многие из них были алкоголиками и наркоманами, занимались проституцией и попрошайничеством. По оценкам некоторых экспертов, они составляли 10 % населения, и их шансы вернуться к нормальной жизни были равны нулю⁴³⁷.

Большое внимание американцы уделяют проблеме среднего класса. И это закономерно: средний класс — основа капиталистической и демократической системы, и от будущего этой социальной группы во многом зависит не только будущее России как общества, но и характер политического режима и экономической системы. Взгляды американцев на российский средний класс ко-

⁴³³ Э. Качинс. Владимир Удачливый// The Heritage Foundation. 19.09.2006. <http://www.inosmi.ru/translation/229983.html>. Г-ну Путину сказочно повезло: он стал президентом России в тот момент, когда цены на нефть начали расти, а затем взлетели до небес. Именно это стало главной причиной «экономического чуда» в России.

⁴³⁴ *Developments in Russian Politics...* P. 205.

⁴³⁵ *Ibidem*.

⁴³⁶ S. White. *Op. cit.* P. 155.

⁴³⁷ *Ibid.* P. 157.

леблются от крайне пессимистических до умеренно обнадеживающих. В целом исследователи согласны в том, что его очень сложно идентифицировать, и он не похож на средний класс в западном понимании. Как писал в 2000-м г. Л. Арон, «во многом российский средний класс представляет собой черный ящик — феномен, чьи ключевые характеристики нельзя установить с удовлетворяющей точностью и достоверностью»⁴³⁸. О наличии среднего класса приходится судить по тому, что «появляется из этого черного ящика» и в первую очередь — по внешним атрибутам.

Действительно, доходы населения выросли, особенно в 2000-е гг. о чем в частности, по справедливому утверждению экономиста М. Голдмана, свидетельствует рост объема продаж автомобилей (за период с 2005 по 2006 г. было продано более 1,8 млн автомобилей). Автор перечисляет и множество других свидетельств роста благосостояния граждан: новые офисы, новые здания, появление огромного числа торговых комплексов и даже рост сети ресторанов быстрого питания Макдоналдс и магазинов Икея. Л. Арон добавляет к этому возросшее число русских туристов, видоизменившиеся книжные магазины, в которых теперь можно найти практически любую книгу, число мобильных телефонов.

Однако, по мнению М. Голдмана, эти цифры не могут сказать ничего о наличии среднего класса. Дело в том, утверждает исследователь, что принадлежность к среднему классу предполагает наличие независимого от государства источника дохода. В России же, по утверждению американских экспертов, благосостояние граждан растет по мере роста государственных рабочих мест. Иными словами, оно напрямую зависит от государства. Российская бюрократия продолжает расти, и именно она обеспечивает рост «российского среднего класса». Как и в советские времена, сегодня на сотню граждан приходится один государственный служащий, и именно доход этой части среднего класса вырос на 44 % за 2004–2005 гг., в то время как среднедушевой доход вырос на 21 % за тот же период⁴³⁹.

Однако при всем скепсисе многие американские аналитики признают, что в России идет формирование среднего класса и даже пы-

⁴³⁸ L. Aron. In Search of a Russian Middle Class//Russian Outlook of American Enterprise Institute for Public Policy Research. October 1, 2000 http://www.aei.org/include/pub_print/asp?pubID=12224

⁴³⁹ M. L. Goldman. Russia's Middle Class Muddle//Current History. October. 2006. P. 323; Developments in Russian Politics... P. 206–207

таются выявить его основные характеристики и проследить этапы и пути становления. По мнению большинства американских экспертов, он начал складываться в середине 1990-х гг. и рос достаточно быстро и уверенно до августовского кризиса 1998 г., который был объявлен некоторыми из них концом среднего класса в России. Российская социальная структура, полагали они, на долгие годы должна была оставаться очень простой: «семь олигархов, голодающие массы и ничего посередине»⁴⁴⁰. Однако «к счастью для России (и для мира), объявления о смерти оказались преждевременными. Менее чем через год умершая и похороненная социальная группа начала возвращаться»⁴⁴¹.

Как отмечал Л. Арон, два серьезных изменения в российской экономике и обществе определили формирование среднего класса. Во-первых, это переход в экономике от производства к услугам, который на Западе начался еще в 1940-х гг., а в России был отложен почти на полвека. Во-вторых, постепенно в представлении высшего среднего класса престижными и доходными стали профессии ориентированные не на государство, а на частный бизнес.

«Результат был трагичным и болезненным для миллионов ученых, военнослужащих, университетских профессоров и инженеров, которым обеспечивал работу огромный военно-промышленный комплекс»⁴⁴². Именно они были «советским средним классом» и стали «новым бедными русскими». Вместо них новый средний класс стали формировать бухгалтера, юристы, рекламщики, маркетологи, компьютерщики и программисты, архитекторы и журналисты, учителя в частных школах, дизайнеры, страховщики и владельцы частного бизнеса.

Одной из очевидных характеристик российского среднего класса, отмечают исследователи, стал возраст. Молодые, образованные жители мегаполисов — вот образ российского среднего класса. Запросы российского среднего класса, по мнению американских исследователей, не так уж и велики: хорошая еда, путешествия, хорошие книги, машина и удобный дом. Из личностных характеристик представителей российского среднего класса американцы выделяют стремление к независимости, готовность и желание полагаться только на себя, умение и желание много работать, готовность пойти на риск ради достижения успеха, свободолюбие и поддержка демократических ценностей.

⁴⁴⁰ L. Aron. Op. cit.

⁴⁴¹ Ibidem.

⁴⁴² L. Aron. Op. cit.

Что касается перспектив развития среднего класса в России, то их американские эксперты оценивают по-разному. Одни, как М. Голдман, уверены в безуспешности попыток вырастить средний класс. Другие, как Л. Арон, считают, что, несмотря на то, что средний класс пока нельзя назвать доминирующей силой в обществе, скорость экономического развития России позволяет с оптимизмом смотреть на формирующийся средний класс.

Некоторые исследователи нарушают стандартную схему социального устройства общества и выделяют особые социальные группы. Так исследователь Джуди Твигг говорит о существовании в России уникального класса — «класса ниже-среднего»⁴⁴³. К нему она относит 70 % населения. Это люди, у которых есть образование, есть работа, но эта работа нестабильна и плохо оплачивается. Если им повезет, у них есть шанс попасть в средний класс, а если не повезет, они могут оказаться в самом низу социальной лестницы. В большинстве своем представители этого класса вынуждены работать в нескольких местах и мириться с тем, что их заработок ниже возможностей, которое предоставляет полученное ими образование.

КТО ВЛАДЕЕТ, ТОТ УПРАВЛЯЕТ. КТО УПРАВЛЯЕТ, ТОТ ВЛАДЕЕТ.

Неотъемлемую часть социального портрета России представляет образ политической элиты. Он складывался по ходу формирования самой элиты, достаточно быстро адаптируясь к ее изменениям. За постсоветский период дискуссии относительно ее конфигурации обострялись дважды — в первые постсоветские годы, когда происходила кристаллизация «ельцинской» элиты, и в 2000-м гг., когда произошла смена власти в Кремле. Но в обоих случаях основной вопрос, которым задавались американские исследователи, звучал одинаково: произошла ли в стране смена или обновление элиты? При этом одни утверждали, что никакого обновления не произошло ни в первый период, ни во второй, тогда как другие доказывали, что «путинская» элита отличается от «ельцинской» не меньше, чем «ельцинская» отличалась от советской.

По мнению большинства американских экспертов, российская политическая элита, представляющая собой сплав представителей

⁴⁴³ Developments in Russian Politics... P. 207.

частного бизнеса, государственных структур и организованной преступности, унаследовала основные черты советской политической элиты. Как и последняя, она живет в совершенно иных социальных условиях, нежели большинство членов общества и располагает такими возможностями и средствами, о которых простой россиянин не может и мечтать. Она рекрутируется закрытым путем. Но самое главное — она полностью контролирует основные сферы государственной и общественной жизни — политическую и экономическую.

В «ельцинский» период распространенным собирательным образом российской политической элиты стала «семья». Именно так называли ее и российские СМИ, и многие американцы. Однако некоторые исследователи утверждают, что этот образ создает ошибочное представление о российской политической элите как о монолите, в то время как на самом деле она состоит из нескольких разных, иногда противостоящих групп. Так, профессор Центра Дэвиса по российским исследованиям Гарвардского Университета Вирджиния Кулудон, исследуя российскую политическую элиту периода президентства Ельцина, выделила две большие группы, разделенные, в свою очередь, на подгруппы или кланы, в соответствии с одним главным критерием — отношением к государству и представлением о том, какую роль оно должно играть в экономике. В соответствии с этим критерием элита того периода была подразделена ею на «вертикальную» и «горизонтальную».

В середине 1990-х гг., утверждала В. Кулудон, выяснилось, «что переход [от советского общества к постсоветскому — В. Ж.] сформировал два противоположных подхода к государству...»⁴⁴⁴. Сторонники одного подхода опирались на советский опыт и способствовали формированию олигархического режима. Сторонники противоположного подхода стремились использовать возможности переходного периода, чтобы ослабить роль государства в экономике и в обществе в целом.

Первая группа российской политической элиты, была фактически создана самим государством, поскольку к моменту «перехода» финансовыми средствами располагали только такие государственные структуры как КГБ и ЦК. Только они, утверждает В. Кулудон, могли выступить инвесторами и создать новые финансовые ин-

⁴⁴⁴ V. Couloudon. The Dichotomy of the Post-Yeltsin Elite//Working Paper of the Project on Systemic Change and International Security in Russia and the New States of Eurasia. 2001. P. 5.

ституты. Во главе этих новых финансовых структур, конечно же, тоже ставились люди из крупных государственных предприятий или министерств. Некоторые из созданных таким образом банков стали в дальнейшем инструментами правящей олигархии. А сами управляющие этих новых структур стали олигархами — основным элементом российской политической элиты.

Никто тогда не мог предвидеть, говорит профессор Уэслианского университета П. Ратланд, что влияние олигархов на политику окажется со временем столь значительным, как никто не мог представить себе, что через десять лет после начала горбачевской либерализации предвыборная кампания первого президента России будет проходить под грохот рок концертов, организованных 30 миллиардерами, полностью финансировавшими эту кампанию⁴⁴⁵.

Между тем сама политика, проводимая Ельциным, считает Кулудон, привела к такому росту влияния олигархов. «Срастание политического и финансового мира было продолжено при Ельцине. По мнению членов команды Ельцина, политически враждебное окружение, унаследованное от советского прошлого, оправдывало привилегированные отношения с финансовыми управляющими, которым они доверяли»⁴⁴⁶. Такая форма патронажа государства над складывающимися финансовыми структурами стала во многом следствием распада советского режима, утверждает Кулудон. А падение курса рубля в 1994 г., только ускорило формирование будущей олигархии⁴⁴⁷. На выборах 1996 г., олигархи оказали финансовую поддержку государству в лице действующего президента, а он в ответ после победы «выразил свою благодарность, предложив финансовым менеджерам высшие посты в правительственных структурах...». Фактически это было кульминацией формирования российской политической элиты, ядро которой составила элита олигархическая.

Влияние олигархов, а к ним причисляли Березовского, Гусинского, Абрамовича, Авина, Ходорковского, Смоленского и Потанина «было основано во многом на контроле над средствами массовой информации: Газпром контролировал газеты «Труд» и «Рабочая газета»; Березовский был совладельцем Общественного Российского телевидения и... «Независимой газеты», «Онэксим-

⁴⁴⁵ P. Rutland. Putin and the Oligarchs//in Putin' Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. By Dale. R. Herspring. P. 161.

⁴⁴⁶ V. Couloudon. Op. cit. P. 7.

⁴⁴⁷ Ibidem.

банк» Потанина владел «Комсомольской правдой» и совместно с «Лукойл» владел газетой «Известия»; Гусинский и его банк владел целым рядом газет, включая влиятельную газету «Сегодня», а также независимыми теле и радио каналами»⁴⁴⁸. Как писал в 1995 г. один из ведущих сотрудников американского Совета по Национальной Безопасности Т. Грэм, Россией правила маленькая группа объединенных в противоборствующие кланы миллионеров, борющихся за влияние на всевластного президента⁴⁴⁹.

Олигархическая элита, по наблюдениям американских исследователей, была разделена на группы или кланы в соответствии с тем сектором экономики, который каждая из них контролировала. Каждая из групп состояла из высокопоставленных правительственных чиновников, членов президентской администрации, местных властных структур, банкиров и директоров стратегических промышленных комплексов, связанных с добывающей отраслью или с военным комплексом. При этом, как отмечает В. Кулудон, особенность переходного периода проявлялась еще и в том, что эти группы были связаны напрямую исключительно с исполнительной властью⁴⁵⁰.

Параллельно с формированием олигархической или «вертикальной» элиты формировалась элита «горизонтальная». С самого начала она была лишена доступа к каким-либо государственным привилегиям, поэтому ей приходилось быть более изобретательной, чтобы преуспеть⁴⁵¹. Представители этой элиты ловко использовали лазейки в законе, чтобы получить желаемое. Ну а приватизация дала им новый шанс, которым они воспользовались сполна. В качестве примера преуспевающего представителя «горизонтальной» элиты Кулудон приводит бывшего биолога Каху Бендукидзе, которого она, следуя своей концепции, вывела из списка российских олигархов и назвала «хорошо известным представителем российской промышленной элиты»⁴⁵².

Эта часть российской элиты, добившаяся успеха собственными силами, заняла свое место в политической и экономической сферах, удаленных от властных институтов советской эпохи. Отсут-

⁴⁴⁸ S. White. Op. cit. P. 150.

⁴⁴⁹ Thomas Graham. The New Russian Regime//Независимая газета. 23 ноября 1995г. Цит. из P. Rutland. Op. cit.

⁴⁵⁰ V. Couloudon. Op. cit. P. 8.

⁴⁵¹ Ibid. P. 9.

⁴⁵² V. Couloudon. Op. cit. P. 9.

ствие поддержки со стороны федеральной исполнительной власти заставляло их искать общий язык с различными структурами в регионах и на местах, в частности, с местными парламентами и губернаторами. В отличие от олигархической элиты они, по мнению исследователя, были ориентированы на рыночные отношения и свободное предпринимательство⁴⁵³ и считали, что роль государства в экономике должна быть сведена к минимуму.

Как уже говорилось выше, по мнению Кулудон, именно отношение к государству и понимание его роли в экономике, разделяло российскую элиту на эти две группы. Представители «вертикальной» элиты считали, что «хорошее политическое и экономическое управление зависит, прежде всего, от должного исполнения приказов, спущенных по цепочке сверху и не нуждается в обратной связи»⁴⁵⁴. Они смотрели на государство как на единую иерархическую систему, которая связывает Кремль с регионами, причем под государством понимали только исполнительную власть⁴⁵⁵. А общество виделось им беспомощным, безграмотным ребенком, не способным самостоятельно принимать важные для страны решения. Поэтому отношения общества и государства были для них отношениями подчиненных и властителя, который правит путем насилия и угроз.

Представители «горизонтальной» элиты, напротив, считали, что общество не нуждается в постоянном мониторинге и контроле со стороны государства, оно вполне способно принимать важные решения самостоятельно и задача демократических реформ состоит в поощрении горизонтальных связей в обществе. Государство, по их мнению, должно было предоставить максимум автономии обществу, а всякие попытки реформировать его сверху расценивались ими как бессмысленные и бесполезные⁴⁵⁶.

Такая дихотомия внутри политической элиты привела, по мнению Кулудон, к отсутствию согласия в рядах исполнительной власти, которое стало серьезным вызовом президенту Путину, когда он принял управление страной. *После его прихода в Кремль структура российской политической элиты претерпела некоторые изменения. И сегодня многие американские эксперты выделяют в ней три группы — «семью», «петербургских либералов», «пред-*

⁴⁵³ V. Couloudon. Op. cit. P. 9.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 12.

⁴⁵⁵ Ibidem.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 16.

ставителей структур безопасности», или «силовики»⁴⁵⁷. Но те же эксперты считают, что основные характеристики российской управленческой элиты не изменились и с приходом Путина, несмотря на его кампанию по борьбе с олигархами, под знаменами которой он фактически укрепился в Кремле. Место подвергнутых гонениям олигархов быстро заняли другие влиятельные, причем не только в сфере частного бизнеса, лица из числа людей, близких к Кремлю или даже близких соратников Путина. Так что, как подчеркивают американские аналитики, принципиальной смены элит не произошло. Было осуществлено лишь замещение одного структурного элемента управленческой элиты другим.

Этим новым элементом, заменившим олигархов, стали силовики, или, как назвал их Дэниел Трейсман, «силовархи». «На месте, которое освободили олигархи, расцвела новая бизнес элита. Случайные миллиардеры времен Ельцина освободили дорогу ранее мало известной когорте представителей исполнительной власти, большинство из которых — выходцы из спецслужб и правоохранительных органов, известные как силовики, сформировавшие костяк администрации Путина»⁴⁵⁸.

Одна из основных характеристик российской властвующей элиты — монопольный контроль над политикой и экономикой — сохранилась, несмотря на изменения элементов структуры. Экономика и политика остались все тем же единым целым, контролируемым этой элитой. Но если раньше те, в чьих руках находились экономические рычаги, получали доступ к политическим рычагам, то сегодня произошла своего рода инверсия: те, в чьих руках находятся политические рычаги, получают доступ к рычагам экономическим. «Беспрецедентным является лишь то, что процесс принятия политических и экономических решений на высшем уровне полностью контролируется организованной силовой структурой, лично связанной с бывшим шпионом и подполковником КГБ Владимиром Путиным»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ P. Rutland. Putin and the Oligarchs//in Putin' Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Ed. By Dale. R. Herspring. P. 167.

⁴⁵⁸ D. Treisman. Putin's Silovarchs//Orbis. Winter. 2007. P. 142.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 143.

РОССИЯ — «ВЫМИРАЮЩИЙ ВИД»?

Социальный распад, обнищание населения, брошенного государством на произвол судьбы, алкоголизм, безработица, другие социальные беды затронули в той или иной степени все постсоветское российское общество. Но особенно наглядно и болезненно — что, конечно, не укрылось от глаз американцев — проявились они в деревне.

Деревня и в советские времена находилась, в целом, в менее выгодном социальном положении, чем город. Но 1990-е стали годами ее деградации, а то и просто физического вымирания. Согласно статистическим данным, приводимым американскими экспертами, к 2002 г. из 155 000 деревень, имевшихся в России в начале 1990-х годов, 17 000 фактически перестали существовать, а население каждого из еще 38 000 деревенских поселений составляло максимум 10 человек.

Одной из главных причин столь бедственного положения американские аналитики считают политику Ельцин, направленную на перевод российского сельского хозяйства на рельсы рыночной экономики. Это означало фактически полный отказ государства от регулирования производства, доставки и распространения сельскохозяйственной продукции. Государство, по сути, самоустранилось от решения проблем деревни и сельского хозяйства в целом. Результатом стало сокращение доли сельского хозяйства в валовом национальном продукте с 14 % в начале 1990-х гг. до 7 % в конце 1990-х г. Поголовье скота сократилась больше, чем во времена сталинской коллективизации. Площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась в два раза, а урожай, полученный в 1998 г., составил всего 47,9 млн тонн, что было самым худшим показателем с 1950-х гг.⁴⁶⁰. Соответственно вырос импорт сельскохозяйственной продукции (например, импорт мяса вырос с 1992 г. по 1997 гг. на 440 %⁴⁶¹), что ухудшало положение отечественных производителей сельскохозяйственной продукции.

Правда, в 2000-е годы положение в российской деревне, как считают некоторые американские эксперты, в целом улучшилось — в основном за счет постепенного возрождения отечественного сельского хозяйства. По словам доцента Южного Методистского Университета Стивена Вэгрэна, в результате мер принятых новым российским руководством, включающих в себя

⁴⁶⁰ Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain Ed. Dale R. Herspring. Rowman & Littlefield Publishers, INC. 2005. P. 142.

⁴⁶¹ Ibid. P. 151.

восстановление и улучшение сельскохозяйственной инфраструктуры и поддержание цен на рынке сельскохозяйственной продукции, объемы урожая возросли настолько, чтобы обеспечить продовольственную безопасность России, что позволило ей сократить импорт сельскохозяйственной продукции. Это дало американскому исследователю основание для вывода, который не часто встретишь в работах посвященных нашей стране: «хотя в сельскохозяйственном секторе России остается множество проблем,... существует больше чем когда-либо причин для осторожного оптимизма относительно будущего российского сельского хозяйства»⁴⁶².

Но сельское хозяйство, а, значит, в определенной мере и деревня в целом, похоже, остается единственной сферой, по отношению к которой американские аналитики готовы делать более или менее оптимистические прогнозы. В остальном же создается образ России, не просто задыхающейся от навалившихся на нее социальных проблем, но стоящей перед еще более трудными испытаниями в социальной сфере.

Наиболее очевидной, лежащей на поверхности проблемой, на которую указывают американские исследователи, является, безусловно, проблема демографическая. Вот такие неутешительные цифры приводит профессор Уитон Колледжа Дэвид Пауэлл: население России, составлявшее в январе 1992 г. 148 млн 704 тыс. 300 человек, сократилось к 2005 г. более чем на 5 млн. *В России самый высокий уровень смертности в Европе, а уровень рождаемости — самый низкий. Россия — единственная страна, которая переживает такое сокращение населения не связанное с войной, голодом или природными катаклизмами*⁴⁶³.

Подобную же ситуацию констатирует Джуди Твигг, утверждая, что ежегодная смертность в России превышает рождаемость на миллион (Давид Пауэлл говорит о 700 тысячах). Даже, несмотря на приток в страну иммигрантов, российское население уменьшается ежегодно на 750 000 человек. Прогнозы тоже неутешительные: продолжающееся уменьшение численности населения России с возможным сокращением его (в худшем варианте) до 70–100 млн в 2050 г. (Давид Пауэлл приводит цифру 86,5 млн человек⁴⁶⁴).

⁴⁶² Putin's Russia... P. 156.

⁴⁶³ D. E. Powell. Putin, Demography, Health, and the Environment// Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain... P. 89.

⁴⁶⁴ Judy Twigg. Social Policy in Post-Soviet Russia//Developments in Russian Politics... P. 211.

Особое внимание американцы обращают на высокий уровень смертности среди мужчин молодого и среднего возраста, которые, по сути, составляют основную активную часть населения. В 2003 г. уровень смертности в этой группе населения был на 350 % выше, чем в ЕС и на 50 % выше, чем в развивающихся странах. Средняя продолжительность жизни российских мужчин постоянно падает: в 1989 г. она составляла 64,2 года, в 1994 г. — 57,6 лет, а сегодня, несмотря на улучшение экономической ситуации, выросла всего до 59 лет.

Высокий уровень смертности сочетается с низким уровнем рождаемости. И хотя в 2000-е гг. средний уровень рождаемости вырос с 8,3 % до 10,3 %, он все еще ниже уровня 1990 г. — 13,4 %. К тому же, заокеанские эксперты объясняют этот рост не фактическим увеличением числа детей в семьях, (как раз наоборот, число детей в семьях в среднем составляет 1,2, в то время как в СССР среднее количество детей в семьях превышало 2,2), а достижением детородного возраста последнего поколения советских бэбибумеров. Это дает им основание утверждать, что при сохранении нынешней тенденции Россию ждет в ближайшее время новый спад рождаемости. А это может повлиять и на положение дел в экономике. Николас Эбэрстадт из Американского института предпринимательства, констатируя, что Россия находится на грани демографического кризиса (низкая рождаемость в сочетании с высокой смертностью), не исключает того, что в долгосрочной перспективе он будет представлять реальную угрозу экономическому развитию страны⁴⁶⁵.

По мнению многих американцев, в основе демографического кризиса лежит целый ряд других социальных проблем, раздрающих Россию, среди которых называют, прежде всего, алкоголизм (это одна из основных причин высокой смертности населения, особенно сельского), катастрофическую экологическую ситуацию, рост числа смертельных и хронических заболеваний. Согласно приводимым ими данным, взрослый мужчина в России за год выпивает 160–180 пол-литровых бутылок водки (по более скромным данным — 75 пол-литровых бутылок⁴⁶⁶); в стране самый высокий процент потребления алкоголя в мире, а около 40 000 россиян уми-

⁴⁶⁵ N. Eberstadt. The Russian Federation at the Dawn of the Twenty-First Century: Trapped in a Demographic Straitjacket/NBR Analysis. Vol. 15. Number 2. September 2004.

⁴⁶⁶ D. E. Powell. Putin, Demography, Health, and the Environment... P. 106.

рает ежегодно от отравления алкоголем. Американцы отмечают, что все попытки государства бороться с алкоголизмом не имели успеха. В частности, последняя мера, связанная с попыткой изменить культуру потребления алкоголя и заменить водку пивом, привела лишь к тому, что вдобавок к водке население стало пить еще и пиво.

В последние десятилетия к извечной русской проблеме — алкоголизму добавилась еще и наркомания. Число тех, кто употребляет наркотики, выросло с 1999 г. в среднем до 3 млн. При этом американские эксперты утверждают, что реальные цифры в разы превосходят официальную статистику, хотя бы уже по той причине, что далеко не все наркоманы состоят на учете.

Еще одна беда, навалившаяся на страну — быстрое распространение СПИДа. Приводятся ужасающие цифры: 1,2 млн ВИЧ инфицированных в 2002 г., 1,5 млн человек в 2005 г., что на 650 тыс. больше, чем в самих США. Но что самое страшное, Россия относится американцами к числу стран, в которых число ВИЧ инфицированных растет с наибольшей скоростью. По прогнозам, к концу 2010 г. число заболевших возрастет 5,4–14,5 млн человек, что составит 10 % населения⁴⁶⁷.

Картину социального неблагополучия дополняет экологическая ситуация, сложившаяся в России: многие заокеанские эксперты считают ее катастрофической и видят в ней одну из главных причин большинства хронических заболеваний россиян, высокой смертности и низкой рождаемости.

Признавая, что проблема загрязнения воздуха, воды, почвы остро стоит перед большинством развитых стран, они вместе с тем утверждают, что в России государство, в отличие от последних, продолжает закрывать на нее глаза. В результате многие промышленные города, такие как Магнитогорск, Норильск, Новокузнецк, Дзержинск уже невосстановимы, а в ближайшее время станут просто опасны для жизни.

Еще в начале 1990-х гг. Мюррэй Фешбах и Альфред Френдли-мл. назвали экологическую ситуацию в России «экоцидом»⁴⁶⁸, но с тех пор положение только ухудшается. Содержание тяжелых металлов в воздухе, воде, почве в большинстве российских городов значительно превышает норму. При этом Россия продолжает использовать сотни токсичных химикатов, которые запрещены

⁴⁶⁷ D. E. Powell. Op. cit. P. 110.

⁴⁶⁸ M. Feshbach and A. Friendly Jr. Ecocide in the USSR. NY. 1992.

в других странах; в воды рек, озер и морей продолжают сливать токсичные отходы; списанные ядерные подводные лодки с отработанным ядерным топливом продолжают стоять в многонаселенном Мурманске и на Камчатке. И ни одно из ядерных хранилищ на территории России не отвечает минимальным требованиям экологической безопасности.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Итак, на сегодняшний день в работах американских исследователей, как специально посвященных социальным проблемам России, так и более общих, отчетливо вырисовывается *образ страны, которая не просто вымирает, но в чем-то убивает себя — пусть неосознанно*. По их мнению, сложившаяся ситуация во многом объясняется тем, что социальная сфера современного российского общества и его социальная структура являются прямыми потомками советского общества, у которого они унаследовали худшие ее черты. Ни эта структура, ни существующие социальные порядки, ни социальная политика государства (это особенно относится к 1990-м годам) не отвечают изменившимся условиям среды и внутривнутриполитической ситуации, равно как и вызовам времени. Они продолжают воспроизводить неэффективные механизмы и модели эпохи «развитого социализма», которые не работают в условиях «неуправляемого капитализма», сложившегося в России, и зачастую сводят на нет или делают малоэффективными даже те рациональные шаги, которые предпринимаются властями — особенно в последние годы.

Очевидно, в этих объяснениях есть доля истины, как есть и предмет для спора, связанного, прежде всего, с тем, что в 1990-х гг. российские радикальные реформаторы отбросили прочь — да к тому же у них не было средств для их поддержания — многие из тех социальных моделей и практик (система дошкольного и школьного воспитания; бесплатная медицина, включая широкую систему профилактики заболеваний; система бесплатного образования; система социальных пособий и т.п.), которые — по общему признанию — являлись достижением советского общества и которые, кстати сказать, были использованы в несколько модифицированном виде западными обществами, в том числе американским, при построении «социально ответственного государства» (welfare state).

Вместе с тем следует признать, что выписанный американцами социальный образ России (при всей его неполноте) в целом отражает реальное положение вещей. Это касается и разделения общества на богатых, бедных и нищих; и гигантского разрыва в доходах; и демографической ситуации; и социальной патологии (проституция, наркомания, алкоголизм); и экологической ситуации; и других аспектов бытия современного российского общества.

Но что дальше? Каким видится американским аналитикам социальный портрет завтрашней России? И будут ли они проявлять интерес к социальной проблематике?

За семнадцать лет существования новой России в динамике интереса американцев к ее социальным проблемам, как, впрочем, и в динамике характера социального образа российского общества, произошли определенные изменения. Если в 1990-х этот образ, как было сказано ранее, сводился зачастую к разрозненным и случайным «картинкам», встроенным в образы политической и экономической жизни России и призванным оживить их и подкрепить их содержание, то в 2000-е годы *социальный образ страны все чаще начинает выводиться на передний план, становится предметом самостоятельного интереса и используется при построении интегрального международного образа России.*

Возможно, это объясняется тем, что интерес к конкретным аспектам жизни российского общества проявляется и усиливается по мере выявления общих характеристик его интегрального имиджа. Чем больше согласия в рядах создателей образов той или иной страны — в данном случае России — относительно ее базовых параметров, сущности и перспектив развития, тем больше внимания уделяется другим его сторонам, которые прежде находились на периферии исследовательского интереса. Есть, возможно, и другие причины. Так что резонно предположить, что число американских работ, посвященных социальным аспектам жизни российского общества будет расти.

Что касается перспектив эволюции рассматриваемого образа, то, как следует из приведенных выше оценок, она не выглядит обнадеживающей. Напротив, динамика сложившейся в России социальной ситуации, нарисованной американскими экспертами, очевидна: с каждым годом положение дел в большинстве областей социальной сферы только ухудшается, а в некоторых случаях (в силу самых разных причин) приближается к катастрофической. Больше того, российское правительство демонстрирует, по их мнению, отсутствие должной политической воли к поиску выхода из

сложившейся ситуации. Население в свою очередь проявляет пассивность и апатию. Так что *если ситуация не изменится к лучшему, то Россия, делает вывод Давид Пауэлл, может оказаться в списке «вымирающих видов»*⁴⁶⁹.

Есть, конечно, и альтернативные суждения, наиболее отчетливо прозвучавшие в вышеупомянутом докладе Эндрю Качинса и (приложенных к нему) содокладах некоторых из его соавторов. Признавая, что многие из пессимистических прогнозов относительно перспектив развития России, делавшиеся американцами пятнадцать, десять или даже пять лет назад, оказались несостоятельными, Качинс и его коллеги, допускают, что российское общество, привыкшее выбираться из критических ситуаций, справится со своими проблемами и ныне.

Но как бы там ни было, *социальная сфера, где действуют не подвластные, или не во всем подвластные рядовому гражданину и правительству, объективные тренды (например, демографический) или дают о себе знать вековые традиции (например, культура потребления алкоголя), остается для нынешней России самой проблемной и в этом смысле — самой «больной».*

⁴⁶⁹ D. E. Powell. Op. cit. P. 114.

Глава 6. «БЕЗ БОГА В ДУШЕ», «БЕЗ ЛЮБВИ К СВОБОДЕ»

(Образы россиян)

Один из устойчивых объектов интереса американцев, обращающих свой взор к России — ее люди. Отсюда и попытки заокеанских аналитиков создать обобщенный портрет современного россиянина («русского»). Это связано, с одной стороны, со стремлением выявить корреляцию между доминирующим типом личности и типом политического режима, который установился и/или мог бы установиться в современной России, а более конкретно — выяснить, связано ли слабое развитие в стране демократических институтов и отход от демократии в последние годы с доминированием в российском обществе — а оно, по мнению многих американцев, налицо — авторитарного типа личности. Но образ «типичного русского», создаваемый современными американскими «портретистами» — это еще и целенаправленно формируемый имидж, направленный на решение определенных политических и идеологических задач.

Представление американцев о современном россияnine складывается не на пустом месте. Оно генетически связано с двумя типами образов — а именно с расхожим образом «русского», который существовал в американском сознании и культуре на протяжении большей части XIX — начала XX вв. и пришедшим ему на смену образом советского человека (*homo soveticus*, как любили называть его на латинский манер некоторые зарубежные исследователи), изучение которого всегда оставалось в поле внимания советологов. Поэтому прежде чем говорить об образе современного россиянина, необходимо очертить, хотя бы контурно, образы его предшественников.

Обобщенный портрет русского, каким его представляли и представляют себе американцы, — это, если говорить о содержании, своего рода триптих, включающий политический портрет, социокультурный (социопсихологический) портрет и, наконец, этнографический портрет. И хотя масштабы и степень проработанности этих портретов неодинаковы, да и грани между ними прослеживаются не всегда четко, тем не менее, все три элемента — налицо.

ПЕРВООБРАЗЫ

Мы уже говорили, что устойчивый интерес к русскому обществу и русскому народу американцы стали проявлять только в XIX веке, и за истекший с того времени короткий срок у них не появилось ни своего Кюстина, ни своего Шпенглера, которые бы сформировали устойчивые (во многом мифологизированные), но вместе с тем получившие широкое распространение, представления о России и ее народе.

Тем не менее, со временем в американском общественном сознании складываются образы «русского» — порой противоречивые, а то и исключают друг друга. Одни из них формировались небольшими социальными и профессиональными группами, смотревшими на Россию и русских сквозь призму группового (корпоративного) интереса. Другие становились доминантными и определялись множеством факторов, включая положение дел в России, мире и самих Соединенных Штатах; определенным образом понятый национальный интерес последних и т. п. Однако при всех сменах доминант в них оставались неизменными, по меньшей мере, две черты: «негатив» перевешивал «позитив», а русские не «дотягивали» по своим положительным качествам до американцев.

В формировании образов⁴⁷⁰, складывавшихся в XIX — начале XX вв., принимали участие люди разных профессий и убеждений. Но пальма первенства принадлежала дипломатам (в первую очередь Чарльзу Стюарту Тодду, Нейлу Смиту Брауну, Джеймсу Бьюкенену, Черчиллю Камберлингу), журналистам и путешественникам, среди которых особо стоит отметить Джорджа Кеннана (родственника известного дипломата Джорджа Фроста Кеннана), многократно посещавшего Россию, автора книги «Сибирь и ссылка». Немалый вклад в формирование представлений о «русских», живших в дореволюционную эпоху, внесли американские историки — в первую очередь уже известный нам Ричард Пайпс.

Эти образы несколько отличались от образов русского, формировавшихся в Европе⁴⁷¹: социальное происхождение американцев и небогатая история их родины не позволяли им взирать на россиян с таким высокомерием и даже снобизмом, какой был свойствен-

⁴⁷⁰ См.: The American Image of Russia. 1775–1917/ Ed. by E. Anshell. N.Y., 1974; Saul N.E. Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, 1991.

⁴⁷¹ О восприятии русских европейцами см., например: Баталов Э. Я. Европейские образы России: вчера, сегодня, завтра // Россия в Европе. Как нас воспринимают в Европе и евроатлантическом сообществе. М., 2007.

нен многим европейским, особенно британским и французским, наблюдателям дворянского происхождения. Но было, как мы увидим далее, и немало совпадений, связанных, в частности, с тем, что, по словам Черчилля Камберленга, посланника США в России в 1840–1841 гг., одним из источников впечатлений американцев о России (по крайней мере, до второй половины XIX века) были «ежемесячные измышления английских и французских журналистов, которые считают прибыльным делом оскорблять Россию и русских»⁴⁷², а также с тем, что и европейцы, и американцы представляли западную цивилизацию, в принадлежности к которой России многие из них выражали большие сомнения.

«Сейчас, — писал Камберленг в начале 40-х годов XIX в., — почти что опасно говорить что-нибудь положительное о русских, так распространено в Европе и Америке мнение о том, что они представляют собой нацию невежественных и диких варваров, невосприимчивых к цивилизации и пригодных только к цепям, в которых, говорят, их по-прежнему содержат»⁴⁷³.

Кстати сказать, многие из портретов «русских», создававшихся американцами в XIX — начале XX вв., были на самом деле «списаны» с крестьян или выходцев из крестьян. И это неудивительно, если учесть, что дворянство составляло небольшую часть населения страны, урбанизация российского общества началась намного позже и шла медленнее, чем в Европе, а немалая часть новоиспеченных горожан сохраняла прочную связь с деревней. Крестьянин же воспринимался многими американцами не иначе как дикарь. «Американскому путешественнику, проезжающему через их деревни и города, русские крестьяне, одетые в овечьи шкуры и спящие группами на мостовой, напоминают дикарей собственной страны, и они представляют их такими же невежественными»⁴⁷⁴.

В глазах американца — либерала и индивидуалиста по натуре — русский крестьянин был лишен личностного самосознания и являл собой тип человека со стадными инстинктами. «Подобно

⁴⁷² New Notes on Russia, by a recent visitor // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol.11.№50 (August). P. 153–154. Цит. по: Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 224.

⁴⁷³ New Notes on Russia, by a recent visitor // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol.11.№50 (August). P. 153–154. Цит. по: Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 223.

⁴⁷⁴ New Notes on Russia, by a recent visitor // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol.11.№50 (August). P. 153–154. Цит. по: Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 224.

другим «первобытным» существам, русский крестьянин обладал слабо развитым понятием собственной личности. Личные симпатии и антипатии, личное честолюбие и самосознание обыкновенно растворялись в семье или в общине»⁴⁷⁵.

Почти все американцы отмечали склонность русских к пьянству, в которой они видели чуть ли не типичную национальную черту, эксплуатировавшуюся властями, пополнявшими бюджет за счет поступлений от продажи алкоголя. «В Западной Сибири, — писал Дж. Кеннан, — приходится на одну школу 30 кабаков, а в Восточной Сибири — даже 35. В стране, где между возможностью учиться и случаем напиться существует такое отношение, нельзя требовать порядочности, опрятности и благосостояния»⁴⁷⁶.

Сомнительной была для многих американцев и религиозность русских. Джеймс Бьюкенен, ставший в 1857 году президентом США, а за четверть века до этого служивший (в 1831–1832 гг.) посланником в Санкт-Петербурге, наблюдая за религиозной жизнью двора, пришел к неутешительному выводу. «Высшие классы русских в Санкт-Петербурге, имеют, я опасаясь, совсем немного веры; а простые люди очень невежественны и суеверны...»⁴⁷⁷. Ему вторит Пайпс. Хотя, пишет он, русский крестьянин проявлял много внешней набожности, посещал церковные службы, соблюдал посты и выполнял церковные обряды, «он, кажется, плохо понимал — если понимал вообще — духовный смысл веры и религию как образ жизни»⁴⁷⁸.

Были в портретах русских, нарисованных американцами, и светлые краски. Даже «дикари»-крестьяне оказывались на поверку людьми смысленными, наделенными способностями и талантами. «... Тот, кто потрудится поинтересоваться, узнает, что русские славяне, хотя и находятся в крепостном состоянии веками, отмечены природой талантом, предприимчивостью, отвагой, преданностью своей стране, нерушимой верностью обетам и искренним почитанием своей церкви. Существуют неисчислимы примеры изобретений и механических работ крепостных, не умеющих читать и писать. В настоящее время обученные крепостные заняты во всех отраслях торговли и промышленности, в каждом искусстве и

⁴⁷⁵ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 209.

⁴⁷⁶ Кеннан Дж. Сибирь и Ссылка. 1891. СПб., 1906. С. 203.

⁴⁷⁷ Цит. по: Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 216.

⁴⁷⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 211.

науке»⁴⁷⁹. Ну а представителей дворянства и какую-то часть городского населения многие американцы готовы были даже признать цивилизованными людьми.

Много писали о таких социально-психологических чертах русских (оценивавшихся по-разному), как необыкновенная способность «выносить невероятные трудности и страдания...»⁴⁸⁰ и выживать в тяжелейших условиях; недоверчивость и настороженное отношение к иностранцам, часто перерастающее в национализм и, конечно, «классическое долготерпение и внешняя покорность»⁴⁸¹.

Словом, культурно-бытовой и психологический портрет русских, создававшийся янки на протяжении XIX — начала XX в., выглядел неоднозначно, хотя «черное» в нем перевешивало «белое». Иное дело — портрет социально-политический. Для людей, воспитывавшихся в духе свободы и ценивших ее едва ли не выше всего, важнейшим критерием при оценке Другого была именно степень свободы личности и ее отношение к свободе. За океаном всегда имелись люди, которые, признавая, что русские (подавляемые самодержавием, а потом и большевизмом) живут в условиях несвободы, были вместе с тем глубоко убеждены (или делали вид, что убеждены) в том, что «заклученные» большой «тюрьмы» по имени Россия «страстно желали стать свободными и последовать примеру Соединенных Штатов»⁴⁸². А потому — пусть не все, но в значительной своей части — готовы поддержать внешние силы, способные содействовать освобождению русского народа. Отсюда был один шаг (и такие шаги делались) до оправдания цивилизаторско-освободительной миссии США в отношении русского народа и призывов к организации соответствующего «крестового похода».

Однако большинство американцев — людей, повторю, чутких к такой ценности, как свобода, — смотрели на россиян иначе, видя в них людей, которые не ценят свободу и не стремятся к ней. Если русский и хотел свободы, пишет Пайпс, то свободы абсолютной, которую он называл «волей» и которая на самом деле не имеет ни-

⁴⁷⁹ New Notes on Russia, by a recent visitor // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol.11. № 50 (August). P. 153–154. Цит. по: Курилла И. И. Заоксаянские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005. С. 224

⁴⁸⁰ Голдман М. Пиратизация России. Пер. с англ. М., 2005. С. 45.

⁴⁸¹ Биллингтон Дж. Икона и топор. Пер. с англ. М., 2001. С. 16.

⁴⁸² Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник 2004. М., 2006. С. 237.

чего общего со свободой. «Воля означала полную необузданность, право на буйство, гулянку, поджог. Она была абсолютно разрушительным понятием...»⁴⁸³.

Нейл Смит Браун, служивший в 1850–1853 годах американским посланником в Санкт-Петербурге, писал о русской столице как «живом трупе», где даже птицы не поют, «боясь, вероятно, что их может арестовать полиция»⁴⁸⁴. Так что корни ставших устойчивыми представлений о русских (будь то в советские или постсоветские времена) как о «рабах», людях с атрофированным чувством свободы, народе, в котором преобладает авторитарно ориентированный тип личности, восходят еще к первой половине XIX века.

Конечно, американцы, посещавшие дореволюционную Россию, не могли не замечать и не отмечать существенных различий между представителями разных социальных классов и групп, проявлявшихся в различной степени их образованности, утонченности, развитости и т. п. Особенно резким был контраст между дворянством и крестьянством, составлявшим основную массу населения России. Но даже те из американцев, которые описывали с симпатией не только дворян, но и крестьян, подчеркивали объединявшую их черту: *отсутствие стремления к свободе*.

Одну из особенностей русского народа американцы видели в его социетальной двойственности. В трудные времена — например, в случае военного вторжения извне — русские становятся плечом к плечу, проявляют необыкновенную сплоченность, единство и мужество. В мирное время, а точнее, в условиях отсутствия угрозы национальному существованию, русские демонстрируют слабое развитие чувства национального единства и национальной принадлежности⁴⁸⁵. А это имело и политические последствия: гражданскую пассивность, аполитичность, нежелание и неумение цивилизованным образом обустроить среду внутринационального общения. А главное — стремление опереться на внешнюю силу — прежде всего в лице «царя-батюшки». «...Отсутствие социального и национального единства, неосведомленность о правах человека, отсутствие реального понятия частной собственности

⁴⁸³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 206.

⁴⁸⁴ Цит. по: Курилла И. И. Взгляды на Россию в середине XIX века: американские посланники Чарльз С. Тодд и Нейл С. Браун // Проблема «Мы-Другие» в контексте исторического и культурного опыта США. М., 2002. С. 198–199.

⁴⁸⁵ Пайпс объясняет это тем, что, будучи страной крестьянской, Россия представляла собой не столько общество, сколько скопление многих тысяч сельских поселений, оторванных друг от друга.

и неэффективность судебной системы... побуждали россиян ратовать за сильную царскую власть»⁴⁸⁶ как своего единственного защитника.

Так что, с точки зрения большинства американцев, характерными чертами политического портрета типичного русского человека дореволюционной эпохи были *пассивность, равнодушие к свободе и демократии, отсутствие стремления и способности к самоуправлению, национализм*. Правда, в редких случаях нашим соотечественникам отвешивали политические комплименты, но последние носили, как правило, конъюнктурный характер и не уравнивали устойчивого представления о том, что *на Руси всегда уважали силу: сильное государство и сильного правителя*.

НОМО SOVETICUS

В формировании образов homo soveticus (или, как его стали презрительно именовать в перестроечные и первые постперестроечные годы, «совка»⁴⁸⁷), начавшемся где-то с конца 20-х гг. XX века, принимало участие множество американцев, среди которых были государственные деятели, дипломаты, писатели, журналисты, обществоведы — в том числе люди, специализировавшиеся на исследовании России и Советского Союза. Назвать хотя бы такие имена, как Джордж Кеннан Фрост, Теодор Драйзер, Линкольн Стеффенс, Анна Луиза Стронг, Элла Уинтер, Майкл Голд, Джон Стейнбек, Джеймс Биллингтон, Ричард Пайпс, Дэвид Ремник, Стивен Коэн, Роберт Кайзер... И это лишь небольшая часть тех, кто на протяжении нескольких десятков лет «лепил» образы советского человека, которого многие из американских авторов называли просто «русским», независимо от того, был он этническим русским, украинцем, узбеком или татаринном: достаточно было того, что он проживал на территории Советского Союза, именовавшегося зачастую на Западе «советской Россией».

⁴⁸⁶ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org. P. 2.

⁴⁸⁷ Это слово было придумано одним известным отечественным деятелем культуры (чем он и похвалялся публично), но американские (да и не только американские) журналисты ухватились за него и стали широко использовать в своих публикациях, посвященных Советскому Союзу и постсоветской России.

Создававшиеся американцами портреты «русских», конечно же, отличались друг от друга глубиной проникновения, масштабами, конкретными характеристиками, да и общим отношением к своему «герою». Кто-то из них отзывался о «русских» с симпатией, кто-то — с откровенной неприязнью, кто-то претендовал на «объективный» анализ. И все же большинство конструировавшихся американцами образов homo soveticus, объединяло наличие общих стереотипов, подчеркивавших нелюбезную им в целом «советскую специфику» и вызывавших у американца и вообще западного человека если не отрицательное, то настороженное отношение к «русским», в которых они видели не просто Других, но Чужих, несущих в себе если не реальную, то потенциальную опасность для Запада, включая США. Это было естественно для мира, в котором шло противоборство двух систем, двух образов жизни, двух идеологий: образ «русского», принимавший во многих случаях характер целенаправленно формировавшегося отрицательного имиджа, входил в арсенал этой борьбы — как, впрочем, и образ американца, складывавшийся по другую сторону «линии фронта».

Речь идет, прежде всего, о социально-политических характеристиках. В чисто личностном плане картина выглядела более пестрой: «русские» изображались нередко как люди гостеприимные и в массе своей доброжелательные; наделенные не меньшими талантами и способностями, чем европейцы и американцы; образованные и достигшие высокого уровня в своем культурном развитии и т. п.

Мало кто из более или менее серьезных наблюдателей не упомянул о том, что «советские» унаследовали от своих предков такие черты, как стойкость и способность к выживанию в тяжелейших условиях. (Джон Стейнбек, посетивший Советский Союз в 1947 году и описавший свои весьма противоречивые впечатления от этой поездки в «Русском дневнике», был поражен стремлением сталинградских женщин, живших в тяжелейших бытовых условиях и трудившихся на восстановлении города от зари до зари, сохранять женскую привлекательность).

Иное дело — социально-политический портрет «советского человека», раскрывающий его отношение к существующему режиму, к властям, к политике. Отношение, во многом определявшееся, по мнению многих американцев, тем, что советское общество воспроизводило сложившийся еще до революции менталитет и «национальный характер», свойственные *крестьянскому* обще-

ству⁴⁸⁸, в котором в течение многих лет существовали община и крепостное право, формировавшие соответствующий тип личности и социальный характер.

Homo Sovieticus в изображении американцев предстает не просто как отчужденное от общества и от политики *пассивное существо*, ориентирующееся на сильную власть, сильное государство, на вождя — эту современную разновидность царя-батюшки. Он предстает как существо, *не испытывающее внутренней потребности в свободе*, ибо по натуре своей, по своей психологии «советский человек» — *крепостной*, чтобы не сказать *раб*, действующий в соответствии с присущим ему стадным инстинктом.

Далеко не все американцы считали политически корректным говорить об этом напрямую, но были и портреты, изображавшие homo soveticus как скотину, лишенную разумного и нравственного начала. Именно таким рисует его в своих книгах о Советском Союзе Дэвид Саттер — ныне сотрудник Гуверовского института, а в прошлом — московский корреспондент Financial Times (1976–1982) и Wall Street Journal. «Бесполезное, скучное, будничное существование, — пишет он в книге «Век безумия», — превращало [советских] людей в безмозглое стадо»⁴⁸⁹. И в мертвую толпу, какую он увидел на Калининском проспекте в Москве. «Тротуары заполнены тысячами людей, но, несмотря на это, картина абсолютно лишена жизни... Однообразная толпа строго организована — словно потоком пешеходов управляет небесный двойник той же самой ГАИ, которая контролирует поток автотранспорта»⁴⁹⁰. Но это не просто толпа угрюмых людей («Здесь, если кому-нибудь улыбнешься — в ответ услышишь оскорбление»⁴⁹¹), это скопище подопытных кроликов. «В Америке живут люди. Здесь же живут

⁴⁸⁸ «Как ни парадоксально, хотя революция 1917 г. совершилась во имя создания городской цивилизации и была направлена против «идиотизма деревенской жизни», на самом деле она усилила влияние деревни на русскую жизнь, — пишет Пайпс. — После свержения и разгона старой европеизированной элиты занявший ее место новый правящий класс в массе своей состоял из крестьян в разных обликах — земледельцев, лавочников и фабрично-заводских рабочих. Поскольку настоящей буржуазии в качестве образца для подражания не было, новая элита инстинктивно строила себя по образу и подобию деревенского верховода — кулака. И по сей день (книга была впервые опубликована в 1974 году — Э. Б.) ей не удалось избавиться от следов своего деревенского происхождения» (Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 188).

⁴⁸⁹ Саттер Д. Век безумия. М., 2005. С. 19.

⁴⁹⁰ Саттер Д. Там же. С. 47.

⁴⁹¹ Там же. С. 282.

подопытные кролики, на которых тестировали социализм, а теперь тестируют перестройку»⁴⁹².

На последней оценке («подопытные кролики») следует задержать внимание, ибо она раскрывает один из технических приемов формирования образов России и россиян. Дело в том, что Саттер вкладывает эти слова в уста некоего советского гражданина, делящегося сокровенным со своим заокеанским собеседником. У американцев, пишущих о Советском Союзе и о нынешней России, это излюбленный стандартный прием. Мало того, что в своих книгах (которым их авторы нередко пытаются придать характер своего рода социологического исследования, допускающего так называемое включенное наблюдение) они ссылаются на многочисленные разговоры с россиянами, будто бы состоявшиеся у них либо в самой России, либо где-то еще. Они любят вводить в свои творения «типичного русского», поступки и высказывания которого выдают за стандарт, характерный либо для определенной группы, либо для социума в целом. Иногда они даже называют имена собеседников. Так, в своей нашумевшей книге «Возвышение Кремля» Питер Бейкер и Сьюзен Глассер описывают жизнь и мысли некой Татьяны Шалимовой (первая глава так и называется: «Татьянина Россия»), живущей в Москве и стремящейся к свободе и активной жизни и энергично преодолевающей сопротивление косной среды, одним из символов которой является ее брат Миша — угрюмый обитатель одного из далеких «рабочих поселков»⁴⁹³. А Дэвид Хоффман, автор получившей широкую известность книги «Олигархи», описывает унылую советскую жизнь на примере мытарств учительницы Ирины Макаровой. И так — во многих книгах и статьях. Видимо, американских журналистов учат выбирать «живую модель» и «привязывать» к ней то, что они хотели бы донести до своего читателя.

Надо ли говорить, что обстоятельства этих бесед и наблюдений — реальных или мнимых — оказываются зачастую столь размытыми, что проверить их достоверность, не говоря уже о содержании приводимых высказываний (если бы даже кто-то попробовал это сделать) представляется делом совершенно нереальным.

⁴⁹² Там же. С. 280.

⁴⁹³ Глядя на отвратительную обитель брата, Татьяна восклицает: «Почему люди, живущие здесь, не меняют свою жизнь?». «Ее молчаливый упрек, — замечают авторы книги, — повисает в воздухе: “Я же изменила!»» (Baker P. And Glasser S. *Kremlin Rising*. N.Y. et al., 2005. P. 1).

Любопытно, что в большинстве случаев в качестве таких «моделей» выбираются женщины. Вообще, надо сказать, к женщинам — как советским, так и современным россиянкам — американцы, пишущие о нашей стране, относились и относятся с большей симпатией, чем к мужчинам. С одной стороны, они изображают их как «жертв», несущих на своих плечах гораздо большую нагрузку, чем мужская часть населения (помимо низкооплачиваемой работы — забота о детях, о муже, о доме) и заслуживающих сочувствия. С другой — находят в них больше позитивных человеческих качеств (отзывчивость, доброта, трудолюбие, порой — социальная активность и профессионализм, меньшая склонность к алкоголизму и т.п.).

В плане социокультурном советское общество рисовалось нередко как глубоко аморальное сообщество психически искаленных людей, утративших ориентацию на высшие ценности — прежде всего религиозные. Советские люди «70 лет подчинялись ложной идее и в итоге потеряли всякое ощущение трансцендентности... Самой важной чертой советских граждан было желание убежать от реальности и жить в мире иллюзий»⁴⁹⁴.

Редкий американец, описывавший свои впечатления от увиденного им в Советском Союзе, отказывал себе в удовольствии набросать, если так можно сказать, антропо-культурный портрет homo soveticus, который, как нетрудно догадаться, обычно резко контрастировал с аналогичным портретом его соотечественников. «Советские» выглядели скорее как азиаты, нежели как европейцы, были в массе своей невысоки, чтобы не сказать, приземисты, неприхотливы, плохо одеты, довольно ленивы, к тому же это были люди «мрачные и неулыбчивые, часто с одутловатыми лицами и налитыми кровью глазами...»⁴⁹⁵.

Вот как тот же Дэвид Саттер описывает «галерею провинциальных типажей», открывшуюся ему в ресторане провинциального Шадринска. «Приземистый “красноармеец” с густыми бровями и блестящими глазами танцевал с полной девушкой в черно-белом платье “в горошек”. Другой военный с редующими волосами и вялым подбородком плясал с очень высокой черноволосой женщиной с мощными бедрами. Грузин с черными бакенбардами и угловатыми чертами лица танцевал с крашеной блондинкой в джинсовом костюме, а румяный мужчина со спутанными сальны-

⁴⁹⁴ Саттер Д. Век безумия. С. 285.

⁴⁹⁵ Саттер Д. Век безумия. С. 47

ми волосами в синей спортивной рубашке, которая обтягивала его огромный живот, — с крупной рыжеволосой девицей с яркой помадой на губах и золотым зубом.

Пока музыка играла, танцоры импровизировали. Один подпрыгивал, другой раскачивался, третий скакал на месте, четвертый лапал партнершу пониже спины, а пятый все время пытался прижаться к женщине, но она его постоянно отталкивала. Двое молодых парней танцевали вместе. Толстушки трясли бедрами. Пьяные отбивали ритм. Все двигались с безумным видом в такт оглушающей электронной музыке, которая заглушала все разговоры, даже стены от нее вибрировали»⁴⁹⁶.

ЛЮДИ НОВОЙ РОССИИ

О людях постсоветской России за океаном пишут меньше, чем о политическом режиме, экономической реформе или социальном положении. Однако отсюда вовсе не следует, что вопрос о том, во что трансформировался *homo soveticus* и трансформировался ли он вообще, не интересует американцев. Причем интерес этот отнюдь не праздный. Заокеанские аналитики считают, что многие параметры внутренней и внешней политики России, мера ее силы/слабости и опасности/неопасности для Запада, в том числе для США, ее место в мире будут в немалой степени определяться качеством и количеством (численностью населения) российских граждан. Отсюда интерес к последним со стороны не только дежурных газетчиков, но также крупных журналистов и аналитиков, среди которых мы видим Ричарда Пайпса, Майкла Макфолла, Стивена Роузфилда, Леона Арона, Питера Бейкера и Сьюзан Глассер, Стивена Козна, Дэвида Саттера, Николаса Эберстадта и других.

Поначалу многие американцы ожидали, что трансформация «совка» в человека нового типа, разделяющего те же политические ценности, что граждане США и Европы (свобода, равенство, демократия, права человека) пойдет — рука об руку с демократизацией страны — твердыми шагами и чуть ли не такими же быстрыми темпами, как развал СССР. Эти надежды подкреплялись существовавшей у американцев на протяжении довольно долгого времени иллюзией, что они способны реформировать Россию пусть и не по своему образу и подобию, но, во всяком случае, по своим планам;

⁴⁹⁶ Саттер Д. Век безумия. С. 291.

что значительная часть, если не большинство, российских граждан готовы поддержать Америку в ее миссионерском рвении и быстро порвать с советским прошлым; наконец, что доля демократического авангарда русского народа достаточно велика, чтобы эти планы могли быть реализованы на практике.

Впрочем, уже к концу перестройки некоторые наблюдатели стали выражать скептическое отношение к такой перспективе. «Развал фиктивной вселенной [речь идет о Советском Союзе — Э. Б.] не изменил, однако, внутренние психологические качества людей... Эти качества — прежде всего желание жить в мире иллюзий, склонность считать людей взаимозаменяемыми и всех причислять под одну гребенку. Несмотря на перемены в СССР, эти неотъемлемые черты национальных свойств личности сохранялись сквозь десятилетия в меняющемся калейдоскопе политических и неполитических событий»⁴⁹⁷.

К концу 90-х уже практически все американские аналитики сходились в том, что «перековка» homo soveticus в нового человека, близкого и понятного Западу, идет медленно и распространяется лишь на небольшую часть населения России. Однако ответственность за это возлагали на провальную политику российских лидеров, выступавших под либерально-демократическими знаменами и вызванное ей недовольство масс. Еще бóльшие препятствия на пути подобного рода трансформации увидели американцы во внутренней политике Владимира Путина, который взял курс на свертывание демократических преобразований. В результате, как полагали многие за океаном, в России сложилась такая ситуация, когда внутреннее стремление ее граждан к свободе и демократии, внутренняя тяга к ценностям, разделяемым европейцами и американцами, блокируются, гасятся властями, что тормозит в итоге и формирование нового российского человека.

Однако вскоре это представление начало меняться. Тяжелый удар по нему был нанесен в 2004 году. Нельзя, правда, сказать, что он был совершенно неожиданным. Опросы общественного мнения, проводившиеся разными службами (включая такие серьезные институты, как ВЦИОМ и ФОМ) и во второй половине 90-х, и после 2000-го года, свидетельствовали о том, что число россиян, ориентирующихся на либерально-демократические ценности невелико, причем оно не растет, а уменьшается. Эти факты ни для кого не были секретом. Но радикальные, далеко идущие выводы из этих

⁴⁹⁷ Саттер Д. Век безумия. С. 285.

опросов, да и не только из них, были сделаны в Америке именно в 2004 году — и не кем-нибудь, а Ричардом Пайпсом, выступившим со статьей «Бегство от свободы: что думают и чего хотят русские».

Как утверждают в своей книге Питер Бейкер и Сьюзан Глассер, «выдающийся специалист по истории России Ричард Пайпс вызвал академический фурор, когда написал в *Foreign Affairs* о «Бегстве русских от свободы» [так в тексте — Э. Б], выступив с утверждением, что политика Путина просто отражает тот факт, что общественность отвергает демократию западного типа»⁴⁹⁸.

Пайпс, хотел он того или нет, действительно разрушил иллюзии многих американцев, объявив во всеуслышанье, что «при всей своей пресловутой непредсказуемости, Россия — весьма консервативная страна, ее менталитет и поведение меняются медленно, если вообще меняются, независимо от того, какой режим находится у власти»⁴⁹⁹. Применительно к современному россиянину это могло означать одно: в своей ментальности, равно как и в своем поведении, он воспроизводит архетипы, сложившиеся, быть может, не одну сотню лет назад, а значит, *по своим базовым политическим, социальным и ценностным ориентациям мало чем отличается от своих предшественников, живших как в советской, так и в досоветской России.*

В плане политическом, говорят нам, это означает, что современный россиянин — *не демократ*. Демократия не пустила глубоких корней в почву России, и ее подданные (а потом и граждане) не имели возможности ощутить на себе ее благотворное влияние. Больше того, глубокое разочарование в ельцинских реформах, проводившихся под демократическими лозунгами, в их инициаторах и проводниках, именовавших себя «демократами», сделали отношение россиян к демократическим механизмам критическим и настроенным. Так что руководство страны, отступая от демократии, не идет против народа, а, напротив, выражает его настроения. Пайпс так и пишет: «Хотя действия Путина и его соратников играют большую роль, имеется немало свидетельств того, что антидемократические, антилиберальные действия нынешней администрации не навязываются российскому народу, а фактически поддерживаются им»⁵⁰⁰.

⁴⁹⁸ Baker P. And Glasser S. *Kremlin Rising*. N.Y. et al., 2005. P. 376.

⁴⁹⁹ Pipes R. *Flight from Freedom: What Russians Think and Want* // *Foreign Affairs*, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

⁵⁰⁰ Pipes R. *Flight from Freedom: What Russians Think and Want* // *Foreign Affairs*, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

Справедливости ради следует заметить, что некоторые американцы высказывают и иную точку зрения, полагая, что внутренняя тяга к демократии и свободе у россиян не меньше, чем у других народов⁵⁰¹, но обстоятельства просто не дают ей проявиться. Однако число сторонников этой точки зрения невелико, и большинство аналитиков сходятся в том, что *свобода и права человека у россиян не в цене*. «Имеющиеся данные, — писал Пайпс, — говорят о том, что только одному из десяти россиян дороги демократические свободы и гражданские права»⁵⁰². Российские граждане, объясняют американцы, плохо представляют себе, как распорядиться названными ценностями. К тому же печальный для многих из россиян опыт 90-х заставляет их ассоциировать свободу и демократию с политическим хаосом и экономическим неблагополучием.

Не испытывая тяги к свободе, русские одновременно стремятся *избегать ответственности*. «Граждане России согласны на то, что их гонят как баранов. Пока в кормушке каждый день прибавляется немного сена, русские не станут выступать против своих пастухов. Их главным качеством на протяжении столетий было стремление избегать ответственности. Для нас это непостижимо, но большинство россиян хочет, чтобы выбор за них делал добрый, но строгий царь»⁵⁰³.

В гораздо большей степени русских «баранов» привлекают *порядок и стабильность*. Как писал недавно на страницах журнала «Нью-Йоркер» (считающегося «высококолым» изданием) известный публицист Майкл Спектер, «... к тому моменту, когда президентом стал Путин, большинство населения было только радо обменять такие метафизические понятия, как право на мысль и слово, на такие конкретные вещи, как право иметь дом, машину и счет в банке, а также сознание того, что страной кто-то действительно управляет»⁵⁰⁴.

О том же сообщает на страницах Wall Street Journal и Грегори Уайт, только говорит он не о начальных, а о завершающих годах пребывания Путина в Кремле. За это время, констатирует он в ста-

⁵⁰¹ См., напр.: Petro N. The Rebirth of Russian Democracy. An Interpretation of Political Culture. Cambr., Mass., L., 1995.

⁵⁰² Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

⁵⁰³ Питерс Ральф. Россия выбирает оковы // New York Post, 6 марта 2008. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240064.html>

⁵⁰⁴ Спектер М. Кремль Инкорпорейтед New Yorker, 31 января 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/232526.html>

ть «Новая Россия: жить стало лучше», многие россияне почувствовали твердую почву под ногами и повысили свой жизненный уровень. «После почти двух десятков лет безумия и отчаянья, когда люди жили одним днем, относительное спокойствие, установившееся в путинскую эпоху, кажется величайшим достижением...»⁵⁰⁵. Простые люди приветствуют «обнадеживающую стабильность воцарившуюся при нем (речь о Путине — Э. Б.) в стране» и их «не смущают путинские гонения против политических оппонентов и независимых СМИ, или все более активное обращение президента к символике советской эпохи»⁵⁰⁶.

У россиян *никогда не было почтения к суду, нет его и сегодня*. И не столько потому, что судебная система принципиально отвергается ими как правовой институт, сколько в силу конкретных особенностей суда, который существовал в дореволюционной России и в советском обществе и который существует сегодня. Это несправедный, несвободный суд, действующий по указке властей и к тому же насквозь разъеденный коррупцией. К этому порой добавляют, что и сами россияне *не относятся к числу законопослушных граждан*. Например, многие из них не только уклоняются от уплаты налогов, но и считают такое поведение вполне приемлемым.

Современный россиянин *не рвется в политические партии и не рассматривает их как жизненно важный институт*, способный существенно облегчить жизнь людей. Его вполне устраивает и однопартийная система. Надежды на улучшение собственного положения в обществе и повышение своего благосостояния он связывает не с партиями и тем более не с личной политической активностью (в возможность своего влияния на деятельность властей он не верит), а с *сильным государством и сильным правителем*, способным проводить патерналистскую политику. Отсюда ностальгия по Брежневу и симпатии к Пиночету. «Пиночет, как и Брежнев, ассоциируется у людей с чувством стабильности и полного отсутствия каких-либо возмущений. Самая популярная газета России “Комсомольская правда” задала читателям вопрос: нужен ли России свой Пиночет? И подавляющее большинство опрошенных сказали “да”. “Нам не нужен диктатор, — писала Ирина Хакама-

⁵⁰⁵ Уайт Г. Новая Россия: жить стало лучше // The Wall Street Journal. November 3, 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/237647.html>

⁵⁰⁶ Уайт Г. Новая Россия: жить стало лучше // The Wall Street Journal. November 3, 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/237647.html>

да, либерал и депутат парламента, — но нам, скорее всего, нужен Пиночет в экономике». И это был еще сравнительно сдержанный ответ. Один читатель написал, что «Пиночет сделал Чили образцовым, стабильным и сильным государством, блестящим примером для нас». Подобных ответов было множество»⁵⁰⁷.

Однако, подчеркивая авторитарные ориентации массового россиянина, американцы обычно тут же добавляют, что, ратуя за «сильную руку», на которую можно было бы опереться, он по-прежнему (так было и до, и после Октябрьской революции) чувствует себя *отчужденным как от государства, так и от общества и ищет убежище в частной жизни, в семье, в кругу друзей.*

Вместе с тем, считают многие американцы, *люди, особенно молодые, стали более открытыми и более радостными*, на их лицах появились улыбки. Спектер рассказывает, как в один из зимних дней люди пришли на каток в центре Москвы. «Сотни молодых пар, держа за руки детей, ждали своей очереди покататься. Вид у них был радостный. Мрачные взгляды, словно говорившие “не подходи”, столь характерные для советских времен, исчезли: им на смену пришли — вы не поверите — улыбки!»⁵⁰⁸.

Смягчилось и отношение к иностранцам, но в основном — на личностном уровне. Недоверие к «загранице», начавшее, было, исчезать в конце 80-х — начале 90-х, вновь стало крепнуть. В стране *усилились антизападные настроения*. Особую неприязнь, как утверждает, проявляют россияне в последнее время к американцам, полагая, что Соединенные Штаты стремятся укрепить свое мировое господство и ослабить поднимающуюся с колен Россию. «Многие россияне, — сетует Пайпс, по-прежнему считают, что их страна окружена врагами»⁵⁰⁹. Но связывает он это представление, как следует из контекста, с целенаправленной деятельностью властей по сплочению нации. «Как объясняют российские аналитики, людям нужны враги, поскольку они являются единственным источником национального единства: идеал свободы, утверждают они, оказался не в состоянии сыграть роль психологического “цемента”»⁵¹⁰.

⁵⁰⁷ Спектер М. Кремль Инкорпорейтед // New Yorker, 31 января 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/232526.html>

⁵⁰⁸ Спектер М. Кремль Инкорпорейтед New Yorker, 31 января 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/232526.html>

⁵⁰⁹ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

⁵¹⁰ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

У современных россиян по-прежнему *слабо развито чувство национального единства и солидарности*. В то время как жители многих европейских (да и не только европейских) столиц отвечают на теракты и громкие политические убийства многотысячными демонстрациями, россияне остаются в массе своей равнодушными к подобным акциям. Этому способствует и *отсутствие у них чувства национальной идентичности*, утраченное после распада Советского Союза, но так и не обретенное вновь. Все усилия властей (поддержанные частью интеллигенции) найти национальную идею, способную указать цель и путь развития общества и сплотить россиян вокруг нее, окончились ничем.

Большинство граждан современной России (включая тех, кто рассматривает право частной собственности как одно из важнейших прав человека — а таких меньшинство), и прежде всего, этнические русские, *не тянутся к предпринимательской деятельности*. Причина — в неготовности идти на риск, страхе перед рэкетирами, отсутствии интереса к предпринимательству, начисто отбитому советской властью, но также и в *отсутствии коммерческой жилки*. «Единственным светлым пятном, — пишет Пайпс, — является более благожелательное отношение молодого поколения, по сравнению со старшим, к частному предпринимательству и к состояниям, накопленным с помощью капиталистических методов»⁵¹¹.

Довольно мрачно выглядит социокультурный портрет современного россиянина. «Для простого Ивана с улицы жизнь — это антагонистическая игра, в которой каждый хочет украсть его колбасу»⁵¹². Это — представитель постепенно *вымирающего народа*, ибо, напоминают нам американцы, Россия стоит перед демографической катастрофой, преодолеть которую с помощью мер, предложенных в последние год-два властями, едва ли возможно. Как и его предки, нынешний россиянин если и не алкоголик, то человек, испытывающий *пристрастие к спиртному*, ведущий *нездоровый образ жизни* (курение, невысокая степень вовлеченности в занятия спортом, плохое питание) и потому человек *нередко больной* (сердечно-сосудистые заболевания, онкология, в последние годы — СПИД). Он *не трудоголик*, чтобы не сказать *лентяй* («они

⁵¹¹ Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // Foreign Affairs, May/June 2004. www.foreignaffairs.org

⁵¹² Питерс Ральф. Россия выбирает оковы // New York Post, 6 марта 2008. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240064.html>

(русские — Э. Б.) не очень-то любят напряженно работать»⁵¹³), *не умеет ценить время* — как свое, так и чужое, склонен к крайностям. А неуважение к частной собственности сделало его еще и *вороватым*.

Впрочем, как пишет американский эколог и философ Эрнст Партридж, неоднократно бывавший в России «русские, конечно же, как и все народы воплощают в себе полный моральный спектр: от святых — с одной стороны, до прямо-таки омерзительных негодяев — с другой... Но, как я мог лично убедиться, когда дело доходит до таких качеств, как верность (loyalty), честность (integrity) и гостеприимство, то тут русские в большинстве своем — вне конкуренции»⁵¹⁴.

Итак, *формируемый американцами образ нового россиянина (не путать с «новыми русскими») несет в себе многие черты homo soveticus, а в чем-то — и подданного Его Величества, жившего в России сто и более лет назад*. В сущности, заокеанские авторы описывают специфическую разновидность личности, которую Эрих Фромм называл «авторитарной» и которая была исследована более полувека назад в известной работе Т. Адорно «Авторитарная личность»⁵¹⁵. Типичными чертами авторитарной личности являются страх перед свободой и ответственностью, преклонение перед лидером (вождем) и отождествление последнего с государством, культ власти и повиновения, антиинтеллектуализм, догматизм, ксенофобия. Авторитарная личность по самой своей природе предрасположена к восприятию антидемократических ценностей и является благодатным «человеческим материалом» для построения тоталитарного и авторитарного общества.

Так что в своей статье «Бегство от свободы» (точно также называется одна из книг Эриха Фромма) Ричард Пайпс — а у него обнаружилась целая армия подражателей — просто спроецировал модель авторитарной личности на постсоветское общество и тем самым «объяснил» миру, какой массовый культурно-психологический тип превалирует в современной России, к какого рода убеждением и действиям он предрасположен и чего следует ждать от страны с таким народом.

⁵¹³ Питерс Ральф. Россия выбирает оковы «New York Post», 6 марта 2008. Цит. по: ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/240064.html>

⁵¹⁴ Partridge E. What About Russians? Personal Encounters // The Crisis Papers. June 27, 2006. <http://www.crisispapers.org/essays6p/russians.html>

⁵¹⁵ Adorno T., Frenkel-Brunswick E., Sanford N., and Levinson D. The Authoritarian Personality. N. Y., 1950.

ПРИДЕТ ЛИ К НАМ ЭРАСТ ФАНДОРИН?

Надо, однако, заметить, что наиболее серьезные из американских авторов, разделяя, в общем, точку зрения Пайпса, что российское общество отличается консервативностью и меняется медленно, все же склоняются к выводу, что рано или поздно в нем произойдут существенные политические и социальные изменения, а вместе с ними начнет меняться и массовый тип личности, населяющей Россию. Причем изменения эти связывают со сменой поколений и выходом на политическую и экономическую арену молодых людей с новыми ценностными ориентациями. На это, кстати сказать, надеется и сам Пайпс. На это рассчитывают другие — в том числе Збигнев Бжезинский. «Российская молодежь хорошо образована. Все больше молодых людей ездят и учатся на Западе. В самом деле, где-то, возможно, в Гарвардской школе бизнеса (Harvard Business School) или в Лондонской школе экономики (London School of Economics) есть молодой россиянин, который однажды займет место в Кремле, занимаемое сегодня выпускником Комитета государственной безопасности (КГБ). Поскольку историческое развитие резко ускоряется... нельзя исключать возможности того, что это произойдет гораздо скорее, чем воображают себе многие»⁵¹⁶.

С появлением на политической и экономической сцене России человека нового типа связывают свои надежды на переустройство страны и другие заокеанские исследователи. Делаются даже попытки показать, как мог бы выглядеть массовый, или, по крайней мере, распространенный тип личности *завтрашнего россиянина*. Он видится *более свободным, более предприимчивым, более либеральным, более открытым* — словом, *более близким европейцу и американцу*.

Дальше других идет Леон Арон, выдвигая версию, построенную на основе анализа литературных предпочтений современного российского читателя. Востребованность (измеряемая миллионными тиражами) книг Бориса Акунина, главным героем которых является сыщик Эраст Фандрин, позволяет Арону предположить, что на смену русской интеллигенции, которая начиная с 30-х годов XIX века сохраняла монополию на поиск путей движения России к лучшему будущему, идет средний класс, предпочтения которого и будут определять в конечном счете эти пути.

⁵¹⁶ Бжезинский З. Русская рулетка // The Wall Street Journal 29 марта 2005. Опубликовано на сайте ИноСМИ.ru <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/218431.html>

Русский интеллигент, пишет Арон (ссылаясь на авторов «Вех»), был принципиально антибуржуазен, антиэгоистичен, отвергал теорию и практику «малых дел» и вместо того, чтобы заняться решением собственных, личных проблем (а уже через них решить, в конечном счете, проблемы государства и общества), думал о том, как непосредственно перестроить последние и тем самым осчастливить русский народ.

Акунинский герой, утверждает Арон — совсем другой социальный и психологический тип. «Фандорин противостоит всему, что представляет собой интеллигенция, — как частным характером устремлений (устройство пространства «в непосредственной близости»), так и, в еще большей степени, установкой на одиночество в работе, предполагающее постоянное следование им самим изобретенным и установленным правилам достойной жизни. Как бы услышав предостережение «Вех», Фандорин стремится изменить не Россию, а самого себя; вернее, Россию через себя. Попутно он и другим помогает измениться. Его определяет не отношение к государству, а отношение к согражданам, многих из которых он выводит на верный путь или прямо спасает. Государство для него не является ни подлежащим уничтожению орудием реакционеров, ни двигателем прогресса; Фандорин не оглядывается на государство ни с ненавистью, ни с надеждой»⁵¹⁷.

Как видим, возможность появления в России нового человека Арон связывает с радикальным изменением одной из самых устойчивых многовековых социально-политических традиций — ориентации индивида на государство. «Добродетели Фандорина, — подчеркивает он, — есть добродетели частного человека, и не только потому, что они не рекламируются, но прежде всего потому, что они не зависят от кратковременных государственных задач или течений моды. Герой Чхартишвили далек от свойственного интеллигенции окончательного и бескомпромиссного деления всего на свете на черное и белое; от ее врожденной депрессивно-маниакальной потребности то и дело фанатически привязываться к тому или иному политику или философу — и через некоторое время проникаться к нему же столь же фанатичной ненавистью. Фандорин пытается применить на деле радикальную для России идею, впервые высказанную Чацким, вставшим на сторону тех, «кто служит делу, а не лицам». И — «служит», а не «прислужива-

⁵¹⁷ Арон Леон. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу / Континент, 2004, № 119. zhz@russ.ru

ется». Рискую жизнью при выполнении долга, Фандорин доводит до сознания окружающих, что делает это по собственной воле»⁵¹⁸.

«Способна ли, — спрашивает Арон, — интеллигенция наконец понять, что...» умеренный «эгоизм, самоутверждение — великая сила», которая делает западную буржуазию «могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле» — в то время как «фанатическое пренебрежение ко всякому эгоизму, как личному, так и государственному, которое было одним из главных догматов интеллигентской веры, причинило нам неисчислимый вред». Да и будет ли такая перемена равносильна «обуржуазиванию» интеллигенции?

В России 1909 года фандориных было, очевидно, немного, и времени до 1917-го оставалось мало. Осмелимся предположить, что читательский прием, оказанный герою Чхартишвили девяносто лет спустя, указывает на то, что мышление, необходимое для превращения России в либеральную капиталистическую демократию, на этот раз укоренилось и завоевывает себе все новых и новых сторонников»⁵¹⁹.

Конечно, версия Леона Арона носит частный характер. И от нее можно было бы отмахнуться, напомнив, что американский автор — сам бывший советский человек и рассуждает де по-русски: ссылается на художественную литературу, высмеивает интеллигенцию и т. п. На самом деле Арон говорит — используя специфический дискурс — то, что говорят многие другие американцы, да и не только американцы, а именно: чтобы в России появился новый человек, в нем должен появиться либерально ориентированный средний класс. Если (и когда) это произойдет, то (и тогда) в портрете русского человека непременно появятся новые черты. Но чтобы эти изменения приняли радикальный и устойчивый характер, этого мало: для этого должна измениться сама Россия.

⁵¹⁸ Арон Леон. Чеховский экзистенциалист, или от интеллигенции к среднему классу // Континент, 2004, №119. zhzh@russ/ru

⁵¹⁹ Там же.

Глава 7. «РЕВОЛЮЦИОНЕР» И «ПОЛКОВНИК» В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ (Образ президента)

ЛИЦО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Ни о чем и ни о ком другом не писали американцы, обращавшие свой взор к современной России, столько, сколько о ее политическом режиме и ее президентах — Ельцине и Путине. В «суперпрезидентской» республике, каковой считают нашу страну, президент — не просто глава государства. Это — та самая власть, которая во многом определяет направление функционирования и развития общества, жизнь граждан, а конечном итоге — судьбу страны.

Для внешнего же мира президент такого государства — это его лицо. Он — отражение всего существенного, что происходит в стране, инициатор и главная «направляющая сила» всех стратегий развития данного государства. Его личность и тип лидерства во многом определяют представление внешнего мира о руководимом им обществе. Нередко поведение президента на международной арене на долгое время закрепляет за страной определенный имидж. Каждый его шаг, каждое слово, особенно если оно адресовано международному сообществу, может как дополнить доминирующий в данный момент образ России, так и оказать влияние на формирование альтернативного образа.

Постсоветский имидж нашей страны, сложившийся за океаном, объединяет в себе два разных доминирующих образа — образ «ельцинской» России и образ «путинской» России, каждый из которых, в свою очередь, являет собой калейдоскоп часто противоречивых, нередко недолговечных образов, попеременно выходящих на первый план в ответ на очередной решительный шаг или громкое заявление главы российского государства.

Единого образа российского президента как такового у американцев не сложилось. С одной стороны, есть динамичный, развивавшийся вместе с его прообразом, иногда лишь прорисованный пунктиром образ Путина. Формировался он, скорее, на основе непосредственных действий и выступлений главы государства, нежели на основе глубокого анализа его личности и стиля поведе-

ния. С другой стороны — достаточно хорошо прорисованный, уже сложившийся в силу временного фактора, но от этого еще более противоречивый образ Ельцина. В его основе лежит анализ не только конкретных действий, но и психологических характеристик личности и лидерских качеств (выступающих нередко на передний план) первого Президента России.

То, какими видели и видят российских президентов американские аналитики, а главное, какими они выставляют их на суд общественности, зависит как от ситуационно-личностных, так и от системно-идеологических факторов, а также от их наложения друг на друга. К первым можно отнести, индивидуальные симпатии и антипатии конкретного исследователя к конкретному президенту или к России в целом (мало кто из активных критиков российского государства способен создать положительный образ его главы), а также характеристики конкретной ситуации, в которой, так или иначе, проявил себя президент. Ко вторым — принципиальное представление исследователя о российской политической системе, динамике и исторической предопределенности (если таковая вообще признается) ее развития. Важно и то, исходит ли исследователь из убеждения, что система детерминирует политику и линию поведения лидера (в данном случае — президента), или же он принадлежит к сторонникам концепции определяющей роли личности в развитии любой системы, особенно находящейся в процессе трансформации.

Динамика образа главы государства повторяла в принципе динамику общего образа России в американских исследованиях: от (в целом) положительного к (в целом) отрицательному, что во многом зависело от того, в какой степени Россия во главе с ее президентом следовала рекомендациям США, стремившихся направить бывшую коммунистическую страну по пути демократии, как ее понимала Америка.

В начале 1990-х гг. за океаном преобладали оптимистические настроения, связанные во многом с ожиданиями скорейшего продвижения России по этому пути. И ее президент был для большинства зарубежных аналитиков гарантом и олицетворением демократического будущего. Поэтому и доминировавший образ его был положительным, несмотря на далеко не всегда демократическое поведение Кремля. Но шли годы, а надежды американцев так и оставались не сбывшимися, что не могло не привести к их разочарованию и росту пессимизма. Президент перестал быть гарантом демократии и стал восприниматься скорее как источник коррупции и слабости российского государства.

2000-й год дал американским аналитикам новую надежду. Молодой энергичный глава государства стал на короткое время новым лицом нарождающейся российской демократии. Пессимистические образы вновь сменились оптимистическими. В провале демократических начинаний в России винили ее первого президента, а в новом главе государства видели, прежде всего, избавление от коррумпированного режима Ельцина, а значит надежду на восстановление прежнего пути к демократии. Но ненадолго. Повторное крушение надежд оказалось еще более болезненным, чем в 1990-х гг.

Кривая имиджа второго российского президента резко пошла вниз и неуклонно продолжала снижаться вплоть до его ухода из Кремля после окончания второго президентского срока. Его образ становился все более отрицательным по сравнению даже с образом Ельцина в последние годы его правления. Безусловно, на него накладывалась общая обеспокоенность американских наблюдателей сползанием российской политической системы к авторитаризму, определявшая более критическое отношение как к тому, что происходит в России в целом, так и к президенту, являющемуся, по убеждению большинства американских исследователей, источником этого явления.

Есть, однако, и другая причина такой динамики. Сегодня все больше американских аналитиков пополняют ряды тех, кто скептически смотрит на перспективы развития российской политической системы. Если в 1990-е гг. только такие убежденные сторонники культурно-исторического детерминизма, как Ричард Пайпс, говорили о системной предельности развития российского государства вне зависимости от личностных характеристик сменяющих друг друга лидеров, то в середине первого десятилетия XXI в. к ним присоединились изначально более или менее оптимистически настроенные аналитики, такие как Анатолий Ливен и Дэниел Трейсман. Причем, если А. Ливен, говорит о невозможности демократии в России лишь в ближайшем будущем («только полуавторитарное правительство, такое, какое возглавляет Путин, может удержать Россию на верном пути»⁵²⁰), то Д. Трейсман в своей статье «После Ельцина приходит... Ельцин» выдвигает гипотезу, что сама культурно-историческая специфика российской политической системы определяет доминирующий тип российского лидера, и каждый новый «путин» будет еще одним «ельциным», не способным выйти за рамки, накладываемые самой системой.

⁵²⁰ A. Lieven. The Essential Vladimir Putin//Foreign Policy. — February 28. — 2005. — <http://www.carnegieendowment.org/publications/>

Трейсман оказался одним из немногих аналитиков, не поддавшихся очарованию молодости и энергичности второго российского президента и заявивших еще до его прихода в Кремль, что причины неудач предыдущего десятилетия необходимо искать не в личности главы государства, а в эндогенных характеристиках российской политической системы. Иными словами, Д. Трейсман предупреждал, что ждать «спасителя» бесполезно. «Святой ли, провидец ли окажется в Кремле, он точно так же будет заложником различных ограничений — политических, экономических и даже географических, — которые сузят возможности маневра для любого президента... Любой возможный кандидат окажется заблокированным реальностью российской политической игры, будет вынужден вернуться к набору политических акций и стилю управления, характерных для Ельцина»⁵²¹. Уже через очень короткое время после вступления в должность новый президент обнаружит, что «против своей воли, к ужасу своих сторонников и, возможно, вопреки ожиданиям наблюдателей, он становится Ельциным»⁵²².

По сути, Д. Трейсман стал предвестником пессимистического взгляда на российскую политическую систему, доминирующего сегодня среди американских аналитиков и заложенного еще Р. Пайпсом — а именно культурно-исторической предопределенности характера этой системы. В этом плане примечательна статья «Симуляция власти в путинской России», в которой ее автор Стивен Холмс ставит вопрос, насколько изменилась внутривластная ситуация в стране, которая в 1990-е гг. привела к фрагментации политической власти. Эту ситуацию он характеризует как диспропорцию между инструментами эффективного управления, имеющимися у федеральной власти, и глубочайшими проблемами, стоящими перед ней. «Если дезинтеграция власти в 1990-е гг. до прихода Путина была не результатом отсутствия воли, а следствием действия неуправляемых сил, тогда Путин тоже не сможет укрепить власть, используя политическую волю или назначив нескольких «супергубернаторов», зато он сможет ввести в заблуждение беспечных наблюдателей, организовав консолидацию в стиле Потемкина под советский гимн»⁵²³. Кстати сказать, подобную

⁵²¹ D. Treisman. After Yeltsin Comes Yeltsin//Foreign Policy. — Winter.- 1999–2000. — P. 75.

⁵²² Ibid., P. 76.

⁵²³ S. Holmes. Simulation of Power in Putin's Russia//Carnegie Endowment for International Peace Publications. — 22.02. 2007. — <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa>

мысль высказал несколько раньше Томас Грэхэм-мл., завив, что в России вряд ли произойдет восстановление стабильного сильного государства: «...Путин, возможно, приостановил спад, лишь замедлив его стагнацией»⁵²⁴.

Это представление об изначальной заданности перспектив развития российской политической системы и определяло в последнее время характер образа Путина. Оставаясь по-прежнему в центре общей сети образов России, имидж президента лишился (возможно, лишь временно) ореола могущественной силы, от которой зависит будущее российской политической системы. Глава государства предстал, скорее, в качестве управленца, нежели лидера, причем не в силу личностных качеств, а в результате изменившегося представления американских исследователей о характеристиках российской политической системы в целом.

Чтобы понять, как произошла такая трансформация образа российского президента, необходимо рассмотреть последовательно динамику эволюции образа Ельцина и образа Путина и сравнить их, выделив несколько общих характеристик, таких как личностные качества, стили лидерства и руководства.

ОСВОБОДИТЕЛЬ, РАЗРУШИТЕЛЬ, ЦАРЬ

Годы, прошедшие со времени ухода Ельцина с поста президента, позволили американским аналитикам избавиться от эмоционального накала, характерного для многих из прежних описаний первого российского президента и взглянуть на него со стороны, проанализировав как хорошее, так и плохое в его деятельности. Интересно, что американский «портрет» Ельцина — это один из тех редких случаев, когда созданный за океаном образ чего-то российского отличается от отечественного образа в лучшую сторону. Если в России до сих пор доминируют в целом отрицательные представления о первом президенте (несмотря на определенное смягчение такого отношения после его смерти), то в США личность Ельцина и его вклад в развитие России оцениваются большинством аналитиков в целом положительно. Для многих американских аналитиков Ельцин — фигура исторического масштаба, как и М. С. Горбачев, который на Западе, включая и Америку, и по сей день остается одним из самых популярных зарубежных политических деятелей.

⁵²⁴ Th. E. Graham, Jr. *Russia's Decline and Uncertain Recovery*. — Carnegie Endowment for International Peace. - 2002. — P. 58.

Такое восприятие Ельцина легко объяснимо: он был человеком, который покончил с СССР и с коммунизмом. «Советский Союз изнутри разрушил именно Борис Ельцин. Еще в середине 80-х гг. он решительно развернулся против коммунизма и направил все силы на его разрушение, совершив тем самым один из величайших в истории освободительных подвигов»⁵²⁵. Именно Ельцин, считают американцы, заложил основы демократии в России, ввел ее в «цивилизованный мир», превратив эту страну из источника потенциальной угрозы в потенциального партнера. К тому же он был первым постсоветским лидером, который принял «западные» правила игры на международной арене и выразил готовность играть по этим правилам. Как констатировал Леон Арон, «никогда, начиная с середины XVI в., когда началась российская экспансия, не была Россия менее агрессивной, менее воинственной, менее угрожающей своим соседям и миру в целом, чем при Ельцине»⁵²⁶.

Между тем, противоречивость самой личности Ельцина, о которой пишет даже такой его почитатель (и биограф) как Л. Арон, так же как и противоречивость проводимой им политики, не могла не отразиться в противоречивости его собирательного имиджа, сложившегося в Соединенных Штатах. На сияющий образ освободителя накладываются другие, менее радужные образы первого российского президента, созданные, в частности, теми американцами, которые, находясь в России, наблюдали за развитием происходивших в стране в 1990-х гг. событий изнутри. Видевшие своими глазами то же, что и сами россияне и не отрицающие роли Ельцина как лидера, освободившего страну от коммунизма, они вместе с тем ставят вопрос, который для российских исследователей является одним из центральных — какой ценой? «При нем была осуществлена экономическая программа приватизации, которая вольно или невольно привела к хаосу и коррупции. Он начал войну в Чечне, разрушительную войну, от последствий которой Россия не может оправиться до сих пор. Он совершил... настоящий государственный переворот, фактически самолично приняв решение о передаче власти Владимиру Путину»⁵²⁷.

⁵²⁵ Ч. Краутхаммер. Спи спокойно, Борис-освободитель//The Washington Post/ 27.04. 2007. <http://www.inosmi.ru/translation/234227.html>

⁵²⁶ L. Aron. Yeltsin. A Revolutionary Life. — New York: St. Martin's Press. — 2000. — p. 702.

⁵²⁷ Ф. Закария. Что сделал неправильно Борис Ельцин//Newsweek/ 30.04.2007 <http://www.inosmi.ru/translation/234272.html>

Стоит ли та свобода, которую принес Ельцин, всех этих жертв? Вот вопрос, которым задаются такие американские исследователи, как Стивен Коэн, Катрина Ванден Хевель, Дуско Додер, Фарид Закария и их единомышленники, упрекающие почитателей Ельцина в том, что те не хотят замечать или замалчивают последствия политики первого президента, следовавшего советам американских экспертов. Те самые последствия, которые, по мнению критиков Ельцина, как раз и являются основным показателем успеха или неуспеха осуществлявшегося им курса. «Важно то, что для огромного большинства российских семей нет никакого “перехода”, а есть один сплошной крах жизненно важных вещей: от реальных зарплат, социальных гарантий и здравоохранения до уровня рождаемости и продолжительности жизни; от промышленного и сельскохозяйственного производства до образования, науки и культуры; от безопасности дорожного движения до борьбы с организованной преступностью и коррупцией; от вооруженных сил до ядерной безопасности. Такова действительность, лежащая в основе “реформы”, которую американские комментаторы продолжают превозносить как единственно возможную и желанную»⁵²⁸.

Противоречивость — пожалуй, одна из основных характеристик образа Ельцина, касается ли дело его личности, или стиля лидерства и руководства. И эта противоречивость проявляется не только при сравнении образов, создаваемых его апологетами и критиками. Она пронизывает даже самые положительные образы, составляя их стержень.

Противоречивость самой личности Ельцина, неоднозначность его исторического вклада позволяют исследователям, по-разному относящимся к Ельцину, сочетать в общем его образе несколько взаимоисключающих частных образов. Это образ мессии-реформатора, образ революционера, образ заложника жесткой советской системы и образ ограниченного властолюбца. Каждый из них складывается из таких базовых элементов как личностные и социальные характеристики, стиль лидерства, историческая роль. Изменение содержания элементов неизбежно влекло за собой изменение образа в целом. А поскольку это содержание оказывалось вариативным, то и образ Ельцина постоянно трансформировался даже у одних и тех же исследователей, пройдя при этом три этапа, соответствовавшие этапам его «властного пути».

⁵²⁸ С. Коэн. Порвал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. — М., 2001. — С. 157.

Одним из немногих, кто попытался нарисовать психологический портрет первого президента России, стал профессор политических наук, декан факультета социальных наук Калифорнийского университета (Беркли) Джордж Бреслауэр, автор книги «Горбачев и Ельцин как лидеры». Исследуя политическую карьеру Ельцина начиная с его первых шагов в Свердловске, Дж. Бреслауэр постоянно обращается к личности своего героя, пытаясь объяснить те или иные его политические шаги.

Ельцину, пишет автор книги, были присущи самостоятельность мышления, уверенность в себе, независимая самооценка. Он был трудоголиком и достаточно аскетичным в своих жизненных притязаниях человеком. Невероятно энергичный, страстный, самоуверенный в молодости, он и с возрастом, когда ушла былая энергия, сохранил уверенность в себе и страстность, эгоцентризм и амбициозность. При этом он был человеком «импульсивным, темпераментным, обидчивым и очень чувствительным к неуважению»,⁵²⁹ а в определенной степени и завистливым. «Когда непосредственные результаты заставляли себя ждать, он очень расстраивался и злился»⁵³⁰. Эта нетерпеливость и нацеленность на получение быстрого результата во многом определила впоследствии избранную им стратегию реформирования российской политической и экономической системы.

«Помимо того, что Ельцин был импульсивным и нетерпеливым, он был еще и склонным к риску и всю жизнь искал ситуаций, сопряженных с риском. Не будет преувеличением сказать, что он был генетически запрограммирован на риск и постепенно стал зависим от этого»⁵³¹. Ельцин постоянно ходил «по краю», и это было для него жизненно необходимо. На это обращает внимание и исполнительный директор Центра стратегии и ценностей при Гроувсити колледже Пенсильванского университета, Пол Кенгор: «Он был человеком, полностью соответствующим своему беспокойному времени — жестким, откровенным, ярким, признававшим только крайности»⁵³². Причем эта его страсть нашла отражение именно в его личной и политической жизни. «Жажда приключений часто

⁵²⁹ G. W. Breslauer. Gorbachev and Yeltsin as Leaders. — Cambridge University Press. — 2002. — P. 35.

⁵³⁰ Ibidem.

⁵³¹ Ibidem.

⁵³² П. Кенгор. Ельцин и дом красного ужака//The Washington Times. 30.04.2007 <http://www.inosmi.ru/translation/234280.html>

заставляла его заглядывать в лицо смерти, а в нескольких случаях ставила на грань политического провала»⁵³³. Дж. Бреслауэр, изучив две автобиографии первого российского президента, насчитал 19 случаев, подобных тому, когда Ельцин в детстве взорвал ручную гранату, лишившись при этом двух пальцев. Благополучный исход каждого из происшествий только усиливал его стремление к риску и давал ему ощущение своей неуязвимости. «Это даже заставило Ельцина поверить в свое предназначение»⁵³⁴.

Ельцин, как отмечает большинство исследователей, всегда стремился быть первым и только первым. «Он никогда не работал вторым номером в команде»⁵³⁵, и для него это было принципиально важно. При этом он умел общаться с людьми, свободно чувствовал себя в обществе и легко мог организовать любую группу.

Немалую роль в формировании его личностных качеств, а также стиля управления сыграло его социальное происхождение. Он вышел из крестьянской семьи, которая серьезно пострадала во времена коллективизации и сталинского террора. Это повлияло на его органическое неприятие коррупции и незаслуженных привилегий, а в дальнейшем во многом определило его отношение к советской системе в целом и формирование, по выражению П. Кенгора, «самой здоровой черты его характера»⁵³⁶ — неприятия коммунизма.

Противоречивость Ельцина, заставляет Дж. Бреслауэра, характеризуя его личность, выделить «шесть Ельциных»: три эгоцентричных и негибких, три в различной степени нацеленных на взаимодействие и компромисс⁵³⁷.

К первым трем он относит Ельцина — устрашающего антагониста, который заставил уйти Горбачева, разогнал Верховный Совет и начал войну в Чечне. Ельцина — героического мобилизатора масс, который получил практически 80 % голосов на выборах 1989 г. и который стоял на танке в 1991 г., Ельцина — патриарха, который управлял своим политическим окружением как семьей.

Ко второй тройке относится Ельцин — сложный, но гибкий переговорщик, который вел ежегодные битвы с Государственной Думой за бюджет. Ельцин — уважительный собеседник-бизнесмен,

⁵³³ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 36.

⁵³⁴ Ibidem.

⁵³⁵ Ibid. P. 34.

⁵³⁶ П. Кенгор. Указ. соч.

⁵³⁷ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 210.

каким он был в отношениях со странами, над которыми Россия утратила контроль, такими как Китай и страны Восточной Европы. Ельцин — друг, каким он был в отношениях с лидерами стран Большой семерки.

Эти личностные черты во многом определили стиль политического лидерства Ельцина, стиль принятия решений, который менялся вслед за изменением личностных характеристик. Изначально Ельцин был лидером — разрушителем, «штурмовиком», как назвал его Дж. Бреслауэр. И эти качества формировали образ Ельцина — революционера, образ первого этапа его политической карьеры.

«Штурмовик открыто ненавидит бюрократию, считает возмутительным умение нижестоящих чиновников избегать ответственности за неисполнение, пытается решать проблемы усиленным давлением (и чисткой) на кадры и использует сочетание контролируемой гласности и массовой мобилизации, чтобы разоблачить недостойных или коррумпированных чиновников»⁵³⁸. И еще. «Личностные качества Ельцина больше подходили для роли озлобленного и решительного революционного героя, которую он освоил в 1988–1989 гг. и продолжал играть до тех пор, пока ему не удалось устранить Горбачева и разрушить систему, которую тот пытался построить»⁵³⁹.

Дж. Бреслауэр проводит параллели между Ельциным и Хрущевым. «Оба они были штурмовиками особого типа: эгалитаристскими популистами. Оба были неутомимыми трудоголиками, которые презирали рутинную работу за столом и предпочитали быть среди людей, призывая их к чему-либо и даже работая вместе с ними»⁵⁴⁰. Оба лидера, считает американский аналитик, были яркими антикоррупционерами и выступали против социальных и экономических привилегий, предоставленных недостойным чиновникам. «Штурмовик» такого типа, «будучи разочарован, может стать критиком номенклатурной системы в целом. И Хрущев, и Ельцин, хотя и в разных условиях, двигались в этом направлении — хотя Хрущев, в отличие от Ельцина, так и не пересек черту»⁵⁴¹.

Становясь политическим лидером, нетерпеливый «штурмовик» берет на себя ответственность за реализацию поставлен-

⁵³⁸ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 110.

⁵³⁹ Ibid. P. 39.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 111.

⁵⁴¹ Ibidem.

ных задач, и это только усиливает стремление к скорейшему достижению результата. Такое стремление приводит к тому, что в своей попытке побудить людей к достижению очевидно недостижимых целей, реорганизовать бюрократию и найти панацею от всех практических проблем он становится все более автократичным. В конце концов, штурмовик обнаруживает пределы таких методов улучшения системы. И тогда он становится ее разрушителем.

Вероятно, полагают американцы, Ельцин пришел к пониманию необходимости радикального изменения советской системы именно в результате того, что столкнулся с противодействием этой системы и невозможностью реализовать свои решения так быстро и так эффективно, как ему этого хотелось. В дальнейшем его радикальные экономические реформы и решение ввести войска в Чечню также были во многом продиктованы стремлением как можно скорее получить желаемый результат. Да и шоковая терапия, по мнению Дж. Бреслауэра, была в глазах Ельцина все тем же горьким, но быстродействующим чудолекарством, которое должно было вывести из «летаргии российских граждан»⁵⁴².

Однако резкость и решительность, столь необходимые на этапе революционных переворотов, в дальнейшем стали скорее слабостью Ельцина, а его импульсивность приводила к непоследовательности, а порой и к самодурству. Как пишет Ф. Закария, «страной он правил по наитию, лишая постов всякого — судей, губернаторов, депутатов — кто был ему негоден»⁵⁴³.

Образ Ельцина революционера формируется еще на том этапе, когда он, будучи первым секретарем московского горкома, столкнулся с ограниченностью традиционных методов управления, практиковавшихся партией. Начав бороться с коррумпированными чиновниками, он обнаружил, что «чем больше людей он увольнял, тем еще больше надо было уволить. Клиент одного человека был начальником другого человека на более низком уровне или в другой бюрократической структуре... За полтора года Ельцин вычистил около 60 % партийных руководителей в большой московской партийной организации — сокрушительная цифра»⁵⁴⁴. Проблема коррупции казалась бездонной. «Уже тогда Ельцин понял, что

⁵⁴² G. W. Breslauer. *Op.cit.* P. 250.

⁵⁴³ Ф. Закария. Указ. соч.

⁵⁴⁴ *Ibid* P. 112.

у этой проблемы более глубокие корни, уничтожение которых требовало качественно новой политики... эта проблема была связана с системной деформацией»⁵⁴⁵. Постепенно это понимание привело его к осознанию необходимости изменения системы в целом.

Изначально харизматичный, уверенный в себе популистский вождь переродился в авторитарного лидера, озабоченного, прежде всего, вопросами собственной безопасности и неспособного контролировать даже ближайшее окружение. Чем слабее физически он становился, чем больше понимал, что не в силах изменить ухудшающуюся ситуацию в стране; чем менее популярным он становился в обществе, тем более полагался на единоличные решения и кадровые перестановки как основной метод решения всех проблем. И тем меньше ориентировался на общество, на поддержку которого опирался в самом начале своего политического пути. «По мере уменьшения уверенности Ельцина в своей способности решить проблемы страны, мобилизовать массы, контролировать силовые ведомства и поддерживать свою власть и доверие к себе как к эффективному лидеру, степень авторитарности его руководства возрастала»⁵⁴⁶. На смену революционеру пришел мессия, потом — заложник системы, а затем и властолюбец. Такова последовательность смены образов первого президента России, какой она видится американским аналитикам.

То бесстрашие, с которым Ельцин, стоя на танке, призывал войска не поддерживать антидемократические силы, сделало его чрезвычайно популярным в обществе, а успех 1991 г. «превратил его популярность в условие практически легендарной харизмы. ...Ельцин практически совершил чудо, то есть именно то, что последователи харизматического лидера ожидают от него»⁵⁴⁷.

Однако в дальнейшем он стал заложником своей же харизмы. В реальной жизни события развивались гораздо более непредсказуемо, чем в теории и совершать чудеса стало трудно. Ельцин, как считают большинство американских исследователей, так и остался лидером-разрушителем, стать созидателем ему не удалось (хотя Л. Арон называет сохранение целостности российского государства исключительно заслугой Ельцина)⁵⁴⁸. Еще одно

⁵⁴⁵ Ф. Закария. Указ. соч. С. 112–113.

⁵⁴⁶ G. W. Breslauer. Op.cit. P. 255.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 126–127

⁵⁴⁸ L. Aron Op. cit. P. 708.

«чудо» ему удалось совершить только один раз, когда в 1996 г., он, несмотря на свою значительно снизившуюся популярность, не отказался от очередных президентских выборов и, более того, победил на них⁵⁴⁹.

Переломным моментом в эволюции лидерского стиля Ельцина стал, по мнению большинства исследователей, октябрь 1993 г. Президент был одновременно взбешен и раздавлен и самим заговором, и тем, что его сторонники не смогли его предупредить, и результатами последующих выборов в Государственную Думу. «... Его непосредственной реакцией, помимо депрессии... стало стремление перейти к более авторитарному и закрытому стилю правления.... В прежние времена его неизменно персоналистский стиль руководства не исключал советов и консультаций. Однако после 1993 г. в его стиле правления появляются закрытость и неонацистский компонент»⁵⁵⁰. Бреслауэр, следуя за Максом Вебером, называет этот новый стиль лидерства Ельцина патриархальным. «Патриархальность — это форма персонализма, при которой политическое сообщество рассматривается как семья, в рамках которой лидер — это отец семейства; обычно патриарх опирается на традиции в большей мере, чем на харизму или рационально-легальные нормы, чтобы оправдать свое право управлять так, как ему хочется»⁵⁵¹.

В принципе представление о себе как о главе семейства, а затем и как о патриархе было всегда свойственно Ельцину, но «закрытый, монархический стиль стал доминировать только после 1993 г.»⁵⁵². «До этого... Ельцин был популистом, уверенным в своей способности мобилизовать массы против политических противников. Он также пользовался огромной харизматической властью в своем

⁵⁴⁹ Выборы 1996 г. — это, кстати, еще один момент расхождений между защитниками и критиками Ельцина. Создатели его положительного образа отмечают, прежде всего, сам факт сохранения демократической традиции и проведения президентских выборов, объясняя решение Ельцина избираться на второй срок его верой в то, что «он является гарантом недопущения коммунистической реставрации и человеком, ведущим в прогрессивное будущее» (G. W. Breslauer. *Op. cit.* P. 218). Критики же отмечают, что «...компания перевыборов президента Ельцина была одной из самых коррумпированных в современной европейской истории» (С. Козн. Указ. соч. С. 156).

⁵⁵⁰ G. W. Breslauer. *Op. cit.* P. 175.

⁵⁵¹ *Ibid.* P. 176 Цит. по М.Веберу: M. Weber. *The Theory of Social and Economic Organization*. — New York. — 1947. — P. 346.

⁵⁵² *Ibid.* P. 182.

окружении и рационально-легальной властью, источником которой были всеобщие выборы 1991 г. К тому же хотя в узком кругу он и требовал почтения, достойного патриарха, Ельцин был открыт для консультаций и политических советов»⁵⁵³.

Однако к концу 1993 г. президент потерял веру в свою способность спланировать массы — заключение, во многом подкрепленное результатами парламентских выборов в декабре того же года. «Это был не просто удар по его эго, это также ставило под угрозу его стратегию удержания власти. ... В 1993 г. ... население потеряло веру в своего героя. Ельцин был все еще при власти — больше, чем когда-либо — но обнаружил себя на новой политической территории»⁵⁵⁴.

С этого момента, образ авторитарного властолюбца окончательно вытесняет образ мессии и реформатора и продолжает соседствовать только с образом заложника системы, который предпочитали поддерживать те исследователи, которые изначально им восхищались. Его стратегия удержания власти полностью изменилась. Импульсивность и авторитарность взяли верх над открытостью и стремлением к демократичности. Этот период становится определяющим и для дальнейшего развития российской политической системы в целом. Ельцин, отмечают Пайпс, Л. Арон, Д. Трейсман, Дж. Бреслауэр, превращается в заложника советской культуры управления, в которой удержание власти достаточно быстро становится основной целью властителей. С 1994 г. он выступает скорее в роли «системного администратора», нежели «системного строителя». Теперь его основной целью становится сохранение существующей системы, что предполагает отход от радикальных реформаторов и поддержание центристов.

Таким образом, Ельцин-лидер эволюционирует от революционера к патриарху и затем к компетентному менеджеру. Если прежде ему было свойственно при принятии решений полагаться как на политическую интуицию, так и на комплексный анализ ситуации, то ко второму сроку президентства он все больше отдавал предпочтение политической интуиции, его аналитические способности заметно снизились⁵⁵⁵.

Последние годы президентства Ельцина окончательно закрепили за ним образ авторитарного ограниченного властолюбца. Оли-

⁵⁵³ G. W. Breslauer. P. 182.

⁵⁵⁴ Ibid. P. 183.

⁵⁵⁵ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 222. Ф. Закария. Указ. соч.

гархизация, коррупция, массовое обнищание, война в Чечне, личные слабости (в первую очередь — алкоголизм) стали причиной постоянных упреков в его адрес со стороны как американских, так и российских наблюдателей. Те же из его сторонников, которые сохранили верность президенту, объясняли специфику поведения и стиля руководства Ельцина естественным стремлением президента, совершающего пребывание в Кремле, обезопасить себя от угроз со стороны его преследователей. «Ельцин был политическим животным, действующим в слабо институционализированной системе. Он не мог рассчитывать на то, что его не сместят с поста только потому, что его полномочия были вновь подкреплены в результате всенародных выборов. Точно так же он не мог предположить, что ему благополучно удастся выйти в отставку, если он мог быть привлечен к суду за преступления, которые он якобы совершил за время пребывания на посту»⁵⁵⁶. Поэтому в отличие от первого срока президентства, когда Ельцин пытался найти баланс между продвижением к демократии и стабильностью, во время второго срока он сосредоточился, прежде всего, на поддержании стабильности, признав неэффективность дальнейшего реформирования системы, а также интенсифицировал поиски стратегии безопасного ухода из власти.

Такая стратегия должна была, по расчетам Ельцина, обеспечить как социальную стабильность, так и его личную безопасность. Смещение акцента с трансформации на консолидацию было вызвано также фатализмом Ельцина в отношении российской бюрократии. После многих лет борьбы с ней, борьбы с ее коррумпированностью он смирился с этим злом, приняв его как одну из родовых черт российской политической системы (что сегодня делают большинство американских исследователей). Понимая, что он уже мало что контролирует, Ельцин пытался хоть как-то проявить свою власть. Основным способом стали кадровые перестановки — характерная политическая черта последних лет его президентства.

Вместе с тем один из самых активных его защитников, Дж. Бреслауэр полагает, что напрашивающийся образ стареющего и слабеющего президента, стремящегося из последних сил удержать власть, не соответствует действительности. Если представить себе в ретроспективе всю политическую карьеру Ельцина с 1987 по 1999 гг., пишет он, то «перед нами предстанет человек, разработавший серию амбициозных политических программ, от которых зависела его политическая власть, и в которых он вопло-

⁵⁵⁶ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 219.

тил всю свою политическую сущность. К 1996 г. он, возможно, уже вышел из игры, как лидер-преобразователь. Но даже тогда он продолжал стараться (когда у него хватало сил) совмещать крупные политические проекты со стратегией блокирования своих действующих и потенциальных политических противников. Только после августа 1998 г. он начал производить впечатление лидера, который озабочен практически только одной задачей — своей личной политической безопасностью»⁵⁵⁷.

Последним элементом, формирующим череду образов первого президента России, является оценка его исторической роли, которая во многом зависит от той шкалы ценностей, которой руководствуется исследователь. С. Коэн, Катрина Ванден Хевель, Дуско Додер, Ф. Закария уверены: нет таких идей, борьба за воплощение которых могла бы окупить деморализацию общества и унижение народа, и создают образ коррумпированного, зависимого от Запада лидера, который фактически привел Россию к глубокому кризису. В оценке его деятельности они беспощадны: «Ельцин оставил своему преемнику унижавшее государство с некоторыми чертами демократии и гораздо большим числом черт авторитаризма... Цифры свидетельствуют о том, что он нанес гораздо больший вред российской экономике, чем нападение нацистов и Вторая мировая война. Российский ВВП с 1991 по 1998 гг. снизился на 43 %, в то время как с 1941 по 1945 гг. советский ВВП снизился на 24 %»⁵⁵⁸. А вот еще одна оценка из того же ряда. «Действительно, именно его история запомнит стоящим на развилке истории. Однако не кто иной, как он указал России неверное направление. И трудно не задаться вопросом: что было бы, если бы в те столь важные дни Ельцин повел Россию по другому пути?»⁵⁵⁹.

Неоднозначно оценивают его исторический вклад и менее критически настроенные аналитики. Например, Ч. Краутхаммер, считая, что величие миссии Ельцина заключается, прежде всего, в том, что он «победил не просто партию, режим и империю — он победил идею», говорит о том, начав демократические преобразования в России, он же их и приостановил, а «последний его шаг — назначение своим преемником бывшего полковника КГБ — оказался прелюдией к полному разгрому демократического лагеря»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁷ G. W. Breslauer. Op. cit. P. 230.

⁵⁵⁸ D. Doder. Russia's Potemkin Leader. — The Nation. — January, 29. — 2001. — <http://www.thenation.com>

⁵⁵⁹ Ф. Закария. Указ. соч.

⁵⁶⁰ Ч. Краутхаммер. «Спи спокойно...»

«Получилось, — резюмирует известный американский аналитик, — что Ельцин стал автором перехода России от тоталитаризма к авторитаризму, с краткой остановкой в демократии»⁵⁶¹.

Но есть и другие аналитики, утверждающие, что такие заслуги Ельцина, как уничтожение коммунизма и мирное прекращение существования СССР, окупают все его просчеты и недостатки. Л. Арон, оценивая историческое наследие первого президента России, говорит, прежде всего, о том, что он сделал невозможным возврат к советскому коммунистическому тоталитаризму, «разрушил Российскую империю, покончил с государственным контролем над экономикой, сохранил целостность и перестроил свою страну, в то время как она приспособлялась к новой реальности...»⁵⁶². Ельцину, по мнению американского аналитика, удалось то, что мало кому удавалось — разрешить ключевую дилемму современности: «он обеспечил определенную легитимность, одобрение и стабильность режима, который осуществил одну из наиболее масштабных и быстрых в истории экономических модернизаций. Он осуществил переход к рынку без террора и диктатуры, и он объединил капитализм и демократию в стране, которая была знакома лишь в небольшой степени с первым и была совсем незнакома со вторым»⁵⁶³. Несмотря на все ошибки, которые совершил Ельцин, он, по мнению Л. Арона, сделал главное: сдвинул страну от авторитаризма к либерализму, от государственного контроля над экономикой — к рынку, от доминирования государства над обществом — к доминированию общества над государством, он способствовал интеграции России в мировое пространство. И все это ему удалось сделать мирным путем.

Таким образом, к настоящему времени в Америке сложилась представление о первом президенте РФ как *многоликом государственном деятеле, выступавшем в зависимости от ситуации то в роли невольного мессии-разрушителя, революционера (не сумевшего, правда, в силу системных факторов осуществить вслед за тем консолидацию нового государства), то в роли заложника сложившейся еще в советском обществе политической системы и порожденной ею политической культуры, то в роли властолюбца, принесшего благосостояние целой страны в жертву своему тщеславию, то — и многие считают это главным и определяющим — в роли величайшего реформатора, создателя совершенно нового государства и нового общества.*

⁵⁶¹ Ч. Краутхаммер. “Спи спокойно...”.

⁵⁶² L. Aron. Op. cit. — P. 736.

⁵⁶³ L. Aron. Op. cit. — P. 736.

РЕФОРМАТОР, МОДЕРНИЗАТОР, АНТИДЕМОКРАТ

Образ второго президента России также менялся от положительного к отрицательным вслед за изменением общего курса развития России и соответствующего изменения отношения к ней со стороны США. Однако в отличие от образов Ельцина образы Путина не обладают такой ярко выраженной противоречивостью, а значит и разнообразием, что, прежде всего, связано с его личностными характеристиками. К тому же эти образы все еще находятся в динамике, в постоянном развитии. Кстати сказать, некоторые аналитики не раз говорили о том, что многое в последующем имидже Путина будет зависеть от того, уйдет он или не уйдет из Кремля, нарушит или не нарушит Конституцию страны.

Пока же следует сказать, что в процессе формирования образов Путина можно выделить два этапа: первый — выжидательно-оптимистический, второй — пессимистическо-критический. На первом этапе сложился образ сильного либерального лидера — строителя нового демократического государства. Причем на протяжении довольно долгого времени новый президент представлялся американцам человеком во многом загадочным и даже таинственным. Позднее ореол таинственности исчезает и Путин предстает уже в образе авторитарного властителя, отказавшегося от демократических завоеваний, источника опасности и скрытой угрозы для западного мира. Вдобавок к этому на второго президента был перенесен сохранившийся еще со времен Ельцина образ заложника сложившейся в России политической системы.

Для первого этапа было характерно скорее положительное восприятие нового главы государства, но с перманентно присутствовавшим вопросом: кто же он такой на самом деле? Каковы его истинные воззрения и политические ориентации? В плане личностных характеристик большинство аналитиков сходились на констатации молодости и энергичности нового президента. Как пишет Л. Арон, «молодой, атлетически сложенный, трудоголик, интеллигентный, непьющий, он был во многом противоположностью к тому времени измученного, очень больного и иногда смущающе неадекватного Ельцина»⁵⁶⁴. Не давало американским аналитикам покоя и чекистское прошлое Путина, заставлявшее их

⁵⁶⁴ L. Aron. What Does Putin Want?//Commentary Magazine. — December. — 2006. — http://www.aei.org/include/pub_

гадать, как оно скажется на стиле его руководства государством. «Что Путин вынес из своего предыдущего опыта, не вполне ясно. Он заявлял, что не существует альтернативы рыночной демократии, и спокойно признавал экономическую слабость России. Но, с другой стороны, он выражал также стремление восстановить роль сильного государства. Путин уверял, что Россия не вернется к тоталитаризму, но он не продемонстрировал особых навыков работы с опережающейся конкурентной политической системой»⁵⁶⁵.

В отношении его лидерских качеств основной вопрос, которым задавались американские наблюдатели, состоял в том, сможет ли Путин укрепить государство, объединить политические элиты различных уровней, ослабить власть олигархов, не поддавшись при этом соблазну авторитаризма.

Несмотря на преобладание вопросов и сомнений, большинство американских аналитиков надеялись в первые годы его президентства увидеть в лидерском стиле Путина именно сочетание силы и либерализма. В соответствии со своими надеждами и глядя на первые шаги и заявления нового главы государства, они выстраивали образ либерального лидера-реформатора, удивительно напомилавшего американского президента Франклина Д. Рузвельта. Президента — сильного лидера, способного объединить дезинтегрированное общество и государство и решить все те социальные и экономические проблемы, которые разрушали Россию, сохранив при этом общий дух свободы, унаследованный от Ельцина.

Сторонники такого образа Путина, считали его, по определению Стивена Холмса, либералом в авторитарных одеждах⁵⁶⁶. «Он виделся им “реформатором” и “прагматиком”, который борется за установление новых правил игры, стремится остановить утечку капитала, образумить хищническую элиту, установить политическую стабильность и законность, избавить граждан от рэкета и взяточничества чиновников и стимулировать инвестиции»⁵⁶⁷.

Основания надеяться на преданность Путина либеральным реформам, по мнению таких аналитиков, давала информация, пусть и ограниченная, о его прошлой карьере, в частности, тот факт, что

⁵⁶⁵ D. Hoffman *Putin's Career Rooted in Russia's KGB*//Washington Post Foreign Service. — Sunday. — January 30. — 2000. — P.A1.

⁵⁶⁶ S. Holmes. *Simulation of Power in Putin's Russia*//Current History. — October. — 2001. — P. 307.

⁵⁶⁷ Ibidem.

он работал в команде либерально ориентированного мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, а также его заявления в первые месяцы президентства⁵⁶⁸.

Но были и другие аналитики. Опираясь на то же прошлое Путина, они предупреждали, что он — авторитарный лидер, который только рядится в одежды либерала. Для них он был, прежде всего, сотрудник «органов», который хорошо владеет искусством пускать пыль в глаза и скрывать свои истинные намерения.

Наряду с оптимистами и пессимистами, были и скептики, которые, утверждали, что смена лидера не приведет к переменам в России. «Лидер исполнительной власти в России лишен возможности осуществить значительные перемены в политическом и экономическом статус кво»⁵⁶⁹, утверждал Трейсман. Его сдерживает и будет сдерживать децентрализация власти, коррупция, неравномерное распространение природных ресурсов в регионах, специфика российской президентской системы, при которой президенту не гарантирована поддержка большинства в парламенте.

Таким образом, к концу первого срока пребывания Путина на посту главы государства среди американских экспертов доминировали два его образа, которые, по сути, конкурировали друг с другом: образ реформатора — умеренно либерального и одновременно умеренно авторитарного, и образ заложника существующей в России системы власти. Согласно оценке А. Ливена, «Владимир Путин — это убежденный реформатор, преданный идее модернизации России и интеграции ее в мировую экономику. В то же время ясно, что Путин — не искренний или убежденный сторонник либеральной демократии, по крайней мере, — для России в ее сегодняшнем состоянии и на многие годы вперед»⁵⁷⁰.

Ему вторил П. Лавель: «Действительно, не сложно увидеть в Путине авторитарного лидера. Во многом он им и является, особенно по западным стандартам. Но, учитывая современную траекторию развития России, он, вероятно, (весьма примечательная ремарка! — В. Ж.) и должен им быть. Россия переживает чрезвычайно важный момент на своем пути. Либо Кремль продолжит придерживаться жесткого подхода к реструктуризации экономики, либо Россия ри-

⁵⁶⁸ P. Lavelle What Does Putin Want?//Current History. — October. — 2004. — P. 314.

⁵⁶⁹ D. Treisman After Yeltsin Comes... Yeltsin//Foreign Policy. — Winter 1999–2000. — P. 83–84.

⁵⁷⁰ A. Lieven. Modernizing Putin's "Managed Democracy"//Financial Times. — July 23. — 2004 — <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm>

скует превратиться в Буркина Фасо с ядерным оружием... Поэтому Путин толкает часы так сильно, как он только может, стремясь не вызвать при этом то состояние хаоса, которое Россия пережила в первое десятилетие провальных реформ при выходе из коммунизма. На исторический вопрос «Кто такой Путин?», в конце концов, будет дан ответ. Пока же тяжеловоз кремлевских экономических реформ продолжает свой путь точно по расписанию»⁵⁷¹.

Защитники Путина, считали, что с его приходом в Кремль в России все изменилось к лучшему. Новый молодой президент укротил и олигархов, и региональных баронов и начал вытеснять коррупцию «диктатурой закона». Экономические реформы воодушевили местных предпринимателей и способствовали быстрому восстановлению народного хозяйства. В парламенте контроль перешел от коммунистов к центристской пропутинской коалиции. Все это оправдывало в их глазах авторитарные тенденции в лидерском стиле Путина и давало надежду на скорейшее возрождение России, а затем и на возвращение ее на демократический путь.

Иной образ Путина отстаивали скептики. Они утверждали, что с его приходом в Кремль ничего в России на самом деле не изменилось, появилась скорее видимость изменений. «Дело в том, что хотя Россия Путина сверкает новым слоем краски, она остается Россией Ельцина. И в этой правде есть свои хорошие и плохие стороны. Хорошая новость в том, что Россия Ельцина никогда не была так ужасна, как думали. Плохая новость в том, что путинская Россия гораздо менее стабильна и реформирована, чем думают ее поклонники. К тому же действительно новые черты — мощный экономический рост и популярный президент — объясняются больше высокими ценами на нефть и другими непредсказуемыми экономическими факторами, чем политикой, проводимой Путиным, или какими-либо действительными реформами»⁵⁷².

Серьезные изменения в восприятии Путина начали происходить в США и на Западе в целом после 2004 г. Второй срок его президентства произвел буквально переворот среди американских аналитиков. Оптимисты ушли в тень или «переквалифицировались» в пессимистов, на прежних позициях остались только скептики. Они, как и прежде, уверяли, что в России не следует ждать глубинных изменений. Путин лишь один из серии однотипных лидеров,

⁵⁷¹ P. Lavelle. What Does Putin Want?//Current History. — October. — 2004. — P. 318.

⁵⁷² D. Treisman. Russia Renewed?//Foreign Affairs. — November/December. — 2002. — P. 59.

не способных ничего сделать с системой в целом. Все свойственные ей черты, уверяли они, сохранились, некоторые из них лишь изменили внешний вид и имя. Так, по мнению все так же скептически настроенного Д. Трейсмана, олигархизация остается ведущей характеристикой российской системы власти, просто олигархов на их посту слегка подвинули силовики, образовав, таким образом, гибридную форму «силовархов». И хотя изначально обогащение не было доминирующей целью последних, поскольку они стремились, прежде всего, создать сильное государство, сегодня они ничем не отличаются от олигархов времен Ельцина. «Проблема в том, что их проект уже провалился. Уровень преступности в России в 2005 г. был на 20 % выше, чем в 2000 г., а насилие из Чечни распространилось на другие республики Северного Кавказа. По мере того, как провал становится все более очевидным, преобладающей целью становится самосохранение и обогащение». Отличие только одно: на смену «семье» пришла «корпорация»⁵⁷³. Путин же приобрел образ авторитарного брокера. И еще не известно, кто кого контролировал: Путин — силовиков-олигархов или они — его.

Что касается немногих оптимистов, которые продолжали верить в Путина, то они исходили из того, что его авторитаризм заключает в себе позитивное начало: «только полуавторитарное правление Путина может удержать Россию на верном пути. Если бы Путина не было, нам бы очень скоро стало его не хватать»⁵⁷⁴.

Однако тон задавали пессимисты. Именно созданный ими образ авторитарного силовика, который представляет не население в целом, а только небольшую группку офицеров КГБ из Санкт-Петербурга, стал к концу 2007 г. доминирующим среди заокеанских экспертов. Создатели этого образа утверждали, что российский политический режим значительно изменился за время правления Путина. Сконцентрировав в своих руках огромную власть, преемник Ельцина мало что хорошего сделал для России⁵⁷⁵. Он фактически парализовал свое же правительство, взяв под контроль каждый его шаг. Он свел на-нет систему сдержек и противовесов, лишив парламент и региональных лидеров какой-либо власти. «Сила режима Путина состоит в его умении манипулировать элитой, средствами

⁵⁷³ D. Treisman. Putin's Silovarchs//Orbis. — Winter. — 2007. — P. 147.

⁵⁷⁴ A. Lieven. The Essential Vladimir Putin//Foreign Policy. — February, 28. — 2005. — <http://www.carnegiendowment.org/publications/index.cfm>

⁵⁷⁵ A. Aslund. Putin's Decline and America's Response//Policy Brief. — N 41. — August. — 2005. — P. 2.

массовой информации и гражданским обществом. Но если пропаганда слишком сильно разойдется с реальностью, он потеряет доверие, а значит и власть... Режим Путина слишком жесткий и централизованный, чтобы справиться с кризисом, который в любой момент может произойти»⁵⁷⁶.

Пессимисты отвергали все доводы оптимистов в пользу авторитаризма как единственного пути вывода России из кризиса и утверждали, что секрет экономического успеха страны не в Путине и не в его политике, а в высоких ценах на нефть. Более того, некоторые из них считали, что «звездные экономические показатели России во многом были достигнуты благодаря реформам, проведенным Ельциным. Вся история успеха уже имела место в начале 1999 г., за год до выхода на сцену Путина»⁵⁷⁷. Путин же лишь систематически разрушал зарождающуюся демократию, которую построил Ельцин, и в итоге «вытравил семена» свободы и демократии, «посеянные в горбачевские времена и возделанные в ельцинскую эпоху»⁵⁷⁸.

Ряд американских аналитиков утверждает даже, что в России сложилась своеобразная доктрина и сопутствующий ей комплекс политических ориентаций, которые они именуют «путинизмом», «Путинизм совершенно четко заявляет, что Россия может восстановить свои прежние позиции в ряду мировых «великих держав» только путем укрепления самовластия у себя дома. Согласно его постулатам, либеральная демократия — это заговор с целью ослабления России»⁵⁷⁹. И вот неутешительный итог: «путинизм настолько узаконен, что Кремлю нет нужды подтасовывать бюллетени, чтобы обеспечить исход голосования по своему сценарию...»⁵⁸⁰.

Накануне президентских выборов пессимисты однозначно доминировали в оценке второго российского президента. Каков бы ни был формальный исход выборов, утверждали они, результат будет один — «Путин остается». Однако, спустя несколько месяцев после выборов, все больше американских исследователей поддерживают мнение, высказанное Д. Трениным: выборы имели огром-

⁵⁷⁶ А. Aslund. *Op. cit.* P. 4–5.

⁵⁷⁷ А. Ослунд. Удачливый Путин, неудачник Ельцин//Project Syndicate. 10.05.2007. <http://www.inosmi.ru/translation/234410.html>

⁵⁷⁸ Д. Тренин. Два шага вперед, один назад//Newsweek 03 марта 2008 г. <http://www.inosmi.ru/translation/239965.html>

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Институционализация Путина//The Wall Street Journal. 19.11.2007 <http://www.inosmi.ru/translation/237901.html>

ное значение для дальнейшего развития российской политической системы, «прежде всего, потому что они закрепили конституционный лимит в два срока пребывания главы государства на своем посту»⁵⁸¹.

Отказ Путина баллотироваться на третий президентский срок (к чему его призывали многочисленные политические «доброжелатели») и тем сам подтверждение верности слову (сто раз обещал не нарушать Конституцию), очевидно, окажут позитивное влияние на его образ как человека и президента. Но это дело будущего. Пока же следует отметить два момента. Во-первых, резонно предположить, что со временем у Путина появится свой Леон Арон (и, возможно, не один), который напишет его биографию, и что образ Путина будет трансформироваться — как бы ни сложилась его последующая политическая карьера и личная судьба. Резонно предположить, во-вторых, что эта трансформация будет во многом зависеть от дальнейшей судьбы России: ее успехи добавят «света» в образ второго президента РФ, тогда как при ее неудачах на его портрет будут наложены новые черные мазки.

Изменяться будет и портрет Ельцина — и тоже в зависимости от судьбы страны, которой он руководил. Таков удел всех видных политических деятелей. Но это будет уже скорее история, чем политика. Впрочем, и ту и другую объединяет неизменная вариантность, связанная еще и с судьбой тех, кто живет сегодня и будет жить завтра.

⁵⁸¹ Д. Тренин. Что означает «эпоха Медведева»?//The Wall Street Journal 4 марта 2008 г. <http://www.inosmi.ru/translation/240008.html>

Глава 8. «БЛЕДНАЯ ТЕНЬ» «СОВЕТСКОГО МОНСТРА» (Имидж российской армии)

На протяжении всего послевоенного периода вплоть до распада СССР советские вооруженные силы оставались объектом неизменного и пристального внимания американцев. И на то были веские основания.

Во-первых, эти силы рассматривались Соединенными Штатами, как и Западом в целом, в качестве важной составляющей «советской угрозы». При этом считалось, что от их состояния во многом зависят внешняя политика СССР и его поведение на международной арене. Во-вторых, советские вооруженные силы рассматривались как органическая часть общества, которая, с одной стороны, отражает его состояние, а с другой — оказывает влияние на общественный организм. В-третьих, американцы видели в советских вооруженных силах военно-политический институт, связанный с властным механизмом государства и способный воздействовать (прежде всего, через генералитет и офицерский корпус) на его функционирование.

С распадом Советского Союза ситуация радикально изменилась. Америка и западное сообщество уже не смотрят на нашу страну как на враждебную державу, а вероятность военного столкновения между США и РФ оценивается экспертами как приближающаяся к нулю. Да и нынешние российские вооруженные силы не сравнить по мощи с теми, которыми славился СССР.

Тем не менее, армия⁵⁸² новой России и военная политика российского государства по-прежнему привлекают внимание американцев, хотя и не в том объеме, что прежде. Причины этого интереса, в сущности, не изменились: российская армия, как и советская, рассматривается и как важный фактор внешней политики, и как органическая часть общества, и как военно-политический инсти-

⁵⁸² Хотя понятия «армия» и «вооруженные силы» (в английском языке — army и military forces или просто military) обозначают разные феномены, они нередко используются — и в России, и в США — как синонимичные и взаимозаменяемые. Так поступает и большинство американских экспертов, полагающих, что положение дел во всех видах вооруженных сил России примерно одинаково. Соответственно и в данной главе автор оперирует понятиями «вооруженные силы» и «армия» как синонимами.

тут, влияющий на отправление власти в стране. Это предопределяет основные параметры формирующегося за океаном имиджа российской армии, который вписывается в интегральный имидж России и включает в себя три составные части (три блока).

Первая часть охватывает представления о состоянии российских вооруженных сил в целом, их боеготовности и боеспособности (своеобразной проверкой которых, по мнению многих экспертов, стала «контртеррористическая операция» в Чечне). Оценивая способность российской армии выполнять свои функции, американцы анализируют размеры ассигнований на военные нужды; ее количественный и качественный (уровень квалификации военнослужащих) состав; ее военно-техническую оснащенность; способность оперативно и адекватно реагировать на возможные внутренние и внешние военные вызовы. Сюда же входят и представления американских специалистов о военной политике, проводимой государством.

Вторая часть образа включает представления о российской армии как потенциальном источнике военной угрозы. Оценивается также возможность влияния военных на характер политического режима путем непосредственного физического вмешательства в политические процессы или угроза такового. Интересует американцев и роль армии как специфической социальной среды, выходцы из которой, проникая в органы законодательной и исполнительной власти и оставаясь при этом носителями определенного рода менталитета, ценностных ориентаций и интересов, привносят их в российский политический процесс или же просто лоббируют интересы представляемой ими группы.

Третья часть образа включает представления о вооруженных силах как социальной составляющей российского общества. Американцев интересует проблема соблюдения прав человека в российской армии; специфика взаимоотношений между старшими и младшими чинами; социальная структура армии (этнические, религиозные, возрастные и иные группы); статус военнослужащих в российском обществе; их социальное обеспечение; криминализация армии; методы комплектования вооруженных сил РФ и степень их эффективности; наличие или отсутствие гражданского контроля над вооруженными силами и т. д.

Эксперты, исследующие проблемы российской армии и формирующие ее имидж, могут быть условно подразделены на три основные группы, представители каждой из которых в разной степени и с разным результатом концентрируют внимание на трех вышеупомянутых проблемных блоках.

Авторы большинства работ, посвященных вооруженным силам новой России и военной политике государства — отставные или действующие военные, среди которых выделяется трехзвездный генерал В. Одом, считающийся одним из ведущих американских экспертов по российской армии; именитый военный историк полковник Д. Гланц; полковник Дж. Слэйгл; подполковник К. Бисли и другие⁵⁸³. Специфика сферы их деятельности во многом предопределяет своеобразие их мировосприятия и взгляда на предмет исследования. Они в большинстве случаев придерживаются мнения о приоритетности проблем безопасности государства по отношению к другим проблемам; уделяют больше внимания технологическим и структурным аспектам функционирования вооруженных сил и довольно нейтрально (за некоторыми исключениями) относятся к традиционно болезненному для американцев вопросу о правах человека.

Вторая группа — профессиональные советологи, такие как Дэйл Херсприн или Ричард Стаар, в течение многих лет занимающиеся советским и российским военным комплексом. Их работы, как правило, ориентированы на читателей, профессионально занимающихся российской проблематикой. Они широко используют доступные статистические данные и свидетельства участников событий, нередко опираются на непереуведенные русскоязычные источники. Их выводы, как правило, достаточно обоснованы и объективны, хотя порой сильно расходятся с общепринятой точкой зрения. Особое внимание авторы этой группы уделяют вопросам, касающимся функционирования армии как общественно-политического института.

Третья группа — политологи, сфера интересов которых охватывает самый широкий круг вопросов, включая и проблемы армии. Входящие в нее эксперты, среди которых мы видим немало знакомых лиц вроде З. Бжезинского, Л. Арона, Э. Качинса и других, склонны в целом критически оценивать ситуацию, особен-

⁵⁸³ См.: W. E. Odom. Collapse of the Soviet Military. Yale University Press; New Ed edition, 2000; D. M. Glantz. The Siege of Leningrad, 1941–1944: 900 Days of Terror. 2001; D. M. Glantz. The Battle for Leningrad, 1941–1944. 2002; D. M. Glantz. The Soviet Strategic Offensive in Manchuria, 1945: August Storm. 2003; D. M. Glantz. Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943. 2005; D. R. Herspring and D. M. Glantz. The Kremlin & the High Command: Presidential Impact on the Russian Military from Gorbachev to Putin (Modern War Studies) 2006; J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military Russia's Democratic Moment? Defining US Policy to Promote Democratic Opportunities in Russia. Air War College Studies in National Security. Air Univ. Pr., 1996; K. D. Beasley. Russian Military Reform From Perestroika to Putin: Implications for U.S. Policy. 2004.

но в аспектах, касающихся соблюдения прав человека в армии, финансового обеспечения военнослужащих, коррупции и влияния представителей военной элиты на политические процессы в стране. Поскольку наиболее доступными для широкой публики являются работы именно этих авторов, последних можно считать основными разработчиками доминирующего американского имиджа современной российской армии — имиджа, приобретающего зачастую международный характер.

Но тут необходимо сделать одну существенную оговорку. Дело в том, что в настоящее время первенство в формировании этого имиджа среди зарубежных авторов принадлежит отнюдь не американцам. Лидируют — причем не только в количественном, но и в качественном отношении — европейские, особенно британские исследователи, более остро воспринимающие (хотя бы в силу географической близости России и традиционно ревнивого отношения к ней) проблемы российской армии⁵⁸⁴. В итоге возникает беспрецедентная для американской политологии ситуация: большинство ее представителей, рассуждая о проблемах российской армии, часто «поют с чужого голоса», опираясь на работы английских авторов. И не только английских. Пожалуй, не меньше ссылок можно найти на исследования россиян — Д. Трифонова, П. Баева, Н. Сокова, Л. Шевцовой, А. Арбатова, Д. Тренина, А. Гольца и других экспертов, многие из которых связаны с западными исследовательскими организациями и фондами и придерживаются прозападных ориентаций.

Каким же в итоге оказывается заокеанский имидж нынешней российской армии? Каково направление его эволюции? Чем образ армии 90-х годов отличается от образа, сформировавшегося в период президентства В. Путина?

⁵⁸⁴ См., например: С. Dick. Russian Views on Future War. Jane's Intelligence Review, November 1993; K. Giles. Military Service in Russia: No New Model Army, CSRC, May 2007; K. Giles, Where Have All The Soldiers Gone? Russian Military Manpower Plans versus Demographic Reality, CSRC, October 2006; М. Опп. Хаос в казармах. <http://www.hro.org/editions/press/1002/07/07100210.htm>; М. Опп. Russia's Wars With Chechnya 1994–2003, 2006; E. Kogan. The State of the Russian Aviation Industry and Export Opportunities; S. Main. The «Brain» of the Russian Army — The Centre for Military-Strategic Research, General Staff 1985–2000. 2000; Самый популярный справочник, содержащий информацию о вооруженных силах большинства государств мира, предлагающий читателям аналитические статьи по наиболее актуальным проблемам, цитируемый абсолютным большинством исследователей, — The Military Balance — издается Международным институтом стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies), штаб-квартира которого находится в Лондоне.

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ 90-х: «НЕЭФФЕКТИВНАЯ, ДЕЗОРГАНИЗОВАННАЯ И ДЕМОРАЛИЗОВАННАЯ»

В представлении заокеанских экспертов российская армия 90-х являла собой что-то вроде колосса на глиняных ногах. Утратив былую мощь, она, тем не менее, продолжала сохранять прежние, доставшиеся в наследство от советских времен, структурно-функциональные характеристики, организационные принципы, масштабы, а отчасти и притязания.

Высшее военное руководство России, полагали многие американские аналитики, не смогло адаптироваться к новой международной и внутривнутриполитической обстановке, что стало препятствием для проведения эффективной военной реформы, постановки новых задач и целей, диктуемых изменившейся ситуацией. Отсутствие адекватных представлений о реальном положении вещей привело к появлению ошибочных суждений о состоянии армии. Руководящие армейские чины — писал подполковник К. Бисли, — считали, что российские вооруженные силы не нуждаются в реорганизации, поскольку и так находятся «в хорошей форме»; что их потребности в финансовых и человеческих ресурсах должны удовлетворяться в полной мере независимо от экономической ситуации в стране и быть приоритетными по отношению к нуждам других адресатов бюджетных ассигнований, как это было в Советском Союзе⁵⁸⁵.

Численность армии в первые годы существования постсоветской России, — продолжал американский эксперт, — была совершенно не соотносима с реальными задачами и возможностями страны; неизменными остались ставший анахронизмом метод комплектования вооруженных сил — призыв — и ориентация на возможность моментальной мобилизации, хотя и не стало врага, против которого она могла бы быть направлена. В своей совокупности трудности, с которыми сталкивалась российская армия в первые годы своего существования, привели к тому, что она оказалась «структурирована как Гаргантюа, опустошенный изнутри»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁵ K. D. Beasley. Russian Military Reform From Perestroika to Putin: Implications for U.S. Policy. 2004. P. 24. Бисли, рассуждая о проблеме восприятия новых реалий, ссылается на работу английского эксперта Р. Дика, который сравнивает российскую военную доктрину с «Алисой в стране чудес». (см. С. Dick. The Military Doctrine of the Russian Federation. Jane's Intelligence Review. Special Report # 1, January 1994. P. 5).

⁵⁸⁶ K. D. Beasley. Russian Military Reform ... P. 22.

Столь негативная оценка состояния российской армии образца 90-х годов не была редкостью: практически все западные аналитики характеризовали ее как «неэффективную, дезорганизованную и деморализованную»⁵⁸⁷. А некоторые и вовсе считали, что в тот период она находилась в худшем состоянии, нежели царская армия четырьмя веками ранее⁵⁸⁸.

Плачевное состояние российских вооруженных сил объяснялось, по мнению американцев, несколькими причинами. Первая и основная — недостаточное финансирование. Общая экономическая ситуация в постсоветской России не позволяла выделять на нужды армии финансовые средства, адекватные ее, сохранившимся со времен Советского Союза, потребностям. Несмотря на то, писал Бисли, что «генералы имели большее политическое влияние, нежели большинство других групп, участвующих в управлении государством», и по этой причине получали больше финансовых средств, чем ассигновалось на социальные и иные программы, стремительная инфляция, уменьшение ВВП, неэффективные экономические реформы привели к тому, что в течение 1993–2000 годов постоянной практикой стало удержание министерством финансов порядка 20 процентов средств, выделенных из бюджета на нужды армии⁵⁸⁹. К концу третьего квартала 1998 года, сообщал штатный корреспондент *The Washington Post* В. Пинкус, военные получили лишь две трети выделенных им бюджетных ассигнований⁵⁹⁰. Недофинансирование неизбежно вело к появлению долгов, общий объем которых к концу 1997 года превысил 40 триллионов рублей — сумму, примерно равную половине военного бюджета 1996 года, отмечал Д. Херспринг⁵⁹¹.

Вторая причина, приводимая американскими экспертами, и напрямую вытекающая из первой, — крайне низкий уровень профессиональной подготовки военнослужащих. Высококвалифици-

⁵⁸⁷ J. H. Slagle. *The Democratic Transition of Russia's Military \ Russia's Democratic Moment? Defining US Policy to Promote Democratic Opportunities in Russia*. Air War College Studies in National Securities. Air Univ. Pr., 1996. P. 223.

⁵⁸⁸ A. Lieven. *Russia's Military Nadir: The Meaning Of The Chechen Debacle*. The National Interest. Summer, 1996. www.findarticles.com

⁵⁸⁹ K. D. Beasley. *Russian Military Reform ...* P. 25.

⁵⁹⁰ W. Pincus. *Russian Military Decay Detailed*. *The Washington Post*, February 21, 1999. <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/inatl/longterm/russiagov/stories/decay022199.htm>

⁵⁹¹ D. R. Herspring. *Russia's Crumbling Military*. *Current History*. October, 1998. P. 326.

рованные специалисты, служившие в Советской армии и после распада СССР лишившиеся стабильной и достаточно высокой заработной платы и потерявшие статус уважаемых членов общества, часто увольнялись из рядов вооруженных сил⁵⁹². Отсутствие средств привело к резкому сокращению количества и снижению качества военных учений. «Учения проходили редко, самолеты не летали, корабли не плавали, оборудование ржавело на складах из-за нехватки топлива, запчастей и обслуживающего персонала»⁵⁹³, а количество летных часов российских пилотов из-за дефицита горючего составляло в 1997 году лишь 10 процентов от аналогичных показателей натовских военных. Такая ситуация была характерна для всех родов войск и видов вооружений, за исключением, ядерных, нормальное обслуживание которых было затруднено в меньшей степени⁵⁹⁴, хотя ответственность и честность (некоррупционность) персонала, занятого и в этой области, вызывали сомнение у американских аналитиков⁵⁹⁵. Угрожающе низким, считали американцы и уровень подготовки новобранцев⁵⁹⁶.

Совокупным итогом недостаточного финансирования вооруженных сил и падающего уровня квалификации армейских специалистов стало, по мнению американских экспертов, беспрецедентное снижение уровня боеготовности и боеспособности вооруженных сил Российской Федерации⁵⁹⁷.

Третья причина кризиса, отмечавшаяся заокеанскими аналитиками, — крайне медленные темпы реформы армии, обусловленные тяжелой экономической ситуацией в стране, нежеланием и неумением армейского командования воплотить запланированные изменения в жизнь, отсутствием преемственности в общей концепции реформы. К. Бисли, подробно проанализировавший соответствующие политические документы, писал, что с конца 80-х годов представления о конечных и промежуточных целях военной реформы несколько раз радикально менялись: в начале перестройки реформа была нацелена на незначительное сокращение армии и ВПК для высвобождения ресурсов, необходимых для проведения

⁵⁹² B. S. Lambeth. Russia's Wounded Military. Foreign Affairs, March/April 1995.

⁵⁹³ K. D. Beasley. Russian Military Reform ... P. 35.

⁵⁹⁴ Ibid. P. 35.

⁵⁹⁵ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 229; B. G. Blair. Who's got the button? The Washington Post. September 29, 1996.

⁵⁹⁶ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military...

⁵⁹⁷ Ibid. P. 229.

политико-экономической реформы. В период с 1988 по 1991 гг., к этой цели добавились новые — значительные сокращения ядерных и обычных вооружений; переориентация военного комплекса с наступательного на оборонительный, включающая в себя, среди прочего, вывод войск из Восточной Европы и с территории Дальнего Востока, изменение принципа комплектования вооруженных сил — а именно создание относительно немногочисленной профессиональной армии; установление гражданского контроля над военными.

Позднее — в период президентства Ельцина — речь пошла об освобождении армии от партийного контроля; подготовке нового командного состава взамен существовавшего в СССР; реструктуризации войск, выводимых из бывших советских республик и Восточной Европы; разработке плана создания меньшей по численности армии. Однако вплоть до 1997–1998 гг. практически ни одна из этих целей не была в полной мере реализована⁵⁹⁸. Отсутствие авторитетных лидеров среди армейского руководства; опасения Ельцина, что «чрезмерно» усилив армию, он впоследствии потеряет над ней контроль; неудовлетворительное состояние российской экономики, а затем и военная кампания в Чечне препятствовали воплощению задуманных реформ в жизнь — делает вывод Бисли⁵⁹⁹.

Надо сказать, что за войной в Чечне американские эксперты следили с пристальным вниманием, ибо рассматривали ее — в военном плане — как своеобразный тест российской армии на эффективность. Тест, который, по их мнению, со всей очевидностью продемонстрировал ее слабости и который она в целом не выдержала⁶⁰⁰. «Простая интервенция — писал полковник Дж. Слэйгл — превратилась в кровавое и беспорядочное буйство, угрожающее разорвать Россию на части и подогревающее сопротивление в Чечне»⁶⁰¹. Военная операция против террористов и сепаратистов обернулась разрушительной катастрофой с огромным числом жертв как среди военных, так и среди гражданского населения⁶⁰²;

⁵⁹⁸ K. D. Beasley. Russian Military Reform... P. 3.

⁵⁹⁹ Ibid.

⁶⁰⁰ B. S. Lambeth. Russia's Wounded Military. Foreign Affairs, March/April 1995. K. D. Beasley. Russian Military Reform... J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military...

⁶⁰¹ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 225.

⁶⁰² R. F. Staar. The New Military in Russia: Ten Myths That Shape the Image. Naval Institute Press, 1996. PP. 16–19.

поглотила значительную часть и без того ограниченных финансовых ресурсов, необходимых для проведения реформы армии; подорвала моральное состояние военных и способствовала падению их авторитета и престижа в обществе; восстановила население страны против концепции призыва⁶⁰³. К тому же эта война, по единодушному мнению американцев, затормозила демократические преобразования в России.

Незавидное положение, в котором оказалась российская армия в 90-е годы, нашло отражение в представлениях американцев о ее возможностях. Лишь немногие эксперты продолжали рассматривать ее как потенциальный источник военной угрозы. «Остается фактом, что в руках российской армии находятся обширные ресурсы и возможности угрожать близлежащим государствам региона, запугивать страны ближнего зарубежья и, благодаря наличию 27 тысяч единиц ядерного оружия, угрожать Соединенным Штатам и другим странам. Недавнее применение сил российской армии в Чечне породило рассуждения о неэффективности вооруженных сил... Однако придавать слишком большое значение этим событиям опасно», — предостерегал Дж. Слэйгл⁶⁰⁴.

Противоположной точки зрения придерживался известный политолог А. Ливен, который, исследуя опыт чеченской войны, пришел к выводу, что страх перед российской армией, периодически подогреваемый некоторыми американскими комментаторами, «фантастичен и далек от реальности»⁶⁰⁵. Слабость армии настолько очевидна как для внешних наблюдателей, так и армейского командования, считал он, что практически полностью исключает возможность агрессии со стороны России. Больше того, по мнению Ливена, угроза таилась как раз в слабости армии, которая, во-первых, побуждала правящую элиту чрезмерно полагаться на устаревающий ядерный комплекс⁶⁰⁶, а во-вторых, вела к тому, что слабая в военном отношении Россия могла стать соблазном для соседних государств, которые вполне могли бы позариться на легкую добычу, как это не раз бывало в прошлом⁶⁰⁷.

⁶⁰³ К. D. Beasley. Russian Military Reform... P. 27.

⁶⁰⁴ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 223.

⁶⁰⁵ A. Lieven. Russia's Military Nadir: the Meaning of the Chechen Debacle. ...

⁶⁰⁶ Это мнение разделяли и другие исследователи. См.: B. G. Blair. Who's got the button? The Washington Post. September 29, 1996; Kris D. Beasley. Russian Military Reform. ... D. R. Herspring. Russia's Crumbling Military.

⁶⁰⁷ A. Lieven. Russia's Military Nadir: the Meaning of the Chechen Debacle. ...

Надо, впрочем, заметить, что большинство американских экспертов рассматривали российскую армию на начальном этапе ее существования не столько с точки зрения оценки степени заключенной в ней угрозы, сколько в плане выяснения степени ее влияния на политические процессы в стране в условиях проведения политико-экономической реформы, т. е. оценивали российских военных в качестве силы, препятствовавшей демократизации общества или стимулировавшей ее.

Позиции американцев по этому вопросу, в общем, совпадали. Они были склонны рассматривать военных как силу, способную оказывать существенное воздействие на выработку и реализацию политического курса, достаточно эффективно отстаивать и лоббировать свои интересы, в том числе путем непосредственного участия в работе органов власти⁶⁰⁸, хотя и отмечали сопротивление гражданской политической элиты страны такому влиянию⁶⁰⁹. Как писал — не без удовольствия — Дж. Слэйгл, российское общество не желает видеть военных в рядах политического руководства государства⁶¹⁰.

Другое дело — характер влияния военных: по этому вопросу мнения аналитиков расходились — и порой довольно существенно. Одни, как, например, К. Бисли, Дж. Слэйгл, Д. Херспринг или аналитик Института Гувера З. Бараньи⁶¹¹ считали, что военные (по крайней мере, старшее поколение, большую часть жизни прослужившее в советской армии) сохраняли представления о мире и России, характерные для советских граждан, и в итоге тормозили переход к демократии; препятствовали проведению военной реформы, предпочитая, с одной стороны, направлять финансовые средства на иные, по их мнению, более существенные нужды армии, а с дру-

⁶⁰⁸ B. S. Lambeth. Russia's Wounded Military. Foreign Affairs, March/April 1995. K. D. Beasley. Russian Military Reform... J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... и др.

⁶⁰⁹ K. D. Beasley. Russian Military Reform... Бисли, в частности, пишет, что политики, не уверенные в своей силе, стремились контролировать и «дробить» военных, разделяя вооруженные силы на множество министерств и ведомств, препятствуя установлению единоначалия в армии. (Р. 31.)

⁶¹⁰ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 230.

⁶¹¹ K. D. Beasley. Russian Military Reform... J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military ... Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. Political Science Quarterly, Vol. 121, # 4, Winter 2006–2007; D. R. Herspring. Putin and Military Reform // D. R. Herspring (Ed.). Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.; 2 edition, 2004.

гой — сохранять мобилизационный потенциал российского общества за счет службы по призыву. При этом, однако, отмечалось, что российские военные не способны зайти столь далеко, чтобы попытаться силой изменить существующий политический строй. Хотя, как писал Д. Херсприн, «генералы начали рассматривать себя как политических акторов... это не значит, что вероятность непосредственного вмешательства российских военных в политический процесс велика. Политические взгляды военных слишком разнятся, чтобы они могли успешно совершить переворот»⁶¹².

Но были среди американских экспертов и такие, кто придерживался иного мнения о характере влияния военных и армии на процесс реформирования нашей страны, полагая, что армия «остается ответственной и стабилизирующей российское общество силой», способствующей снижению напряжения в период реформ⁶¹³. В подтверждение этого американские аналитики — и таких было большинство — ссылались на нейтралитет, выдержанный военным командованием во время октябрьских событий 1993 года, и отказ вмешиваться в политические конфликты. Некоторые отмечали также, что российские военные «были не в восторге» от идеи проведения военной акции в Чечне⁶¹⁴, и возлагали значительную часть вины за ее провал на политическое руководство страны⁶¹⁵.

В меньшей степени заботила американцев проблема гражданского контроля над вооруженными силами, хотя они, разумеется, не отрицали его значения как фактора демократического строительства⁶¹⁶. Дело в том, что согласно мнению большинства заокеанских аналитиков, советская, а потом и российская армия всегда находилась под контролем гражданских властей (в период существования СССР она непосредственно подчинялась КПСС). Поэтому перед российским обществом стояла не столько проблема демилитаризации политики, сколько проблема деполитизации армии. Только линия Горбачева, направленная на привлечение к политическому диалогу всех страт общества, считали американцы, сделала возможным активное проникновение военных в новую для них сферу и быстрое превращение их в силу, способную вмешиваться в политическую жизнь страны, выступать с критикой военной по-

⁶¹² D. R. Herspring. *Russia's Crumbling Military*. ... P. 327.

⁶¹³ B. S. Lambeth. *Russia's Wounded Military*. *Foreign Affairs*, March/April 1995.

⁶¹⁴ B. S. Lambeth. *Russia's Wounded Military*. *Foreign Affairs*, March/April 1995.

⁶¹⁵ J. H. Slagle. *The Democratic Transition of Russia's Military*... P. 223.

⁶¹⁶ *Ibid.* P. 228.

литики правительства с целью лоббирования своих интересов. Демократическая норма главенства гражданского чиновника над министерством обороны была демонстративно, по мнению американских аналитиков, соблюдена при назначении на этот пост Игоря Родионова, незадолго до этого уволенного в запас⁶¹⁷. Впрочем, поскольку влияние министерства обороны в тот период было весьма ограниченным, а перед российской армией стояло множество более важных проблем, американцы, за редким исключением, не уделили этому вопросу значительного внимания.

Более интересными для американцев были военно-политические доктрины РФ, в которых они видели отражение представлений российских военных и политиков о внешнем мире, месте, занимаемом в нем Россией, и ее намерений в отношении других стран.

Как утверждал К. Бисли, основывая свой вывод на анализе опубликованных документов, вплоть до операции НАТО в Косово Москва не рассматривала Запад как врага и, соответственно, не ориентировала армию на возможное противоборство с государствами западного блока⁶¹⁸. Военная доктрина 1993 года, отмечал он, была сформулирована таким образом, чтобы сделать максимально возможным вмешательство России в основном в дела близлежащих государств⁶¹⁹. Согласно тексту доктрины, добавлял Р. Стаар, основную угрозу своей безопасности Россия видела в «территориально-этнических конфликтах» на территории бывшего СССР, хотя и допускала количественно нерегламентированное размещение войск за пределами РФ⁶²⁰.

Однако, как отмечал Р. Стаар, описывая процесс выработки доктрины, амбиции российских военных шли намного дальше. Так, генерал-полковник И. Родионов, в то время начальник Академии генерального штаба, настаивал на включении в военную доктрину РФ положений, согласно которым Россия могла бы на коммерческой основе пользоваться морскими портами прибалтийских государств, препятствовать вступлению этих государств в военные блоки — прежде всего НАТО, обеспечивать соблюде-

⁶¹⁷ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform... P. 601–602, 608.

⁶¹⁸ K. D. Beasley. Russian Military Reform... PP. 32–33. Такого же мнения придерживаются некоторые другие эксперты. См., например, D. K. Simes. Losing Russia. Foreign Affairs, November/December 2007.

⁶¹⁹ Ibid. P. 23.

⁶²⁰ R. F. Staar. The New Military in Russia: Ten Myths That Shape the Image. ... P. 30.

ние прав российских граждан, проживающих на территории Литвы, Латвии, Эстонии. Кроме того, генерал-полковник заявлял, что военные угрозы России вовсе не исчерпываются региональными конфликтами, но могут носить глобальный характер⁶²¹.

Свое, расходившееся с официальным, видение военной доктрины РФ, утверждал Р. Стаар, имелось и у П. Грачева, назначенного в мае 1992 года министром обороны. И хотя большинство предложений И. Родионова и П. Грачева не нашли места в окончательном тексте документа, «подобные взгляды, несомненно, разделялись многими другими бывшими офицерами советской армии»⁶²².

После операции в Косово, утверждал К. Бисли, НАТО стала восприниматься Россией как агрессивная сила, а российская военная реформа (при значительном личном участии секретаря Совета Безопасности РФ В. Путина) стала ориентироваться на «наращивание мускулов на кости армии в большей степени, чем на сокращение вооруженных сил»⁶²³. Впервые с момента появления в начале 90-х годов российской армии начали проводиться крупномасштабные военные учения, был существенно увеличен военный бюджет, стала разрабатываться «более агрессивная доктрина безопасности»⁶²⁴.

Констатируя, что Россия стремится увязать свое место и статус в мире с реальной мощностью своей армии, американские эксперты, имевшие за плечами собственный опыт военной службы, полагали, что в этом есть своя логика. Сейчас, утверждал в середине 90-х годов Дж. Слэйгл, российская армия должна совершить переход от армии глобальной державы к армии государства регионального масштаба, а ее возможности должны быть приведены в соответствие с имеющимся у России ресурсами⁶²⁵.

Непреходящий интерес американских экспертов вызывали социальные отношения и моральный климат, царившие в российской армии, как социальном институте, выполняющем функцию жизнеобеспечения общества и являющемся его органической частью. В характере культуры межличностных отношений, присущей российским вооруженным силам, американцы видели одно из самых ярких проявлений различия между обществами, где права человека и его личное достоинство признаются в качестве

⁶²¹ Ibid. P. 27.

⁶²² Ibidum.

⁶²³ K. D. Beasley. Russian Military Reform... P. 23.

⁶²⁴ K. D. Beasley. Russian Military Reform... P. 23.

⁶²⁵ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 234.

базовых ценностей, и Россией, где их взору открывалась иная, ужасавшая их картина.

Запугивание и угрозы как метод обеспечения лояльности военнослужащих и поддержания дисциплины — фундаментальный элемент функционирования российской армии, основной принцип построения отношений между армией и индивидом, писал Дж. Слэйгл. Приоритет долга перед Родиной и отсутствие дефицита людских ресурсов, пояснял он, привели к тому, что человек в России воспринимается как средство, но не как объект заботы. В западных армиях, утверждал американский эксперт, главным достоинством военнослужащего, независимо от ранга, считается профессионализм, уровень которого определяется в зависимости от способностей и ответственности военного, в России же основной мерой ценности военнослужащего считается занимаемый пост и объем властных полномочий⁶²⁶.

Именно из этой укоренившейся системы отношений произрастают порочные армейские практики, в частности, деление на «молодых» и «стариков», «деморализующий социальный феномен, направленный на встраивание призывников в общую модель жестокой властной системы. Эта система дисциплины, контроля, мотивации и тренировок ... основывается на притеснении и давлении, через посредство которых старослужащие (призывники второго года службы) физически и психически оскорбляют недавно призванных»⁶²⁷. «По воле “дедов” над призывниками изощренно издеваются, заставляют выполнять бессмысленные и унижительные задания, отбирают у них личные вещи, деньги и посылки»⁶²⁸. В качестве еще одной порочной черты российской армии американцы отмечали дискриминацию по таким признакам, как этническая принадлежность, уровень образования, место жительства и т. д.

Офицерский корпус, представители которого проходят через аналогичную систему адаптации в военных учебных заведениях, не только не препятствует существующим практикам, но и в какой-то степени поощряет их, перекладывая, таким образом, свои обязанности по поддержанию дисциплины на «стариков»⁶²⁹.

К этому добавляется еще и систематическое использование военных в качестве рабочей силы — их заставляют разгружать ва-

⁶²⁶ Ibid. P. 225.

⁶²⁷ Ibidum.

⁶²⁸ Л. Арон. Борьба за призыв. Июль, 2005. www.inosmi.ru

⁶²⁹ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... PP. 225–228.

гоны, служить телохранителями, собирать урожай сельскохозяйственных культур и т. д.⁶³⁰.

Не менее плачевным выглядело социальное положение военнослужащих. В 90-е годы длительная задержка зарплат стала постоянной практикой. Большие проблемы возникали с выплатой денежных пособий при увольнении со службы, оплатой жилья, выплатой пенсий⁶³¹, а также с выделением средств на строительство жилья для солдат и офицеров, выведенных с территории ГДР и стран Восточной Европы⁶³². В 1993 году Министерство финансов РФ не выплатило Министерству обороны порядка 1,5 триллионов рублей, в результате чего персонал многих военных баз столкнулся с нехваткой продовольствия, топлива и ряда необходимых предметов потребления⁶³³. Не удивительно, писал Дж. Слэйгл, что в таких условиях военные не желали исполнять свои обязанности⁶³⁴. В. Пинкус, анализируя доклад Госдепартамента США о состоянии российской армии, цитировал слова военного эксперта Белого дома: «удивительно, что армия не взорвалась»⁶³⁵.

Моральное разложение войск, признаваемое американцами неизбежным в таких условиях, породило новую проблему — резкое падение престижа военной службы. В СССР служить в армии было престижно, военные были одной из самых уважаемых страт общества и пользовались определенными привилегиями. В постсоветской России ситуация изменилась радикальным образом. Дедовщина и коррупция в рядах вооруженных сил, частые случаи которых становились в условиях гласности известны широкому кругу граждан, подрывали авторитет армии⁶³⁶. Война в Чечне, в ходе которой погибло множество призывников, должным образом к ней не подготовленных, еще больше настроила общество против армии и, особенно, против института призыва⁶³⁷, сделав уклонение от службы чуть ли не нормой жизни, и разрушив тем самым систему комплектования кадрового состава вооруженных сил⁶³⁸.

⁶³⁰ Ibid. P. 231.

⁶³¹ W. Pincus. Russian Military Decay Detailed. Washington Post. February 21, 1999.

⁶³² J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... PP. 231–232.

⁶³³ Ibid. P. 231.

⁶³⁴ Ibidem.

⁶³⁵ W. Pincus. Russian Military Decay Detailed. Washington Post. February 21, 1999.

⁶³⁶ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 226.

⁶³⁷ K. D. Beasley. Russian Military Reform...

⁶³⁸ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 232.

Задачи повышения морального духа армии и возрождения ее престижа в обществе заняли место в концепциях военной реформы еще при Горбачеве, отмечали американцы, однако реализовать эти задачи вплоть до конца XX века так и не удалось: в 90-е годы реформы были нацелены в основном на сокращение и реорганизацию вооруженных сил, а не на изменение культуры и этоса армий⁶³⁹. В итоге, писал Дж. Слэйгл, армия больше не выполняет своей социальной функции — не защищает общество, ее уменьшившаяся мощь и неопределенная роль в обществе могут вообще привести к разрыву связывающего их социального договора⁶⁴⁰.

Таким образом, *общий имидж российской армии периода президентства Б. Ельцина, сложившийся за океаном, нельзя охарактеризовать иначе, как негативный*. Низкий уровень боеспособности и боеготовности вооруженных сил; неспособность, а часто и нежелание руководства страны проводить необходимые военные реформы; негативное влияние, оказываемое деморализованной, разлагающейся армией на состояние российского общества и процесс реформирования политико-экономической системы государства — вот на что больше всего обращали внимание американские эксперты в 90-е годы.

Однако при всей своей негативности американский образ российской армии, сложившийся в то время, был почти лишен той идеологической и эмоциональной окраски, которая была присуща другим, тоже во многом негативным, образам России — прежде всего политическому, экономическому и социальному. Конечно, у заокеанских экспертов не было ни малейших оснований скорбеть о деградации армии своего недавнего соперника и «наиболее вероятного противника». Но у большинства из них не было и того плохо скрываемого злорадства, которое сквозило в рассуждениях многих американских политологов о «гибели советской империи», «крахе планового хозяйства», «проигранной Кремлем холодной войне», «уродстве советского человека» и т. п. И на то были свои причины.

Во-первых, как уже отмечалось, значительный вклад в создание образа российской армии внесли военные — люди, не столь склонные к эмоциональным реакциям и громким заявлениям, как политики и обслуживающие их представители политологического сообщества.

⁶³⁹ K. D. Beasley. Russian Military Reform...

⁶⁴⁰ J. H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military... P. 224.

Во-вторых — и это тоже отмечалось в предыдущих главах — образы России, создававшиеся за океаном в 90-е годы, даже будучи в целом негативными, содержали в себе некоторые позитивные элементы и надежду на то, что в будущем все может измениться к лучшему — особенно если россияне будут слушаться американцев. Давало о себе знать и то эмоционально-психологическое облегчение, которое американцы испытывали от прекращения прежней конфронтации в сфере военного противоборства США и СССР.

В-третьих, говоря о российской армии, заокеанские эксперты воспринимали ее не столько как свободного субъекта, действующего по собственной инициативе, сколько как объект проявления чужой воли, а в российских военнослужащих видели людей, ставших жертвами неумелого руководства страной и общего политико-экономического кризиса.

В целом, имидж российской армии, создававшийся американцами в 90-х годах, довольно точно отражал ее общее состояние, проблемы, трудности, положение и роль в обществе. Но были в нем и серьезные изъяны, связанные, в частности, с неумением и нежеланием заокеанских экспертов учитывать специфику России, проистекающую из ее исторического опыта и характера цивилизации. Так, большинство американцев при описании процесса разрушения армии в 90-х годах, особенно первой их половине, пользовались такими терминами, как «коллапс»⁶⁴¹, «руины»⁶⁴², «скоротечный распад»⁶⁴³ и т. п. Словом, на российской армии поставили крест. Как поставили его в то время на российской экономике и российском обществе в целом, забыв, что у России есть богатый опыт быстрого «воскресения». Сегодня мы видим, что хотя для возрождения российской армии предстоит еще сделать многое, ее похороны оказались явно преждевременными.

Или взять вопрос о роли военных в политической жизни российского общества. Американские эксперты не всегда проводили четкую грань между способностью армии оказывать влияние на ход политических событий в переломные моменты истории и практикой постоянного и широкого участия генералитета и офицерского корпуса в политическом процессе. В качестве примера можно сослаться на того же Р. Стаара, который, опираясь на факты участия российских генералов в известных событиях 1991

⁶⁴¹ H. Slagle. The Democratic Transition of Russia's Military...

⁶⁴² B. S. Lambeth. Russia's Wounded Military. Foreign Affairs, March/April 1995.

⁶⁴³ W. Pincus. Russian Military Decay Detailed. ...

и 1993 годов, делал далеко идущие, но в целом не обоснованные выводы о превращении российской армии в постоянный и активный фактор политической жизни России⁶⁴⁴.

И еще один момент. Американцы увязывали угрозу со стороны российской армии с политическими намерениями элиты и их представлениями о внешнем мире и месте в нем России в большей степени, чем с объективным состоянием российских вооруженных сил. Такую ситуацию можно объяснить, скорее всего, тем, что сами Соединенные Штаты содержат самую мощную и дорогую армию в мире, а их граждане при этом искренне верят в миролюбивую природу Америки, ее благую роль в современном мире, и, соответственно, мало склонны увязывать наличие у государства сильной армии с угрозой, от него исходящей.

РЕФОРМА АРМИИ В XXI ВЕКЕ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Динамика и тенденции эволюции имиджа российской армии и военной политики российского руководства в принципе повторяют динамику и тенденции эволюции других американских имиджей России начала XXI века, но есть здесь и своя специфика.

В последние годы имидж российских вооруженных сил стал более плюралистичным (за счет появления альтернатив), в то время как его доминанта приобрела еще более негативный характер, а вдобавок к этому еще и эмоциональную окраску, которой, как отмечалось, не было в 90-х годах. Отчасти это связано с тем, что в работу по формированию имиджа российской армии и военной политики наряду с профессиональными военными и политологами активно включились журналисты, среди которых выделяются фигуры О. Мэттьюса, Г. Чейзана, Ф. Уэйра⁶⁴⁵. Их короткие, порой саркастические, выдержанные в жестко критическом духе статьи, адресованные широкой публике, оказывают сильное воздействие на массовое сознание, порой выжимая у читателя слезу, а порой рождая возмущение и гнев действиями «русских» и их вождей.

⁶⁴⁴ R. F. Staar. The New Military in Russia: Ten Myths That Shape the Image. ...

⁶⁴⁵ См.: О. Мэттьюс. Нереальная угроза. Март, 2007. www.inosmi.ru; Г. Чейзан. «Альтернативщики» персходят в наступление. Май, 2002. www.inosmi.ru; Ф. Уэйр. Разгром иракцев стал неприятным ударом для российских военных. Апрель 2003. www.inosmi.ru; Ф. Уэйр. Дебаты по поводу будущего Вооруженных Сил России. Ноябрь, 2001. www.inosmi.ru

Характер образа российской армии, формировавшегося за океаном в первые годы нового столетия, определялся несколькими факторами: реальным и мнимым состоянием вооруженных сил России, общим отношением к ней со стороны Америки и, что следует отметить особо, образом нового президента. Представления экспертов о В. Путине как главе государства, верховном главнокомандующем и человеке нередко напрямую переносились на формируемый образ армии, оценку проводимой государством военной политики, трактовку позиций участников процесса принятия решений, касающихся армии и т. д. Так, например, положительно настроенный по отношению к Путину и называющий его «великим стабилизатором» К. Бисли, весьма высоко оценивает военную политику президента и говорит о прорыве в процессе реформирования армии после бездействия 90-х годов⁶⁴⁶. Другой аналитик — З. Бараньи — напротив, критически относясь к российскому президенту, рисует негативный образ российской армии и полагает, что, вопреки утверждениям Путина, ей еще только предстоит пройти через реформы, необходимые для адаптации к новым постсоветским условиям⁶⁴⁷. Он подробно разбирает план военной реформы, предложенный оппозиционным правительству блоком СПС, в то время как уже реализуемому плану министерства обороны уделяет значительно меньше внимания и не столько его анализирует, сколько обличает военных⁶⁴⁸.

Надо сказать, что и в годы президентства Путина большинство американцев, пишущих о российской армии, придерживались прежнего мнения, что она остается деморализованной, истощенной и малоэффективной. Несмотря на значительно возросший за период с 2001 года военный бюджет российские военные, утверждали они, продолжают оставаться недостаточно тренированными; техническое оснащение и вооружение стремительно устаревают; реформа армии, ведущаяся с начала 90-х годов, не продвигается дальше сокращения числа военнослужащих, в то время как необходимого повышения боеспособности и боеготовности армии не происходит⁶⁴⁹. «Через 12 лет после распада СССР самой не-реформированной отраслью российского общества остаются его вооруженные силы, — писал в 2003 году Ф.Уэйр, — ... их струк-

⁶⁴⁶ K. D. Beasley. Russian Military Reform...

⁶⁴⁷ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. . . P. 597.

⁶⁴⁸ Ibid. PP. 613–615.

⁶⁴⁹ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. . . PP. 598–605.

тура, вооружение и, главное, доктринальные взгляды сегодняшних российских военных остаются такими же, как у их советских предшественников»⁶⁵⁰. Подобного рода суждения не раз высказывались и в последующие годы.

Любопытно, что общую оценку эффективности современной российской армии некоторые заокеанские аналитики дают на основании виртуального сравнения ее с армией... Ирака, поверженной американскими интервентами, и армией самих Соединенных Штатов, одержавшей победу над воинством Саддама Хуссейна. Обосновывая правомерность такого сравнения, они утверждают, что основные элементы структуры и механизма функционирования иракской армии во многом схожи с аналогичными элементами армии РФ. «...Как и ее советский прототип, иракская армия была многочисленной, но состояла преимущественно из молодых, плохо обученных срочнослужащих. ... Эти силы были разгромлены за несколько дней относительно малочисленными формированиями американских и британских сил, которые, используя высокоточное оружие, пробили дыры в иракском фронте и захватили центры власти в стране быстрее, чем могли себе представить традиционные военные мыслители»⁶⁵¹. Крах иракской армии, делают вывод заокеанские эксперты, отразил все ширящийся разрыв между степенью эффективности российских и западных вооруженных сил⁶⁵².

Именно война в Ираке, убеждены они, продемонстрировав технологическое отставание российской армии от западных аналогов, стала тем фактором, который позволил политическим властям России преодолеть, наконец, сопротивление армейского командования и инициировать новый этап реформы⁶⁵³.

Понятно, что поскольку практически — пусть и виртуальным — сравнением мощи российской и американской армий заокеанские аналитики считают войну в Ираке, то вопрос о рассмотрении вооруженных сил России как источника непосредственной угрозы Западу ими вообще не ставится. Так что тут можно отшутиться на манер О. Мэттьюса: «Россия может сколько угодно кричать о том, какая у нее большая дубина — на самом деле эта дубина довольно слаба»⁶⁵⁴.

⁶⁵⁰ Ф. Уэйр. Разгром иракцев стал неприятным ударом для российских военных. Апрель 2003. www.inosmi.ru.

⁶⁵¹ Ф. Уэйр. Разгром иракцев...

⁶⁵² Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... P. 613.

⁶⁵³ Например: D. R. Herspring. Putin and Military Reform. ... P. 198.

⁶⁵⁴ О. Мэттьюс. Нерсальная угроза...

Другое дело — вопрос о военной реформе в России. В последние годы он стал одним из самых острых и дискуссионных: проводится или не проводится обещанное Кремлем реформирование вооруженных сил, кто ему способствует, и кто его тормозит, каковы его результаты и перспективы?

Некоторые из американских экспертов с энтузиазмом встретили новый план военной реформы 2003 года, тем самым, казалось бы, дав какие-то основания для надежды на формирование альтернативного, а именно позитивного, образа российской армии в новом веке. Подполковник Бисли, например, писал в 2004 году, что, в отличие от его предшественника, Путину удалось не только по-новому взглянуть на потребности постсоветской России, но и достичь заметного прогресса в реформировании российской армии. Путин, считал американский эксперт, хотел двигаться вперед, а не стоять на месте, понимая, что только небольшая, профессиональная армия, оснащенная самым высокотехнологичным оружием и состоящая из хорошо обученных солдат, способна обеспечивать безопасность России в будущем⁶⁵⁵. Сумев избавиться от ельцинской команды, и поставив во главе министерства обороны своего соратника и бывшего коллегу, Путин смог, полагал Бисли, преодолеть сопротивление военных и воплотить в жизнь ряд важных и необходимых шагов — принять план поэтапного перехода армии к контрактному методу формирования при сохранении призыва с более коротким сроком службы, разграничить зоны несения службы контрактников и призывников. Самым большим достижением российского президента американский эксперт считал создание в Пскове на базе 76-й воздушно-десантной дивизии экспериментального подразделения, полностью состоящего из профессионалов, подписавших контракт, а также постепенно реализующееся намерение не только реформировать структуру армии, но и поднять ее боевой дух⁶⁵⁶.

Другой военный специалист, профессор Института стратегических исследований Военного колледжа США С. Бланк с удовлетворением отмечал явное недовольство В. Путина армейским начальством, намеренно препятствующим проведению реформы. По его мнению, террористическая атака с захватом заложников в театральном центре на Дубровке, систематические неудачи в Чеч-

⁶⁵⁵ K. D. Beasley. *Russian Military Reform...* P. 51.

⁶⁵⁶ *Ibid.* PP. 58, 60.

не, «саботаж» псковского эксперимента Генштабом, попытки военных воспрепятствовать сотрудничеству России с Западом и, в частности — с НАТО — все это окончательно убедило Путина и Иванова в необходимости предпринять решительные шаги по реформированию армии. И первым шагом в этом направлении, полагал С. Бланк, стало увольнение Г. Трошева — командовавшего российским военным контингентом в Чечне — одного из ярких представителей военных, оппозиционно настроенных по отношению к планам реформы⁶⁵⁷.

Известный американский эксперт Д. Херспринг, приветствуя смену российского лидера и напрямую увязывая личность последнего с характером, темпами, эффективностью армейской реформы⁶⁵⁸, пришел к выводу, что политика Путина в этой сфере может в перспективе оказаться намного более результативной, нежели действия его предшественников. Как и Бисли, Херспринг считал Путина скорее «стабилизатором», нежели «преобразователем». Путин, полагал он, — типичный бюрократ, осторожный и предусмотрительный, исполняющий задачи медленно и поступательно, не стремящийся резко и кардинально изменить структуру и культуру армейских отношений. Это «человек, решающий проблемы», он прагматичен и гибок тогда, когда дело доходит до практических действий, способен изменить свою позицию и прислушаться к мнению других людей⁶⁵⁹. Военная реформа, план которой Путин и его команда предложили в 2003 году, несет на себе отпечаток многих черт личности ее основного автора, полагал Херспринг. Она не предполагает быстрых решительных действий, но нацелена на поступательные изменения. Это больше не «великий план», но список мер, которые помогут решить конкретные насущные проблемы российской армии⁶⁶⁰. Если эти меры будут реализованы, во что автор, правда, был не очень склонен верить, положение дел в российской армии может измениться — и измениться значительно — к лучшему. Главной же

⁶⁵⁷ S. Blank. This Time We Really Mean It: Russian Military Reform. *Russia and Eurasia Review*. Volume 2, Issue 1. January 7, 2003. <http://www.cdi.org/russia/239-9.cfm>

⁶⁵⁸ D. R. Herspring. *Putin and Military Reform*. // D.R.Herspring (Ed.). *Putin's Russia. Past Imperfect, Future Uncertain*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc.; 2 edition, 2004.

⁶⁵⁹ D. R. Herspring. *Putin and Military Reform*.... P. 185–186.

⁶⁶⁰ *Ibid.* P. 189.

заслугой Путина Херспринг считал то, что ему удалось «продать реформу», несмотря на сопротивление военных и некоторых гражданских чиновников⁶⁶¹.

Однако очень многие американские аналитики, если не большинство, критически оценивали ход и результат военной реформы. З. Бараньи, комментируя (двумя годами позднее) реформаторские планы Владимира Путина и Сергея Иванова, утверждал, солидаризируясь со «скептиками», что реформа армии не идет и не пойдет: «реформаторские предложения министерства обороны, как и предшествовавшие им, будут забыты к 2007 году, предполагаемой дате их завершения. Даже если этого не произойдет, Иванов всегда сможет сослаться на недостаточное финансирование»⁶⁶². Что же касается отдельных нововведений вроде создания экспериментальных подразделений, укомплектованных исключительно на профессиональной основе, то это, по его мнению, было не более чем уловкой военных, дававшей им основания для отказа от перехода к профессиональной армии под предлогом чрезмерных расходов⁶⁶³.

Больше того, З. Бараньи считал, что проведению реформы противился и сам Путин. Он, скорее всего, понимал, что восстановить великодержавный статус России невозможно без создания эффективной армии, однако реформа была и остается непопулярной среди военных, особенно, генеральского корпуса, а президент очень дорожил их поддержкой⁶⁶⁴. Ссылаясь на мнение российских аналитиков, Бараньи намекал на то, что вторая чеченская война, начинавшаяся при активной поддержке Путина, но вопреки желанию генералов, стала возможна как результат негласного согласия Кремля приостановить военную реформу⁶⁶⁵.

Об отсутствии эффективных действий по реформированию армии писал и такой известный аналитик, как А. Ослунд: «Военная реформа остановлена, и сотни призывников ежегодно кончают жизнь самоубийством из-за того, что их используют для рабского труда. В военных закупках и планах оснащения вооруженных сил акцент делается на приоритеты времен “холодной войны” — межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подлодки

⁶⁶¹ Ibid. PP. 199–200.

⁶⁶² Z. Baranyi. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... P. 616.

⁶⁶³ Ibid. P. 614.

⁶⁶⁴ Ibid. PP. 617, 618.

⁶⁶⁵ Ibid. P. 619.

и авианосцы, а не на новое высокоточное оружие, в котором нуждается современная армия»⁶⁶⁶.

Нет у американских экспертов единства мнений и по вопросу о перспективах реформы. Если К. Бисли и его единомышленники полагают, что при благоприятном развитии экономической ситуации в стране и сохранении политической воли, Россия сможет совершить переход к профессиональной и эффективной армии, то представители другого лагеря склонны считать, что эта цель недостижима — в первую очередь потому, что российские политики не способны на долгосрочное планирование, а российские генералы заботятся не столько о национальном, сколько о своем собственном корпоративном интересе⁶⁶⁷.

Немалые сомнения вызывают у американцев и профессиональные качества А. Сердюкова, назначенного В. Путиным в конце второго срока его президентства министром обороны РФ. Заокеанские аналитики характеризуют его не иначе как «бывший работник мебельного магазина и глава налогового ведомства с небогатым военным прошлым»⁶⁶⁸ и ставят под сомнение его способность принести пользу в деле реформирования вооруженных сил. «У него, — писал о Сердюкове популярный военный обозреватель Р. Джонсон, — нет опыта работы в военной области. Его назначение было встречено с некоторым недоверием, поскольку сегодня вооруженным силам нужен компетентный руководитель, способный реформировать и восстановить российскую армию»⁶⁶⁹.

Большое внимание американские авторы продолжали уделять в новом веке и вопросу о роли военных во внутривосточной жизни России и, в частности, их влиянии на процесс демократизации страны. Практически все заокеанские эксперты оценивают эту роль и влияние отрицательно. Генералитет и значительная часть офицерского корпуса, утверждают они, продолжают мыслить «по-советски»; видят в Западе врага и нагнетают в отношении него страх; намеренно препятствуют проведению военной реформы — особенно в тех ее аспектах, которые касаются сокращения

⁶⁶⁶ А. Ослунд. Разоблачая грандиозный миф о президенте Путине. The Moscow Times, 29 ноября 2007. использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/238087.html>

⁶⁶⁷ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... P. 626.

⁶⁶⁸ Россия чтит военную мощь. CNN, 28 февраля 2007. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/233140.html>

⁶⁶⁹ Р. Ф. Джонсон. Что это, тупик? The Weekly Standard, 05 февраля 2008. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/239390.html>

вооруженных сил и перехода к профессиональной армии. Однако если в 90-е годы аналитики, негативно оценивавшие роль армии в политическом процессе, противопоставляли взгляды президента России «консервативному» подходу генералов (этой линии некоторые из американцев придерживались и в первые несколько лет XXI столетия⁶⁷⁰), то сегодня, как уже было отмечено выше, появилась и нарастает тенденция причислять Путина к лагерю противников эффективной военной реформы⁶⁷¹.

Возможно, эта тенденция иллюстрирует окончательное разочарование западных аналитиков в реформаторских качествах российского президента, так и не реализовавшего до конца, как они считают, ни одного из пакетов инициатив, касающихся военной реформы — включая те, которые вызвали энтузиазм у ряда исследователей. Возможно, речь идет об ухудшении личного имиджа Путина, что сказывается и на представлениях американцев о любых его политических действиях.

Первый вариант представляется, впрочем, более правдоподобным, так как кривая западного имиджа российского президента пошла вниз еще за несколько лет до того, как произошло заметное ухудшение прогнозов относительно будущего российской армии. В таком случае мы можем говорить об удивительной автономии этого аспекта образа армии по отношению к имиджам президента и политического режима, которые в большинстве случаев оказывают решающее влияние на интегральный имидж России.

Некоторые высказывания американцев позволяют даже говорить, пусть и очень осторожно, о наличии обратной зависимости. Как писал Леон Арон в 2005 году, т. е. в тот период, когда экспертное сообщество начало напрямую увязывать «авторитарный откат» Путина с неудачами военной реформы, «отход постсоветской России от прошлого не будет полным без отказа от призывной системы военной службы. Именно поэтому за политической борьбой в этой сфере стоит наблюдать как за флюгером, указывающим направление страны»⁶⁷². Вместе с тем, это утверждение свидетельствует об интеграции отдельных аспектов образа ар-

⁶⁷⁰ Г. Чейзан. «Альтернативщики» переходят в наступление...; К. D. Beasley. Russian Military Reform ...; П. Лавелль. Путин перетряхивает армию. Июль, 2004 www.inosmi.ru; D. R. Herspring. Putin and Military Reform....; S. Blank. This Time We Really Mean It: Russian Military Reform. Russia and Eurasia Review. Volume 2, Issue 1. January 7, 2003. <http://www.cdi.org/russia/239-9.cfm>

⁶⁷¹ О. Мэттьюс. Нереальная угроза...; Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ...; Л. Арон. Борьба за призыв...

⁶⁷² Л. Арон. Борьба за призыв...

мии в образы, занимающие более высокие уровни в иерархии имиджей России.

В числе самых активно обсуждаемых стали в XXI веке социальные проблемы российской армии. Они интересуют американцев не только сами по себе: социальное положение военнослужащих рассматривается как один из индикаторов возможности успешного осуществления военной реформы и как один из показателей эффективности вооруженных сил. Как заметил О. Мэттьюс в одном из своих комментариев, «любая армия хороша лишь настолько, насколько хороши люди, которые в ней служат»⁶⁷³.

Можно, не боясь преувеличений, утверждать, что социальный аспект является ныне самым болезненным аспектом имиджа российской армии. Множество статей в зарубежных изданиях повествуют о горькой участи российских призывников, подвергающихся насилию и лишаемых элементарных прав с молчаливого согласия армейского начальства⁶⁷⁴. Существуют даже страницы в Интернете, рассказывающие об издевательствах над личностью, практикуемых в российской армии, а на одном из самых популярных развлекательных сайтов планеты регулярно размещаются съемки массовых избиений солдат и издевательства над ними⁶⁷⁵.

Борьба за отмену призыва начинает восприниматься многими американцами как крестовый поход российского народа⁶⁷⁶ против произвола государства: «эта конфронтация между государством, решительно настроенным сохранить призыв, и обществом, которое его боится и ненавидит, стала очередным, но не последним столкновением из-за института, насчитывающего триста лет. Потому что призыв — это один из последних пережитков бывшего всемогущего советского государства, воплощение его абсолютного гла-

⁶⁷³ О. Мэттьюс. Нерсальная угроза...

⁶⁷⁴ С. Глассер. Российским вооруженным силам угрожает кризис. Сентябрь, 2002. www.inosmi.ru; Чейзан. «Альтернативщики» переходят в наступление...; О. Мэттьюс. Нерсальная угроза. ...; Л. Арон. Борьба за призыв.. Ф. Уэйр. Россия хочет ужесточить законодательство о призыве на военную службу. Christian Science Monitor. 16 июня 2006. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/228182.html>

⁶⁷⁵ www.youtube.com (см., например: http://youtube.com/results?search_query=dcdovshina&search=)

⁶⁷⁶ Как пишет К. Бисли, согласно опросам общественного мнения, проведенным в феврале 2004 года, 77 % россиян были против того, чтобы кто-либо из их близких служил в армии. Правда, в 1998 году этот показатель был еще выше – 84 % (К. D. Beasley. Russian Military Reform ... P. 68–69). Снижение незначительно, и есть ли это тенденция – большой вопрос.

венства над обществом, над которым оно властвовало с бездумной и порой обреченной на провал жестокостью»⁶⁷⁷. Криминализация и коррупция в российской армии, обсуждение которых стало, по словам Бараньи, «общим местом»⁶⁷⁸, не может даже сравниться по популярности с темой нарушения прав человека в армии и борьбы общества с «генералами и их сторонниками»⁶⁷⁹.

По мнению американского эксперта, российский «генералитет непосредственно заинтересован в сохранении призыва» по нескольким причинам. Во-первых, нынешние генералы, продолжая мыслить «по советски», уверены, что только очень большая армия способна защитить страну, а позволить себе содержать многочисленную профессиональную армию Россия не может по причине нехватки финансовых средств. Во-вторых, генералитет и высшее офицерство получают прибыль, бесплатно используя труд призывников. И, наконец, в-третьих, призывники имеют очень мало возможностей отстаивать свои интересы, а ответственность за плохое с ними обращение практически отсутствует, в то время как контрактники в меньшей степени полагаются «на милость командиров» и готовы защищать свои права. Поэтому военные выступают за сохранение длительного срока службы по призыву, сокращение количества причин для отсрочки от службы, стараются сделать альтернативную службу как можно более тяжелой⁶⁸⁰.

Однако, осуждая российские методы комплектования вооруженных сил, некоторые американские авторы не приветствуют и вводящееся с 2008 года сокращение срока службы призывников до одного года. Так, Ф. Уэйр пишет, ссылаясь на информацию, полученную от российских экспертов, прогнозирующих рост «неразберихи в армии» в связи с сокращением срока службы по призыву, что «в России система мобилизационного людского резерва в основном разрушена. ...Новый закон, который предусматривает сокращение срока действительной военной службы к 2008 году с двух до одного года, только лишь усилит кризис с призывом, но мало что сделает для улучшения национальной обороны»⁶⁸¹.

⁶⁷⁷ Л. Арон. Борьба за призыв...

⁶⁷⁸ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... P. 611.

⁶⁷⁹ Л. Арон. Борьба за призыв...

⁶⁸⁰ Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... PP. 623–624. О том же см., например: S. Blank. This Time We Really Mean It: Russian Military Reform. *Russia and Eurasia Review*. Volume 2, Issue 1. January 7, 2003. <http://www.cdi.org/russia/239-9.cfm>

⁶⁸¹ Ф. Уэйр. Россия хочет ужесточить законодательство о призыве на военную службу.

Этот комментарий примечателен не только тем, что его автор, пусть и с подачи близких к военным российских экспертов, считает указанные меры несколько преждевременными. Он являет собой еще и живое свидетельство того, что едва ли не любые инициативы российских властей в сфере реформирования армии стали восприниматься американскими наблюдателями как заведомо провальные.

Другие аспекты социального имиджа армии — низкая зарплата военнослужащих, которая и после повышения оставляет треть российских офицеров и их семей за чертой бедности⁶⁸²; продолжающийся снижаться, несмотря на усилия Путина, социальный статус военнослужащих; большое количество молодых людей, уклоняющихся от призыва и дезертиров и т. п. — только добавляют «негатива» к имиджу вооруженных сил РФ.

Даже К. Бисли, отмечавший положительную динамику процесса трансформации армии⁶⁸³ и, в частности, повышение уровня ее культуры, выделял среди основных проблем, решить которые еще только предстоит, коррупцию, дедовщину, использование служащих по призыву в качестве бесплатной рабочей силы.

Оценивая общий характер современного американского имиджа наших вооруженных сил, приходится констатировать, что в последние годы он только ухудшался. Российскую армию пытаются представить как огромное, ужасное образование, средоточие всех болезней российского общества и государства. Похоже, за океаном уверились (и хотят убедить в этом других) в принципиальной неререформируемости российского военного комплекса и стали рассматривать любые действия властей в этом направлении не иначе, как пустые уловки и хитрости, нацеленные на кратковременное смягчение кризиса, или как предвыборные лозунги. Генеральский корпус, выглядевший в глазах американцев неприглядно и в 90-е годы, сегодня, если им верить, окончательно потерял лицо.

Что же касается сформировавшегося к 2004 году альтернативного (и периферийного) имиджа армии, основывавшегося, прежде всего, на симпатии его создателей к президенту Путину, вере в реформаторские качества последнего и надежде на предстоящие изменения, то с течением времени этот имидж, судя по всему, утратил актуальность.

⁶⁸² Z. Barany. The Politics of Russia's Elusive Defense Reform. ... P. 610–611.

⁶⁸³ K. D. Beasley. Russian Military Reform... P. 65.

Как и в 90-е годы, российские вооруженные силы не воспринимаются американцами как источник военной угрозы Америке и Западу в целом. Другое дело — поведение РФ на международной арене: сегодня, в первые годы XXI века, оно нередко трактуется заокеанскими экспертами как угроза международной безопасности. Такая, на первый взгляд, парадоксальная ситуация объясняется тем, что в мире, утратившем двухполюсную структуру, безопасность понимается весьма широко и государство, не располагающее мощными вооруженными силами, но, скажем, обладающее ядерным оружием, может рассматриваться как угроза государствам, имеющим более сильные армии.

Характерная для последних лет эмоциональность восприятия американцами российской армии делает ее имидж более целостным, но при этом придает ему и более негативную окраску: отдельные «плюсы» описываемого объекта, постигаемые рациональным путем, нивелируются «минусами», рождаемыми его аффективным восприятием. Порой, правда, кажется, что заокеанские имиджмейкеры преисполнены искреннего сочувствия к россиянам, попавшим в армию по призыву и к их родственникам, ко всем, кто близко к сердцу принимает положение дел в российских вооруженных силах. Вместе с тем подробное, с акцентированием мельчайших деталей, описание мучений призывников и издевательств «дедов», поощряемых командирами, рождает впечатление, что создатели этих имиджей смакуют описываемые ими драматические события, идеологизируют проблему и демонизируют российское военное руководство. В итоге *Россия предстает перед миром как страна, армия которой способна вызвать у свободного человека с развитым чувством собственного достоинства только одно чувство — чувство страха и отвращения...*

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализ эволюции образа современной российской армии и подходов к исследованию проблем последней в период с начала 90-х годов до начала 2008 года позволяет выявить несколько достаточно устойчивых тенденций.

Во-первых, налицо общее падение интереса к всеобъемлющему и углубленному исследованию рассматриваемого феномена. Если в 90-х годах проблемам вооруженных сил посвящалось довольно много серьезных статей и монографий, то ныне (особенно

в последние несколько лет) среди публикаций на армейскую тему преобладают небольшие по объему статьи, содержащие либо анализ отдельных аспектов функционирования армии, либо не всегда достаточно аргументированные оценки происходящего в вооруженных силах в целом.

Во-вторых, исследование проблем российской армии, как и сам образ армии, стремительно популяризируется. В 90-е годы вооруженные силы РФ интересовали в основном узкий круг специалистов — профессиональных советологов, военных, журналистов, многие из которых в течение ряда лет собственными глазами наблюдали за происходившими в России событиями. В XXI веке армия, положение в которой дает богатую пищу для целенаправленной драматизации российской действительности, становится объектом внимания множества комментаторов самого широкого профиля. Соответственно, сведения о ее жизни, о происходящих в ней событиях становятся достоянием широкой общественности, а все обсуждаемые проблемы предстают перед читателем эмоционально окрашенными, зачастую с намеренным акцентированием внимания на негативных моментах.

В-третьих, существенно изменяются — во многом под влиянием описанных выше явлений — проблемные акценты. Если раньше американских аналитиков интересовала в первую очередь структура вооруженных сил, их боеспособность и эффективность, то с течением времени в центре внимания оказывается социальная проблематика, особенно много пишут о неуставных отношениях в вооруженных силах, «борьбе общества с генералами» и т. д.

В-четвертых, наметилась тенденция к изменению места образа российской армии в структуре общего международного имиджа России. Вплоть до начала XXI века этот образ был достаточно обособленным и явно периферийным; к концу первого президентского срока Путина образ армии оказался под сильным влиянием образа президента и переместился ближе к центру структуры общего международного имиджа; а в последнее время все чаще говорят о том, что положение дел в российских вооруженных силах должно рассматриваться в качестве важного критерия успешности демократических реформ в России. Таким образом, один из центральных имиджей последней — имидж политического режима — оказывается увязанным с имиджем российской армии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сохранится ли эта увязка в дальнейшем, покажет время, но сегодня факт сопряжения — налицо. Факт, свидетельствующий

о стремлении американцев выявить в общем образе современной России новые негативные черты.

Встает естественный вопрос: объективен ли созданный американцами имидж российской армии? Очевидно, что ситуация, в которой пребывает последняя, очень непроста, и многое из того, о чем пишут заокеанские авторы, более или менее точно отражает реальное положение вещей и, кстати сказать, открыто признается российским военным и политическим руководством.

Но очевидно и то, что многие позитивные изменения, происходящие в последние годы в российских вооруженных силах, замалчиваются американцами, либо получают неадекватную трактовку. Речь идет, в частности, о сокращении за последние 15 лет численного состава армии и продолжительности службы по призыву более чем в два раза; о росте численности контрактников; о появлении множества организаций, оказывающих правовую и психологическую помощь призывникам и военнослужащим; о создании общественного совета при Министерстве обороны и т. п.

Складывается впечатление, что заокеанские аналитики оказываются заложниками уже существующего — ими самими же созданного — имиджа и с трудом способны отказаться от шаблонного восприятия новых реалий. Справедливо отмечая, что накаченная нефтедолларами экономика России в принципе могла бы позволить кардинально улучшить финансовое и социальное положение военнослужащих, сделать более значительные шаги по пути перехода к контрактному методу комплектования вооруженных сил, они плохо представляют себе те сложности, с которыми сталкивается наша страна на пути рестройки этого формировавшегося в течение многих лет и по самой своей природе консервативного и закрытого института.

Последние месяцы 2007 — начало 2008 года отмечены заметным сокращением числа американских публикаций, посвященных российской армии, — и это несмотря на начало реализации ряда инициатив, которые, казалось бы, должны были вызвать повышенное внимание со стороны американского экспертного сообщества⁶⁸⁴. Не исключено, что причина такого положения дел в чрез-

⁶⁸⁴ Например, в докладе «Альтернативные варианты будущего России к 2017 году», покрывающем широкий спектр проблем современной России, содержатся лишь беглые упоминания о состоянии российской армии. Э. Качинс предрекает кризис армии в связи с ухудшающейся демографической ситуацией (Alternative Futures for Russia to 2017. P. 11), а А. Ослунд мимоходом замечает, что военная реформа, как и реформа образования и здравоохранения, так и не была проведена (A. Åslund. The Russian Economy Facing 2017. // Alternative Futures for Russia to 2017. P. 30).

вычайной насыщенности 2008 года политическими событиями как в России, так и в США. Президентские выборы в Америке; появление в Кремле Дмитрия Медведева, будущий политический курс которого вызывает у зарубежных аналитиков много вопросов; ухудшение состояния российско-американских отношений — все это побуждает заокеанских экспертов, обращающих взор к России, концентрировать внимание на вопросах общего — прежде всего политического и экономического — характера.

Однако нельзя исключать, что в будущем американское экспертное сообщество вновь проявит интерес к российским вооруженным силам и их имидж снова займет свое, пусть и не центральное, но достаточно заметное место в структуре общего образа России. Можно также предположить, что эволюция этого имиджа пойдет по наметившейся в последние годы траектории. Он будет и дальше популяризоваться, становясь достоянием широкого круга читателей и зрителей, а описания положения дел в армии будут наполнены эмоциями, яркими и образными иллюстрациями, сенсациями, а то и душераздирающими историями. Что же касается доминирующего имиджа то он, скорее всего, будет и дальше — даже при объективном изменении ситуации к лучшему — носить в целом негативный характер, а его влияние на другие имиджи России — возрастать.

Глава 9. «ВРАГ» СДАЕТСЯ, «УГРОЗА» ОСТАЕТСЯ (Россия и международная безопасность)

Международный аспект имиджа любой страны включает в себя представление не только о ее внешнеполитическом курсе, но и том, является ли она собой опасность для других стран, для мира в целом. Иными словами, исходит ли от нее угроза, и если да, то что это за угроза, каковы ее истоки и т.п.

Угрозы бывают пассивными и активными. В первом случае они не являются результатом или проявлением намеренных, целенаправленных действий государства, но становятся следствием состояния последнего и/или проявления его специфических характеристик. Причем угроза может таиться не только в силе (скажем, наличии у страны мощной армии и современных вооружений), но и в слабости (например, неспособности властей обеспечить надежный контроль за хранением оружия массового уничтожения). Что же касается активных угроз, то они порождаются намеренной, целенаправленной внешней и военной политикой государства.

Естественно, что американский имидж постсоветской России включает в себя представления о характере и степени ее опасности для Соединенных Штатов и остального мира; о ее роли в обеспечении региональной и глобальной безопасности; о месте России в институте международной безопасности⁶⁸⁵. При этом можно смело утверждать, что по своей роли в формировании внешнеполитического курса США на российском направлении это представление является одним из центральных. Вместе с тем оно само во многом зависит от общего имиджа России и наиболее значимых его составляющих — в первую очередь, представлений о политическом и экономическом строе страны, ее внешней и военной политике, президенте. Изменения этих образов ведут к более или менее быстрым и аналогичным по своему

⁶⁸⁵ Учитывая сложный системно-сетевой характер современных отношений, складывающихся в сфере международной безопасности, мы предпочитали пользоваться не бытующим в литературе и характеризующим реалии вчерашнего дня понятием «система международной безопасности», а более широким, отражающим и существующие сетевые элементы отношений, понятием «институт международной безопасности».

характеру изменениям представлений о России как акторе, играющем определенную роль в деле обеспечения международной безопасности.

Несмотря на оптимизм, сопровождавший смену политического режима в России после распада Советского Союза, и надежду на построение новых отношений между двумя государствами, «отношений демилитаризованных и основанных на подлинном сотрудничестве»⁶⁸⁶, многие американские аналитики не только не считали, что угроза, исходящая от нашей страны, уменьшилась, но, напротив, полагали, что она возросла, изменив при этом свой характер.

Если ранее речь велась об угрозе, проистекавшей из намеренных действий советского государства на внешнеполитической арене, то теперь, с появлением ослабевшей России возникли проблемы и угрозы, порожденные неспособностью нового государства эффективно контролировать процессы, идущие на его территории. Были, впрочем, и такие американские аналитики, которые, сохраняя настороженное отношение к России, продолжали видеть угрозу для Соединенных Штатов и международной безопасности в ее внешней политике.

Как писал в начале 1990-х гг. Стивен Козн, в то время руководитель программы исследований России в Принстонском университете, «события последних лет подвели нас к роковому моменту в истории американо-российских отношений, ознаменованному великой надеждой, но в то же время рождающему многие иллюзии и таящему большую угрозу. ... Опасность таится в потенциальной коллизии, ... которая могла бы привести если и не к новой холодной войне, то к миру беспокойному... Будущее развитие России — учитывая историю страны, ее размеры, положение, экономический потенциал, вооружение и небывалую вероятность ядерных несчастий — глубоко затронет перспективы стабильности и международной безопасности в обширных регионах мира»⁶⁸⁷.

Какие же угрозы, по мнению американцев, несла постсоветская Россия, и какова, с их точки зрения, была и могла быть ее роль в обеспечении международной безопасности?

⁶⁸⁶ С. Козн. Американская политика и будущее России. Полис, № 3, 1993 г. С. 86.

⁶⁸⁷ С. Козн. Американская политика и будущее России. Полис, № 3, 1993 г. С. 86.

РОССИЯ 90-х: ИСТОЧНИК УГРОЗЫ?

Во-первых, заокеанские специалисты по вопросам безопасности ставили под серьезное сомнение способность российских федеральных властей осуществлять эффективный контроль над использованием, транспортировкой и хранением оружия массового уничтожения. Ими выделялся целый перечень факторов, совокупное влияние которых вело к ослаблению централизованного контроля.

Брюс Блэр, в то время сотрудник Брукингского института, а ныне — президент Института мировой безопасности (World Security Institute), исследователь, в течение многих лет занимавшийся проблемой контроля над ядерным комплексом⁶⁸⁸, писал, что, хотя распад Советского Союза уменьшил угрозу преднамеренного ядерного удара, риск потери контроля над ядерным оружием и вероятность несанкционированного запуска возросли⁶⁸⁹. Учитывая общую деморализацию вооруженных сил России, все более частые случаи коррупции, а также неумолимо ухудшающиеся условия хранения ядерного оружия, Блэр не исключал вероятность того, что высший и даже низший командный состав российской армии, а также чиновники, непосредственно ответственные за хранение и поддержание в готовности ядерных вооружений, могли совершить несанкционированную политическими властями ядерную атаку⁶⁹⁰.

Директор программы по исследованию внешней политики США в Университете Джона Хопкинса Майкл Мандельбаум полагал, что «российский атомно-индустриальный комплекс функционирует как квазинезависимое образование», зачастую беря на себя функции по контролю за ядерными материалами, относящиеся к юрисдикции федеральных властей, ответственных за внешнюю политику государства⁶⁹¹.

Авторитетный аналитик и непосредственный участник процесса выработки курса США в отношении России Сэм Нанн в статье

⁶⁸⁸ См., например, B. G. Blair. *The Logic of Accidental Nuclear War*. The Brookings, 1993; B. G. Blair. *Strategic Command and Control*. Brookings, 1985. B. G. Blair (co-editor). *Crisis Stability and Nuclear War*. Oxford, 1988; B. G. Blair. *Global Zero Alert for Nuclear Forces*. Brookings, 1995.

⁶⁸⁹ B. G. Blair. *Who's got the button?* The Washington Post. September 29, 1996.

⁶⁹⁰ B. G. Blair. *Who's got the button?* The Washington Post. September 29, 1996.

⁶⁹¹ M. Mandelbaum. *Westernizing Russia and China*. Foreign Affairs, May/June 1997. www.foreignaffairs.org

«Множество лиц современной России», опубликованной в начале 2000 года в соавторстве с профессором Школы международных отношений (Sam Nunn School of International Affairs) Технологического Института Джорджии, специалистом по российской ядерной политике Адамом Н. Сталбергом, писал о возможном появлении на территории России нескольких, достаточно автономных, центров контроля над ядерными материалами. По его мнению, региональные власти самовольно брали на себя все больше полномочий в сфере безопасности, становясь независимыми акторами. «Неконтролируемый (unchecked) регионализм и спонтанная приватизация российской армии ставят под угрозу контроль и другие меры безопасности, делая их заложниками узких интересов местных властей, которые ни ответственны за них, ни привержены идее их сохранения»⁶⁹².

Во-вторых, много внимания американцы уделяли проблеме возможного распространения российского ядерного оружия — потенциальной «нуклеизации» как государственных, так и негосударственных акторов международных отношений. По прогнозам группы экспертов, работавших в середине 90-х годов в Гарварде под руководством бывшего заместителя министра обороны США Эштона Картера, распад Советского Союза породил «самую крупную угрозу распространения [ядерного оружия] за весь ядерный век»⁶⁹³.

Основная причина такого положения дел, по мнению американцев, коренилась в сложившейся в России социально-политической ситуации, приведшей к моральной деградации общества, охватившей также армию и техническую интеллигенцию. Как писали в своей работе Э. Картер и экс-глава Пентагона Уильям Перри, «как бы разумно ни была организована советская система управления в области ядерного оружия, как бы безупречно она ни действовала в течение полувека холодной войны, никогда не теряя контроля ни над одной из тысяч единиц ядерного оружия, эта система зависела от людей. Предполагалось, что, как и ее американский двойник, она будет функционировать на фоне такого общественного порядка, когда большинство специалистов, связанных с хранением ядерного оружия... будет действовать предсказуемо. Эти ожидания невыполнимы в период социальной нестабильности. Несмотря на технику

⁶⁹² S. Nunn and A. N. Stulberg. The Many Faces of Modern Russia. Foreign Affairs, March/April 2000. www.foreignaffairs.org

⁶⁹³ Э. Б. Картер, У. Д. Перри. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. М., Наука, 2003 г. С. 82. (В США книга была издана в 1999 году.)

безопасности и серьезную ответственность, которую несут люди, охраняющие смертоносное оружие, угроза потери контроля над этим оружием, возникшая в 1991 году и существующая по настоящее время [в США книга Перри и Картера увидела свет в 1999 г. — К. Х.], остается угрозой категории «А»⁶⁹⁴ для США и всего мира»⁶⁹⁵.

Того же мнения придерживался М. Мандельбаум, отмечавший, что в 90-е годы присутствовала небывалая угроза попадания расщепляющихся материалов или самих бомб в руки террористов или государств — изгоев⁶⁹⁶. При этом «кража или перепродажа даже малейшей части этого смертоносного запаса [оружия находящегося на территории бывшего СССР — К. Х.] удовлетворила бы самые опасные амбиции Ирака, Ирана и Северной Кореи или любого, кто стремится им завладеть. Его было бы достаточно, чтобы, обладая такой разрушительной силой, совершить все самое ужасное, что могут сделать терроризм, радикальные политические фракции, вышедшие из подчинения военные офицеры и мессианские секты»⁶⁹⁷.

Не владея исчерпывающей информацией на этот счет, американцы, тем не менее, полагали, что нельзя полностью исключать возможности «утечки» части материалов при перевозе ядерного оружия из трех республик — Белоруссии, Украины, Казахстана — в Россию. Так, признанный специалист в области безопасности, директор Белферовского центра научных и международных проблем Гарвардского университета, ведущий советник Джона Керри по России Грэм Эллисон писал: «к большому везению международного сообщества, российским специалистам успешно удалось в целостности и сохранности вернуть все до единой из 25 тыс. боеголовок на территорию России. Что мы знаем наверняка, так это тот факт, что ни одна советская ядерная боеголовка не была обнаружена в какой-либо другой стране или на международном рынке вооружений. ... И все же, несмотря на тот факт, что у нас нет доказательств, что ни одна ядерная боеголовка из советского арсенала не попала в чужие руки, мы не можем исключить такую возможность»⁶⁹⁸.

⁶⁹⁴ Под угрозами категории «А» авторы понимают военные угрозы существованию США. (см. стр. 26 упомянутой работы).

⁶⁹⁵ Э. Б. Картер, У. Д. Перри. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. М., Наука, 2003 г. С. 81.

⁶⁹⁶ М. Mandelbaum. Westernizing Russia and China. Foreign Affairs, May/June 1997.

⁶⁹⁷ Э. Б. Картер, У. Д. Перри. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. М., Наука, 2003 г. С. 81.

⁶⁹⁸ Г. Эллисон. Ядерный терроризм: реальность угрозы для России. 2004. <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/3069.html>

Исходя из того, что «опасность появления бесконтрольного ядерного арсенала в грозящей распасться, претерпевающей революционные преобразования России была главнейшей озабоченностью США в сфере безопасности»⁶⁹⁹, Америка приложила значительные усилия, чтобы противостоять этой угрозе. Значительные средства были выделены России в рамках Программы по совместному уменьшению угрозы, более известной как программа Нанна — Лугара. Как писал традиционно весьма негативно настроенный по отношению к России эксперт Фонда Наследие Ариэль Козн, «помощь США в демонтаже ядерного арсенала бывшего Советского Союза (программа Нанна-Лугара) должна продолжаться. Американцы рассматривают снижение стратегической угрозы со стороны России как оправданные инвестиции в безопасность США»⁷⁰⁰. Искусное оказание помощи, по мнению Козна, послужит интересам США, т. к. «поможет предотвратить превращение России в наводненную преступниками «мафиакратию» (mafiascrasy), источник распространения ядерного, химического и биологического оружия»⁷⁰¹.

В-третьих, серьезную озабоченность американцев вызывало техническое состояние ядерного комплекса России. Б. Блэр писал о том, что российские военные в условиях деградации обычных вооружений все в большей степени полагаются на концепцию «запуска по предупреждению»⁷⁰², в то время как технические характеристики систем раннего предупреждения с каждым годом становятся все хуже⁷⁰³. Помимо военного ядерного комплекса, находящегося не в лучшем состоянии, Россия обладала разветвленной сетью атомных электростанций, технические характери-

⁶⁹⁹ Э.Б. Картер, У.Д. Перри. Превентивная оборона: Новая стратегия безопасности США. М., Наука, 2003 г. С. 52.

⁷⁰⁰ A. Cohen. The purposes of Russian aid: supporting democratic capitalism. Heritage Foundation. June 22, 1995. <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/BG1041.cfm>

⁷⁰¹ A. Cohen. The purposes of Russian aid: supporting democratic capitalism. Heritage Foundation. June 22, 1995. <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/BG1041.cfm>

⁷⁰² Концепция «запуска по предупреждению» появилась и утвердилась в качестве основной в СССР и США в 60-е годы как результат появления на вооружении обеих сторон межконтинентальных баллистических ракет, полет которых не может прервать сторона, осуществившая атаку, и систем раннего предупреждения. Концепция «запуска по предупреждению» стала неотъемлемой частью доктрины гарантированного взаимного ядерного уничтожения.

⁷⁰³ B. G. Blair. Who's got the button? The Washington Post. September 29, 1996.

стики которых не соответствовали нормам безопасности, а инциденты, подобные взрыву на Чернобыльской АЭС, представляли собой угрозу международной безопасности. Стивен Коэн ставил проблему технического состояния атомных станций в один ряд с проблемами нераспространения и контроля над вооружениями: «многие построенные в Советском Союзе ядерные реакторы, — писал он, — столь же опасны, как и тот, что взорвался в Чернобыле в 1986 г., и в России уже имели место террористические посягательства на них»⁷⁰⁴.

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что в течение почти целого десятилетия, последовавшего за распадом Советского Союза, американцы говорили о России в основном как о *пассивном источнике* угрозы международной безопасности. Это объясняется, прежде всего, тем, что угрозы, связанные с ядерным потенциалом РФ были значительно более существенны, чем угрозы, порождаемые слабой во всех отношениях, в том числе военном, Россией, которая не только была не способна, но и не желала противоречить Западу. Тем не менее, некоторые прогнозы относительно возможного угрожающего поведения России на внешнеполитической арене можно найти и в американских публикациях 90-х годов.

Такого рода опасения были связаны в основном с возможной политикой РФ на постсоветском пространстве. М. Мандельбаум, дав волю воображению, сравнивал российско-украинские отношения с отношениями между Китаем и Тайванем и предупреждал о возможном в будущем желании России вновь завладеть Украиной. «Тайваньский пролив и русско-украинская граница — самые опасные точки планеты, два места, где в после-холодно-военный период могут разразиться войны между великими державами и с их участием»⁷⁰⁵. Г. Киссинджер, критикуя российскую политику в ближнем зарубежье, писал: «Россия сохранила два дивизиона на территории суверенной Грузии, войска в Таджикистане, подливает масла в огонь армяно-азербайджанского конфликта масштабными поставками вооружений в Армению. Должны ли эти действия приветствоваться как практика поддержания мира и разрешения кризисов?»⁷⁰⁶.

⁷⁰⁴ С. Коэн. Американская политика и будущее России. Полис, № 3, 1993 г. С. 95.

⁷⁰⁵ М. Mandelbaum. Westernizing Russia and China. Foreign Affairs, May/June 1997.

⁷⁰⁶ Н. Kissinger. The dilution of NATO. The Washington Post. June 8, 1997.

Некоторые аналитики были недовольны и действиями России по отношению к государствам дальнего зарубежья. А. Коэн, выражая довольно широко распространенные в то время (1999 год) за океаном мнения, обвинял Россию в том, что она «помогает Китаю модернизировать его системы стратегических вооружений»; «продает баллистические ракеты и ядерные технологии Ирану»; «защищает Саддама Хусейна в Совете Безопасности ООН»; «продолжает поддерживать этническую войну в Косово... и отказывается поддержать военную акцию НАТО в Югославии»; препятствует осуществлению политики Соединенных Штатов в отношении государств-изгоев и стремится создать «стратегический треугольник» с Китаем и Ираном с тем, чтобы вместе противостоять США⁷⁰⁷.

Еще одним поводом для беспокойства американцев в 90-е годы были внутривнутриполитические процессы в РФ: в Вашингтоне опасались, как бы изменение соотношения политических сил внутри страны не привело к трансформации внешнеполитического курса России в «опасном направлении», один из вариантов которого американцы видели в стремлении России противопоставить себя Западу как страны уникальной, для которой предназначен особый путь развития. В этом случае, писали Э. Картер и У. Перри, Россия стала бы ««мальчишом-плохишом» современной Евразии, вооружающим «преступные режимы», существующие в Иране и Ираке, способствующим распространению оружия и подрывающим мирные процессы от Среднего Востока до Балкан путем поддержки экстремистских группировок»⁷⁰⁸.

В качестве другого возможного варианта рассматривался повторный поворот против Запада и возобновление «некоего подобия холодной войны». При этом авторы оговаривали тот факт, что, вероятно, «Россия не достигнет такой мощи, чтобы угрожать соседям, еще в течение десяти или более лет, но ядерный арсенал и все еще огромный потенциал обычного оружия могут угрожать соседям, а также представлять угрозу на мировой арене и для США»⁷⁰⁹.

⁷⁰⁷ Ariel Cohen. The Collapsing U.S.-Russia Partnership. April 15, 1999. <http://www.heritage.org/Press/Commentary/ed041599.cfm>

⁷⁰⁸ Э. Б. Картер, У. Д. Перри. Превентивная оборона. ... С. 61.

⁷⁰⁹ Э. Б. Картер, У. Д. Перри. Превентивная оборона. .. С. 61.

ЕСТЬ ЛИ В НАТО МЕСТО ДЛЯ РОССИИ?

Большинство американских исследователей отмечали несомненную важность России как участника института международной безопасности и даже дискутировали вопрос о необходимости включения ее в западные и глобальные организации безопасности. Те же Перри и Картер полагали, что «у России есть потенциал быть ценнейшим партнером США в области безопасности»⁷¹⁰ и обеспечить, наконец, столь долгожданное единство Евразийского континента⁷¹¹. Они считали, как и многие другие аналитики (например, С. Коэн), что изоляция России может повлечь за собой события, схожие с внутривосточными событиями Веймарской Германии, приведшими к власти Адольфа Гитлера и Второй мировой войне⁷¹².

Но решалась проблема вовлечения России в институт международной безопасности разными политологами по-разному. Одни говорили о необходимости непосредственного ее включения в западные организации, другие отдавали предпочтение сотрудничеству вне их рамок.

Основными сторонниками первого подхода стали аналитики, поддерживавшие президента Клинтона с его идеей коллективной безопасности и демократическую партию в целом. При этом мало кто из них допускал возможность немедленного включения России в западные организации, предпочитая, как правило, говорить о перспективе присоединения. Речь шла, прежде всего, об основной из ныне существующих западных организаций безопасности, вход в которую всегда был закрыт для Москвы — а именно о НАТО.

Характер возможного взаимодействия Российской Федерации с этой организацией оценивался американцами по-разному. Картер и Перри говорили о необходимости кооперации, подробно описывая, пусть и не всегда проходившее гладко, военное сотрудничество НАТО и России в Боснии и процесс подготовки основополагающего акта⁷¹³. В газетах того времени появилось множество статей, цитирующих выступления Перри, занимавшего тогда пост министра обороны США, по этому вопросу. В одной из них он, например, утверждал: «мы заинтересованы в вовлечении России

⁷¹⁰ Э. Б. Картер, У. Д. Перри . Превентивная оборона. ... С. 61.

⁷¹¹ Э. Б. Картер, У. Д. Перри . Превентивная оборона. ... С. 45.

⁷¹² Э. Б. Картер, У. Д. Перри . Превентивная оборона. ... С. 47, 59.

⁷¹³ Э. Б. Картер, У. Д. Перри . Превентивная оборона.

в структуру безопасности Европы. ... Мы хотим видеть Россию внутри, а не снаружи этого круга безопасности»⁷¹⁴. Официальная позиция НАТО также характеризовалась глубоким оптимизмом: «подписание Основопологающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Россией является историческим событием» — утверждал ежемесячный русскоязычный бюллетень «Новости НАТО»⁷¹⁵.

Чарльз Капчан называл в конце 90-х годов три причины желательности членства России в Организации Североатлантического договора. Во-первых, ее присутствие «внутри», а не «снаружи» организации стало бы, по его мнению, залогом длительного мира и стабильности на евразийском континенте и облегчило бы процесс усвоения Россией демократических ценностей. Во-вторых, вступление в НАТО государств Восточной Европы и Прибалтики при отсутствии возможности членства в ней самой РФ не могло бы оставить ее равнодушной, подтолкнув на ответные и потенциально враждебные действия, чего западному сообществу лучше было бы избежать. В-третьих, членство России в этой организации позволило бы Западу решить важные стратегические задачи: оказывать влияние на российско-китайские отношения, политику РФ в отношении Украины и других соседних государств, получить доступ к «каспийской нефти», препятствовать возрождению имперских настроений в России и улучшить сохранность российского ядерного комплекса⁷¹⁶.

За вступление России в НАТО высказывались и некоторые крупные политики-республиканцы, хотя большинство их однопартийцев не поддерживали эту идею. В частности, Джеймс Бейкер, занимавший разные государственные посты в период президентства Рейгана и Буша-старшего, рассматривал членство в НАТО как стимул к демократизации России и проведению политики, соответствующей западным стандартам — с одной стороны, и как способ предотвращения потери альянсом смысла своего существования в связи с исчезновением угрозы, ради противодействия которой он создавался, — с другой⁷¹⁷.

⁷¹⁴ H. Carnegie. Perry bid to allay fears over NATO. Financial Times. September, 24, 1996.

⁷¹⁵ Новости НАТО. Май-июнь 1997 г.

⁷¹⁶ Ch. A. Kupchan. Rethinking Europe. The National Interest. Summer 1999. http://findarticles.com/p/articles/mi_m2751/is_1999_Fall/ai_56750602

⁷¹⁷ J. A. Baker III. Expanding to the East: a New NATO Alliance. Los Angeles Times. December, 5, 1993.

Но были, как уже говорилось, и позиции иного рода. Г. Киссинджер, критикуя политику администрации Клинтона, утверждал, что Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора «ослабляет НАТО». Во-первых, он предполагает, что «стране, располагающей 20 тысячами единиц ядерного оружия [России — К. Х.], угрожает прибавление [к НАТО — К. Х.] нескольких легко уязвимых и слабых членов». Во-вторых, связывает НАТО необходимостью консультироваться с Россией на всех уровнях и практически по всем вопросам. В-третьих, размывает границы между государствами-членами организации и внешними по отношению к ней странами, трансформируя язык НАТО из риторики альянса в риторику коллективной безопасности и лишает, таким образом, потенциальных членов организации желания вступить в альянс. И наконец, связывает НАТО ненужными обязательствами по отношению к России⁷¹⁸.

Интересна позиция Збигнева Бжезинского по вопросу привлечения России к обеспечению глобальной безопасности. «Постепенное включение России в расширяющееся трансатлантическое сообщество — необходимая составная часть любой долгосрочной стратегии Соединенных Штатов, нацеленной на укрепление стабильности на гигантском евразийском континенте»⁷¹⁹, — утверждал он. Нужно «ориентироваться на создание и развитие в Евразии двух все более тесно связанных друг с другом геостратегических треугольников: первый из них включает США, ЕС и Россию, а второй — США, Японию и Китай. Чтобы связь между ними была прочной и действенной, необходимо конструктивное взаимодействие с Россией. ... Америка и Европа могут создать для России такие внешние условия, которые были бы благоприятны для желаемых перемен и даже существенно стимулировали бы их. И это значит, что, несмотря на оправданный в настоящий момент пессимизм по отношению к мировоззрению нынешнего политического руководства Рос-

⁷¹⁸ H. Kissinger. The dilution of NATO. The Washington Post. June 8, 1997.

⁷¹⁹ З.Бжезинский. Как строить отношения с Россией. Pro et Contra, Том 6, 2001 год, №1-2, Зима-весна. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/56768.htm> Впервые статья появилась в осеннем номере журнала The National Interest за 2000 год. Дата публикации относится к периоду раннего президентства В. Путина, однако, учитывая время, необходимос для написания статьи, подготовки ее к изданию и т. д., можно предположить, что основная концепция была сформулирована автором на основе опыта российско-американских отношений в 1990-е годы.

сии, есть достаточно оснований для оптимизма в долгосрочной перспективе»⁷²⁰.

Полагая, что присоединение России к НАТО в ближайшей перспективе совершенно невозможно, Бжезинский вместе с тем предлагал использовать членство в этой организации в качестве стратегического «пряника» для России. Уже сейчас нужно, считал он, «принять меры, чтобы постепенно поднять значимость Совета евроатлантического партнерства, который поддерживает совместные программы в области безопасности с участием стран-членов НАТО и государств-участников программы «Партнерство во имя мира»»⁷²¹, и «укрепить ОБСЕ с переходом этой организации от «европейского» охвата к «евразийскому», тогда как НАТО со временем стала бы ключевым элементом трансконтинентальной системы безопасности. Если Россия проявит положительное отношение к этой идее, то, может быть, уже сейчас следовало бы приступить к неформальному предварительному обсуждению долгосрочных перспектив в рамках Совместного постоянного совета Россия — НАТО. Такой шаг повысил бы его значимость и удовлетворил бы Москву»⁷²².

Как следует из приведенных высказываний (число которых можно было бы умножить), в начале 90-х годов у американцев не было единого мнения по вопросу о том, как строить отношения НАТО с Россией. Тем не менее, многие заокеанские аналитики воспринимали ее в то время как страну, которая в принципе могла бы — пусть при соблюдении определенных условий, пусть в перспективе — стать членом западной организации, провозгласившей своей целью обеспечение международной безопасности.

Как показал последующий ход событий, позиция противников вступления России в НАТО возобладала, и это оказало заметное влияние на дальнейшее развитие отношений между США и РФ. Но тогда, в 90-х годах, картина была иной. Внешнеполитический курс, проводившийся Россией — слабой страной, которая встала на путь демократических реформ в соответствии с рекомендациями западных экспертов, согласилась на расширение НАТО и ограниченное участие американцев в процессе контроля над состоянием своих вооружений, вполне устраивал американцев, ибо практически никто из них не рассматривал в то время нашу страну

⁷²⁰ З. Бжезинский. Как строить отношения с Россией. ...

⁷²¹ З. Бжезинский. Как строить отношения с Россией. ...

⁷²² З. Бжезинский. Как строить отношения с Россией. ...

как источник активной угрозы. Даже те немногие аналитики, которые осуждали действия России в СНГ, не видели в них угрозу глобальной безопасности.

Оценивая в целом представления американцев о роли России в обеспечении международной безопасности, складывавшиеся в годы президентства Бориса Ельцина, мы видим, что они формировались под воздействием нескольких факторов. Первый и главный из них — *страх перед Россией*. Он отличался от страха перед Советским Союзом: то был *страх перед силой*. Теперь он *сменился страхом перед слабостью*. Хотя, как уже отмечалось, американцы не располагали достоверными фактами, свидетельствующими об утечках ядерных технологий с территории бывшего Советского Союза, у многих из них сложилось устойчивое мнение, что от слабой России исходит угроза, порожденная ее неспособностью контролировать должным образом свой ядерный арсенал. Больше того, что «если представить ее [угрозу — К. Х.] во всей полноте, [она] значительно выше, чем... была при советском режиме»⁷²³. Отсюда и стремление США каким-то образом нейтрализовать эту «угрозу»: вовлечь Россию в международные организации по обеспечению безопасности, включая НАТО; предоставить ей техническую и финансовую помощь (программа Нанна-Лугара) и т. п.

Второй по значимости фактор — внешнеполитический курс Российской Федерации. Хотя американцы порой демонстрировали недовольство ее политикой в отношении стран СНГ, Китая, Ирана, оно было умеренным, и в целом политика, проводимая (нередко — под диктовку США) новой Россией на международной арене, устраивала Америку и не рассматривалась как угрожающая интересам Запада.

Что касается складывавшегося в России политико-экономического строя и президента страны, то в 90-е годы они тоже не вызывали большого беспокойства американцев и потому не рассматривались ими как факторы, способствующие превращению России в источник угрозы для Запада.

Однако дальнейшее развитие событий в стране, ее новый внешнеполитический курс, равно как и смена власти в Кремле, существенно повлияли на приоритет факторов, формирующих представление о России как источнике угрозы Западу и ее роли в обеспечении международной безопасности.

⁷²³ С. Коэн. Американская политика и будущее России. ... С. 87.

СТАРЫЕ УГРОЗЫ, НОВЫЕ УГРОЗЫ

Зародившееся в 90-е годы представление о том, что Россия не может сравниться с СССР по своей способности угрожать международной безопасности, сохраняется и в новом веке: Россия — «бледная тень бывшего Советского Союза»⁷²⁴, — утверждает гарвардский профессор Стивен Уолт, «ликвидация советской угрозы стала свершившимся фактом»⁷²⁵, — считает Бжезинский.

Однако изменение ситуации внутри России, смена ее внешнеполитического курса, отчетливо обозначившиеся к 2004 году, а также устоявшееся среди большинства американских политологов представление о главенствующей роли США в мире XXI века и традиция рассматривать попытки других государств изменить сложившееся соотношение сил и проводить неподконтрольную США внешнюю политику как угрозу международной безопасности, привели к изменению представлений американцев о мере и характере угроз, исходящих из России. Если в 1990-е годы наша страна в основном рассматривалась как источник пассивной угрозы, в XXI веке и особенно в конце его первого десятилетия, в работах американских экспертов Россия зачастую предстает государством, намеренно и целенаправленно угрожающим безопасности США. Однако не будем забегать вперед и проследим сначала трансформацию в новом веке представлений о пассивной угрозе, исходящей от РФ.

Несмотря на все усилия международного сообщества и российских властей, направленные на восстановление жесткого контроля за ядерными и другими опасными материалами, возможность неконтролируемого распространения ОМУ сохраняется, по мнению американских экспертов, и по сей день. После событий 11 сентября, американцев особенно беспокоит потенциальная «нуклеизация» террористических организаций. Как пишут члены авторитетного Совета по внешней политике Чарльз Фергюсон и Вильям Поттер, авторы книги «Четыре лица ядерного терроризма», увидевшей свет в 2005 году, медленный прогресс в деле обеспечения безопасности хранения и транспортировки ядерного оружия и материалов, а также отсутствие полной уверенности в лояльности персонала, действующего в этой сфере, создают ощу-

⁷²⁴ S. Walt. Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. NY, London, 2005. P. 15.

⁷²⁵ З.Бжезинский. Выбор: глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2006. С. 23.

тимую угрозу краж, несмотря на заверения в обратном сотрудников министерства обороны РФ. Хотя ситуация и улучшилась по сравнению с 90-ми годами XX века, отмечают авторы, российские меры безопасности не удовлетворяют требованиям времени и не отвечают не только западным, но даже российским стандартам. Лучшим свидетельством этому может служить готовность и желание российских военных принять помощь в решении этой проблемы из-за рубежа⁷²⁶.

Еще категоричнее Г. Эллисон: «В случае совершения теракта с применением ядерного оружия наиболее вероятным источником ядерного заряда или материала будет Россия — и не потому, что правительство России намеренно продаст его кому-либо или не уследит за ним, а просто потому, что на территории России, охватывающей 12 часовых поясов, находится больше ядерных зарядов и материалов, чем в какой-либо другой стране, и большая их часть не охраняется должным образом. Так что сегодня с тревожной быстротой растет количество сообщений о незащищенности ядерных объектов в России — от обыкновенного воровства ядерного оружия и его контрабанды до проблем более общего характера — недостаток финансирования системы безопасности ядерных объектов и низкое жалование и моральное состояние сотрудников ядерных объектов и военнослужащих. Если мы знаем об этих упущениях, о них наверняка знают и террористы, включая чеченских боевиков»⁷²⁷.

Беспокойство вплоть до сегодняшнего дня разделяет и Сэм Нанн — один из инициаторов программы Нанна-Лугара. Как писал в середине 2007 года Д. Хоффман, «Нанн обеспокоен тем, что эти боеприпасы [снаряды и части ракет, начиненные отравляющими веществами, хранящиеся на заводе по ликвидации химического оружия, — К. Х.] могут привлечь к себе внимание террористов. Хотя периметр базы укреплен, многие снаряды не учтены, и пару боеприпасов вполне можно вынести с территории в портфеле. “Я думаю, что будет крайне трудно выяснить факт кражи”, — говорит он»⁷²⁸.

⁷²⁶ Ch. D. Ferguson, W. C. Potter, with A. Sands, L. S. Spector, and F. L. Wehling. *The Four Faces of Nuclear Terrorism*. Routledge, 2005. http://www.nti.org/c_press/analysis_4faces.pdf

⁷²⁷ Г. Эллисон. Ядерный терроризм: реальность угрозы для России. ...

⁷²⁸ Д. Хоффман. Советские арсеналы химического оружия на шаг ближе к уничтожению. *The Washington Post*, 31 августа 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/print/236351.html>

Насколько близки эти оценки к истине — вопрос открытый. Согласно данным на апрель 2006 года, американцам достоверно известно о двух случаях краж ядерных материалов в России: в 1992 году кража полутора килограммов обогащенного оружейного урана была осуществлена одним из сотрудников НПО «Луч», в 1994 году три килограмма того же материала было украдено в Москве. Кроме того, в 1999 году в Болгарии и в 2003 году в Грузии были задержаны соответственно четыре грамма и сто шестьдесят граммов высокообогащенного урана, происхождение которых остается невыясненным⁷²⁹. Разумеется, разнообразные спекуляции на сей счет достаточно часто встречаются в американской прессе.

Кроме того, сегодня некоторые заокеанские аналитики довольно прозрачно намекают на связь отравления А. Литвиненко полонием — 210 с контрабандой подобных материалов из России⁷³⁰. То есть ее пытаются представить как государство, которое не только не в состоянии в полной мере обеспечить сохранность опасных материалов, но и — что в политическом отношении еще серьезнее — способно использовать, имеющиеся в его распоряжении, радиоактивные вещества для устранения «нежелательных» лиц на территориях иностранных государств. Пока неясно, к чему приведет формирование этого нового аспекта имиджа нашей страны. И хотя сегодня — возможно, в силу чрезвычайной событийной насыщенности 2008 года — «дело Литвиненко» исчезло с первых полос зарубежных газет, не исключено, что со временем этот сюжет может всплыть снова (например, в контексте популярных ныне дискуссий об ответственности ядерных государств перед их неядерными контрагентами) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

⁷²⁹ Annual Report to Congress on the Safety and Security of Russian Nuclear Facilities and Military Forces. April, 2006. www.fas.org

⁷³⁰ Д. Хоффман. В избавлении советского блока от ядерных материалов успехи даются нелегко. The Washington Post, 30 августа 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/print/236330.html>; М. Вайс. Прохладный мир? The Weekly Standard, 07 ноября 2007. Использован перевод Иносми <http://inosmi.ru/stories/07/05/15/3512/237691.html>. Кроме того, в начале 2008 года комитет по иностранным делам палаты представителей Конгресса США единогласно утвердил резолюцию, в которой выразил обеспокоенность возможной причастностью представителей властей России к данному инциденту, а также потребовал от президента и госсекретаря США призвать российское руководство полностью сотрудничать с правительством Великобритании в расследовании причин смерти Литвиненко, а также в обеспечении безопасного хранения радиоактивного полония-210. (Источник: www.gzt.ru Американский конгресс принял резолюцию, посвященную смерти Литвиненко. 27.02.2008.)

В один ряд с рассмотренными выше угрозами американцы ставили и войну в Чечне. «Вопреки общепринятому мнению, — писал в 2006 г. С. Коэн, — самая серьезная угроза национальной безопасности США по-прежнему исходит из России. ... Даже сегодня нельзя с уверенностью сказать, чем обернется пережитый Россией коллапс для остального мира. ... Эксперты расходятся во мнениях, что именно представляет наибольшую опасность — вероятность того, что часть гигантских запасов ядерных, химических и биологических материалов, имеющих у России, попадет не в те руки; авария, вызванная плохим уходом за ядерными реакторами на суше и списанных субмаринах; сбой в системе раннего предупреждения, управляющей ракетами, находящимися на боевом дежурстве или первая в истории гражданская война на территории разрушенной сверхдержавы — чеченский конфликт, сопровождающийся терактами»⁷³¹.

Ситуацию в Чечне американцы рассматривали до недавнего времени как проблему, которая может трансформироваться из российской в общемировую. Как утверждала в 2004 г. Сара Мендельсон — старший научный сотрудник Программы по России и Евразии Центра стратегических и международных исследований, «если продолжать игнорировать чеченскую проблему, то она, в конце концов, ляжет на плечи евро-атлантического сообщества. Эта война представляет угрозу и для соседей России, и ей необходимо уделить первостепенное внимание в политической повестке дня. Не стоит ждать, — настаивала Мендельсон, — пока эта война выйдет за границы региона, или пока террористы переместятся из Москвы в Париж или Лондон»⁷³². В том же духе в 2004 г. высказывался и Г. Эллисон: «Если для чеченцев в случае приобретения ими ядерной бомбы целью номер один без сомнений будет Москва, то при наличии в их руках нескольких ядерных бомб потенциальными покупателями будут их братья из Аль-Каиды»⁷³³. И по сей день в докладах ряда организаций, как, например, Rand Corporation, в списке «неконтролируемых [государством — К. Х.] территорий» — мест базирования террористических и преступных группировок — можно

⁷³¹ С. Коэн. Америка развязывает новую «холодную войну». <http://www.inosmi.ru/print/228558.html> Статья была опубликована в журнале The Nation 4 июля 2006 г.

⁷³² С. Мендельсон. Требуется: новая политика США в отношении России. 3 февраля 2004 г. <http://www.inosmi.ru/print/206344.html>

⁷³³ Г. Эллисон. Ядерный терроризм: реальность угрозы для России. ...

обнаружить Северокавказский регион, включая, не в последнюю очередь, Чеченскую республику. Больше того, авторы упомянутого доклада, рассуждая о возможном российско-американском сотрудничестве по предотвращению террористической угрозы в регионе, полагают, что единство мнений может быть достигнуто в случае, если атаке со стороны «чеченских радикалов» подвергнется «американская цель» в Европе или Евразии; или если теракт с использованием ОМУ против США или «их интересов» или попытка такого (теракта) будет иметь «чеченский след»⁷³⁴.

Надо, впрочем, отметить, что с развитием мирного процесса в Чечне, количество комментариев, содержащих в себе опасения по поводу выхода конфликта за пределы российских границ и возможных случаев ядерного терроризма со стороны чеченских боевиков, сократилось, хотя недовольство ситуацией в целом сохраняется. Но теперь большинство американских авторов рассматривают положение дел в Чечне, в первую очередь, с точки зрения проблемы соблюдения прав человека (которая и прежде ставилась очень остро), а не с точки зрения влияния событий в республике на международную безопасность.

Еще один момент, все больше беспокоящий Вашингтон, — возврат России к авторитарному прошлому и к конфронтации с Западом. Американцы продолжают рассматривать демократизацию нашей страны как один из своих национальных интересов и факторов собственной безопасности. Причем, если в 90-е годы их опасения носили скорее гипотетический характер, то, начиная с 2000 года, увязка российского политического строя и его устойчивости с национальной безопасностью США встречается все чаще и звучит все настойчивее. **«Необходимо вспомнить то, о чем мы забыли: внутренняя политика России является делом нашей национальной безопасности** [выделено в тексте источника — К. Х.], — настаивала С. Мендельсон. — Российская внутренняя политика и национальная безопасность США связаны между собой. ... А между тем политический процесс в России пошел вспять. Дело перехода страны к демократии еще не завершено, и оно продолжает оставаться вопросом национальной безопасности США»⁷³⁵. Ей вторит традиционно антироссийски настроенный сенатор и кан-

⁷³⁴ Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. RAND Corporation. 2007. http://rand.org/pubs/monographs/2007/RAND_MG561.pdf

⁷³⁵ С. Мендельсон. Требуется: новая политика США в отношении России. 3 февраля 2004 г. <http://www.inosmi.ru/print/206344.html>

дидат в президенты США от республиканской партии на выборах 2008 года Дж. Маккейн: «Авторитарный стиль российского правительства представляет собой вызов для ценностей и безопасности западного сообщества государств»⁷³⁶.

В XXI веке в образе России, формируемом американскими специалистами в области безопасности, появляется дополнительный штрих: *наша страна снова начинает рассматриваться как источник активной угрозы безопасности Запада*. Правда, в самые первые годы нового столетия большинство действий России на внешнеполитической арене не воспринимались как угрожающие США и Европе. А поддержка Россией антитеррористической кампании Соединенных Штатов и особенно непротивление проникновению американских военных в Среднюю Азию привела многих заокеанских аналитиков к выводу о положительной роли нашей страны в обеспечении международной безопасности.

Так, Чарльз Капчан, вдохновленный недолгим периодом сотрудничества России и США в Средней Азии и на Кавказе в рамках глобальной борьбы с терроризмом, писал в 2002 году: «Россия веками доминировала в Средней Азии и на Кавказе и предупреждала западные державы, чтобы они держались подальше от этого региона. Но Москва отступает. ... Тот факт, что Путин приветствовал появление американских военных сил на российском заднем дворе — часть значительного сдвига в политике его страны в отношении ее соседей. До Путина Москва старалась ограничить западное влияние в бывших советских республиках, рассматривая Россию как единственного арбитра региональных споров и вызывала заинтересованность в реконструкции имперской зоны. Политика Путина, напротив, основана на экономическом прагматизме и признании того факта, что России пришлось бы слишком дорого заплатить за попытки вновь установить жесткий контроль над своей периферией»⁷³⁷.

Ариэль Коэн, обычно критикующий российскую политику, примерно в то же время перечислял, причем не без преувеличений, дружественные по отношению к США действия России. По его мнению, со времени событий 11 сентября 2001 года Россия доказала, что является действительным партнером США: она раз-

⁷³⁶ Дж. Маккейн. Провокационная игра России — угроза для Западной Европы. Статья опубликована в «Sueddeutsche Zeitung» 8 февраля 2007. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232740.html>

⁷³⁷ Ch. A. Kupchan. A Budding Partnership. Los Angeles Times. May 19, 2002.

решила военные полеты самолетов Североатлантического блока в Среднюю Азию, делилась разведанными и предоставляла оружие силам, борющимся с Талибаном, признала необходимость прекращения действия договора по ПРО. Президент Путин, делал вывод Козн, отчетливо продемонстрировал свое желание участвовать на стороне Запада в борьбе с терроризмом⁷³⁸.

Однако, уже год спустя — в 2003 году — ситуация изменилась. Внешнеполитическая линия России больше не соответствовала ожиданиям американцев, и они объявили «медовый месяц в российско-американских отношениях, начавшийся после 11 сентября 2001 года», закончившимся⁷³⁹. В течение последующих лет вплоть до сегодняшнего дня оценки влияния России на состояние безопасности в мире неизменно сохраняли негативный характер и кривая ее имиджа неуклонно шла вниз. Что же раздражает американцев и вызывает критику с их стороны?

Во-первых, политика России в странах ближнего зарубежья, которая часто рассматривается как «имперская». Многие американские наблюдатели с пристальным вниманием следят за «происками России»⁷⁴⁰ в СНГ, обвиняя ее в том, что она препятствует распространению демократии и волеизъявлению суверенных народов и даже провоцирует и поддерживает конфликты на постсоветском пространстве. «Являясь членом Большой Восьмерки, Россия могла бы предпринять новые инициативы, чтобы разрешить четыре замороженных конфликта, существующих в настоящее время внутри бывшей советской империи — в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе и освободить эти территории от торговли оружием и другой контрабандой. К сожалению, Путин, кажется, думает иначе. Некоторым даже приходит в голову мысль: уж не пытается ли в настоящее время Россия создать авторитарный интернационал», — писал в 2005 году эксперт Фонда Карнеги Андерс Ослунд⁷⁴¹. Двумя годами позднее и в еще более резкой форме о том же говорил Дж. Маккейн: «Своими провокационными и циничными действиями Россия не давала затухать этим конфликтам [назван-

⁷³⁸ А. Cohen. Europe-Russia-America: Determining Factors of Cooperation in the 21st Century. September 10, 2002. <http://www.heritage.org/Research/Europe/WM151.cfm>

⁷³⁹ Э. Качинс. Кампанейщина или новая имперская стратегия? 5 декабря, 2003. <http://www.carnegie.ru>

⁷⁴⁰ Дж. Маккейн. Провокационная игра России. ...

⁷⁴¹ А. Ослунд. Соблазн неоимпериализма для России. 14 октября, 2005. <http://www.carnegie.ru>

ным выше — К. Х.]. Это проявляется также в том, что Москва чинит препятствия в работе по урегулированию таким организациям, как ОБСЕ и ООН»⁷⁴².

Во-вторых, «энергетические скандалы» с участием России, в абсолютном большинстве случаев были истолкованы как попытка вернуть утраченное господство на постсоветском пространстве и, в некоторых случаях, — поставить европейских потребителей российской энергии в положение зависимых от решений России государств. Если в 90-е годы американцы боялись непосредственного физического (и даже военного) вмешательства РФ в дела бывших республик СССР, то в XXI веке они говорят об экономическом и/или энергетическом шантаже, преследующем, хотя и принципиально отличные от прямого территориального поглощения, но не менее опасные по своему характеру цели.

В начале января 2006 года, сразу после завершения «газового кризиса» в российско-украинских отношениях, автор редакционного комментария в *The Wall Street Journal*, писал: «Никогда, даже в самые черные дни холодной войны, Советский Союз не прибегал к энергетическому шантажу. Господин Путин вновь разжег пожар, в одностороннем порядке аннулировав контракт, заключенный с Украиной. Если такое могло произойти с Украиной, то кто может гарантировать, что в один прекрасный день подобным образом не обойдутся с Германией или Францией?»⁷⁴³. В те же дни аналогичные комментарии можно было встретить на страницах *The Washington Post*: «Прекратив поставки газа на Украину 1 января, г-н Путин надеялся подорвать позиции демократического и прозападного правительства этой страны. Однако его шаг стал весьма своевременным “сигналом тревоги” для западноевропейских государств, зависящих от поставок российских энергоносителей. Теперь они убедились в том, как именно г-н Путин понимает проблему “энергетической безопасности”»⁷⁴⁴. Годом позднее с подобного рода комментариями выступил Дж. Маккейн: «Россия превращает свои сырьевые ресурсы в инструмент для достижения политических целей и дестабилизирует соседние страны. ... США в значительной степени заинтересованы в процветающей и живу-

⁷⁴² Дж. Маккейн. Провокационная игра России ...

⁷⁴³ Потемкинский компромисс. *The Wall Street Journal*, 5 января 2006. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/stories/06/01/05/3473/224680.html>

⁷⁴⁴ Энергетическая политика России. *The Washington Post*, 4 января 2006. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/stories/06/01/05/3473/224661.html>

щей в безопасности Европе, которая может решительно выступить, если Россия захочет оказать давление с помощью энергетических поставок»⁷⁴⁵.

В-третьих, на протяжении всего периода президентства Путина открытыми остаются вопросы о продаже ядерных технологий Ирану, поставках оружия Ливии и другим «неблагонадежным странам». Правда, в связи с появлением новых фактов, касающихся этих вопросов, некоторые эксперты порой корректировали свои оценки. Так, например, согласие поддержать очередную резолюцию СБ ООН о введении санкций в отношении Ирана, отказ продавать Сирии зенитно-ракетные комплексы С-300, эффективное участие в шестистороннем диалоге по северокорейской ядерной программе вызвали «похвалу» американцев. Однако общая тональность откликов заокеанских комментаторов оставалась неизменной: все они пришли примерно к одному и тому же выводу: Россия ставит собственные экономические выгоды выше интересов международной безопасности, стремится создать противoves США, ее действия заслуживают осуждения⁷⁴⁶.

В-четвертых, американцев настораживает и воспринимается ими как угроза российское стремление сотрудничать со среднеазиатскими государствами, Китаем и Ираном в рамках ШОС. Ариэль Коэн пишет о том, что последняя может рассматриваться не только как угроза интересам США на Евразийском континенте, но и как

⁷⁴⁵ Дж. Маккейн. Провокационная игра России ...

⁷⁴⁶ См., например: Р. Ратнесар. Россия, к огорчению Запада, возобновляет продажу оружия Ирану. Статья первоначально была опубликована в Time, 4 декабря 2000 года ее перевод был размещен на сайте Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/144022.html>; Дж. Меллоун. Хитроумные ходы Путина все менее заняты. Статья была опубликована в The Wall Street Journal 4 апреля 2006 г. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/226579.html>; Россия и Китай. . . Можно ли им верить? Статья была опубликована в The Wall Street Journal 21 февраля 2006 г. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/225698.html>; M.N. Katz. Losing balance: Russian Foreign Policy toward Iraq and Iran. Current History. October 2003; Курс Москвы вызывает тревогу и может ввести в заблуждение. The Washington Times, 26 марта 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/233613.html>. Как ни странно, американцы, за редким исключением (см., например: Наша ставка – на Россию. Р. Готтемюллер. The New York Times, 3 мая 2006. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/print/227193.html>), мало внимания уделяют российским инициативам в сфере ядерной энергетики, направленным на укрепление и развитие режима нераспространения. Видимо, будучи традиционно ориентированными на самостоятельные (и нередко односторонние) действия, большинство американских экспертов не склонны рассматривать другие государства как потенциальный источник действительно эффективных предложений в сфере безопасности.

угроза безопасности всего мира⁷⁴⁷. С ним соглашаются, хотя и в более умеренной манере, Эндрю Качинс («для американского скептицизма в отношении ШОС есть основания»⁷⁴⁸) и Чальз Капчан, характеризующий организацию как «зарождающийся противовес США и НАТО», образование способное, в случае присоединения Ирана, превратиться в «нечто уродливое»⁷⁴⁹.

Отдельного внимания заслуживает богатый событиями, непосредственно относящимися к военной безопасности, 2007 год — последний год президентства Путина в России и Буша — в США, время решения самых острых вопросов и закладки потенциальных основ будущих внешнеполитических курсов обоих государств.

Реакция американского экспертного сообщества на выступление В. В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года, казалось бы, должна была быть достаточно резкой и в целом отрицательной. Однако ситуация сложилась иначе. Помимо негативных отзывов, авторы которых характеризовали выступление Путина как «агрессивное»⁷⁵⁰, называли его «бравадой»⁷⁵¹, «демаршем»⁷⁵² и «разносом»⁷⁵³, обвиняли Москву в желании встать «во главе антиамериканского лагеря в Европе и на Ближнем Востоке, а также от Каракаса до Пекина»,⁷⁵⁴ «расколоть

⁷⁴⁷ A. Cohen. The U.S. Challenge at the Shanghai Summit. June 13, 2006. <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/wm1124.cfm>

⁷⁴⁸ Э. Качинс. ШОС может стать конкурентом НАТО. Интервью Независимой газете от 20 июня 2006 года.

⁷⁴⁹ Цитируется по М. Томпсон. Почему Россия разминает свои мускулы. Time, 24 августа 2007. Использован перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/236229.html>

⁷⁵⁰ М. Уокер. Цена выступления Путина. Статья была опубликована в United Press International, цитируется по переводу Иносми. 15 февраля 2007. <http://inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/232885.html>

⁷⁵¹ Мировоззренческая концепция господина Путина. The Washington Post. Редакционный комментарий, 13 февраля 2007. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232814.html>

⁷⁵² Путин стремится к восстановлению влияния России. The Washington Times, 14 февраля 2007. Перевод Иносми.

⁷⁵³ Т. Фридман. Путин наносит ответный удар. The New York Times, 15 февраля 2007. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/232871.html>

⁷⁵⁴ А. Коэн. Антиамериканская кампания Путина. The Heritage Foundation. 13 февраля 2007. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232837.html>

евроатлантическое партнерство»⁷⁵⁵ и объявляли «посткоммунистический медовый месяц» закончившимся и похороненным⁷⁵⁶, в американской прессе появилось множество откликов, в которых эксперты не только не говорили об увеличении угрозы со стороны России, но и вовсе не уделяли внимания этому вопросу, предпочитая рассуждать о причинах и целях речи российского президента. Абсолютное большинство аналитиков увидело в ней, говоря словами Дэвида Игнатиуса, «не враждебность, а обиду и негодование»⁷⁵⁷; попытку компенсировать унижение, которое России приходилось терпеть в течение полутора десятков лет; демонстрацию вновь обретенной силы и влияния; стремление укрепить имидж государства в мире и национальную гордость — внутри России⁷⁵⁸.

Проблемы безопасности в этом контексте затрагиваются американскими аналитиками только косвенно: либо в качестве примеров унижения России (расширение НАТО, выход США из договора по ПРО и т.д.), либо в качестве поводов для ответных укоров, как правило, вялых, в адрес РФ (ее политика в СНГ; поставки вооружений и военных технологий неблагонадежным, с точки зрения Запада, государствам; стремление к созданию антиамериканского блока и т.д.). В целом, в большинстве откликов читалось не столько негодование и удивление, сколько понимание и сочувствие России. Позднее, в свете новых инициатив России в сфере безопасности, мнение большинства экспертов изменилось, вернулся привычный резкий тон, сопровождающийся рассуждениями о том, насколько сильное влияние Россия способна оказать на международную безопасность.

Список событий 2007 года, вызвавших негативную реакцию американского экспертного сообщества, весьма обширен: это и

⁷⁵⁵ Н. Гвоздев. Мюнхен: предупредительный выстрел. The National Interest, февраль 2007. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/233027.html>; Дж. Демпси. Резкая речь Путина не произвела ожидаемого впечатления. The International Herald Tribune, 15 февраля 2007. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232878.html>

⁷⁵⁶ А. Коэн. Антиамериканская кампания Путина. ...

⁷⁵⁷ Игнатиус также пишет: «Как бы ни было противно американцам слушать то, что говорит Путин, он говорит от лица множества людей в России, которым тоже есть от чего гневаться». (Д. Игнатиус. Момент силы Путина. The Washington Post, 14 февраля 2007. цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232839.html>)

⁷⁵⁸ См. Т. Фридман. Путин наносит ответный удар...; Д. Игнатиус. Момент силы Путина...; Мировоззренческая концепция господина Путина...; Я. Бреммер. Восход новой «холодной войны». Newsweek, 19 февраля 2007. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/232945.html>

разногласия по вопросу независимости Косово; и мораторий на исполнение условий ДОВСЕ; и возобновление полетов российских бомбардировщиков в районы расположения западных военных баз; и угрозы нацеливания ракет с ядерными боеголовками на Европу; и испытание новых МБР; и заявления о значительном увеличении военного бюджета с целью проведения модернизации российских вооружений; и водружение российского флага на дне Северного Ледовитого океана; и военные учения ШОС и т.д.

В американской прессе вновь появились уже знакомые по содержанию комментарии: «Путинская Россия вышла на большую дорогу, сколачивая стратегические альянсы и наращивая вооружения в масштабах, беспрецедентных со времен “холодной войны”. В общем, по лесу вновь бродит медведь»⁷⁵⁹, «отношения с Россией... приобретают все более угрожающий характер для интересов безопасности Запада»⁷⁶⁰. Примечательно, что об эволюции внешнеполитического курса В. В. Путина и появлении новой и очень серьезной угрозы со стороны России заговорил Майкл Макфол, который интересуется по большей части внутрироссийскими делами, но чутко улавливает, куда дует ветер⁷⁶¹.

Раздражает заокеанских экспертов и позиция России по вопросу размещения систем ПРО в Восточной Европе, ибо они, за редким исключением⁷⁶², уверены в том, что наличие американских радаров и ракет в Чехии и Польше повысит евроатлантическую безопасность. «Радар и десяток ракетных шахт, которые планируется разместить в Чехии и Польше, предназначены для защиты от иранских ракет и для России никакой угрозы не представляют. Эта оборонительная система — один из основных элементов нашей безопасности» — пишет автор заметки на страницах *The Wall Street Journal*⁷⁶³. А вот эмоции постоянного колумниста *The Washington Post* Джима Хогланда: «Представители России также

⁷⁵⁹ Медведь вновь показывает когти. *Investor's Business Daily*, 16 августа 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/236080.html>

⁷⁶⁰ Д. Саттер. Душа Путина. *The Wall Street Journal*, 29 июня 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/235224.html>

⁷⁶¹ М. Макфол. Новая Россия - новая угроза. *Los Angeles Times*, 02 сентября 2007. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/236365.html>

⁷⁶² См., например, Ф. Койл. Американская ПРО и альтернатива Путина. Россия в глобальной политике, Том 5 № 4, июль-август 2007. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/27/8086.html>

⁷⁶³ Русская дипломатия. *The Wall Street Journal*, 5 июня 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/stories/07/05/15/3512/234766.html>

утверждают, что в планах США создать противоракетные объекты в Польше и Чехии также есть двойное дно. По версии России, в ракетные шахты, которые, как уверяют США, необходимы для защиты от ракетных ударов со стороны Ирана, на самом деле будут загружены ракеты с разделяющимися боеголовками, нацеленные на Москву. ... Поневоле задаешься холодящим душу вопросом: что хуже — если путинский Кремль, занимаясь откровенным сказочничеством, понимает, что это не более чем циничная пропаганда, или если президент России и его приближенные сами верят тому, что говорят?»⁷⁶⁴.

Предложение российского президента о сотрудничестве в создании системы ПРО оценивается комментаторами по-разному. Несмотря на то, что официальный Вашингтон, выразив формальную заинтересованность, фактически проигнорировал путинское предложение, а некоторые эксперты оценивали его как изощренную попытку заблокировать усилия США⁷⁶⁵, многие американские аналитики смотрят на российскую инициативу более благосклонно. При этом они обращают внимание не столько на эффективность потенциальной системы, которая вызывает серьезные сомнения, сколько на то положительное влияние, которое подобное сотрудничество могло бы оказать на отношения России и Запада⁷⁶⁶.

Широко дискутируемая тема в плане безопасности — рост российского военного бюджета и взятый государством курс на обновление вооружений. Суть большинства комментариев по этому вопросу хорошо выразил аналитик Фонда Наследие Питер Брукс: «Россия ускоренными темпами наращивает военную мощь. Финансовые вливания в армию весьма велики главным образом благодаря доходам от национализированных нефтяных и газовых фирм»⁷⁶⁷.

⁷⁶⁴ Дж. Хогланд. Слова России – циничная пропаганда? Хорошо бы... The Washington Post, 2 сентября 2007. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/236366.html>

⁷⁶⁵ С. Сестанович. Американо-российские отношения снова вращаются вокруг ядерной тематики. Council On Foreign Relations. 05.07.2007. Цитируется по переводу Иносми <http://www.inosmi.ru/stories/07/02/23/3505/235353.html>

⁷⁶⁶ См., например: Г. Киссинджер. По ПРО Путин сделал США «смелое предложение». Voice of America News. 12.08.2007. Использован перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/235991.html>; Р. Уэйц. Дискуссия Буша и Путина по РЛС. The Washington Post. 20.06.2007. Использован перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/235074.html>; О. Мэттьюс. Путин: в прошлом – союзник США, ныне – тиран. Newsweek, 16.07.2007. Использован перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/235558.html>

⁷⁶⁷ П. Брукс. Русский медведь не боится морозов. New York Post, 28 августа 2007. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/236278.html>

Налицо не столько обвинение России, сколько констатация факта: огромное количество нефтедолларов, полученное ею в последние годы, направляется на обновление комплекса вооружений. И хотя этот курс часто характеризуется как «бряцанье оружием»⁷⁶⁸, «демонстрация военных мускулов»⁷⁶⁹ и т. д., американские эксперты в большинстве случаев предпочитают проявлять осторожность в подборе исторических аналогий: мало кто из них обвиняет Россию в инициировании новой гонки вооружений, а некоторые и вообще заявляют, что «если между Россией и Америкой вновь развернется гонка вооружений, ответственность ляжет на Соединенные Штаты. Ведь именно Вашингтон затеял эту опасную игру»⁷⁷⁰.

Формируя имидж России начала XXI века как источника пассивной и активной угроз и констатируя заметное охлаждение отношений между США и Россией, американцы, тем не менее, не спешат говорить о возникновении новой холодной войны. Даже такой сторонник жесткой политической линии в отношении нашего государства, как консерватор Ариэль Коэн, считает, что «образ новой “холодной войны”, возможно, будет слишком упрощенным для описания нового миропорядка»⁷⁷¹. Речь ведется скорее об использовании Россией старых приемов времен холодной войны⁷⁷²; о склонности части политических элит как России, так и США воспринимать друг друга как противников⁷⁷³; о возросшей мощи России и ее готовности таковую продемонстрировать⁷⁷⁴. Однако никто не считает нынешнюю ситуацию аналогичной холодной войне: «Нет, речь идет не о новой “холодной войне”. То, что нам предстоит, гораздо сложнее. И, вполне возможно, гораздо хуже», — пишет Ян Бреммер⁷⁷⁵.

⁷⁶⁸ М. Томпсон. Почему Россия разминает свои мускулы...

⁷⁶⁹ Т. Гроуз. Медведь, живущий по соседству. U.S.News, 17 сентября 2007. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/236642.html>

⁷⁷⁰ Ф. Койл. Американская ПРО и альтернатива Путина. Россия в глобальной политике, Том 5 № 4, июль – август 2007. <http://www.globalaffairs.ru/numbers/27/8086.html>

⁷⁷¹ А. Коэн. Антиамериканская кампания Путина. ...

⁷⁷² Х. Дейл. Амбиции Путина. The Washington Times, 6 сентября 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/236458.html>

⁷⁷³ Г. Хэмбург. Началась ли новая Холодная война между США и Россией? <http://www.washprofile.org/en/node/5918>

⁷⁷⁴ М. Томпсон. Почему Россия разминает свои мускулы...

⁷⁷⁵ Я. Бреммер. Восход новой «холодной войны». Newsweek, 19 февраля 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/232945.html>

Некоторые надежды американские аналитики возлагают на нового президента России — «по мнению Запада, молодого, динамичного и либерального лидера»⁷⁷⁶. Тестом на самостоятельность и конструктивность внешнеполитической линии Д. Медведева, по мнению американских аналитиков, может стать «принятие или непринятие путинской риторики в духе времен холодной войны и гонки вооружений»⁷⁷⁷. Однако, как отмечают сами заокеанские эксперты, позиция Медведева по вопросам международной безопасности остается весьма туманной, и надежду им внушает лишь то, что новоизбранный президент России не связан ни с военными, ни с представителями секретных служб⁷⁷⁸.

КАК СОТРУДНИЧАТЬ С РОССИЕЙ В НОВОМ ВЕКЕ?

Как это было и в 90-е годы, американские аналитики подтверждают важность участия России в процессе обеспечения международной безопасности. Больше того — и это новое явление — они нередко констатируют положительное влияние Москвы на ее состояние. По словам Эндрю Качинса, «неопровержимая правда заключается в том, что в течение последнего года [2003 — К. Х.] российское участие сыграло весьма конструктивную роль в попытке разрешить наиболее актуальные региональные проблемы»⁷⁷⁹. Ему, тремя годами позднее, вторит профессор политологии Колумбийского университета Роберт Легволд, заявляя, что «Россию нельзя сбрасывать со счетов. Сегодня это один из крупнейших поставщиков нефти и газа, для многих (включая Европу и в перспективе Китай) даже более важный, нежели Ближний Восток. Ее роль как международного игрока уже не назовешь маргинальной (вспомним, насколько важно ее участие, особенно в тандеме с Китаем, в разрешении кризисов вокруг иранской и северокорейской ядерных программ). Хорошо это или плохо, но Россия, как никто другой,

⁷⁷⁶ N. Petro. Seizing the Medvedev Moment. International Herald Tribune. March 13, 2008. <http://www.ihf.com/articles/2008/03/13/opinion/edpetro.php?page=1>

⁷⁷⁷ The Key Tests For Russia's New President. CNN. March 3, 2008. <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/03/03/russia.election.analysis/index.html#cnncSTCtext>

⁷⁷⁸ The Key Tests For Russia's New President. CNN. March 3, 2008. <http://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/03/03/russia.election.analysis/index.html#cnncSTCtext>

⁷⁷⁹ Э. Качинс. Многополярный мир президента Путина. Независимая газета. 27 октября 2003 г. <http://www.carnegie.ru/print/68061-print.htm>

способна воздействовать как на политику Киева и Минска, так и на безопасность в Центральной Азии. Было бы ошибкой игнорировать и потенциальное влияние Москвы на Пекин. Для Вашингтона пришло время пересмотреть место России в американской внешней политике»⁷⁸⁰.

Близкую позицию занимает Г. Киссинджер, утверждающий в одной из своих недавних статей, что «сотрудничество между всеми ядерными державами мира крайне необходимо. ... Учитывая, насколько взаимосвязаны национальные интересы двух стран [США и России — К. Х.], ни одна из них не может ни желать, ни позволить себе новую “холодную войну”»⁷⁸¹.

Любопытный подход к определению важности роли России в деле поддержания международной безопасности находим мы у Ричарда Хаасса⁷⁸². Полагая, что страны находящиеся в состоянии упадка, способны наносить не меньший вред, чем страны, находящиеся на подъеме, он предлагает исходить не из оценки потенциальной пользы от участия РФ в глобальной системе безопасности, а из оценки ущерба, который наша страна может причинить, будучи из нее исключенной. Россия — не великая держава, утверждает он, но она способна наносить значительный вред и создавать проблемы, поэтому с ней надо обходиться как с великой державой — проводить консультации, учитывать ее мнение по всем вопросам, касающимся международной безопасности т. п.

Как это было и прежде, некоторые американские авторы рассматривают различные варианты включения России в западные организации, занимающиеся обеспечением безопасности. Еще в самом начале нынешнего века о возможности такого включения (в отдаленной перспективе) рассуждали сотрудники Центра исследований в области безопасности им. Дж. Маршалла М. Михалка и Р. Козн: «долгосрочной конечной целью следует считать создание стабильной и мощной евразийско — атлантической системы безопасности на базе сотрудничества, включающей Россию и другие бывшие республики СССР», однако к тому времени Россия должна будет совершить окончательный и безвозвратный переход

⁷⁸⁰ Р. Легволд. Между партнерством и разладом. Россия в глобальной политике. № 5, сентябрь – октябрь 2006.

⁷⁸¹ Г. Киссинджер. Икона и орел. Статья была опубликована в The International Herald Tribune, а 21 марта 2007 года – на сайте Иносми. Цитируется по переводу Иносми. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/233528.html>

⁷⁸² R. Haass. Russian Realities. 2005. <http://www.project-syndicate.org/commentary/haass11>

к демократии, так как «членами системы безопасности на базе сотрудничества могут быть только открытые и демократические государства с близкими ценностями и интересами»⁷⁸³.

Однако со временем вопрос о возможности прямого вхождения России в НАТО или о создании какой-то новой западно-российской структуры по обеспечению безопасности, возникает все реже. Большинство американских экспертов полагает, что конструктивное сотрудничество, вполне может вестись вне рамок международных организаций. Как считает директор Московского Центра Карнеги Роуз Геттемюллер, «нравится нам это или нет, мы [США и Россия — К. Х.] по-прежнему ... несем обязательства, взятые во времена холодной войны», а значит должны сотрудничать по всем вопросам международной безопасности — сокращать вооружения, препятствовать распространению опасных технологий, совместно взаимодействовать с Ираном, Северной Кореей и другими носителями угроз безопасности, бороться с терроризмом, не бояться брать на себя обязательства по международным договорам и выполнять их⁷⁸⁴.

Эту идею поддерживают Р. Легволд и А. Ослунд. Первый призывает забыть обиды и искать общее поле для сотрудничества, ибо у России и США есть общий интерес: «обеспечение взаимной безопасности в Евразии и за ее пределами»⁷⁸⁵. Второй полагает, что хотя «авторитарная Россия не может быть так же близка Соединенным Штатам, как была почти демократическая Россия», она, тем не менее, «остается важной страной; поэтому, настаивая на смене ею направления, Соединенные Штаты также должны делать все, что в их силах, для поддержания сотрудничества с Россией в конкретных областях взаимных жизненных интересов»⁷⁸⁶.

Даже Ариэль Коэн обнаруживает поле для сотрудничества Москвы и Вашингтона: «Соединенные Штаты должны продолжать диалог и сотрудничество с Россией по вопросам, представляющим взаимный интерес. Это поможет продемонстрировать российской

⁷⁸³ Р. Коэн и М. Михалка. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. Публикация Центра им. Маршалла. George S. Marshall European Center for Security Studies. - Garmisch-Partenkirchen, 2001. - N 3.

⁷⁸⁴ Р. Геттемюллер. Ядерное бездействие Москвы и Вашингтона. Независимая газета. 24 ноября 2006. http://www.ng.ru/politics/2006-11-24/3_kartblansh.html

⁷⁸⁵ Р. Легволд. Между партнерством и разладом. Россия в глобальной политике. № 5, сентябрь – октябрь 2006.

⁷⁸⁶ А. Ослунд. Закат Путина и ответ Америки. 11 августа 2005. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/73011.htm>

элите, что Америке есть, что предложить России. К сферам сотрудничества могут быть отнесены ядерная энергетика, нераспространение оружия массового уничтожения и исследования космического пространства»⁷⁸⁷. Также Коэн считает необходимыми совместные российско-американские действия по предотвращению новой гонки вооружений — возобновление и развитие переговорного процесса по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, ракетам средней и меньшей дальности⁷⁸⁸.

Лучшим примером неформализованного сотрудничества двух держав заокеанские аналитики считают российско-американские отношения в период с 11 сентября 2001 года до момента появления разногласий между США и Россией по вопросу военной акции в Ираке. Стивен Сестанович характеризует этот короткий временной отрезок как «период гармонии российско-американских отношений»⁷⁸⁹. А Чарльз Капчан увидел в нем прообраз будущего российско-американского сотрудничества по обеспечению безопасности Евразии⁷⁹⁰.

Следует добавить к сказанному, что идея российско-американского сотрудничества на конкретных, узкоспециальных направлениях (в первую очередь это касается ядерной сферы) присутствовала на протяжении всего пост-холодно-военного периода и в той или иной мере получала практическую реализацию. Однако в последние полтора-два года она становится предметом более активных обсуждений. При этом их участники нередко предлагают варианты договорного оформления отношений в этих сферах на двусторонней основе, что предполагает ориентацию на равноправное взаимодействие.

Так, в начале 2007, а затем и в начале 2008 года четыре авторитетнейших американских эксперта — бывшие госсекретари США Дж. Шульц и Г. Киссинджер, бывший министр обороны США У. Перри и бывший сенатор С. Нанн — публикуют совместные открытые письма с призывами ограничить зависимость от ядерного оружия и потенциально полностью отказаться от него. Они пред-

⁷⁸⁷ А. Коэн Мрачный саммит. The Washington Times, 28 июня 2007. Перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/stories/07/05/15/3512/235203.html>

⁷⁸⁸ A. Cohen. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. Backgrounder #2084. November 19, 2007. <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/bg2084.cfm>

⁷⁸⁹ S. Sestanovich. Restoring U.S.-Russia Harmony. The Washington Post. May 31, 2003.

⁷⁹⁰ Ch. A. Kupchan. A Budding Partnership. ...

лагают, в частности, продлить срок основных положений Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 года, срок действия которого истекает в конце 2009 года; начать переговоры по выработке совместных двусторонних систем противоракетной обороны, принять меры по увеличению времени предупреждения и принятия решения по запуску всех баллистических ракет с ядерными боеголовками, сократив, таким образом, риск случайного или несанкционированного запуска⁷⁹¹.

На уровне практической политики эта тенденция получила воплощение в двух документах, появившихся в 2008 году. В апреле Дж. Буш и В. Путин подписали стратегическую рамочную декларацию (U.S.-Russia Strategic Framework Declaration), опирающуюся на аналогичные документы 2001 и 2002 годов (т.е. периода расцвета двусторонних отношений на основе совместной борьбы с терроризмом), а в мае — соглашение о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии (U.S.-Russian Agreement for Cooperation in the field of Peaceful Uses of Nuclear Energy), также известное как Соглашение 123 (123 Agreement). В обоих документах затрагивается проблема нераспространения ядерного оружия и фиксируется ориентация обеих сторон на развитие договорных отношений в этой области. Это дает основания говорить о том, что потенциал развития отношений между Россией и Америкой в сфере безопасности далеко не исчерпан.

Что же касается прогнозов заокеанских аналитиков относительно перспектив американо — российского сотрудничества, то они далеко не однозначны. Так, авторы нашумевшего доклада «Альтернативные варианты будущего России к 2017 году» полагают, что наличие множества общих интересов — первое место среди которых занимает борьба с терроризмом и исламским радикализмом — неминуемо приведет к расширению и углублению сотрудничества между двумя странами в этой и других областях⁷⁹². Один из авторов доклада — Генри Хэйл — отмечает, что, хотя Путин с целью консолидации элит и стремится поддерживать некоторые — менее значительные — аспекты отношений между своей страной

⁷⁹¹ Дж. Шульц, У. Перри, Г. Киссинджер, С. Нанн. На пути к миру, свободно-му от ядерного оружия. Изначально материал был опубликован в The Wall Street Journal 15 января 2008 г. Цитируется по переводу на русский язык http://www.nti.org/i_russian/oped_WSJ_Nuclear_Free_World0115-08_ru.pdf

⁷⁹² См.: Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program Center for Strategic and International Studies. November 2007. www.csis.org

и западным миром в состоянии напряжения, он в действительности мало заинтересован в «подрыве» отношений с Западом. Соединенным Штатам, считает Хэйл, необходимо содействовать экономическому развитию России и включению последней в разнообразные экономические международные организации, т. к. сильная Россия в значительно меньшей степени будет склонна к антиамериканизму и вражде с Западом, нежели слабая⁷⁹³.

Совсем иную картину рисует эксперт центра стратегического прогнозирования Stratfor, организации, содержащей разветвленную сеть наблюдателей и аналитиков по всему миру, и завоевавшей неофициальное звание «теневого ЦРУ». Автор этого прогноза не замахивается на десятилетние сроки и не рисует красочных картин потенциальных сценариев развития внутривнутриполитических событий, он рассматривает несколько вариантов построения внешнеполитического курса России, нацеленного на уменьшение влияния США в мире. Среди них — обмен иранской карты на продление действия (и некоторый пересмотр в пользу России) договоров по контролю над вооружениями; намеренное создание международных кризисов на постсоветском пространстве, адекватно реагировать на которые Америка в силу занятости в Ираке не сможет, что подорвет имидж ее и НАТО как гарантов международной безопасности; продолжение и расширение поставок вооружений в Иран с ориентацией на возможное прямое военное столкновение последнего с Соединенными Штатами. Не остается в долгу, по мнению автора доклада, и Америка. У нее тоже имеются свои планы в отношении России, и планы эти радикальны: «американцы считают, что в их интересах медленно и постепенно стирать Россию в порошок», говорится в докладе⁷⁹⁴.

Любопытны результаты опроса американских экспертов по внешней политике и международной безопасности, проведенного в середине 2007 года Центром за Американский Прогресс (Center for American Progress) и касавшегося ситуации и перспектив в сфере борьбы с терроризмом. Порядка 34 % опрошенных заявили, что Россия является американским союзником, в наименьшей степени соответствующим интересам национальной безопас-

⁷⁹³ Н. Е. Hale. Thoughts on Domestic Drivers // Alternative Futures for Russia to 2017. A Report of the Russia and Eurasia Program Center for Strategic and International Studies. November 2007.

⁷⁹⁴ П. Зейхан. Проблема под названием «Россия». Stratfor. 17 октября 2007. Использован перевод Иносми <http://www.inosmi.ru/translation/237282.html>

ности США. При этом эксперты поставили РФ на третье место (после Пакистана и КНДР) в списке государств, с наибольшей вероятностью способных в ближайшие 3–5 лет передать ядерные технологии террористам⁷⁹⁵. Несмотря на то, что в опросе участвовало большое количество экспертов, взгляды многих из которых нами так или иначе рассматривались⁷⁹⁶, нельзя сказать, что эта позиция является доминирующей в американском экспертном сообществе. Большинство заокеанских аналитиков, как мы видели, хотя и относится к нашей стране с определенной долей настороженности и скептицизма, все же считает необходимым развивать в той или иной мере и форме двусторонние отношения на взаимовыгодной основе.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Представления о роли России в обеспечении международной безопасности, сложившиеся за океаном в 90-е годы XX века, когда президентом России был Борис Ельцин, и аналогичные представления, относящиеся к периоду президентства Владимира Путина, существенно отличаются друг от друга.

Это не случайный контраст. Условия формирования имиджа существенно изменились. Слабая Россия получила возможность и обрела желание восстановить свой международный статус и отстаивать свои национальные интересы. Больше того, Запад нередко оказывался в ситуации, когда ему было нечего противопоставить российской политике. Международное положение самих Соединенных Штатов оказалось совсем не таким прочным, как предполагали многие. Выяснилось, что в современном мире односторонние действия редко могут привести к успеху.

Психологически американцы оказались не готовы к новому повороту событий. Политика России образца 90-х годов в значительной степени соответствовала их представлениям о том, каким должно быть поведение государства, потерпевшего поражение в пусть и холодной, но все же войне: для нации, нацеленной на достижение успеха, победа в любом соревновании является неоспоримым до-

⁷⁹⁵ The Terrorism Index. Third Semi-annual, Nonpartisan Survey of Foreign Policy Experts from the Center for American Progress and Foreign Policy. August 20, 2007. http://www.americanprogress.org/issues/2007/08/terrorism_index.html

⁷⁹⁶ Было опрошено порядка ста экспертов, среди которых такие известные личности как Р. Кейган, Э.-М. Слотер, С. Уолт, М. Олбрайт, Ч. Капчан, М. Макфол, А. Ливсен.

казательством превосходства победителя над побежденным, верности выбранного метода и цели; естественным для побежденного становится заимствование более эффективного метода победителя, а попытка самостоятельно проводить внешнюю политику, открыто пренебрегая рекомендациями Запада, предпринятая В. В. Путиным, вызывает удивление и часто гнев заокеанских наблюдателей.

Россия образца начала XXI века смущает американцев и тем, что не боится проявлений авторитаризма в своем политическом устройстве. Большинство американских аналитиков является приверженцами теории демократического мира, согласно которой государство, придерживающееся идеалов демократии и рыночной экономики, формирует внешнюю политику в русле мирного взаимодействия с другими демократическими странами — практикует разрешение споров и противоречий путем переговоров, терпимое отношение к инакомыслию, уважение интересов других стран. В глазах американцев именно в «неправильном» политико-экономическом строе СССР коренилась главная причина холодной войны, в течение полувека сковывавшей международные отношения.

В результате, оценивая *общую динамику и характеристики* рассматриваемого аспекта образа России, приходится констатировать, что за годы, прошедшие со времени появления на политической карте мира нового российского государства, американские представления о его роли в обеспечении международной безопасности и месте в этом институте претерпели существенные изменения.

Во-первых, отчетливо прослеживается отрицательная динамика характера имиджа. От несколько настороженных прогнозов развития событий в России и предостережений относительно возможности обратного витка ее политической эволюции, характерных для 90-х годов, американцы перешли к крайне эмоциональным призывам сдерживать российскую внешнюю политику, зачастую называя действия России одной из главных угроз национальной безопасности США.

Во-вторых, изменилось представление о характере угрозы, исходящей от России, традиционно занимающее центральное место в формируемом американцами имидже и оказывающее сильнейшее влияние на его характер. Раньше речь шла об угрозе в основном пассивной, Россия рассматривалась как государство, оказавшееся в тяжелой ситуации, нуждающееся в помощи международного сообщества. В XXI веке Россия стала восприниматься как страна, угрожающая международной безопасности своими действиями, страна, которую нужно сдерживать и ограничивать.

В-третьих, в отличие от достаточно гомогенного имиджа 90-х годов, имидж России в новом веке оказывается фрагментированным и подверженным стремительным изменениям под воздействием конкретных ситуаций. Несколько раз в течение 2000–2007 годов изменялась структура рассматриваемого образа, и на передний план выходили разные его аспекты. Громкие международные скандалы вокруг иранской ядерной программы и энергетической политики России, споры вокруг резолюции Совета Безопасности ООН по Ираку и некоторые другие события, вызывали настолько сильные всплески внимания, что другие проблемы оказывались в их тени, теряли главенствующее положение в перечне ситуаций, рассматриваемых американцами в качестве характеризующих роль России в обеспечении международной безопасности. Имидж приобретал характер, соответствующий характеру представлений аналитиков о роли России в решении конкретного вопроса. В результате в течение 2000-х годов сменилась череда негативных образов РФ как актора сферы международной безопасности, причем в основе каждого из них лежало возмущение американцев внешнеполитическими решениями администрации Путина.

В-четвертых, к середине первой декады XXI века можно считать сформировавшимися и обретшими достаточную устойчивость несколько моделей восприятия американскими наблюдателями российской действительности, в основе которых лежит иерархия факторов формирования имиджа, отличная от аналогичной иерархии 90-х годов. В новом веке американцы тесно увязывают оценку внутривнутриполитической ситуации в России с оценкой угрозы со стороны нашей страны: имиджи экономического и политического строя оказывают сильнейшее влияние на образ нашего государства как актора сферы международной безопасности; огромное значение приписывается роли президента⁷⁹⁷; страх, доминировавший в иерархии факторов 90-х годов, сегодня выражается в постоянной готовности американцев преувеличить угрозу, исходящую от России: незначительные изменения ее внешнеполитического курса зачастую воспринимаются как свидетельства возврата к авторитаризму и конфронтации.

⁷⁹⁷ Подчас корреляция представлений о российском лидере и имиджа РФ как актора института международной безопасности фиксируется самими американскими аналитиками. Так, М. Уокер, комментируя мюнхенскую речь Путина, утверждает, что «большая часть нероссийских критиков отметила бы, что единственной проблемой гневного выступления Путина является его автор». (М. Уокер. Что хотел сказать Путин...)

В-пятых, в результате описанных выше изменений, в новом веке изменилось и место, занимаемое имиджем РФ как актора сферы международной безопасности, в структуре общего международного имиджа нашей страны. Традиционно представление американцев о ее роли в обеспечении национальной и международной безопасности оказывали сильное влияние на политику США в отношении России, сегодня же центральное место в структуре общего международного имиджа России прочно заняли образы российского режима и президента.

Каковы же в этом свете перспективы трансформации российского имиджа в сфере безопасности? Насколько устойчивой окажется сложившаяся иерархия факторов его формирования и насколько постоянным — его характер? Динамичное изменение структуры института международной безопасности и соотношения сил основных игроков, постоянная трансформация «повестки дня» отношений и другие явления осложняют задачу построения надежных прогнозов. Поэтому мы можем лишь констатировать некоторые наметившиеся тенденции, гарантировать сохранение которых в будущем не представляется возможным.

При всех негативных составляющих имиджа России как актора института международной безопасности нельзя не отметить новое явление: наряду с констатацией важности участия России в обеспечении международной безопасности в XXI веке появляются положительные отзывы о ее *активной позитивной роли*. Это свидетельствует о том, что, несмотря на общий отрицательный характер нынешнего имиджа нашей страны, существует и возможность его улучшения, одним из условий которого может стать взвешенная, тщательно просчитанная политика РФ в рассматриваемой области. Готовы ли будут американцы со временем принять Россию такой, какой она стала сегодня, развивать с ней сотрудничество, а возможно, и партнерство — вопрос открытый. Но призывы к построению партнерских отношений между двумя странами слышатся — пусть не так часто, как прежде — и поныне⁷⁹⁸. Вселяет надежду и то, что некоторые американские эксперты полагают, что в американо-российских разногласиях виновата

⁷⁹⁸ Многие американские авторы вплоть до сегодняшнего дня продолжают призывать к партнерству РФ и США. См., например: Э. Качинс. Россия и США: партнеры по необходимости. Ведомости. 20 ноября 2006; С. Шмемман. Встретивший медведь: попробуем понять Владимира Путина. 19 июля 2007. <http://www.inosmi.ru/stories/01/05/29/2996/235623.html>

не столько Россия, сколько США. Такого мнения придерживаются Стивен Коэн, Кеннет Уолц⁷⁹⁹, Стивен Уолт⁸⁰⁰, Брюс Блэр, Джек Мендельсон⁸⁰¹, и Ариэль Коэн⁸⁰².

Многое в самих российско-американских отношениях и в том, каким образом они будут отражены в работах американских политологов в XXI веке, будет зависеть от тех людей, которые встанут во главе обоих государств. Предвыборная гонка в США до сих пор сохраняет интригу.

Барак Обама — кандидат от демократической партии — наибольшее внимание уделяет ядерному аспекту российско-американских отношений, упоминая о важности демократических процессов в РФ лишь вскользь и не увязывая их с эффективностью и возможностью сотрудничества. Обаму волнует как сохранность российских ядерных материалов, так и будущее договоров по контролю за вооружениями и, особенно, Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний, который он рассматривает как препятствие на пути гонки вооружений. Сенатор-демократ призывает к прекращению распространения ядерных технологий и созданию Международного агентства по атомной энергии — своеобразного банка ядерного топлива. Сотрудничество с Россией по этим и другим вопросам он считает необходимым⁸⁰³.

Выбывшая из предвыборной гонки Хилари Клинтон, по-прежнему остающаяся влиятельным и авторитетным политиком характеризует Россию как государство, не являющееся врагом Соединенных Штатов, но бросающее им вызов на многих направлениях. Она отмечает необходимость сотрудничества с Россией, однако достаточно жестко увязывает его с демократизацией нашей страны⁸⁰⁴.

⁷⁹⁹ K. N. Waltz. Structural realism after the cold war. *International security*. 25:1. 2000.

⁸⁰⁰ S. Walt. *Taming American Power: ...*

⁸⁰¹ J. Mendelson. America, Russia, and the future of arms control. *Current history*. October, 2001.

⁸⁰² Позиция А. Коэна, правда, несколько отличается от позиций остальных представителей группы — он считает, что США слишком мягко вели себя по отношению к России.

⁸⁰³ B. Obama. *Renewing American Leadership*. *Foreign Affairs*, July/August 2007. <http://www.foreignaffairs.org/20070701faessay86401/barack-obama/renewing-american-leadership.html>

⁸⁰⁴ H. R. Clinton. *Security and Opportunity for the Twenty-first Century*. *Foreign Affairs*, November/December 2007. <http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86601/hillary-rodham-clinton/security-and-opportunity-for-the-twenty-first-century.html>

Кандидат в президенты США от республиканской партии Джон Маккейн (о взглядах которого на Россию говорилось выше) рассматривает современный внешне- и внутривластный курс РФ как неприемлемый для Соединенных Штатов и угрожающий их интересам и безопасности. Описывая российские внешнеполитические инициативы, он использует такие термины, как «шантаж», «запугивание» (bully), «попытки манипулирования»; требует исключения России из Группы Восьми, расширения американского вмешательства во внутренние дела России во имя «поддержки свободы и верховенства закона». Россия, по мнению Маккейна, должна понять, что возможность партнерства (!) с США существует только для «ответственных акторов — как в международных отношениях, так и дома»⁸⁰⁵.

Однако, недавнее выступление кандидата-республиканца, в значительной мере противоречащее общему тону его комментариев, посвященных нашей стране, свидетельствует о том, что он и его команда оставляют России (независимо от выбираемого ею политического курса) шанс оказаться партнером США в решении некоторых конкретных задач. Речь идет о проблеме контроля над ядерными вооружениями, значение которого в глазах Маккейна, похоже, теперь оказывается большим, нежели значение критикуемого им политического курса РФ. Маккейн полагает, что, «несмотря на то, что существуют серьезные расхождения между нами [РФ и США — К. Х.], со времен окончания холодной войны, Россия и Соединенные Штаты не являются более смертельными врагами», и, обладая самыми обширными запасами ядерного оружия в мире, несут особую ответственность за их количественное сокращение. Более того, кандидат-республиканец призывает к заключению нового договора с Россией о контроле над вооружениями и заявляет, что работа в этом направлении обязательно будет вестись в том случае, если ему удастся занять президентское кресло⁸⁰⁶.

Такой подход — новый для республиканского кандидата — предполагает даже более значительные шаги в развитии двусторонних отношений, нежели подход, предложенный Обамой, однако не выпадает из общей тенденции. Переориентация на договорные и час-

⁸⁰⁵ Помимо приводимых ранее статей Маккейна на сей счет, следует обратить внимание на его программное выступление на страницах журнала *Foreign Affairs* – J. McCain. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future. *Foreign Affairs*, November/December 2007.

⁸⁰⁶ Remarks By John McCain on Nuclear Security. May 27, 2008. <http://www.johnmccain.com/Informing/News/Speeches/e9c72a28-c05c-4928-ae29-51f54dc08df3.htm>

то двусторонние отношения с Россией по вопросам ядерной безопасности — тенденция, прослеживающаяся в течение последних полутора-двух лет, судя по всему, становится мейнстримом американских подходов к России, к которому теперь примыкает и Маккейн. При этом по-прежнему остается неясным, распространяется ли его новая позиция на другие сферы российско-американского диалога или же в отношении них он по-прежнему предпочитает увязку сотрудничества с демократизацией.

Независимо от того, будут ли позиции кандидатов и в дальнейшем претерпевать изменения, они, и в первую очередь это касается взглядов того из них, кто в ближайшем будущем станет хозяином Белого дома, несомненно, окажут значительное влияние на характер российского имиджа, формируемого американцами.

Пока же заокеанские представления о роли России в обеспечении международной безопасности трудно назвать адекватными. Американцы слишком часто неоправданно подменяют понятие «национальная безопасность» понятием «международная безопасность» и объявляют Россию источником угрозы последней вместо того, чтобы признать ее политику препятствием на пути реализации супердержавных амбиций США, зачастую выдающих национальные интересы за общечеловеческие.

Нельзя не признать, что в ряде случаев американцы верно истолковывают мотивы политики путинской России, которая действительно стремится расширить свое влияние в мире, особенно на территории постсоветского пространства; действительно пытается создавать союзы с третьими странами в противовес американскому центру силы; действительно стремится к поддержанию статуса великой державы и т. д.

Однако эмоциональность и, главное, характер американских оценок действий России — еще одно подтверждение того, что США проводят политику двух стандартов. Ведь скромные действия России на международной арене в течение последних семи лет не идут ни в какое сравнение с политикой США, которые в течение долгого времени не останавливаются практически ни перед чем при защите своих интересов в сфере безопасности. Порой создается впечатление, что имидж постсоветской России формируется не столько экспертами в области безопасности и внешней политики, имеющими огромный опыт и представляющими независимые от государственных органов организации, но государственными пресс-службами, ставящими целью защиту американских интересов и зачастую игнорирующими реальное положение вещей.

Глава 10. «ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ» «РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ» (Внешняя политика)

Каким бы ни было положение России в мире, какое бы место ни занимала она на шкале американских внешнеполитических приоритетов, ее деятельность на международной арене всегда была и остается объектом пристального внимания Соединенных Штатов Америки. И это объяснимо. Внешняя политика любой страны в гораздо большей степени, нежели политика внутренняя, открыта для наблюдателей и, что особенно важно, в значительно большей мере оказывает прямое воздействие на мир. А имиджи этой политики входят, как правило, в число центральных элементов ее интегрального международного имиджа.

Интерес Соединенных Штатов к внешней политике современной России связан как с попытками понять ее, дать ей объяснение, так и со стремлением представить миру эту политику в выгодном для себя свете.

Понять же Россию и ее политику американским наблюдателям, судя по сетованиям некоторых из них, нелегко. Как писал несколько лет назад на страницах солидного научного журнала *Political Science Quarterly* Пол Кьюбисек, «для большинства наблюдателей как внутри России, так и за ее пределами, российская внешняя политика — это политика, находящаяся в зачаточном состоянии, ее трудно определить, еще труднее предсказать, а тем более последовательно и связно на нее реагировать»⁸⁰⁷. Признание тем более ценное, что оно характеризует не только внешнюю политику России, но и — в еще большей мере — американское восприятие этой политики. И относится это не только к началу 2000-х, но и, судя по ряду других высказываний, к нашим дням.

Советское прошлое новой России и десятилетия холодной войны наложили неизгладимый отпечаток на это восприятие, предопределив углы зрения, под которыми «единственная супердержава» рассматривает и оценивает внешнюю политику постсоветской России. Это, во-первых, *степень агрессивности* этой политики

⁸⁰⁷ Kubicsek P. Russian Foreign Policy and the West//*Political Science Quarterly*. Vol.114. Number 4. 1999 – 2000. P. 547.

(а в том, что она агрессивна, как агрессивна была внешняя политика Советского Союза, сомневаются немногие заокеанские аналитики). Это, во-вторых, *направленность* политики России в рамках дихотомии *Запад/анти-Запад*, что имеет для Америки, как страны западной, существенное значение. Наконец, это *наличие великодержавных или имперских амбиций*.

Эти критерии применялись к анализу внешней политики России в 1990-е гг. и продолжают применяться в 2000-х годах (так же как, с некоторыми нюансами, применялись и к анализу советской внешней политики). При этом в зависимости от специфики переживаемого периода и характера американско-российских отношений один из трех критериев выдвигается на передний план, определяя общую направленность анализа этой политики и характер формируемого имиджа.

Важно также иметь в виду, что американцы стремились не только побудить Россию строить новое общество в соответствии с западными — прежде всего американскими — образцами, но и проводить такую внешнюю политику, которая отвечала бы интересам Соединенных Штатов. Поэтому создаваемые ими образы реальной внешней политики России они очень часто дополняли образами политики, которую, с их точки зрения, она должна была бы проводить на международной арене.

Исходя из сказанного выше, мы и будем анализировать американские имиджи внешней политики России, складывавшиеся на протяжении последних семнадцати лет, причем будем брать их в динамике, с учетом тех изменений, которые происходили в эти годы и которые особенно отчетливо проявились на рубеже двух тысячелетий.

СЛАБАЯ СТРАНА С ИМПЕРСКИМИ АМБИЦИЯМИ

После распада СССР администрация Дж. Буша старшего, а за ним и администрация Б. Клинтона ставили основной целью политики США в отношении Российской Федерации интеграцию нового российского государства в западное сообщество. Такая интеграция должна была, по их замыслу, направить российские внешнеполитические амбиции в безопасное для Америки русло.

Однако, как вскоре стало очевидно, общая прозападная, и прежде всего проамериканская, ориентация российской внешней политики (активным проводником которой был, в частности, ми-

нистр иностранных дел РФ Андрей Козырев), не исключала других векторов внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Речь идет прежде всего о ее попытках развивать отношения с бывшими советскими республиками.

В ответ на первые «самостоятельные» шаги нового российского государства американские аналитики быстро вернули к жизни рожденный много десятилетий назад и укрепившийся в годы холодной войны образ агрессивной имперской советской внешней политики, заговорив о возрождении великодержавных амбиций России. По признанию американского профессора Дэвида Риверы, «для многих такие изменения [в российской внешней политике — В. Ж.] означали возвращение Кремля к имперской политике прошлого. Вопрос о том, произошло ли такое возвращение к старым традициям, стал центральным при формировании внешней политики США в отношении этого региона»⁸⁰⁸.

Американские эксперты в большинстве своем довольно быстро дали положительный ответ на этот вопрос. «На протяжении 1990-х гг. политика Москвы по отношению к ближнему зарубежью интерпретировалась по обоим берегам Атлантики как свидетельство того, что Россия вернулась к имперским традициям прошлого»⁸⁰⁹. За период с 1993 по 1995 г. появилось немало статей, как в периодической печати, так и в научных журналах, ставивших своей целью подтверждение имперского характера российской внешней политики в отношении бывших республик СССР⁸¹⁰.

Одним из наиболее активных и известных создателей *неоимперского* образа внешней политики России в 1990-х гг. стал, конечно, Збигнев Бжезинский, красочно описавший сначала в своих статьях, а затем в нашумевшей книге «Великая шахматная доска»

⁸⁰⁸ David W. Rivera. Engagement, Containment, and the International Politics of Eurasia//Political Science Quarterly Vol. 118. Number 1. 2003. P. 82.

⁸⁰⁹ Ibid. P. 83.

⁸¹⁰ См. например: John P. Hannah. The (Russian) Empire Strikes Back//New York Times, 27 October 1993; Melor Sturua Yeltsin's Newest Proconsul// New York Times, 27 October 1993; Bruce D. Porter and Carol R. Saivetz. The Once and Future Empire: Russia and the "Near Abroad"// The Washington Quarterly 17 (summer 1994) P. 75 – 90; Thomas Goltz. Letter from Eurasia: The Hidden Russian Hand//Foreign Policy 92 (Fall 1993). P. 92–116; Zbigniew Brzezinski. The Premature Partnership//Foreign Affairs 73 (March/April 1994). P. 67–82; Ariel Cohen. Russia and her Neighbors: Creating a U.S. Policy toward Eurasia//The Heritage Foundation's Reports. 19 November 1993; Zbigniew Brzezinski and Paige Sullivan eds. Russia and the Commonwealth of Independent States: Documents, Data and Analysis. N.Y. 1997.

притязания Российской Федерации (по его мнению, тщетные) на роль великой державы.

Попытки России понять себя и определить свое новое место в мире, порожденные распадом СССР (и непрекращающиеся, а в некотором смысле даже усилившиеся сегодня), не могли не найти отражения в пронизанной беспокойством за свое будущее внешней политике страны — политике, которая и легла в основу внешнеполитического образа России, прорисованного Бжезинским в его геополитической картине мира. «Пространство, веками принадлежавшее царской империи и в течение трех четвертей века Советскому Союзу под главенством русских, теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета... Самым болезненным в этой ситуации является осознание того, что авторитет России на международной арене в значительной степени подорван; прежде одна из ведущих мировых сверхдержав в настоящее время в политических кругах многими оценивается просто как региональная держава 'третьего мира'...»⁸¹¹.

Распад СССР, сопровождавшийся для России потерей огромных территорий, обеспечивающих ее безопасность, создал, по мнению заокеанского аналитика, ощущение незащищенности у российской политической элиты, для которой вопрос о геополитическом положении страны стал одним из приоритетных. Развернувшиеся в России в 90-х гг. поиски своей национальной идентичности имели, по мнению Бжезинского, геополитическое содержание. «Является ли Россия национальным государством, основу которого составляют только русские, или Россия является по определению чем-то большим (как Великобритания — это больше, чем Англия) и, следовательно, ей судьбой назначено быть империей? Каковы — исторически, стратегически и этнически — действительные границы России?»⁸¹².

Ответы на эти вопросы Бжезинский объединил в три группы. «Как реакция на крушение Советского Союза возникли три общих и частично перекрывающихся геостратегических варианта, каждый из которых в конечном счете связан с озабоченностью России своим статусом по сравнению с Америкой...»⁸¹³. Среди возможных сценариев развития, предлагавшихся в то время российской

⁸¹¹ Збигнев Бжезинский. Великая шахматная доска. М., 2006. С. 110.

⁸¹² Там же. С. 119.

⁸¹³ Там же. С. 120.

политической элитой, автор выделяет «зрелое стратегическое партнерство с Америкой»; акцент на ближнее зарубежье, при котором «одни отстаивают некую модель экономической интеграции при доминировании Москвы, а другие также рассчитывают на возможную реставрацию некоторого имперского контроля с созданием, таким образом, державы, более способной уравновесить Америку и Европу»⁸¹⁴; и, наконец, создание евразийской антиамериканской коалиции.

Бжезинский утверждает, что первая идея очень скоро была подвергнута критике и отошла на второй план, в то время как наиболее популярными стали именно второй и третий сценарии. Однако окончательный план стал своеобразным сплавом всех трех идей. Согласно этому плану, изначальная прозападная позиция необходима для установления выгодных партнерских отношений с США и Европой, которые помогут восстановиться России экономически. Экономически же сильная Россия станет привлекательным партнером для бывших союзных республик, которые будут стремиться к «самой тесной экономической, а затем и политической интеграции с Россией, расширяя, таким образом, пределы этой страны и увеличивая ее мощь»⁸¹⁵. Однако такая стратегия, утверждает Бжезинский, была изначально лишена каких-либо внешнеполитических оснований. «Америка никогда не намеривалась делить власть на земном шаре с Россией, да и не могла делать этого, даже если бы и хотела. Новая Россия была просто слишком слабой, слишком разоренной 75 годами правления коммунистов и слишком отсталой социально, чтобы быть реальным партнером Америки в мире»⁸¹⁶.

Но Россия, по мнению Бжезинского, не способна была этого понять, слишком уж она стремилась вернуть себе утраченный статус великой державы. «Мания получить одинаковый с Америкой статус в мире затруднила политической элите отказ от идеи привилегированного геополитического положения России не только на территории бывшего Советского Союза, но и в отношении бывших стран — сателлитов Центральной Европы»⁸¹⁷. Не найдя понимания среди западных «партнеров», Россия, по мнению Бжезинского, окончательно сконцентрировалась на стратегии возвращения ближнего зарубежья. «Ближнее зарубежье» стало короткой фор-

⁸¹⁴ З. Бжезинский. Указ. соч. С. 120.

⁸¹⁵ Там же. С.123.

⁸¹⁶ Там же.

⁸¹⁷ Там же. С.125.

мулировкой защиты политики, основной упор которой будет сделан на необходимость воссоздания в пределах геополитического пространства, которое когда-то занимал Советский Союз, некоей жизнеспособной структуры с Москвой в качестве центра, принимающего решения»⁸¹⁸. При этом, как утверждает Бжезинский, концепция «ближнего зарубежья» — это не просто стратегия экономического сотрудничества со странами, связанными с Россией общей инфраструктурой, культурой и историей. «В ее геополитическом содержании имелся имперский контекст»⁸¹⁹.

Представление о российской внешней политики 1990-х гг., выраженное З. Бжезинским, стало довольно популярным и нашло поддержку у многих американских аналитиков. Так, Ариэль Коэн в своем научном докладе 1993 г. выдвинул предположение, что одним из возможных сценариев развития ситуации в Евразии станет попытка России восстановить бывшую империю. По мнению А. Козна, многие россияне очень тяжело переживает исчезновение российской империи. «В недавно проведенном опросе две трети россиян ответили, что территория России должна быть больше, чем Российская Федерация, и совпадать с территорией Советского Союза... Под таким социальным давлением Россия начала формулировать новую «доктрину Монро» в отношении Евразии. Такая доктрина позволила бы России установить сферу влияния на территории бывшей Советской империи»⁸²⁰. Причем именно Москва самостоятельно будет определять свои жизненные интересы и сама решать, как их защищать.

Другой американский аналитик Стивен Блэнк, выступая в 1998 г. в республиканском Фонде Наследия, заявил, что Россия стремится установить сферу исключительной ответственности на территории СНГ и пересмотреть границы⁸²¹. А его коллега Карен Давиша в статье, опубликованной в 1996 г. в журнале «Каррент истори», утверждала, что после переизбрания на президентский пост Ельцина в 1996 г., основным направлением российской внешней политики могло стать восстановление контроля над странами бывшего

⁸¹⁸ З. Бжезинский. Указ. соч. С. 128.

⁸¹⁹ Там же. С.130.

⁸²⁰ Ariel Cohen. Russia and her Neighbors: Creating a U.S. Policy toward Eurasia// The Heritage Foundation's Reports. 19 November 1993. P. 13.

⁸²¹ Stephen Blank. Reflections on Russia and NATO Enlargement.// The State of Russian Foreign Policy and U.S. Policy toward Russia. //Heritage Lectures. 6 April 1998. P. 16.

СССР. Несмотря на то, что Россия не обладала необходимыми ресурсами, сама идея возрождения империи, полагала автор статьи, приобрела популярность во властных кругах. «... Можно ожидать, что для российской внешней политики на ближайшее будущее будет характерна большая жесткость в отношениях с Западом и большая ориентация на восстановление российского доминирования на Евразийском континенте... Хотя российские возможности реализации имперских целей сегодня ограничены, наблюдатели опасаются, что, несмотря на это, имперская идея может возродиться, предвещая экспансию в будущем»⁸²².

По мнению К. Давиша, Россия, несмотря на свою слабость, была явно экономически и политически сильнее остальных бывших советских республик, что давало ей возможность играть лидирующую роль на всем пространстве бывшего СНГ и оказывать на другие государства этого региона экономическое давление. «В результате сравнительной слабости большинства новых государств Россия способна относительно малыми усилиями достичь огромного влияния»⁸²³. Этому, по мнению автора, в немалой степени способствовал фактор присутствия российской армии в регионе. «Российские лидеры приложили усилия к тому, чтобы все бывшие республики вошли в СНГ, который изначально предполагал существование совместного военного командования, где доминировала Россия. В то время как российская армия в данный момент не способна поддерживать широкомасштабные военные операции за российскими границами, она остается единственной силой в Евразии, способной оказывать значительное влияние на другие государства ближнего зарубежья»⁸²⁴. Российское присутствие в Таджикистане и других горячих точках, заявления российских лидеров о защите интересов российского населения в странах бывшего СССР «свидетельствуют о существовании согласия относительно того, что бывшее советское пространство представляет естественную русофильскую зону, на которую Москва всегда сможет оказывать влияние»⁸²⁵.

Однако, нарисовав пугающий образ неоимперской внешней политики России, американские аналитики однозначно оценивали

⁸²² Karen Dawisha. Russian Foreign Policy in the Near Abroad and Beyond // Current History. October 1996. P. 330.

⁸²³ Ibid., P. 331.

⁸²⁴ Ibid., P. 332.

⁸²⁵ Ibid., P. 332.

перспективы реализации ее великодержавных амбиций как нерезальные. «Геополитическая несостоятельность приоритета ориентации на «ближнее зарубежье» заключалась в том, что Россия была недостаточно сильной политически, чтобы навязывать свою волю, и недостаточно привлекательной экономически, чтобы соблазнить новые государства»⁸²⁶. Не менее трудно осуществимой считал Бжезинский и идею антиамериканского контральянса. «Ни Иран, ни Китай не были готовы связать стратегически свою судьбу с нестабильной и слабой Россией. Оба государства понимали, что любая подобная коалиция, как только она выйдет за рамки некоторой преследующей определенную цель тактической оркестровки, может поставить под угрозу их выход на более развитые государства с их исключительными возможностями по инвестициям и столь необходимыми передовыми технологиями. Россия могла предложить слишком мало, чтобы быть по-настоящему достойным партнером по коалиции антигегемонистской направленности»⁸²⁷.

Похожие идеи высказывала и К. Давиша. Она указывала на то, что российская политика давления наталкивалась на все большее сопротивление со стороны бывших республик СССР. Особенно сильное противодействие такой политике оказывали страны Балтии, Западная Украина, Западная Молдова, Азербайджан и... российский Северный Кавказ. Даже страны Центральной Азии, элиты которых «были явно не готовы к независимости и в первые несколько лет [после распада СССР] пытались уговорить Россию оформить содружество... которые были не способны или не хотели действовать экономически независимо от России, продолжая рассматривать Москву в качестве центра... со временем начали больше ценить свою независимость, особенно с тех пор как они научились извлекать из нее экономические, психологические и культурные выгоды»⁸²⁸.

Делая вывод, что Западу не стоит опасаться возрождения российской империи, К. Давиша приводила в его подтверждение ряд аргументов. «Во-первых, элиты соседних государств очень хорошо знают природу и потенциал российской мощи. Кроме того, если Россия попытается насильно реинтегрировать бывшие советские республики, они, несомненно, будут искать поддержки у международного сообщества... Региональные организации безопасности,

⁸²⁶ З. Бжезинский. Указ. соч. С. 139.

⁸²⁷ Там же. С. 141.

⁸²⁸ К. Dawisha. Op. cit. P. 333–334.

сложившиеся за первые годы холодной войны, такие как НАТО, СЕАТО и СЕНТО, могут быть расширены и включить в себя не только новые государства Центральной и Восточной Европы, но также и государства бывшего СССР... Восточная и Западная Европа, безусловно, расширят границы НАТО, не принимая во внимание Россию. Наконец, укрепление демократии в России и в соседних с ней государствах уменьшит гражданское сопротивление, влияние антидемократических сил, усилит возможности законодателей, судов, СМИ контролировать «влиятельных министров» и создаст стимул уважать международные нормы. Масштабы России и ее богатство обеспечат ей постоянное преобладание в Евразии, а ее приверженность демократии и новым институтам, если они сохранятся, обеспечат ей достойное место на международной арене»⁸²⁹.

На слабость российского государства и его неспособность реализовать свои внешнеполитические устремления указывал еще один американский исследователь — Шерман Гарнетт. «Слабость России — основная детерминанта российской внешней политики»⁸³⁰. «В ближайшие годы Россия вряд ли станет постоянным соперником или надежным партнером США и их союзников. Она останется непостоянной, ненадежной и опасной. Ее способности оказывать политическое, военное или экономическое влияние также будут оставаться весьма ограниченными»⁸³¹. Ш. Гарнетт утверждал, что вес России в международной политике невелик из-за ее внутренней слабости, причем основную причину этой слабости он видел в фактическом распаде государства и царившем в стране хаосе.

К тому же соседи России стали рассматривать свои интересы «в новых географических рамках». В то время как Россия «по-прежнему воспринимает себя, как единственное государство, которое может и должно обеспечить безопасность на всей территории бывшего СССР»⁸³² и «продолжает видеть это огромное пространство как единое целое, другие государства видят его в региональном срезе, который связывает их со странами, находящимися вне бывшего СССР. Практически каждое государство-член СНГ стремится выстроить свои собственные экономические, политические

⁸²⁹ K. Dawisha. *Op. cit.* P. 334.

⁸³⁰ Sherman W. Garnett. *A Nation in Search of its Place//Current History.* October 1999. P. 328.

⁸³¹ Sherman W. Garnett. *Op. cit.* P. 333.

⁸³² *Ibid.*, P. 330.

и военные связи с США, Западной Европой, Турцией или Китаем»⁸³³.

По мнению автора, перспективы наладить тесное сотрудничество России с Китаем ограничивались ее слабой экономической базой. А отношения с Западом и, особенно, с США явно переживали упадок. Односторонние действия России в Ираке и в Косово подрывали доверие Запада к России. И хотя даже в таких условиях нормализация отношений продолжалась, она имела ограниченный характер. «Слабая и потерянная Россия — менее надежный партнер [чем Запад], тем более что ее лидеры менее готовы к компромиссам и опасаются политических кризисов дома. Ограниченные ресурсы России предполагают, что Запад должен тратить огромное количество энергии за столом переговоров, чтобы прийти к согласию, а Россия мало что может предложить при выработке общего решения»⁸³⁴. Кроме того, в США «среди политиков растет безразличие по отношению к России и бывшему СССР... Слабость России, исчезновение враждебности, характерной для периода холодной войны, и каких-либо серьезных проблем отодвинули Россию и ее соседей на второй план»⁸³⁵. Не менее критично и еще более жестко оценивал перспективы российской внешней политики Пол Кьюбисек. «Россия во многом — это бумажный тигр. Она может говорить как великая держава, но ее реальные возможности ограничены. Столкнувшись с единой политикой Запада, она тут же отступает»⁸³⁶.

Справедливости ради следует сказать, что, несмотря на доминирование в США в 1990-х гг. *образа слабой, но проявляющей великодержавные амбиции России*, американскими аналитиками было сформулировано и альтернативное видение российской внешнеполитической деятельности, защитники которого считали обвинения России в имперских поползновениях сильно преувеличенными. Так, Стивен Сестанович полагал, что основной движущей силой российской внешней политики является стремление к стабильности внутри государства⁸³⁷. А Леон Арон утверждал, что в исторической перспективе

⁸³³ Sherman W. Garnett. Op. cit. P. 331.

⁸³⁴ Ibid., P. 332–333.

⁸³⁵ Ibid., P. 333.

⁸³⁶ Paul Kubick. Russian Foreign Policy and the West//Political Science Quarterly. Vol. 114. Number 4. 1999–2000. P. 568.

⁸³⁷ Stephen Sestanovich Giving Russia Its Due//The National Interest 36 (Summer 1994). P. 6.

«с середины XVI в., когда началась российская внешнеполитическая экспансия, российская внешняя политика не была менее агрессивной, менее воинственной, не представляла меньшей угрозы для её непосредственных соседей и для мира в целом, чем сегодня»⁸³⁸.

Другой известный американский аналитик Дмитрий Саймс признавал, что к середине 90-х годов внешняя политика России стала значительно более жесткой по сравнению с той, которую она проводила в первые годы после распада СССР, — причем не только в отношении Запада, но в отношении ее ближайших соседей. Однако, полагал он, делать выводы еще слишком рано, поскольку пока нет никаких фактов, свидетельствующих о давлении со стороны России на ее ближайших соседей или вызывающе агрессивном поведении по отношению к Западу. «Называть российское поведение неоимперским — это в лучшем случае допускать чрезмерное упрощение, если принимать во внимание, что Россия имеет дело с государствами, которые всего два года назад составляли единое целое и объединены почти полувековой общей историей, а сегодня разделены границами, очень часто отражающими скорее произвольное решение бывших коммунистических руководителей, нежели традицию, экономические или демографические условия. Конечно, отношения России со своими новыми соседями не идеальны. И поскольку воспоминания о ее коммунистическом имперском прошлом все еще очень свежи, новые уверенные и не особенно продуманные действия России в качестве великой державы не могут не нервировать ее соседей и даже Запад»⁸³⁹.

Надо, однако, признать, что в целом альтернативный образ внешней политики России в 1990-х гг. был менее ярким и выглядел менее впечатляющим, чем образ созданный З. Бжезинским и его сторонниками. И, наверное, это вполне объяснимо. Ведь мало того, что образы холодной войны еще не успели поблекнуть, — ожидания, касавшиеся линии российского поведения на внешнеполитической арене сильно отличались от того, с чем на деле столкнулись США. В этих ожиданиях американцы исходили, прежде всего, из того, что холодная война не просто закончилась, но они ее выиграли, а СССР проиграл, свидетельством чего они считали его распад. В соответствии с этим тезисом Россия должна была вести себя как побежденная сторона, то есть тихо, скромно, внимая советам Запада и стараясь воплотить их в жизнь.

⁸³⁸ Leon Aron. A Different Dance: From Tango to Minuet The National Interest, 39 (Spring 1995). P. 28.

⁸³⁹ Dimitri Simes. The Return of Russian History // Foreign Affairs. January/February 1994 P. 81–82.

Чего же хотели американцы от России, на что рассчитывали? В 1990-х гг. преобладающим инструментом борьбы с «великодержавной агрессивностью» российской внешней политики большинство американских аналитиков называли постепенную интеграцию России в международные институты и одновременно активную наступательную политику США в Евразии, направленную на вовлечение в сферу своего влияния бывших республик СССР. При этом они полагали, что для воздействия на российскую внешнюю политику необходимо, с одной стороны, поддерживать и активно лоббировать либерально-демократические изменения в самой России, ограничивая, с другой стороны, сферу ее влияния в мире. Наиболее действенным инструментом в такой политике было признано НАТО, которое постепенно на протяжении 1990-х гг., несмотря на протесты России и первоначальное соглашение 1991 г. между Дж. Бушем-старшим и Ельциным, о том, что этот блок не будет расширяться на восток, включило в себя практически всю Восточную Европу, допуская также возможность будущего членства в НАТО некоторых стран СНГ.

Именно такое решение предлагал, в частности, З. Бжезинский. По его мнению, у ослабленной России был в 1990-х гг. только один «геостратегический выбор, в результате которого она могла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество»⁸⁴⁰, — это трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но и как прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом»⁸⁴¹. Именно поэтому, оптимальной политикой для США, по мнению американского геостратега, было бы, в свою очередь, так строить свою политику в других регионах мира, чтобы убедить Россию, что у нее есть лишь единственный выход из геостратегической изоляции. Одной из составляющих американской политики должно было стать «оказание поддержки новым государствам — для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи... Среди этих государств три страны имеют особое важное значение: Азербайджан, Узбекистан и Украина»⁸⁴².

⁸⁴⁰ З. Бжезинский. Указ. соч. С. 142.

⁸⁴¹ Там же. С. 143.

⁸⁴² Там же. С. 146.

Но для того чтобы войти в единую трансатлантическую Европу, Россия должна была отречься от «имперского прошлого», а это означало «полное согласие с геополитическим плюрализмом, который получил распространение на территории бывшего Советского Союза»⁸⁴³. Кроме того, Россия должна была согласиться с расширительной политикой, как ЕС, так и НАТО, а также с укреплением связей в области политики безопасности между США и Европой. Ну и наконец, она должна была укрепить внутренние демократические институты и развивать свободную рыночную экономику.

Предложил Бжезинский и проект внутренней модернизации России для обеспечения ее внешнеполитического выживания, который фактически предполагал отказ от единства российского государства. Децентрализованная Россия, полагал автор «Великой шахматной доски», «была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что тем самым ускорило бы развитие самой России»⁸⁴⁴. В случае принятия этих условий, для чего, безусловно, понадобилась бы политическая воля и сильный, решительный лидер, Россия смогла бы освободиться от своего имперского прошлого и стать «демократической, национальной, подлинно современной и европейской... державой, соединяющей Евразию...»⁸⁴⁵.

Вот так можно было бы разом покончить и с американскими страхами и с российской великодержавностью. Нет державы — нет страхов и проблем. Остается загадкой, действительно ли такой серьезный политический «шахматист», как Бжезинский, рассчитывал на подобное окончание «партии», начатой США. Но очевидно, что автор «Великой шахматной доски» выдал (ненароком или с умыслом) идеальный, с точки зрения многих американских политиков, и, скорее всего, просчитывавшийся Вашингтоном геополитический «эндшпиль»: от расчленения Советского Союза — к расчленению России.

Менее радикальный план действий предлагал Ариель Коэн. Он также считал, что Россия должна встать на путь демократических

⁸⁴³ З. Бжезинский. Указ. соч. С. 144.

⁸⁴⁴ Там же. С. 144.

⁸⁴⁵ Там же. С. 145.

и рыночных реформ, поскольку только демократическая Россия могла бы стать гарантом безопасности в Евразии. США должны были дать понять России, что считают бывшие республики СССР независимыми государствами и «объяснить российским лидерам, что не поддержат одностороннего осуществления Россией 'доктрины Монро' в Евразии или нарушения суверенитета других государств СНГ»⁸⁴⁶. Поддерживая суверенитет и территориальную целостность всех бывших республик СССР, Америка должна была также настаивать на многостороннем контроле над разрешением этнических конфликтов на территории бывшего СССР. Заставить же Россию отказаться от великодержавных планов, Соединенные Штаты, по мнению А. Коэна, могли бы, задействовав финансовые рычаги. В частности, следовало «связать выделение финансовой помощи России со скорейшим выводом войск из стран Балтии»⁸⁴⁷, а также «оказывать экономическую и техническую помощь частному сектору, а не государственным структурам в России»⁸⁴⁸.

Не были забыты и методы холодной войны. Так, Поль Кьюбисек считал, что лучший метод воздействия на Россию — это сдерживание. «Запад должен и может ограничивать российское влияние, проводя активную политику в ее ближнем зарубежье и возможно даже продвигая НАТО к границам России. Сдерживание работало, работает и будет работать»⁸⁴⁹. Для этого, полагал американский эксперт, совсем не обязательно агрессивно навязывать России свою волю, можно действовать и более изощренно. Как говорил его коллега Тэд Хопф, «используя методы кнута и пряника, чтобы влиять на российскую внешнюю политику и защищать западные интересы, можно добиться реальных результатов»⁸⁵⁰.

Понятно, что если этим надеждам и расчетам американцев и суждено было сбыться, то лишь отчасти. Ибо Россия, выстраивая свою внешнюю политику в 1990-х гг., вовсе не считала себя побежденной стороной. Она воспринимала себя наследницей вели-

⁸⁴⁶ Ariel Cohen. Russia and her Neighbors: Creating a U.S. Policy toward Eurasia// The Heritage Foundation's Reports. 19 November 1993. P. 17.

⁸⁴⁷ Ibid., P. 18.

⁸⁴⁸ Ibid., P. 19.

⁸⁴⁹ Paul Kubicek. Russian Foreign Policy and the West//Political Science Quarterly. Vol. 114. Number 4. 1999–2000. P. 568.

⁸⁵⁰ Ted Hopf. Managing Soviet Disintegration: A Demand for Behavioral Regimes// International Security 17 (Summer 1992). P. 46.

кой державы, более того — победительницей коммунистической «империи зла». Поэтому она полагала, что Западу следовало бы принять ее в свои ряды без каких-либо условий или ограничений и ожидала от него этого, но вместе с тем считала себя вправе выстраивать самостоятельную внешнюю политику, исходя из своих национальных интересов.

И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ, А ТАК...

Так или иначе, надежды и ожидания двух сторон не совпали, как не совпали их представления о себе и друг о друге. А это неминуемо должно было привести к взаимному разочарованию и недоверию, а в конечном счете — к изменению американских представлений о внешней политике России.

Багаж 1990-х гг. оказался не менее тяжелым, чем тот, который был накоплен за весь долгий период холодной войны. Последовательное расширение НАТО, противостояние во время войны в Косово, война в Чечне, продажа ядерных технологий Ирану, российско-китайское сближение — все это создало и у Запада и у России ощущение непонимания намерений друг друга. Российская внешняя политика стала казаться Западу еще более противоречивой и непоследовательной. В условиях, когда США пересмотрели свое прежнее представление о реальности имперских амбиций России и перестали воспринимать ее как непосредственную угрозу безопасности США («Россия — слишком слаба и слишком много у нее внутренних проблем, чтобы она могла позволить себе пойти на серьезный конфликт с Западом»⁸⁵¹), ее позиция на шкале американских внешнеполитических приоритетов стала опускаться вниз.

Не удивительно, что, создавая образ внешней политики России на рубеже веков американские аналитики, прежде всего пытались понять, нужна ли вообще Россия Западу и США в частности. Пересмотру подверглась вся политика в отношении России, проводимая администрацией Клинтона. В частности, был вновь поставлен животрепещущий вопрос, на который в 1997 г. пытался ответить Ричард Пайпс⁸⁵²: Россия — враг или друг?

⁸⁵¹ Z. Bzezinski. Russia's "Sphere of Influence" – Chechnya and Beyond Azerbaijan International. Spring 2000 (8.1). http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/81_folder/81_articles/81_brzezinski.html

⁸⁵² Richard Pipes. Is Russia Still an Enemy? Foreign Affairs. N 76. September/October 1997. PP. 65–78.

Эмоционально окрашенный вопрос, поделивший в 1990-х гг. американских аналитиков на оптимистов, поддерживающих политику администрации Клинтона, направленную на установление дружественных отношений, и на радикальных скептиков, считавших, что Россия, так же как СССР, не может быть другом США, породил в начале XXI века компромиссный, лишенный всяческой эмоциональности ответ — «никто». Если в 1997 г. Ричард Пайпс однозначно ответил, что Россия не является и не должна быть врагом, но поскольку ее будущее все еще туманно, то она может им стать («если те, кто управляют ею, используя политическую неопытность и глубокие предрассудки своего народа, вновь погонятся за славой... вновь стремясь избежать трудностей, выберут самоизоляцию и великодержавность»⁸⁵³), то в 2001 г. Майкл Макфол предпочел вообще уйти от этой дилеммы. Россия, по его мнению, не была ни другом, ни врагом для США. «Сегодня Россия все еще где-то между своим прошлым в качестве врага Запада и своим потенциальным будущим в качестве полноценного члена западного сообщества»⁸⁵⁴. Вопрос о дружбе с Россией, полагал он, поднимать было еще рано, нужно было подождать, дать России самой определиться, кто она и что будет делать дальше. Но как же тогда вести себя с этим не другом и не врагом? Как действовать Западу и США в частности, в такой атмосфере неопределенности и недоверия?

М. Макфол, предложивший не идентифицировать Россию ни как «друга», ни как «врага», предпочел выбрать «золотую середину» и в стратегии. Необходимо, по его мнению, избегать как «навязчивой вовлеченности» в дела России, так и активной отстраненности. Никаких «иллюзий об альянсах и особых отношениях», но не стоит и возвращаться к противостоянию времен холодной войны. «Больше отстраненности, чем десять лет назад, было бы полезно для двусторонних отношений. Чрезмерная отстраненность будет уже опасна»⁸⁵⁵. «Не стоит претворяться, что Россия — это стратегический партнер. Даже при самом лучшем раскладе Россия в ближайшем будущем вряд ли станет союзником США, полностью включенным в НАТО или другие структуры»⁸⁵⁶. М. Макфол называл предложенную им стратегию «реалистиче-

⁸⁵³ Richard Pipes. Op. cit. P. 78.

⁸⁵⁴ Michael McFaul. Realistic Engagement: A new Approach to American-Russian Relations//Current History. October 2001. P. 313.

⁸⁵⁵ Ibid., P. 314.

⁸⁵⁶ Ibid., P. 316.

ской вовлеченностью». Он был убежден, что успешное завершение в России демократических и рыночных реформ и интеграция России в международное сообщество жизненно важны для США. Но при этом «реалистическая вовлеченность» предполагает «снижение краткосрочных ожиданий, расширение временных границ для достижения поставленных целей и подстройку политики под достижение конкретных целей»⁸⁵⁷.

Вопрос о необходимости интеграции России в западное сообщество вновь стал одним из острейших для американских аналитиков на рубеже веков. На протяжении всех 1990-х гг. интеграция России в западные многонациональные институты была общей целью Запада и России. Однако к 2000-м гг. как в России, так и на Западе, интеграция в западное сообщество перестала быть такой однозначной ценностью и необходимостью. Разделились и американские аналитики по этому вопросу. Были те, кто считал, что Россия не заслуживает быть членом западных институтов, и нет никакой необходимости пытаться втянуть ее в них. Россия больше не является великой державой, она стала настолько слабой, что не может играть на равных с западными государствами, не может быть ни сотрудником, ни опасным врагом для США⁸⁵⁸. Сторонники такой точки зрения, которую М. Макфол называет ограниченным участием или в более радикальной форме — неучастием, сомневаются в том, что Россия когда-либо сможет построить либеральную демократию и эффективную рыночную экономику. А значит, вряд ли у России есть право претендовать на полноправное членство в международном сообществе.

Другие продолжали утверждать, что, несмотря ни на что, Россия — достаточно сильное государство, чтобы быть достойным союзником или серьезным врагом для США. В интересах Америки, полагали они, — иметь эту страну в качестве дружественного государства. Единственный же способ создать нейтральную и тем более дружественную Россию — это интегрировать ее в западное сообщество, и эту интеграцию необходимо осуществлять, несмотря на то, как реально пойдет развитие России. Кроме того, «сама по себе слабость российского государства представляет угрозу американской национальной безопасности. Поэтому более эффективное российское государство могло бы служить

⁸⁵⁷ Michael McFaul. *Op. cit.* P. 317.

⁸⁵⁸ James M. Goldgeier and Michael McFaul. What to Do about Russia//Policy Review. October – November 2005. N 133. <http://www.policyreview.org/oct05/goldgeier.html>

американским национальным интересам, только при условии, что российский президент будет вынужден консультироваться с другими российскими институтами власти и с обществом, прежде чем распоряжаться имеющимися у России возможностями. Мощное государство, управляемое кремлевскими лидерами без ограничений со стороны демократических институтов и ведомое имперскими амбициями и антизападными настроениями, — это наш худший кошмар⁸⁵⁹». Интеграция же России в западные институты должна способствовать демократизации российского государства и поможет избежать российской угрозы.

Одним из ярких сторонников интеграции России в западное общество, продолжал оставаться З. Бжезинский. Американский геостратег утверждал, что Россия по-прежнему стремится вернуть себе доминирующее положение в мире, проводя агрессивную политику в отношении стран СНГ и пытаясь внести разлад в отношения США и Европы. Однако российские лидеры не понимают, что у России просто не хватает сил осуществить все грандиозные планы по возвращению сфер влияния. Он предупреждал, что «если Россия и впредь не сумеет трезво осмыслить нависшие над ней геополитические угрозы и свою внутреннюю слабость, то в конечном счете мы увидим не «Европу от Атлантики до Урала», которую некогда представлял себе генерал де Голль, а отягощенную внешними и внутренними проблемами Россию, кончающуюся на Урале»⁸⁶⁰. Несмотря на свое критическое отношение к действиям администрации Клинтона, он все также был уверен, что США должны сделать все, чтобы интегрировать Россию в Европу, и что у России, в свою очередь, нет иного пути, кроме как вписаться в трансатлантическую Европу, отказавшись при этом от своего «имперского груза». Для этого Запад должен дать «четко понять, что продолжающееся расширение ЕС и НАТО в принципе не исключает возможность последующего подключения России»⁸⁶¹.

При этом Бжезинский еще более жестко, чем раньше советовал США ни в коем случае не допускать, чтобы Россия начала сама контролировать этот процесс интеграции. Инициатива должна исходить только от Запада. Запад должен сделать все,

⁸⁵⁹ James M. Goldgeier and Michael McFaul. Op. cit.

⁸⁶⁰ З. Бжезинский. Как строить отношения с Россией Pro et Contra. Том 6. № 1–2. Зима – весна 2001. С. 145.

⁸⁶¹ Там же. С. 148.

чтобы ограничить стратегический выбор России и при этом не пойти у нее на поводу. «Запад и, особенно, США должны оставаться на чеку, чтобы не попасться в ловушку и не оказаться в союзе с Россией против мусульман (или китайцев)»⁸⁶², поэтому возможная угроза России со стороны тех или других может стать в дальнейшем как раз тем самым инструментом давления на Россию. Политика Соединенных Штатов должна быть направлена на вовлечение России «во все более близкие отношения с Западом, однако не следует путать такую политику с односторонним 'ухаживанием'. Эффективное вовлечение во взаимодействие должно предусматривать создание таких геостратегических условий, в которых российская элита сама осознает, что у России есть единственно разумный выбор: стать по-настоящему 'помолвленной' с Западом»⁸⁶³.

Сторонники «реалистической вовлеченности» считали, что Россия еще «не потеряна» для США и они должны помочь ей интегрироваться в западное сообщество. Однако процесс интеграции они понимали иначе, чем З. Бжезинский. Интеграция должна была быть лишь инструментом избавления России от имперских и авторитарных амбиций, а не самоцелью. Стивен Сестанович полагал, что чрезмерная настойчивость США в попытке ввести Россию в западное сообщество, с одной стороны, мешает ей самой определиться, что ей нужно, и понять ценность членства в западных институтах, а с другой стороны, не позволяет США адекватно оценить внешнеполитическую стратегию России. Поскольку «российское участие в 'большой восьмерке' и других подобных группах носит в основном декоративный характер, оно мало что говорит о ее общем отношении к интеграции с Западом»⁸⁶⁴. Изначально Россию принимали в западные институты в независимости от того, насколько она соответствует требованиям этих организаций, авансом, в надежде, что потом Россия оправдает оказанное ей доверие. Однако это привело лишь к тому, что Россия стала воспринимать свое членство в этих организациях как должное, как что-то не требующее от нее выполнения каких-либо условий, а значит, не требующее приложения усилий, направленных на собственную модернизацию и демократизацию. Более того, это

⁸⁶² З. Бжезинский. Указ. соч. С. 149.

⁸⁶³ Там же. С. 151.

⁸⁶⁴ С. Сестанович. Где истинное место России Pro et Contra. Том 6. № 1–2. Зима – весна 2001. С. 156.

позволило ей вести себя на международной арене так, как если бы она не была связана членством в западных организациях. К тому же, по мнению С. Сестановича, в таких условиях у нее не было никакого стимула стремиться к вступлению в другие организации, такие как, например, НАТО и ВТО. Она лишь на словах проявляла интерес к интеграции, а на деле не предпринимала никаких шагов к этому. «За истекшее десятилетие Россия сделала для своей интеграции с Западом лишь немного из возможного»⁸⁶⁵. И трудности, с которыми она вдруг столкнулась, только подтверждают, по мнению аналитика, что «у интеграции нет перспективы, если страна не проявляет твердой воли, стремясь к этой цели».

Пока Россия будет относиться к вступлению в западные институты как к получению «еще одного почетного трофея», пока она сама не поймет, что именно это соответствует ее внутривнутриполитическим и внешнеполитическим интересам, ни для Запада, ни для нее самой не будет никакого смысла в такой интеграции. Интеграция ради интеграции не может помочь Западу ни в понимании российской внешней политики, ни в налаживании эффективного сотрудничества с Россией. «Эта идея не может исходить от нас — она должна быть их собственной»⁸⁶⁶. Но вот вопрос: как побудить Россию самостоятельно выбрать идею интеграции?

По мнению С. Сестановича, Россия и сама прекрасно осознает нависшие над ней геополитические угрозы, она также гораздо лучше американцев понимает свои внутривнутриполитические проблемы. Более того, «русские склонны полагать, что им надо решать эти проблемы самим, наводя порядок в собственном доме, и в этом они не так уж заблуждаются»⁸⁶⁷. Поэтому метод Бжезинского состоящий в том, чтобы показать России всю тяжесть ее положения и объяснить ее интересы, по мнению С. Сестановича, не имеет никаких перспектив. Необходимо, чтобы Россия сама осознала ценность своего членства в западных институтах, а это означает, что она должна понять: чтобы быть членом западного сообщества, нужно соответствовать установленным критериям, в противном случае она может быть исключена из него. «Если

⁸⁶⁵ С. Сестанович. Указ. соч. С. 167.

⁸⁶⁶ Там же. С. 158.

⁸⁶⁷ Там же. С. 160.

российская демократия окажется под реальной угрозой, вопрос об участии Путина в «восьмерке» может и должен быть пересмотрен»⁸⁶⁸.

Стратегия «реалистической вовлеченности» предполагала также установление и соблюдение жестких стандартов интеграции и реалистичных сроков достижения последних. «Любые специальные условия для вступления России в западные институты в качестве полноправного члена должны быть отменены. Политика 'реалистической вовлеченности' предполагает, что Россия должна соответствовать тем же стандартам, что и все остальные государства и что процесс интеграции России в западные институты, такие как ВТО или G8, не нужно искусственно ускорять ради каких-то символических целей»⁸⁶⁹.

В качестве обязательного условия интеграции России в западное сообщество выдвигалось углубление экономических и политических реформ в России. При этом предполагалось, что США будут поощрять демократические тенденции в российском обществе и интеграцию российского бизнеса и российских граждан в мировую экономику. Высказывалось также мнение, что было бы лучше, если бы вместо бесконечных денежных вливаний администрация Дж. Буша «предложила российскому бизнесу доступ на американские рынки» и облегчила процедуру получения американской визы, особенно для тех, кто едет учиться в США.

Что касается расширения НАТО, то предлагалось (в частности, Макфолом) сделать процесс более объективным и обыденным. НАТО должно быть открыто для всех демократических рыночных государств Европы, и в перспективе должно автоматически включить все эти государства. Как только будут установлены общие критерии для вступления в НАТО, России необходимо дать понять, что на тех же условиях и при соответствии необходимым требованиям она тоже может вступить в альянс, если примет такое решение. Такая политика позволила бы снизить напряженность в отношениях России и НАТО, вызванную во многом «страхом России оказаться исключенной», изолированной; а значит, будет способствовать установлению более предсказуемых взаимоотношений России и Запада в целом.

⁸⁶⁸ С. Сестанович. Указ. соч. С. 166.

⁸⁶⁹ Michael McFaul. Op. cit. P. 317.

ДИЛЕММА 2000-х гг.

В начале нового тысячелетия американское восприятие российской внешней политики характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, на передний план при оценке этой политики вновь выдвигается обострившийся вопрос о великодержавных амбициях России. Только теперь он — в отличие от 1990-х гг. — рассматривается в контексте дихотомии Запад/анти-Запад. Обострившиеся в 2000-х гг. внутренние метания России, пытающейся в очередной раз определиться со своим местом в мире и выбрать между в равной степени присущими ей «западностью» и «восточностью», не могли не отразиться на американском восприятии ее внешней политики. И вопрос 1990-х гг., является ли Россия другом или врагом, трансформировался в 2000-х гг. в вопрос, выступает ли Россия на стороне Запада или на стороне его противников.

Надо отметить и такой момент, как некоторое смягчение эмоционального фона восприятия российской внешней политики, характерного для 1990-х гг., а также более трезвый взгляд на эту политику — по крайней мере, со стороны некоторой части заокеанских аналитиков, исследующих политику России на мировой арене и формирующих представление о ней.

В начале 2000-х гг. в Америке доминировало мнение, что российская внешняя политика слишком непоследовательна и противоречива. Российские лидеры своим поведением на международной арене подавали взаимоисключающие сигналы. С одной стороны, Россия оказала безусловную поддержку США, как моральную, так и материальную, после сентябрьских терактов 2001 г.: объявив себя союзником США в борьбе с терроризмом, она согласилась на размещение американских военных баз на территориях, которые считала зоной своего непосредственного влияния и предоставила американской армии порты и железные дороги для переброски войск и военной техники в Афганистан. Однако очень скоро стало ясно, что Россия, в отличие от ближайших союзников США, таких как Великобритания, не готова безоговорочно поддерживать все внешнеполитические акции Америки, подаваемые ею как борьба с терроризмом. В частности, Россия выступила против вторжения в Ирак и продолжила строительство ядерного реактора в Иране.

Такое поведение России не могло не найти отражения в суждениях американцев о ее внешней политике. Заокеанские аналитики утверждали, что не могут понять, с кем же Россия, на чьей стороне она играет. Одновременно с этим поднялась волна крити-

ки «неоимперского» характера российской внешнеполитической стратегии. В конце концов, возобладало мнение, что Россия изо всех сил пытается вернуть себе статус великой державы. Уязвленная тем, что ее очень часто просто игнорируют, и, осознавая, что ее экономическая слабость и значительно снизившаяся военная мощь служат серьезным препятствием на пути реализации великодержавных амбиций, Россия сделала ставку на игру на противоречиях между противостоящими сторонами⁸⁷⁰. Попытка создать коалицию с Францией и Германией против войны в Ираке, поддержка Ирана, поддержка Киотского протокола, сближение с Китаем породили представление о том, что российские лидеры пришли к выводу, что «... игра на обеих сторонах — это лучший способ продвинуть интересы Москвы»⁸⁷¹. А политика России в отношении стран СНГ вновь стала расцениваться как попытка восстановить былое влияние в регионе. «В Москве уверены, что все ближайшие соседи будут более счастливы, находясь под большим влиянием России»⁸⁷².

Между тем, по мере укрепления национальной экономики, поведение России на международной арене становилось все более самостоятельным и прагматичным. Она все больше чувствовала свою силу, и американским аналитикам приходилось теперь не только критиковать внешнюю политику России, но и искать ее объяснение. Вопрос о том, с кем Россия — с Западом или против него, неожиданно получил новый, менее эмоционально окрашенный и более конструктивный ответ: Россия сама по себе. Ее сотрудничество одновременно и с западными державами и с их оппонентами перестало восприниматься просто как попытка России завоевать авторитет, играя на разногласиях. В этом поведении увидели продуманную внешнеполитическую стратегию, направленную на выстраивание независимой от Запада прагматичной внешнеполитической линии в соответствии с основным критерием — интересами Российской Федерации. «До сих пор Россия видела себя Плутоном в западной солнечной системе — очень далеко от ее центра, но все-таки неотъемлемая часть ее. Теперь Россия полностью покинула эту орбиту: российские лидеры перестали пытаться стать частью Запада и

⁸⁷⁰ Mark N. Katz. Exploiting Rivalries: Putin's Foreign Policy//Current History. October 2004. P. 337–341.

⁸⁷¹ Ibid., P. 341.

⁸⁷² Ariel Cohen. Competition over Eurasia: Are the U.S. and Russia on a Collision Course? Heritage Lectures. No.901. September 4, 2005.

начали выстраивать свою систему, центром которой была сама Москва»⁸⁷³.

По мнению сотрудника московского отделения Центра Карнеги Дмитрия Тренина, произошла полная смена парадигмы, в соответствии с которой строились отношения России с Западом. В соответствии с новым подходом, российские лидеры исходят из того, что у России как у большой страны не может быть друзей, потому что никто не хочет иметь под боком большую и сильную Россию, а значит, нужно не друзей искать и делить мир на друзей и врагов, а выстраивать взаимовыгодные отношения со всеми участниками международной системы, исходя из интересов России. «У России есть выбор либо принять послушание, либо восстановить свой статус великой державы, настаивая на своем месте наравне с США и Китаем...»⁸⁷⁴.

Д. Тренин утверждал, что Запад во многом сам спровоцировал изменения российской внешней политики. Долгое время после окончания холодной войны, он, с одной стороны, говорил о принятии России в свои ряды, а с другой стороны, на практике едва ли представляя себе, как будет осуществляться идея интеграции России в западное сообщество, связывал само вступление России в свои ряды с четким выполнением целого ряда требований и с согласием выполнять его указания. Рано или поздно Россия должна была начать выражать недовольство относительно такого отношения. «... В 2004 г. западные правительства окончательно решили, что Россия в ближайшем будущем не станет демократическим государством...»⁸⁷⁵, значит, ее невозможно интегрировать в западное сообщество. Запад фактически махнул рукой на Россию. Россия же, в свою очередь, как раз почувствовала себя достаточно сильной, чтобы начать активно восстанавливать свои позиции на международной арене.

Первым шагом стало «возвращение» концепции «ближнего зарубежья». Россия сделала ставку на СНГ, впервые с 1991 г. «рассматривая бывшие советские республики в качестве приоритетного направления»⁸⁷⁶. Затем Россия начала активизировать сотрудничество с Китаем и Индией, прекратила продавать газ по

⁸⁷³ Dmitri Trenin. Russia Leaves the West//Foreign Affairs. July-August 2006. <http://www.foreignaffairs.org/20060701 faessay85407/dmitri-trenin/russia-leaves-the-west.html>

⁸⁷⁴ Ibidem.

⁸⁷⁵ Ibidem.

⁸⁷⁶ Ibidem.

льготным ценам бывшим советским республикам, пригласила лидеров «Хамас» в Москву, отказалась наложить санкции на Иран. В результате, действуя сначала осторожно, а потом все смелее и смелее, Россия, по-мнению Д. Тренина, начала «вести себя как великая держава, которой она была в царские времена...»⁸⁷⁷. Аналитик утверждал, что Россия больше не заботится о мнении, которое сложится о ней на Западе, «даже Советский Союз больше волновался о своем имидже», чем современная Россия. В России считают, что как бы страна ни вела себя, на Западе ее все равно будут критиковать, поэтому незачем волноваться. Теперь Запад интересуется Россией только как экономический партнер.

Подобные взгляды высказывал и американский аналитик Эндрю Качинс. Он также полагал, что Россия чувствует себя достаточно сильной, чтобы выстраивать свою собственную политику на международной арене. Отвечая на вопрос, с кем Россия, Качинс высказывал, что, продолжая ориентироваться на Запад, она «не намерена играть роль младшего партнера США, как предполагали некоторые в 2001 г.»⁸⁷⁸. В то же время Россия не стремится к скорейшей интеграции в западные институты, в частности в ЕС, воспринимая расширение НАТО и ЕС, скорее, как вызов своей безопасности, чем как реальное предложение войти в состав западного сообщества. В будущем Россия «останется одной из немногих стран, наравне с Китаем, которые будут проводить независимую внешнюю политику. Она будет играть значительную роль в ряде ключевых регионов, таких как Европа, Северо-восточная Азия, и то, что россияне называют «Великий Ближний Восток», — регионы в основном с мусульманским населением к югу от Афганистана до Египта. У России будет также целый ряд возможностей, позволяющих ей играть более широкую глобальную роль — энергетика, ядерное оружие и право вето в ООН. Россия будет проводить так называемую 'многовекторную' внешнюю политику, направленную на продвижение российских национальных интересов и установление многополярного мира»⁸⁷⁹.

Курс на восстановление международного статуса стал в начале 2000-х гг. основной характеристикой внешнеполитического образа России. Этот факт не оставил без внимания ни один американский аналитик. «На волне стабильности и роста своей экономики пу-

⁸⁷⁷ Dmitri Trenin. *Op. cit.*

⁸⁷⁸ Andrew C. Kuchins. *New Directions in Russian Foreign Policy: Is the East Wind Prevailing the West Wind in Moscow* Johnson's Russia List 2006. <http://www.cdi.org/russia/johnson/9314-27.cfm>

⁸⁷⁹ *Ibidem.*

тинская Россия выработала внешнюю политику, направленную на активное восстановление своего статуса как одного из ключевых игроков на мировой арене...»⁸⁸⁰. Директор российских исследований Американского института предпринимательства профессор Леон Арон также говорил о новых императивах во внешней политике России: восстановлении и укреплении прежних связей на постсоветском пространстве, отказе от приоритета на западную интеграцию⁸⁸¹. Он считал, что Россия проводит прагматичную внешнюю политику, стремясь не связывать себя абстрактными принципами, маневрировать, и ориентируется в основном на двусторонние отношения. Но, в отличие от Д. Тренина, Л. Арон утверждал, что Россия не может не оглядываться на Запад, потому что для нее очень важно его уважение и признание равноправия с его стороны.

Другой аналитик Фиона Хилл утверждала, что «Россия с успехом восстанавливает уровень влияния, которым когда-то обладал Советский Союз, в сфере непосредственных интересов»⁸⁸². Ф. Хилл считала, что Россия обладает достаточным потенциалом, чтобы сравниться по уровню влияния в Евразии с влиянием США в Северной и Южной Америке, однако, чтобы добиться успеха она должна больший упор делать на торговые отношения, а не на силу.

Директор программы по изучению России и Евразии Центра стратегических и международных исследований Селеста Уолландер также уверено утверждала, что Россия, безусловно, готова на сотрудничество с Западом, но сегодня она намерена делать это на своих условиях, которые предполагают сохранение за ней великодержавного статуса на международной арене и невмешательство в ее внутривластическое развитие⁸⁸³.

Однако трезвый взгляд на российскую внешнюю политику, доминировавший еще год-два назад среди американских аналитиков, и тогда не исключал ее критики со стороны некоторых из них,

⁸⁸⁰ Дж.Ф.О. Макалистер. Новый мировой порядок России//Time Europe. 3 июля 2006 г. <http://www.inosmi.ru/228534.html>

⁸⁸¹ Л. Арон. США и Россия: отношения сквозь призму идеологий//Россия в глобальной политике. №3. 2006.

⁸⁸² Ф. Хилл. Вновь обретенная сила России//The Globalist. 2005 <http://www.inosmi.ru/221778.html>

⁸⁸³ С. Уолландер. Политика США в отношении России. Выступление на заседании комитета Сената США по международным делам. <http://www.inosmi.ru/220553.html>

а в последнее время явно отступил под натиском нового образа «возрождающейся агрессивной имперской России», поведение которой ставит мир на грань новой «холодной войны». Поводом, а отчасти и причиной такой смены доминирующего образа стала, прежде всего, российская энергетическая политика. Попытка России сделать экономическую выгоду определяющим фактором внешнеполитических контактов была воспринята как стремление оказывать давление на акторов международной системы для достижения своих целей. «И без того своенравная Россия стала еще более решительной благодаря своему энергетическому богатству»⁸⁸⁴. «В России, подобно многим странам третьего мира или арабским монархиям, и в отличие от богатого Запада и «глобализирующейся» Азии, доходы от нефти и газа составляют почти половину поступлений в бюджет. Мало того: это явление, свидетельствующее об экономической отсталости, она обращает в преимущество, выковыывая из него орудие для столь вожделенного возвращения в ряды мировых лидеров»⁸⁸⁵.

Основным инструментом российской внешней политики, по мнению критиков, сегодня является экспорт энергоносителей. Россия умело пользуется этим инструментом, заставляя нелояльные или непослушные страны расплачиваться своей энергетической безопасностью. Бывший консультант сенатора Джона Маккейна, Дэниэл Туайнинг утверждает, что «руководство России считает, что страна громадная, нищая, окруженная могущественными соседями, способна обрести на международной арене куда больший вес, чем позволяют объективные факторы, если будет планомерно способствовать усилению зависимости других стран, как союзников, так и противников, от российских энергоносителей и транспортных сетей»⁸⁸⁶.

Тем не менее и сегодня ряд американских аналитиков занимается в оценке российской внешней политики достаточно трезвые позиции, отмечая, в частности, что возрождение России как крупного международного игрока основано далеко не на одних энергоресурсах. Отмечается, в частности, что инструментами продвижения российского влияния на территории стран СНГ может стать российская культура, российские промышленные и продовольственные товары, а также развивающийся рынок рабо-

⁸⁸⁴ Н. Кинг-мл., Алан Каллисон. Российская нефть ограничивает влияние Америки The Wall Street Journal. 28 июня 2006 г. <http://www.inosmi.ru/228435.html>

⁸⁸⁵ Д. Туайнинг. Великодержавная политика по-путински // The weekly Standard. 13 января 2006. <http://inosmi.ru/224814.html>

⁸⁸⁶ Там же.

чей силы. «Вместо Красной Армии власть России на Украине, на Кавказе и в Средней Азии теперь держится на российском природном газе... на российском электричестве... и, помимо этого, на российской культуре и российских товарах»⁸⁸⁷. Безопасность и стабильность своих южных границ Россия обеспечивает теперь «поглощением избыточной рабочей силы этих стран, предоставлением рынков для их товаров и перемещением средств в виде денежных переводов»⁸⁸⁸.

Другие, объясняя критику российского внешнеполитического поведения тем фактом, что в США вообще принято «говорить самое худшее» о России, просто потому что «нападать на русских — всегда самое выигрышное дело», считают, что позиция России в вопросе экспорта энергоресурсов абсолютно рациональна и выстроена в духе реализма. «Однако, что бы ни придумали себе американцы, на сей раз факты на стороне президента России Владимира Путина. Нельзя же всерьез предполагать, что Москва будет продолжать фактически финансировать Киев, если сами украинские власти считают, что чем меньше России — тем лучше»⁸⁸⁹.

Сторонники такого взгляда на новую российскую внешнюю политику основную причину для беспокойства видят в другом — во все более авторитарной внутренней политике российского руководства, которая неизбежно сказывается на внешней политике и отношениях США и России. Как говорит пресс-секретарь Фонда защиты демократии Клаудия Розетт, «правительствам наподобие российского для оправдания собственных действий, для подавления недовольства, для демонстрации собственной значимости и величия нужны враги»⁸⁹⁰.

Но и жесткие критики российской внешней политики, сконцентрировавшие свое внимание на энергетическом «шантаже», свойственном «новой имперской» политике России, и менее критично настроенные, но обеспокоенные усилением авторитарных тенденций, аналитики констатируют тревожную тенденцию: выстраивание Россией независимой внешнеполитической линии не-

⁸⁸⁷ Ф. Хилл. Вновь обретенная сила России The Globalist. 2005 <http://www.inosmi.ru/221778.html>

⁸⁸⁸ Там же.

⁸⁸⁹ Д. Саймс. Факты на стороне Москвы//Los Angeles Times. 16 января 2006. <http://www.inosmi.ru/224848.html>

⁸⁹⁰ К. Флинтофф. Россия снова становится нашим врагом Национал Паблик Радио. 20.11.2007. <http://www.inosmi.ru/237932.html>

избежно ведет к росту напряженности на международной арене. Они уверены, что уже сейчас жесткие позиции, которые заняли в отношении друг друга Россия и Запад, особенно США, привели к значительному отдалению сторон и к серьезным трениям по различным вопросам.

Американские аналитики называют самые разные причины обострения отношений между Россией и Западом. С одной стороны, оба актора пересматривают свои политические приоритеты. Россия явно нацелена на восстановление целостности и силы государства. Причем делает она это, по мнению Леона Арона, «в соответствии с традиционными постулатами: государство тождественно обществу; все, что хорошо для государства, априори хорошо для страны; укрепление государства есть укрепление общества»⁸⁹¹. Это привело не только к новому расхождению между базовыми внутривнутриполитическими ценностями Запада и России, но и к тому, что последняя перестала рассматривать интеграцию в западное сообщество как главный приоритет своей политики и как основную ценность, ради которой можно пожертвовать всем остальным. Не случайно, как отмечают практически все исследователи, рефреном российской внешней политики в 2007 г. стал термин «суверенитет», который, как пишут К. Гэдди и Э. Качинс, российские власти рассматривают, как «возможность самостоятельно определять свой путь»⁸⁹². Отстаивать этот суверенитет Россия, как считают американские исследователи, ссылаясь в частности на речь Путина в Мюнхене, готова достаточно агрессивно.

У Запада после 2001 г. также сменились политические приоритеты. Европа теперь нацелена, скорее, на сохранение стабильности существующего союза, нежели на его расширение. А для США основным приоритетом стала «глобальная война с терроризмом». Но в осуществлении этой задачи они теперь готовы полагаться на поддержку России гораздо в меньшей мере, чем непосредственно после терактов.

Как считают американские аналитики, образ России как союзника в борьбе с терроризмом и возможного партнера в новых международных условиях «существенно скомпрометирован» ее контактами с «Хамас»; поставками ракет Сирии, истребителей

⁸⁹¹ Л. Арон. Указ. соч.

⁸⁹² К. Гэдди, Э. Качинс. План Путина // The Washington Quarterly. 19 марта 2008 г. <http://www.Inosmi.ru/translation/240318.html>

и вертолетов Судану; жесткими заявлениями российских руководителей о недопустимости вмешательства во внутренние дела российского государства; конфликтными отношениями с Грузией и странами Балтии; решительным настроем на отказ от соблюдения договора по ДОВСЕ. Не оправдала Россия надежд Америки и как страна, способная сыграть активную роль в деле нераспространения ядерного оружия: она, утверждают заокеанские эксперты, не только не может оказать влияния на Северную Корею, но и поддерживает Иран. А политика, проводимая Россией в вопросе экспорта энергоносителей, ее нацеленность на государственную монополию в этой сфере не может, по мнению западных аналитиков, не вызывать озабоченности у США и европейских стран, заставляя их изучать другие пути обеспечения своей энергетической безопасности. Больше того, Россию пытаются представить как ненадежного члена международного сообщества, играющего только по своим правилам, не желающего идти на компромисс и еще более непредсказуемого в своих действиях, чем это казалось в конце прошлого века. В результате, как указывают К. Гэдди и Э. Качинс, «на Западе все сильнее звучат призывы сделать новые шаги в направлении исключения России из международной системы»⁸⁹³.

Примечательно, что, критикуя Россию за «вызывающее» поведение на международной арене, далеко не все американские аналитики склонны безоглядно поддерживать позицию США. Такая позиция связана, скорее всего, с тем, что среди членов академического сообщества в последние годы растет число недовольных действиями нынешней американской администрацией. Те, кто принципиально критически относится ко всему, что она делает, однозначно отрицательно воспринимают и многие шаги, предпринимаемые американским правительством в отношении России. Они, в частности, обращают внимание не то, что Россия воспринимает некоторые действия США в СНГ как пренебрежение ее «особыми интересами» в этом регионе, а новые планы на расширение НАТО и размещение ракет у границ России — как реальный вызов своей безопасности. Напоминают и о жесткой позиции, которую до самого последнего времени занимали США по вопросу о вступлении России в ВТО, об унижительной поправке Джексона-Вэника, о неуважении к России со стороны Запада...

⁸⁹³ К. Гэдди, Э. Качинс. План Путина...

Любопытно, что в числе «защитников» России оказываются порой и те, кого всегда было трудно обвинить в особой любви к ней. Так, исследователь фонда The New American Foundation Анатолий Ливен недоумевает, зачем США намеренно создают напряженность в отношениях с Россией, поддерживая, в частности, антироссийские настроения в странах СНГ в то время, когда ей необходимы союзники в борьбе с терроризмом. «Поощрение конфликтов у российских границ представляется особенно неумным и аморальным, если учесть, что из-за войны в Ираке у США фактически нет свободных войск для подкрепления каких-либо обещаний в сфере безопасности, которые Вашингтон может дать странам, порвавшим с Москвой»⁸⁹⁴. А. Ливен считает, что США фактически требуют от России не делать того, что позволяют себе делать сами, и готовы поддержать кого угодно, лишь бы это было в противовес России. «Зачем осуждать Москву за сотрудничество с диктатурами, если Вашингтон до недавнего времени поступал также, запросто принимая у себя диктаторов, владевших достаточными запасами нефти? Как можно убеждать Россию в необходимости использования рыночных принципов, а затем поднимать крик, когда она повышает цены на энергоносители до рыночного уровня? Зачем выделять огромные суммы на поддержку одного грузинского лидера за другим только потому, что они занимают антироссийскую позицию, несмотря на то, что они становятся коррумпированными правителями?»⁸⁹⁵.

Видный международник Джозеф Най также считает, что США ведут себя по отношению в России излишне провокационно⁸⁹⁶. Д. Саймс убежден, что США не могут одновременно проводить политику, которую «Россия считает враждебной» и рассчитывать на сотрудничество с ее стороны в таких вопросах, как Иран и Северная Корея⁸⁹⁷. Он считает, что, «хотя главными причинами взаимного разочарования стали новообетенная напористость Москвы и ее грубые методы во внешней и внутренней политике, Соединенные Штаты также несут немалую долю ответственности за постепенный распад наших двусторонних связей. Недостатки, ошибки и проступки Москвы не оправдывают американское по-

⁸⁹⁴ А. Ливен. Почему мы пытаемся вернуть Холодную войну? // Los Angeles Times. 20 марта 2006 г. <http://www.inosmi.ru/226218.html>

⁸⁹⁵ Там же.

⁸⁹⁶ Joseph Nye. America must be pragmatic with Putin Financial Times

⁸⁹⁷ Д. Саймс. Указ. соч.

литическое руководство, допустившее глубочайшие просчеты в вопросе об 'упорядоченном' превращении России из экспансионистской коммунистической империи в великую державу традиционного типа»⁸⁹⁸.

Во что же может вылиться растущее напряжение в отношениях Запада и России? Как заокеанские аналитики отвечают на все чаще задаваемый ими же вопрос о возможности возвращения холодной войны, в которой Россия вновь будет врагом Запада? Хотя американское экспертное сообщество, предупреждало в 2006–2007 годах, что грядущие электоральные циклы в России и США могут привести к еще большему обострению двусторонних отношений, большинство его представителей все-таки не склонны к пессимизму и полагают, что хотя ситуация в мире все более осложняется и всех участников международного процесса ждут тяжелые испытания, это будут, скорее, «затянувшиеся заморозки», чем реальная холодная война. Россия, напоминают они, — это не Советский Союз, который постоянно стремился изменить международный баланс сил в свою пользу. Ее отношения с Западом не обременены идеологическим противостоянием, она более открыта внешнему миру, и потому с ней можно договориться. «Хорошая новость состоит в том, что Путин — это не диктатор и Россия сегодня — это не диктаторское государство в руках воинствующего националиста, а, скорее, автократический режим, возглавляемый прагматичным государственным деятелем. Присутствие Путина в Кремле означает, что сотрудничество по наиболее стратегически важным вопросам возможно. Россия может не быть прозападным государством, каким был СССР при Михаиле Горбачеве или Россия при Ельцине, но она и не проводит откровенно антизападной политики на манер той, которую проводили такие коммунистические лидеры как Сталин и Хрущев»⁸⁹⁹.

Марк Медиган, заместитель директора фонда Карнеги по России, Китаю и Евразии, констатируя разочарование двух стран друг в друге, тут же замечает, что «это не отменяет нашей заинтересованности в сдерживании распространения оружия массового поражения и ядерного топлива, контроле над количеством стратегических вооружений, стабильной обстановке в Евразии и на Ближнем

⁸⁹⁸ Д. Саймс. Мы можем потерять Россию//Foreign Affairs. 01.11.2007//<http://www.inosmi.ru/translation/237578.html>

⁸⁹⁹ James M. Goldgeier and Michael McFaul. What to Do About Russia...

Востоке и в борьбе с исламским экстремизмом по всему миру. Все это вопросы — жизненной важности, они не потеряли своего значения ни для нас, ни для русских. И для решения этих вопросов нам надо работать вместе»⁹⁰⁰. К тому же общественное мнение, как на Западе, так и в России, не настроено на серьезное противостояние. Так что, как написал Леон Арон, «корабль не пойдет ко дну. Но готовьтесь к сильной качке. И тошноте. Наденьте спасательные жилеты и не поддавайтесь панике»⁹⁰¹.

Впрочем, из довольно стройного хора экспертов, отрицающих возможность новой холодной войны, выбиваются голоса тех, кто считает такую возможность реальной. Так, С. Козн с присущей ему склонностью плыть против течения, с легкостью разрушает все аргументы оптимистов, заявляя, что нынешний антагонизм между Вашингтоном с его политикой «распространения демократии» и концепцией «суверенной демократии, которой придерживается Москва приобрел остро идеологизированный характер; новая некоммунистическая система власти, сложившаяся в России, мало чем напоминает американскую; у России есть ряд преимуществ, позволяющих успешно вести «холодную войну» на новой «линии фронта», проходящей через территорию бывшего СССР — от Украины и Грузии до Центральной Азии»⁹⁰².

«Простых способов решить сложную проблему, какую представляет собой ожившая, но неправильная Россия не существует»⁹⁰³. Но что же все-таки делать с этой Россией — Россией, которая, по убеждению большинства американских аналитиков, стремится к восстановлению своего места на мировой арене и ориентируется, прежде всего, на собственный интерес? Сегодня советы американских специалистов, ищущих ответ на этот вопрос, обращены больше к США и их западным союзникам, чем к России, как это обычно бывало в первые годы после распада СССР. Основной смысл этих советов (и содержащихся в них предупреждений) состоит в том, что, хотя Россия еще недостаточно окрепла, с ней придется считаться и было бы лучше, чтобы она была союзником, а не врагом. «США следует учи-

⁹⁰⁰ К. Флинтофф. Россия снова становится нашим врагом. Национал Паблик Радио. 20.11.2007. <http://www.inosmi.ru/237932.html>

⁹⁰¹ Л. Арон. Указ. соч.

⁹⁰² С. Козн. Америка развязывает новую «холодную войну» The Nation. 18.06. 2007. <http://www.inosmi.ru/translation/235029.html>

⁹⁰³ Дж. Ф. О. Макалистер. Новый мировой порядок России // Time Europe. 3 июля 2006 г. <http://www.inosmi.ru/228534.html>

тывать, что, хотя Россия уже и не является сверхдержавой, она остается важным игроком на международной арене. Россия может помешать осуществлению контртеррористической кампании Америки, ее усилиям по недопущению распространения оружия массового уничтожения и ее доступу к недорогим энергоресурсам, а также дестабилизировать ситуацию в Евразии, где Россия сохраняет значительное влияние»⁹⁰⁴.

В большинстве своем американские аналитики уверены, что, «проводя последовательную и принципиальную политику, США способны справиться с краткосрочными проблемами, исходящими от России, и одновременно развивать сильные стороны отношений с российским государством и обществом в расчете на долгосрочную перспективу»⁹⁰⁵. Прежде всего, считает большинство экспертов, следует исходить из того, что для Запада тесные отношения с Россией очень важны для противостояния глобальным вызовам безопасности, таким как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, истощение энергетических ресурсов, климатические изменения, наркоторговля, инфекционные заболевания и т. д. Поэтому Запад не должен отворачиваться от России, тем более что угроза изоляции может заставить ее вести себя более агрессивно.

При этом отношение американцев к интеграции России в западное сообщество изменилось по сравнению с началом 2000-х гг. В большинстве своем они считают, что, поскольку сама Россия больше не ставит перед собой такой задачи в качестве приоритетной, то и Западу не следует форсировать эту интеграцию. Другое дело — сохранение членства России в международных институтах. По этому вопросу мнения аналитиков разделились. Одни, как, например, Майкл Макфол, солидаризируясь с американскими конгрессменами, принявшими в 2004 г. резолюцию № 336, призывавшую исключить Россию из «большой восьмерки», если она не будет продвигаться по пути демократии, продолжают считать, что Россия должна соблюдать это требование — в противном случае ее необходимо изгнать из G8. Другие, как, скажем, Эндрю Качинс, полагают, что принятие России в «большую восьмерку» не имело никакого отношения к рыночной экономике и демократии: ее

⁹⁰⁴ Д. Саймс. Вехи развития американо-российских отношений // Выступление в комитете по международным делам Палаты представителей Конгресса США. 15 марта 2005 г. <http://www.inosmi.ru/218044.html>

⁹⁰⁵ С. Уолландер. Указ. соч.

членство в этой организации Запад рассматривал как инструмент удержания России в орбите западного влияния. Поэтому «было бы лицемерием заявлять сейчас, что Россия должна быть исключена из этого клуба по причинам, которые не были критерием ее членства...»⁹⁰⁶.

Сегодня многие американские аналитики предлагают делать упор на стратегическое сотрудничество с Россией по конкретным вопросам. «Что сейчас больше всего необходимо Вашингтону, так это новая версия двусторонней стратегии Рональда Рейгана, которой он следовал после 1982 г.: предложить серьезное сотрудничество по стратегическим вопросам и в то же время придерживаться американских принципов демократии, сотрудничая непосредственно с российским обществом...»⁹⁰⁷. Для этого Запад должен предложить России выгодную для обеих сторон повестку дня. Основными ее пунктами, считают американские аналитики, могли бы стать следующие вопросы.

1. Расширение сотрудничества в деле нераспространения оружия массового уничтожения и прежде всего — предотвращения появления ядерного оружия у террористов.

2. Сотрудничество в области ограничения ядерных вооружений, дополняемое предложением о прекращении исследований в области создания новых видов таких вооружений.

3. Сотрудничество в борьбе с терроризмом.

4. Расширение сотрудничества в энергетической сфере. Для этого предлагается способствовать интеграции России в глобальную экономику — в частности, членство в ВТО. «Это позволило бы создать безопасный инвестиционный климат в России, необходимый для обеспечения глобальных потребностей в энергоресурсах и создания противовеса традиционному доминированию Ближнего Востока...»⁹⁰⁸ в этой сфере.

5. Расширение сотрудничества в торговой сфере, предполагающее, в частности (идея, поддерживаемая М. Макфолом и Дж. Голдгайером⁹⁰⁹), отмену поправки Джексона-Вэника.

6. Сотрудничество в деле разрешения конфликтов на простран-

⁹⁰⁶ Andrew C. Kuchins. The West Must not Turn its Back on Russia//Moscow Times. April 21, 2004. <http://www.cdi.org>

⁹⁰⁷ James M. Goldgeier and Michael McFaul. Op. cit.

⁹⁰⁸ Ariel Cohen. Dealing with the Putin Challenge//Heritage Foundation Issues 2006. P. 182.

⁹⁰⁹ James M. Goldgeier and Michael McFaul. Op. cit.

стве бывшего СССР. Вместо того чтобы стремиться к единоличному контролю над процессами, происходящими в СНГ, Россия и Запад должны совместно искать пути разрешения затянувшихся конфликтов. «Основой нового подхода должна стать интернационализация конфликтов в этом регионе, особенно в Грузии и Молдове»⁹¹⁰.

Таким образом, по мнению ряда американских аналитиков, политика Запада в отношении России должна строиться с учетом ее современной внешнеполитической стратегии и основываться прежде всего на сотрудничестве с Россией, исходя из «уважения, которого она заслуживает как растущая энергетическая сила и как историческая держава, каковой она себя по-прежнему считает». Кроме того, необходимо помнить, как предупреждает Дмитрий Саймс, что «Москва для США — не самый хороший партнер. Но перед тем как занять позицию, которая толкнет ее на то, чтобы вообще перестать быть нашим партнером, надо обязательно хорошо подумать».

Оппозиционные исследователи, такие как С. Коэн, считают, что, «поскольку новую холодную войну начал Вашингтон, ему же необходимо сделать и первые шаги для ее окончания. При этом особую актуальность... приобретают две вещи: признание американской стороной, что постсоветская Россия — не побежденный 'проситель' и не государство-клиент США, как принято считать после 1991 г., а страна, обладающая полным суверенитетом во внутренней политике, и законными национальными интересами за рубежом, равными нашим собственным; и немедленное прекращение безрассудного расширения НАТО вблизи российских границ»⁹¹¹.

* * *

За долгие семнадцать лет, прошедших со времени распада СССР, в США сменилось несколько образов российской внешней политики. Причем практически всегда параллельно с доминирующим образом существовали один или даже несколько альтернативных образов. А действующая американская администрация обычно ориентировалась на тот образ, который соответствовал ее внешнеполитическим интересам. И чаще всего он совпадал с образом, доминировавшим в экспертной среде.

⁹¹⁰ James M. Goldgeier and Michael McFaul. Op. cit.

⁹¹¹ С. Коэн. Америка развязывает новую «холодную войну»//The Nation. 18.06. 2007. <http://www.inosmi.ru/translation/235029.html>

Однако в последние два-три года образ российской внешней политики, наиболее распространенный среди экспертов, и образ, на который ориентируется находящаяся у власти политическая элита, оказались разными. Аналитики, реагируя на изменения, которые претерпел объект их исследований, внесли в создаваемый ими образ определенные коррективы (о которых было сказано выше), в то время как политическая элита предпочитает ориентироваться на «приглянувшийся» им образ 1990-х гг., дополненный лишь незначительными поправками.

Какие образы внешней политики России окажутся доминирующими в США завтра и будут ли они приняты в качестве «руководства к действию» творцами внешней политики США, покажет время. Ясно лишь одно: и сами эти образы, и отношение к ним американских властей будут определяться не только поведением России на международной арене и сменой власти в Кремле⁹¹², но и такими факторами, как появление в Белом доме нового президента США, неудачи/удачи Америки в Ираке, характер ее отношений с Европой и положение дел в самом американском обществе.

⁹¹² Сегодняшние настроения, связанные с этой сменой, хорошо отражаются в высказывании Д. Тренина: «При президента Медведеве может измениться ее (внешней политики – В. Ж.) стиль, но не суть. Сегодня Россия – великая держава-индивидуалист: в глобализирующемся мире она отдает предпочтение *realpolitik*» (Д. Тренин. Что означает «эпоха Медведева?»// The Wall Street Journal 4 марта 2008 г. <http://www.inosmi.ru/translation/240008.html>).

Глава 11. ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА РОССИИ

Образы стран и народов пребывают в состоянии постоянных изменений, но замечаем мы последние либо по прошествии определенного времени, когда сравниваем фазы этих изменений, отделенные друг от друга более или менее существенным временным интервалом, либо когда в эволюции образов происходят более или менее резкие скачки. Первый такой скачок в изменении американского образа России (Советского Союза), имел место, как было показано в предшествующих главах, после распада СССР и прихода к власти Бориса Ельцина, который провозгласил курс на демократизацию России по западному образцу. Второй — в первые годы XXI века, когда стало очевидным (особенно во время его второго президентства), что Владимир Путин ведет страну по пути, отличному от того, по которому вел ее Ельцин.

В 2000-х годах изменился, прежде всего, *характер* доминирующих в Америке образов России. Строго говоря, они никогда не были однозначно позитивными. Но в 90-х годах формирование этих образов происходило в условиях, когда американцы, ощущавшие себя победителями в холодной войне и освободившиеся, наконец, от довлевшего над ними страха перед грозной «империей зла», надеялись, что Россия станет послушным учеником и младшим партнером Америки и уже никогда — ее соперником и конкурентом. Этой надеждой были пронизаны и образы России. Наследница поверженной сверхдержавы представляла в них как страна, хотя и лежащая в руинах, задыхающаяся от множества проблем, отставшая на десятилетия от «цивилизованного мира», но избравшая «правильный» (либерально-демократический) путь выхода из кризиса, ориентирующаяся на Запад и при всех ошибках ее руководства движущаяся, в общем и целом, вперед.

В первые годы XXI века, когда Россия, по сути, отказалась от предлагавшегося ей статуса младшего партнера Запада и, провозгласив собственный политический курс, стала подниматься с колен быстрее, чем ожидали (если ожидали вообще) в Америке и Европе, быстро начал меняться и доминирующий образ России. Разочарованные и раздосадованные заокеанские имиджмейкеры, не отрицая ее экономических успехов (объясняемых ими, прежде всего, высокими ценами на нефть) описывают теперь Россию как региональную державу с имперскими амбициями, проводящую экспансионистскую внешнюю политику; страну, свернувшую

с демократического пути и на всех парах устремившуюся в авторитарный тупик; страну, где под видом борьбы с олигархией президент лишь сменил ее состав, поставив экономику под контроль ставленников Кремля или даже его непосредственных представителей и т. д. и т. п. Образно говоря, наполовину наполненный «стакан», воспринимавшийся в 90-е годы как «полуполный» при надежде, что в будущем он наполнится до краев, теперь описывается как «полупустой», и при этом отмечается ухудшение качества наполняющего его состава.

Одновременно с изменением характера образов происходят некоторые изменения в их *составе* и *акцентированности*. В 90-х и самом начале 2000-х гг. состояние социальной сферы российского общества не вызывало у американцев заметного интереса. Гораздо больше их интересовало положение дел в экономике, политике и сфере безопасности. Не удивительно, что и социальный образ России не имел в то время самостоятельного «статуса» и был представлен в виде эмоционально окрашенных «картинок», встроенных в образы политического режима, экономической системы, внутренней политики и даже армии. Но в 2000-х годах, и особенно в годы второго президентства Путина, ситуация начинает меняться. Прежние центральные образы сохраняют свои позиции. Однако улучшение положения дел в экономике, политическая стабилизация в стране, укрепление позиций России на мировой арене при отчетливо наметившейся тенденции к построению негативного интегрального международного образа России побуждают заокеанских имиджмейкеров обратить большее внимание на социальную сферу — самую неблагополучную и наиболее легко популяризируемую, поскольку дело касается не отвлеченных политических и экономических реалий, а повседневной жизни людей. Одновременно идет более интенсивная разработка социального аспекта других образов. Как было показано в главе, посвященной российской армии, в формирование ее образа включились политические эксперты и журналисты, много внимания уделяющие описанию (на страницах массовой прессы) неустроенности быта военнослужащих, неуставных отношений, невысокого престижа военнослужащих и т. п.

Рождается закономерный вопрос: есть ли основания ожидать, что в обозримой перспективе в сложившихся к настоящему времени американских образах России произойдут если не очередной скачок, то, по крайней мере, более или менее существенные

и притом устойчивые изменения и что это будут — хотя бы отчасти — изменения в лучшую сторону?

ФАКТОРЫ И ОБРАЗЫ

Как уже говорилось в первой главе, характер восприятия — на уровне отдельных стран — одного субъекта другим и формирующихся в процессе этого восприятия образов определяется рядом взаимосвязанных факторов. Очевидно, что и эволюция сложившихся образов возможна лишь при условии более или менее существенного изменения (в содержательном отношении) этих факторов, по крайней мере, некоторых из них. Поэтому ответ на поставленный выше вопрос предполагает прояснение другого вопроса, а именно: насколько реальна *перспектива трансформации факторов, формирующих американские образы России*.

Принимая во внимание, что в научной литературе высказываются различные, в том числе существенно отличающиеся друг от друга точки зрения на состав и содержание факторов формирования и трансформации национальных образов (имиджей)⁹¹³, но ни одна из них не является исчерпывающей и общепризнанной, автор данной главы считает возможным высказать собственный взгляд на проблему. При этом одна из специфических черт предлагаемого подхода, отнюдь не претендующего на универсализм, заключается в том, что он учитывает особенности таких неординарных, во многом уникальных, а значит, существенно отличающихся друг от друга стран, как США и Россия.

Факторы формирования и трансформации национальных образов (имиджей) можно подразделить — чисто условно — на три взаимосвязанные и дополняющие друг друга группы. Одна группа характеризует страну-имиджмейкера, в данном случае — Соединенные Штаты Америки. Другая — страну-прообраз имиджа, то есть Россию. Наконец, третья группа факторов фиксирует характер связей между двумя странами в процессе восприятия России Соединенными Штатами, а также продукты этих связей, воплощенные в соответствующих сложившихся ранее имиджах.

⁹¹³ См., в частности: Политическая имиджелогия. Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перельгиной и др. М., 2006; Э. А. Галунов. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003; он же. Имидж против имиджа. М., 2005; Перельгина Е. Б. Психология имиджа. М., 2002.

Первая группа охватывает семь факторов. Это, прежде всего, так называемая *Я-концепция Соединенных Штатов*, т. е. их общее представление о себе самих: своей силе/слабости, месте в мире, историческом призвании и т. п.

Второй фактор — *специфика цивилизации США*, которая входит в качестве составной части в более широкую западную (христианскую) цивилизацию, но вместе с тем сохраняет свою уникальность.

Третий фактор — *специфика культуры США*, в которой особое место принадлежит религии и прежде всего — протестантизму в его кальвинистском варианте.

Четвертый фактор, тесно связанный с тремя, названными выше, — *особенности американского менталитета* как «устойчивого способа специфического мировосприятия, характерного для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающего специфику способов их реагирования на феномены окружающей действительности»⁹¹⁴.

Пятый фактор — *национальные потребности США* и формирующиеся на их основе *национальные интересы*, имеющие более или менее долгосрочный характер и конкретизирующиеся в национальных целях и задачах.

Шестой фактор — *внутренне положение в Соединенных Штатах* во всех основных его аспектах — прежде всего политическом, экономическом и социальном.

Наконец, последний по счету, но отнюдь не по значению фактор — *представление страны-имиджмейкера о перспективах собственного развития и положения в мире*.

Перечисленные факторы, взятые в их совокупности, — это своего рода оптика, с помощью которой одна страна — в данном случае Америка — воспринимает другую страну — в данном случае Россию — и формирует ее образ. Радикальное изменение этих факторов способно повлечь за собой трансформацию последнего даже в том случае, если страна-прообраз имиджа остается в принципе неизменной. Иначе говоря, изменение Я-концепции Соединенных Штатов, их культуры, национальных интересов и т. п. могло бы привести к трансформации имиджа России даже в том случае, если бы сама Россия не претерпела при этом никаких изменений.

Во вторую группу, характеризующую страну-прообраз имиджа, то есть Россию, входят всего два фактора. Это *внутреннее состоя-*

⁹¹⁴ Современный философский словарь. М., 2004. С. 382.

ние страны (т. е. положение дел в политике, экономике, социальной и военной сфере, культуре и т. п., а также общее «самочувствие» общества) и ее международное положение, включая роль и место в мировом сообществе. Очевидно, нет нужды говорить о том, сколь существенную роль играют эти факторы в формировании представлений о России. Именно распад Советского Союза и приход к власти Бориса Ельцина привели к радикальному изменению имиджа вчерашнего «вероятного врага» Америки. И именно изменение внутреннего положения в нашей стране и пересмотр ею своей внешнеполитической стратегии в первые годы XXI столетия вызвали существенную корректировку американского имиджа России.

Весьма обширна третья группа факторов. Это прежде всего *степень близости (отдаленности) цивилизаций и культур* страны-имиджмейкера и страны-прообраза имиджа. Чем больше эта близость, тем больше вероятность эмпатии со стороны первой, а значит и большей корректности формирующегося имиджа. И напротив, чем они дальше друг от друга в цивилизационно-культурном отношении, тем больше вероятность мисперцепции и построения искаженного образа Другого⁹¹⁵.

Важный фактор — *опыт исторического взаимодействия* имиджмейкера и прообраза имиджа — как позитивный, так и негативный, в частности, наличие или отсутствие опыта ведения войн друг с другом, характер отношений в далеком и недалеком прошлом. Стереотипы, порожденные этим опытом, не исчезают бесследно и дают о себе знать и после того, как породившие их события, казалось бы, канули в историю.

Еще один фактор, входящий в эту группу, — *степень заинтересованности страны-имиджмейкера в стране-прообразе имиджа*

⁹¹⁵ Как показала, например, Рут Бенедикт в своем известном исследовании «Хризантема и меч», американцы, воюя в годы Второй мировой войны с Японией — страной, существенно отличающейся от Соединенных Штатов по своей цивилизации и культуре, испытывали серьезные трудности с интерпретацией поведения японцев и формированием адекватного образа населенной ими страны. Россия — это, конечно, не Япония, она ближе Америке и в цивилизационном, и в культурном планах. Но, как убеждает ряд исследований (см., например, книгу отечественного культуролога-компаративиста Георгия Гачева «Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством»), а в еще большей мере — живой опыт общения двух стран на личностном, групповом, национально-государственном уровнях, различия между нашими двумя странами более существенны, чем между Соединенными Штатами и, скажем, Великобританией и многими другими западноевропейскими странами.

и ее зависимости от последней. Почему, скажем, интегральный американский образ современного Китая отличается от американского образа современной России в лучшую сторону: ведь по степени развития демократических институтов Россия явно превосходит Китай? Во многом потому (хотя, как мы видели, не только поэтому), что степень заинтересованности Америки в Китае сегодня значительно выше степени их заинтересованности в России — прежде всего в торговой и финансово-экономической областях.

К числу факторов, относящихся к рассматриваемой группе, следует отнести *традицию взаимного восприятия* страны-имиджмейкера и страны-прообраза имиджа, материализованную в *традиционных имиджах друг друга*, складывавшихся на предшествующих этапах их исторического взаимодействия и служащих своеобразной стартовой площадкой для формирования новых имиджей. В данном случае речь идет, прежде всего, об образе России, который формировался и трансформировался за океаном на протяжении двух последних столетий. Ведь на новую Россию, явившуюся на свет в 1991 году, Америка волей-неволей смотрела через призму ее прежних образов — прежде всего образа Советского Союза, выкристаллизовавшегося за послевоенные десятилетия. Но при этом она не могла абстрагироваться и от образа Америки, сформировавшегося в Советском Союзе в годы холодной войны, хотя надо прямо сказать, что самоуверенного Дядю Сэма его российские имиджи волнуют куда меньше, чем Россию — ее американские имиджи.

И, наконец, последний фактор, замыкающий рассматриваемую группу — *представление страны-имиджмейкера о перспективах и путях дальнейшего развития страны-прообраза имиджа*.

Все перечисленные факторы играют более или менее существенную, хотя и не одинаковую роль в формировании образов Другого. Но различаются они не только по степени значимости этих ролей, а и по степени их устойчивости и трансформируемости. Одно дело — цивилизация, складывающаяся веками и изменяющаяся едва ли не столь же медленно, и другое — внутреннее положение в стране и ее роль на международной арене, которые могут измениться за считанные годы, а порой за недели и даже дни⁹¹⁶. Поэтому перечисленные выше факторы следует — исходя

⁹¹⁶ Речь идет о событиях, лежащих на поверхности. Но надо иметь в виду, что любой качественный скачок, даже если он происходит очень быстро, подготовли-

из поставленной нами задачи — исследовать и оценить с точки зрения *вероятности и срочности их трансформации, а значит и перспектив перестройки американского образа России.*

В соответствии с этим критерием мы подразделили их на три группы. В первую группу входят факторы, вероятность изменения которых в краткосрочной и среднесрочной перспективах, на наш взгляд, практически ничтожна, так что можно с достаточной долей уверенности говорить об их (относительной) неизменности, а значит и о том, что их роль, значимость и направленность в формировании образа Другого — в данном случае американского образа России — не претерпят качественных изменений.

Я-КОНЦЕПЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА...

Это, прежде всего, американская *Я-концепция*, начавшая формироваться еще в колониальный период и получившая дальнейшее развитие после образования США. Сложившаяся на основе ряда устойчивых мифологем, порожденных спецификой возникновения и становления американского общества, его исторического развития, взаимодействия с другими субъектами международных отношений, эта концепция имела ярко выраженную *религиозную и мессианистскую* окраску и во многом определяла и продолжает определять по сей день сознание и самосознание американцев и их восприятие окружающего мира в целом и каждой из стран в отдельности.

В эту концепцию входит представление о *(бого)избранности Америки и населяющего ее народа*. А обобщенным выражением этой избранности (уникальный континент, дарованный всевышним; уникальный народ, ведомый Богом; уникальный политический строй; необыкновенное будущее и т.п.) стала концепция так называемой *американской исключительности*. По словам известного заокеанского социолога и политолога Дэниела Белла, она за-

вается предшествующими — зачастую более или менее длительными и скрытыми — изменениями. Проблема в том, что люди пока не научились разглядывать и разгадывать эти подспудные изменения. И возможно, не научатся и в дальнейшем. Мы привыкли рассуждать рационально и оценивать перспективы развития мира, исходя из логики истории, как ее понимаем. Но у истории — свои «хитрости», своя «логика» и своя «ирония», которые порой плохо вписываются в логику рационального мышления.

ключала в себе «идею о том, что, “родившись свободной”, Америка пройдет через все испытания истории, оставшись “целой и невредимой”»⁹¹⁷.

Но всевышний наделил Америку исключительными качествами неспроста. Он возложил на нее особую *миссию* (быть так называемым Градом на холме), которая изначально истолковывалась в чисто религиозном духе (спасение веры), но в дальнейшем приобрела светскую, в том числе политическую, окраску а именно спасение, осчастливливание человечества: где надо — силой собственного примера, а где надо — силой меча.

Своеобразной политической транскрипцией интервенционистской версии идеи миссии стало представление о так называемом *явном предназначении*, или, как еще говорят, *предопределении судьбы* Соединенных Штатов Америки. По словам вышеупомянутого Белла, «это была не просто идея о том, что нация имеет право определять собственную судьбу, но убежденность в особой добродетели американского народа, отличающегося от всех известных Европе народов или даже народов, существовавших доселе в мировой истории»⁹¹⁸. Дальнейшую конкретизацию представление о явном предназначении получило в идее так называемого *американского века*, согласно которому XX век должен был стать веком глобального господства Соединенных Штатов Америки.

В 60–70-х годах минувшего столетия, после горького вьетнамского опыта и других испытаний, выпавших на долю США, многим в этой стране (и за ее пределами) начало казаться, что в традиционной американской Я-концепции происходят глубокие и необратимые изменения — а именно, что Америка утрачивает былую исключительность, перестает быть «маяком» и «крестоносцем» для остального мира и т. п. Однако на деле случилось иначе. Распад мировой социалистической системы и Советского Союза поставили США в положение единственной супердержавы, и это вдохнуло новую жизнь в традиционную американскую Я-концепцию. Свидетельством тому — идея «нового американского века», родившаяся в США в конце 90-х годов минувшего столетия.

Можно ли ожидать, что в этой Я-концепции, через призму которой, повторю, Соединенные Штаты глядят на остальной мир,

⁹¹⁷ Bell D. The End of American Exceptionalism The Public Interest. 1975. Fall p. 197.

⁹¹⁸ Bell D. The End of American Exceptionalism The Public Interest. 1975. Fall p. 199.

включая Россию, и которая предопределяет многие параметры образов этого мира, — концепции, обнаружившей завидную устойчивость и все еще подкрепляемой реальным соотношением сил в мире и характером существующего миропорядка, в ближайшие десять – двенадцать лет произойдут радикальные изменения? Весьма сомнительно. Даже если Америка и не выиграет пресловутую «войну с терроризмом» на Ближнем Востоке и не преуспеет в сомнительной стратегии демократизации мира, что весьма вероятно, понадобятся годы и годы, чтобы это нашло отражение в глубинных платах ее самосознания (где царствуют мифы) и в конечном итоге изменило ее представление о самой себе, а значит и об окружающем мире, включая Россию.

Еще меньше оснований ожидать существенных изменений в американской цивилизации, в русле которой и формировалась ее Я-концепция и дух которой находит воплощение в национальной культуре. Эта цивилизация рождается как трансатлантическая проекция (западно)европейской цивилизации — поначалу в основном в ее английской и германской версиях. Причем, это была весьма своеобразная проекция — асимметричная, селективная, не вполне адекватная оригиналу. Но главное в том, что это была *проекция-Утопия*⁹¹⁹. А утопическое общество как общество одновременно прекрасное и благое (если следовать традиции толкования этого понятия, заложенной Томасом Мором) — это всегда обратная проекция существующего общества, в которой ослаблены или вовсе устранены его минусы и усилены его плюсы.

⁹¹⁹ Не было ли, однако, представление об Америке как обещании Утопии и как реализуемой, а потом и реализованной Утопии значимым для формирования американской цивилизации и для понимания последней только применительно к начальной фазе ее становления? Думается, нет, свидетельством чему – исследования многих аналитиков: заокеанских и европейских. «Соединенные Штаты, — писал несколько лет назад известный французский философ Жан Бодрийар в своей книге об Америке, — это воплощенная утопия. — Не стоит судить об их кризисе так же, как мы судим о нашем — кризисе старых европейских стран. У нас — кризис исторических идеалов, вызванный невозможностью их реализации. У них — кризис реализованной утопии как следствие ее длительности и непрерывности. Идиллическая убежденность в том, что они — центр мира, высшая сила и безусловный образец для подражания — не такое уж заблуждение. Она основана не столько на технологических ресурсах и вооруженных силах, сколько на чудесной вере в существование воплотившейся утопии — общества, которое с невыносимым, как это может показаться, простодушием зиждется на той идее, что оно достигло всего, о чем другие только мечтали: справедливости, изобилия, права, богатства, свободы; Америка это знает, она этому верит, и, в конце концов, другие тоже верят этому» (Бодрийар Ж. Америка. Пер. с франц. СПб., 2000. С. 151).

Социальные (в широком смысле слова) ожидания и чаяния, веками накапливавшиеся в Старом Свете и не имевшие видимых перспектив практической реализации на европейской почве, проецировались на Америку, связывались с Америкой, которая воспринималась как *tabula rasa* — чистая доска, свободная строительная площадка, на которой можно возводить, лишь слегка подчистив ее, самые прекрасные сооружения. С Америкой связывалась и возможность разрешения многих противоречий, направивших европейское общество. Тут и корни представлений о ней, как стране неограниченных возможностей, и корни знаменитой Американской мечты, хотя понятие это появляется значительно позднее.

Со временем европейская проекция видоизменяется, обретает внутренние корни. На нее накладываются и срастаются с ней другие проекции — индейская, африканская, азиатская. В итоге в США складывается специфическое, не похожее ни на какое другое, цивилизационное тело. Некоторые из его черт можно обнаружить в других цивилизациях, но образуемая этими чертами целостность, равно как и способ ее формирования и развития уникальны и неповторимы, в чем убедились все страны, пытавшиеся в разное время подражать Соединенным Штатам. В этом смысле идентификация американцами своей страны и цивилизации как исключительных — знаменитый *American Exceptionalism* — имеет под собой реальную основу.

Американская цивилизация изначально заключала в себе все более увеличивавшийся потенциал *саморазвития*, *саморазрастания*, проявлявшегося в безостановочной внешней экспансии, в *расширении пространства* жизнедеятельности. Это находило отражение в динамике фронта, который сначала сдвигается по горизонтали с Востока на Запад и выходит за пределы Америки, а во второй половине XX века приобретает дополнительное вертикальное измерение, взмывая в космос.

Органическим дополнением расширения пространства пребывания Америки в мире является сопутствующее ему *сжатие социального времени*. И в этом — специфика хронотопа, присутствующего американской цивилизации. Американец воспринимает социальное время и управляет социальным временем не так, как это происходит в других цивилизациях. В Америке время течет быстрее, чем в Европе, а тем более — на Востоке. Ощущение постоянного цейтнота, стремление ускорить ход событий, повысить их темпоритм, быстрее приблизить будущее, пусть даже

ценой шока от неподготовленного столкновения с ним присуще американской цивилизации в гораздо большей степени, чем всем остальным⁹²⁰.

Не нужно быть приверженцем геополитики, чтобы идентифицировать американскую цивилизацию как *морскую* — со всеми вытекающими отсюда последствиями. А значит и как цивилизацию *торговую*. Это вовсе не значит, что американец не может быть хорошим воином, если того потребуют обстоятельства. Но по своей социальной натуре, детерминированной породившей его цивилизацией, он не солдат. Он торговец. Он коммивояжер. И это находит прямое и косвенное отражение в американской политической культуре.

И еще один момент. Американская цивилизация запрограммирована на *непрестанный поиск*, на *эксперимент*. Не случайно само это слово — «эксперимент», станет одним из любимых слов американцев. И не случайно именно Америка подарит миру прагматизм Джемса и инструментализм Дьюи, а американская цивилизация будет идентифицироваться многими в Америке и за ее пределами как цивилизация-эксперимент, продолжающийся до сих пор.

Токвиль, назвав свою книгу «Демократия в Америке», ухватил одну из существенных черт американской цивилизации. Это *демократическая цивилизация*. Но тут на первый план надо ставить не столько даже электорально-процедурное или государственно-институциональное измерения демократии. Есть еще одно не менее, а быть может и более важное измерение последней, на которое тот же Токвиль обратил особое внимание. Речь идет о стремлении американцев к *равенству возможностей*, будь то в политике, экономике или социальной сфере.

Но американская цивилизация — это еще и цивилизация, проникнутая *либеральным духом, духом свободы*. И хотя стремление к свободе и стремление к равенству зачастую приходили в столкновение друг с другом, порождая в обществе внутреннюю напряженность и страх перед возникновением тирании большинства, представление о *равенстве в свободе* всегда сохраняло в Америке свою значимость и творческую силу. Как писал в своей известной книге «Либеральная традиция в Америке» Луис Харц, если «старая, как народный фольклор» точка зрения, что «Америку колонизировали

⁹²⁰ Об этом писали многие американские исследователи, но ярче других — Олвин Тоффлер в своем знаменитом «Футурошоке».

люди, бежавшие из Старого Света от феодального и клерикального угнетения» справедлива, «тогда отличительной чертой американского общества (и добавим от себя — цивилизации — Э. Б.) следовало бы считать отсутствие такого угнетения, а само американское общество, учитывая либеральные формы реакции на это угнетение — либеральным по своей сути»⁹²¹.

С этим связана и изначальная склонность (Токвиль также обратил на нее внимание), а если угодно *воля, американского демоса к самоорганизации* — прежде всего на общинном уровне, на уровне, как любят говорить янки, корней травы, к *самостоятельному, без опоры на государство или при минимальной опоре на него решению* встающих перед ним проблем. Но этим дело не ограничивается. Как хорошо показал Артур Бентли, возникающие таким образом добровольные ассоциации — постоянные или временные, а имя им легион — выступают в роли своеобразных властных ячеек общества, которые оказывают давление как друг на друга, так и на государственные институты. Таким образом, демократия, порожденная американской цивилизацией, — это *либеральная гражданская демократия*, уникальная по своим масштабам и творческому потенциалу.

Конечно, американская цивилизация всегда заключала в себе значимые консервативные ориентации и консервативные культурные пласты, равно как и радикальные экстремы — правую и левую, которые время от времени выступали на поверхность, оказывая более или менее значительное влияние на состояние общественного сознания, равно как и на внутреннюю и внешнюю политику страны. Но специфика Америки заключается в том, что тот консерватизм, тот левый и правый радикализм, которые мы видим в этой стране, являют по большей своей части продукт внутренней эволюции и трансформации либерализма.

И еще один момент. Американская цивилизация отличается исключительно сильным *интегративным началом*. В Соединенных Штатах всегда видели страну, способную превращать в единый сплав (речь о знаменитом плавильном котле или тигле) эмигрантов разных рас и этносов. Правда, в последние годы, особенно после того как за океаном начались так называемые культурные войны, все чаще стали говорить о новом, так называемом сегментарном характере ассимиляции, «когда иммигранты вливаются не в общее национальное русло, а в родственные им

⁹²¹ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. Пер. с англ. М., 1993. С. 13.

принимающие группы с их специфической субкультурой...»⁹²². И тут, несомненно, заключена серьезная проблема. Однако неоспоримо, что Америка стала тем, чем стала, не только потому, что переплавляла, а где-то и перемальвала поступающий в страну «человеческий материал», но и потому, что одновременно обогащалась за счет культур и цивилизаций, представляемых иммигрантами, но при этом сохраняла свои сущностные черты. И это, несомненно, придавало американской цивилизации уникальный характер, порождавший соответствующий национальный менталитет.

Американская цивилизация формировалась как *цивилизация-реципиент*, питающаяся живительными соками других цивилизаций и культур. Она и сегодня остается таким реципиентом. И будет оставаться им впредь. Это одно из непрременных условий воспроизводства этой цивилизации. Однако с течением времени — это отчетливо проявляется в XX веке, особенно во второй его половине — она становится еще и *цивилизацией-донором*. Это весьма своеобразное донорство, именуемое иногда «американизацией» и вызывающее далеко не всегда и не везде благодарственные отклики со стороны тех, кого Америка пытается приобщить к своим ценностям. Но без этого донорства Америка не проживет, как не проживет и без того, чтобы не поглощать энергию, умение, силы и ценности других, окружающих ее и взаимодействующих с ней цивилизаций.

Трудно представить себе, чтобы эти цивилизационные константы претерпели в обозримом будущем более или менее радикальные изменения. Но именно эти константы во многом определяют американское видение — в основе своей критическое и искаженное — российской цивилизации. Цивилизации, для которой характерны *континентальный геополитический статус, отсутствие развитых и прочных либеральных и демократических традиций, громоздкое государство*, претендующее на полновластный контроль над обществом и подминающее под себя личность и ряд других черт, отличающих ее от американской цивилизации и вызывающих, как и все непонятное и чужое, насто-роженность и опасение, перерастающие в критических ситуациях в страх.

Но американский имидж России — это порождение не только американской цивилизации, но и американской культуры, равно

⁹²² Политическая система США. Актуальные измерения. М., 2000. С. 278.

как и американского менталитета. Американская культура менее устойчива, чем цивилизация, — тем более, что в рамках многих цивилизаций, включая рассматриваемую, наряду с общей национальной культурой существуют частные культуры и субкультуры. Но и культура эволюционирует довольно медленно.

Это относится, прежде всего, к религии — в данном случае к протестантизму в его кальвинистском варианте, получившему широкое распространение в США и сыгравшему (как это было убедительно продемонстрировано Максом Вебером) важную роль и в становлении американской цивилизации, и в развитии американской экономики, и в формировании доминирующего типа личности американца.

Жизнь, правда, заставляет вносить коррективы и в протестантизм, однако не настолько существенные, чтобы он утратил свою качественную определенность. Как писал историк Ралф Гэбриел, «оптимистическая доктрина человека, лежащая в основании прогрессизма, свидетельствовала о том, сколь далеко отклонился американский народ от догмы Кальвина о развращенности человека. Кальвин учил, что люди, будучи изначально порочны, могут быть спасены только милостью Божией. Прогрессизм был сознательной попыткой первого американского поколения двадцатого века спастись самостоятельно. И все же кальвинизм не был подвергнут полному отрицанию. Прогрессисты допускали — были вынуждены допустить, если хотели верить в прогресс, — что свободный индивид реализует свою творческую силу в соответствии с моральными принципами»⁹²³.

Так или иначе, американец был и остается не только продуктом, но и носителем протестантской культуры, ориентирующей его на непосредственное личное общение с Богом, предприимчивость, упорный труд, накопительство и т. п. — установки, которые существенным образом расходятся с установками получившей распространение в России православной культуры на соборность, нестяжательство и т. п.

Другой относительно подвижный элемент культуры, влияющий на характер восприятия окружающего мира в его политическом аспекте, — *политическая культура*. В отличие от таких стран, как, скажем, Германия, Россия, Япония, Италия, Испания и ряд других, которым на протяжении XX века пришлось пройти

⁹²³ Gabriel R. H. The Course of American Democratic Thought. N.Y. et al., 1986. P. 361.

через серьезные исторические ломки (захватывавшие, естественно, и политические культуры), Соединенные Штаты через такие испытания не прошли, и их политическая культура — при всем том, что она эволюционировала с течением времени, — одна из самых стабильных в мире, прочно сросшихся с национальным менталитетом.

Характеризуя эту культуру в самых общих чертах⁹²⁴, следовало бы, прежде всего, подчеркнуть, что это *культура рыночного типа*, рассматривающая политические проблемы и процессы сквозь призму отношений купли-продажи, торга. Политика с точки зрения рыночной культуры есть разновидность бизнеса, сам политик — разновидность бизнесмена, а политические решения — разновидность торговой сделки. Рыночная культура ориентирует на состязание, открытую и скрытую конкурентную борьбу, при этом не исключается использование силовых, в том числе насильственных методов.

Сказанное выше во многом объясняет такую характерную черту американской политической культуры, как стремление к расширению пространства существования субъекта, ко все новому и новому «продвижению границы» (знаменитого американского фронта). Американец постоянно в движении. Ему всегда тесно в тех пределах, в которых он в данный момент пребывает, и он упорно расширяет их, пока его кто-нибудь не остановит или пока он не натолкнется на непреодолимое препятствие. Внешнеполитический экспансионизм — одно из проявлений этой черты.

Американская политическая культура ориентирует нацию в целом и каждого отдельного ее представителя на лидерство, на первенствование, а в конечном счете на победу — в том числе в сфере мировой политики. При этом они убеждены, что лидерство Америки благотворно не только для самих Соединенных Штатов, но и для всего человечества. Так что когда Збигнев Бжезинский утверждает, что «принятие другими американского лидерства является непременным условием избежания хаоса»⁹²⁵, он выражает устойчивое представление американцев о своей стране, о мире и о характере отношений между тем и другим.

⁹²⁴ Подробнее об этом см.: Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990.

⁹²⁵ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М., 2004. С. 274.

И последнее. Американская политическая культура — это культура, пропитанная духом либерализма, в основе которого лежит представление о «жизни, свободе и собственности» (Джон Локк) как высших ценностях; о свободном индивиде-собственнике как центре социальной вселенной и об ограниченном в своих функциях государстве, покоящемся на принципе разделения властей и по возможности не вмешивающемся в жизнь людей, на службе у которых оно состоит.

Не случайно поэтому многие исследователи утверждают, что ядро американского менталитета, отражающего характерные черты национальной цивилизации и культуры, — индивидуализм. По справедливому утверждению культурологов Т. Морозовой (Россия) с С. Лаперуза (США), предпринявших сравнительное исследование менталитетов двух стран⁹²⁶, «индивидуализм считается как бы синонимом американизма и усиленно насаждается системой. Господствующая культура навязывает его всеми способами, включая детские компьютерные игры, комиксы, мультфильмы, культ героев-победителей, суперменов, а теперь еще и женщин-суперменш. Мы правим миром, мы нация номер один, лучше нас никого нет, все рекорды принадлежат нам, у нас больше всех денег, у нас самые вкусные конфеты, мы все изобрели, все открыли, весь мир нами восторгается. Это самый обыкновенный шовинизм, на нем и держится наше политическое единство. Люди страдают от порождаемого индивидуализмом одиночества и пытаются найти иллюзию братства в этом шовинистическом единении, когда они могут ощутить себя частицей чего-то неизмеримо более великого, чем каждый из них по отдельности, под названием 'Америка'»⁹²⁷.

Есть, впрочем, еще один психологический механизм единения, характерный для американского менталитета, — патриотизм. Американец — не просто патриот, он суперпатриот, ибо ему, человеку, корни которого уходят за пределы американского континента, надо снова и снова доказывать свою верность стране по имени Соединенные Штаты Америки.

Индивидуализм проявляется и в ориентации американца исключительно на собственные силы: не на друзей-товарищей, не

⁹²⁶ Морозова Т., Лаперуз С. Русско-американские диалоги. — «Москва». 1994, № 9, 11; 1995, №7; 1996, №9; 1997, №6; 1998, №5.

⁹²⁷ Морозова Т., Лаперуз С. Индивидуализм и соборность: Русско-американский диалог. Москва, 1996. С. 143.

на детей (родителей) и уж тем более не на государство. К государству он всегда относился и относится настороженно-критически. И ему очень трудно понять, почему россияне с их патернализмом связывают с государством такие надежды и ратуют за его укрепление. Ориентацию на государство американец воспринимает, чуть ли не как отказ граждан от личной свободы и поддержку авторитаризма

Важная черта американского менталитета — оптимизм, вера в собственные силы и возможности, равно как в силы и возможности Америки. У американца — психология победителя, чем бы он ни занимался, он стремится только к победе. Американцы убеждены, что победу над фашизмом во Второй мировой войне удалось одержать прежде всего благодаря усилиям США. «Победа» в холодной войне также воспринимается как вполне закономерная. Любое поражение американец признает с трудом и переживает крайне болезненно (вспомнить хотя бы «вьетнамский синдром»), но, преодолев психологический кризис, снова пускается во все тяжкие.

С оптимизмом и психологией победителя связана и ориентация на успех. Не случайно многие исследователи Американской мечты характеризуют ее, прежде всего, как мечту об успехе. Это хотя и сужает ее горизонт, но все-таки схватывает одну из ее существенных черт.

Оптимизм и ориентация на успех не исключают такой, казалось бы, противоречащей им черты американского менталитета, как алармизм, т. е. склонность бить тревогу по поводу и без повода, «малевать» черта страшнее, чем он есть на самом деле, возвещать кризис, катастрофу, крах и т. п. На самом деле никакого противоречия тут нет. Алармизм — это своеобразный способ дополнительной мобилизации сил, потому что за «объявлением тревоги» следуют активные действия по предотвращению и преодолению угрозы — мнимой или реальной.

Это тем более естественно, что американцу присущ дух предприимчивости, он не созерцатель, он деятель⁹²⁸. Это совсем не значит, что ему чужды самые смелые мечты и планы. Нигде, даже в России, не было выдвинуто столько утопических проектов, как в США. Но эти мечты и планы янки стремится претворить в жизнь. Поэтому можно сказать так: американец —

⁹²⁸ Многие исследователи обращают внимание на то, что американцы приветствуют друг друга словами «How do you do?», т. е. справляются, как идет его дела.

делец и мечтатель, но не созерцатель. Но он и не просто дельец, он преобразователь. Он убежден в пластичности мира, в возможности придать едва ли не любой «материи» желаемую «форму». Отсюда и такая любовь к «крестовым походам» — будь то против бедности, болезней, коммунизма, терроризма или чего-то еще.

Нет ничего удивительного в том, что людям с такой культурой и таким менталитетом Россия кажется далекой от них, «странной», а то и просто второсортной страной, таящей в себе угрозу всем тем, кто отличается от нее, а россияне — странными, чтобы не сказать диковатыми людьми, которых было бы неплохо цивилизовать — разумеется, с помощью Соединенных Штатов. Индивидуалиста американца, попавшего в российскую среду, удивляет и настораживает идущее еще от деревенской общины и от православной соборности стремление россиян жить и действовать сообща, «гуртом», как заметил один критик. Его удивляет и настораживает ориентация россиян на сильное государство. Как признавался Качинс, «в Америке когда мы слышим “сильное государство”, мы беспокоимся, мы боимся немножко этого. И мы считаем, что разделение властей — хорошее дело. Но мы думаем, что в России другое мышление, если можно использовать стереотипы, что это единое государство, сильное государство, и разделение властей — это плохо, это опасно... я помню, Владимир Путин сам сказал, что централизация российской власти в российском генетическом коде. Конечно, генетический код может меняться, но очень медленно обычно»⁹²⁹.

Американцам как людям алармистского склада, порой, кажется, что они утрачивают свою самость, свои национальные черты и т. п. И хотя в подобного рода тревогах иной раз находят отражение реальные процессы, американский менталитет, как и американская цивилизация и культура, сохраняет свою устойчивость. Понадобится не одно десятилетие (насыщенное новым опытом), чтобы в них произошли качественные сдвиги и изменились установки на восприятие Другого, будь то Россия, Европа или Китай.

⁹²⁹ Из выступления Э. Качинса на радиостанции «Эхо Москвы». 14 декабря 2007 года. Цит. по: <http://echo.msk.ru/programs/sut/57189.phtml>

АСИММЕТРИЧНЫЕ ОБРАЗЫ СТРАН-АНТИПОДОВ

Неизменным остается, естественно, и такой фактор, оказывающий воздействие на формирование американского образа России, как *опыт исторического взаимодействия двух стран*. Можно попытаться переоценить его (что, собственно, делали и делают представители обеих стран), но даже самая радикальная реинтерпретация этого опыта не вычеркнет из истории хорошо известных, документально подтвержденных фактов. А именно, что дипломатические отношения между двумя странами поддерживаются на протяжении двухсот лет; что США и Россия никогда не воевали друг с другом, а в годы Второй мировой войны были союзниками; что после ее окончания разразилась холодная война, в которой обе страны возглавляли противоборствующие лагеря...

Этот опыт останется с нами и завтра и будет давать о себе знать в дальнейшем, воспроизводясь в сознании новых поколений. И только наивные люди могут удивляться, что стереотипы холодной войны живы до сих пор, что обе страны с опаской глядят друг на друга и т. п. Потребуется годы и годы, чтобы наследие холодной войны стало достоянием истории и не «хватало нас, как мертвый живой».

Само собой разумеется, ничто не может измениться в тех американских имиджах России и российских имиджах Америки, которые складывались в прошлом, но оказывали большое влияние на формирование новых имиджей. Являясь *фактом истории*, они, однако, остаются и будут оставаться в дальнейшем *фактором политики*. Причем фактором, который не способствует изменению имиджа России в лучшую сторону.

Дело в том, что, в общем и целом, Россия и Америка всегда были друг для друга *антиподами*, и, как следует из высказываний множества американцев и россиян, их взаимные восприятия в основе своей всегда были и остаются *асимметричными*. Это вовсе не означает, что не существовало определенных совпадений и точек соприкосновения, — речь идет о доминирующем типе восприятия и доминирующих образах.

В чем же конкретно проявляется эта асимметрия? Для Америки Россия всегда — даже когда между нами существовали нормальные или хорошие отношения на государственном уровне — была страной *рабства, стадного*

существования, деспотизма и народной нищеты. Для России же Америка была преимущественно страной свободы, индивидуализма, демократии и высокого уровня народного благосостояния. Конечно, были и иные точки зрения. К тому же далеко не все россияне были ценителями свободы и демократии, не всем нравился индивидуализм, многие с порога отвергали его, но доминанты были именно таковыми.

Даже признавая паритет России, а точнее Советского Союза, в области вооружений, геополитической области и некоторых других, а проще говоря, силовой паритет, как это было в годы холодной войны, Америка никогда не воспринимала Россию как великое общество. Она никогда не тянулась к России и никогда не хотела быть на нее похожей, хотя бы в некоторых отношениях. Американцы никогда не хотели жить, как в России и никогда нам не завидовали. И когда Роналд Рейган окрестил Советский Союз «империей зла», он употребил это понятие — «зло» — в широком, метафизическом смысле, как антипод «добра», воплощение которого он видел, конечно же, в Соединенных Штатах.

Любопытно, что и для России Америка была, в общем и целом, носителем позитивного начала, страной, достигшей высокого уровня развития во многих областях, включая политику, экономику и науку, — словом, *великой страной*, предметом скрытой зависти. Мы тянулись к Америке, нам всегда хотелось, чтобы Америка нас полюбила, пусть мы и не говорили об этом открыто. И не любили Америку нередко не за то, что она на похожа на нас, а за то, что она не любит нас, за отсутствие взаимности.

Могут возразить, что в советском обществе, особенно в период холодной войны, превалировали антиамериканские настроения. На самом деле все гораздо сложнее. Советские люди, конечно, верили, что США готовят войну против СССР, и потому ухо с ними надо держать востро, а порох — сухим. Но при этом — факт, признаваемый и серьезными американскими советологами — они в массе своей не были настроены враждебно к американцам и Америке. А что касается политической и экономической жизни этой страны и особенно ее бытового уклада, то тут советскому агитпропу верили меньше, чем так называемым «вражеским голосам», и прежде всего «Голосу Америки», который слушали миллионы советских людей. В их сознании Америка представляла как страна богатая, процветающая, где высок

жизненный уровень, где существует рациональное хозяйствование, свобода личности, широкие социальные гарантии...

Так выглядели в самых общих чертах имиджи, с которыми Америка и Россия пришли в после-холодно-военный мир и которые стали стартовой площадкой для формирования новых, современных имиджей, о которых шла речь выше. Теперь это история, которую уже нельзя изменить. Но это история с продолжением.

ВОЗМОЖНОЕ, НО МАЛОВЕРОЯТНОЕ

Ко второй группе факторов, определяющих характер американского образа России, относятся факторы, степень вероятности изменения которых в краткосрочной и среднесрочной перспективах несколько выше по сравнению с факторами, входящими в первую группу. Но и тут, на наш взгляд, не приходится ожидать больших и скорых перемен.

Это относится прежде всего к *национальным потребностям и интересам*, как их трактуют в США. А трактуют их (во внешнеполитическом аспекте, о котором идет речь), исходя из традиционных представлений, которые были в первоначальном виде сформулированы еще Вудро Вильсоном: «сделать мир безопасным для демократии», т.е. прежде всего для Америки. Позиционируя себя как страну, одержавшую победу в холодной войне и оказавшуюся ныне «единственной супердержавой», центром «однополярного мира»⁹³⁰, Соединенные Штаты видят себя в роли глобального лидера, задача которого — не только вести за собой остальной мир в направлении, способствующем укреплению, процветанию и максимизации безопасности Америки, но и не допустить появления равновеликого конкурента, второй супердержавы, которой был когда-то Советский Союз.

Говоря более конкретно, один из своих главных внешнеполитических интересов Америка видит в том, чтобы по возможности не допустить превращения Китая в равного ей соперника и предотвратить возрождение России как супердержавы. И трудно себе

⁹³⁰ Мир не может быть «однополярным» («однополюсным»). Он может быть либо двухполюсным, либо бесплюсным. Другое дело, что он может быть «полицентричным» и «моноцентричным». Но если полюс — это всегда центр силы, то далеко не всякий центр силы — полюс. См. об этом: Баталов Э. Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль-XXI, 2001, №1. См. также: Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. М., 2008. С. 304–317.

представить, чтобы в ближайшие десять – двенадцать лет США пересмотрели эту свою позицию.

Или взять такой фактор, как степень заинтересованности США в России и ее зависимость от последней. Сегодня такая заинтересованность, а тем более зависимость не велики. Это обижает Россию, которая за долгие десятилетия двустороннего противостояния привыкла находиться в центре внимания своего главного соперника и в нынешней ситуации чувствует себя некомфортно. Однако факт остается фактом: Россия сегодня представляет для США — по причине ее слабости — меньший интерес, чем Европа или Китай, будь то в экономическом, политическом или даже военном планах.

Не исключено, что события, аналогичные тем, которые произошли 11 сентября 2001 года, от которых Америка принципиально не застрахована, могли бы вызвать потребность в укреплении связей с Россией как страной, занимающей выгодную геополитическую позицию в мире и могущей быть полезной для Вашингтона. Однако нет никаких оснований полагать, что если бы даже это и произошло, интерес США к нашей стране стал бы устойчивым. Для этого, как показывает опыт современного Китая, степень зависимости Америки от России должна была бы существенно возрасти. Если такое и произойдет, то опять-таки не ранее, чем через двенадцать – пятнадцать лет.

Важный фактор, входящий в рассматриваемую группу, — *положение внутри Соединенных Штатов Америки*. В принципе внутреннее положение стран современного мира — мира динамичного — величина изменчивая и, как уже говорилось выше, бывают ситуации, когда структуры, еще вчера казавшиеся достаточно прочными, на следующий день рассыпаются как карточный домик. А это неизбежно ведет к перестройке их восприятия (и образов) как мира в целом, так и отдельных стран.

Так случилось с Россией после распада Советского Союза. Отвергнув прежние социальные, политические и экономические идеалы, она объяснилась в любви (вполне искренно) к вчерашнему противнику и объявила, что будет строить новое общество, ориентируясь на западную, прежде всего американскую, модель. Не произойдет ли чего-либо подобного с Соединенными Штатами? Если исходить из той информации, которая доступна для анализа, то ответ — в расчете на среднесрочную перспективу — будет отрицательным. Конечно, на протяжении XX века американское общество прошло через ряд серьезных

экономических и социальных кризисов, самым опасным из которых была так называемая великая депрессия. Тогда многим за океаном казалось, что Соединенные Штаты стоят чуть ли не на пороге социалистической революции. Но «страшному сну» не суждено было сбыться. Миновав полосу бурь, американцы сумели выстроить у себя в стране систему социально-экономических «страховочных механизмов», ядро которой составило так называемое социально ответственное государства (welfare state). При всех сбоях и несовершенствах, эти «механизмы» сохранятся, видимо и в ближайшие годы, хотя возможные кразисы могут привести к их корректировке.

Достаточно прочной выглядит и существующая политическая система, фундамент которой был заложен отцами-основателями американской республики два с лишним века назад. Либерально-демократический конституционализм; разделение властей, поддерживаемое с помощью механизма сдержек и противовесов; сочетание административно-политического федерализма с этническим унитаризмом (т.е. несовпадение границ административно-территориальных единиц с границами компактного расселения отдельных этнических групп); взаимодополняемость власти государства властью гражданского общества — все это обеспечивают довольно высокий уровень прочности американской политической системы и ее устойчивого самовоспроизводства независимо от того, какая партия и какие политические деятели находятся в данный момент у власти. Ничего подобного в современной России нет, и более или менее наблюдательному американцу этот контраст не может не бросаться в глаза и не порождать соответствующую реакцию, получающую отражение в образах России.

Конечно, существующая в США политическая система далеко не идеальна и не застрахована от функциональных сбоев, свидетельства которых — налицо. Не застрахована она и от структурных разломов. «Культурные войны», прокатившиеся по многим штатам в 90-х годах минувшего века, убедительно говорят о том, что сколь бы исправно ни работал пресловутый «плавильный котел» (а он работает в последние десятилетия не столь уж и исправно), расово-этническая проблема остается «ахиллесовой пятой» американского общества. Прочно, казалось бы, интегрированные в него расовые и этнические группы требуют культурной «автономии». Расширяются расово-этнические анклав. Медленно, но неуклонно идет «почернение» и «пожел-

тение» некогда «лилейно-белой» (как когда-то любили говорить янки) Америки. И это не просто разрозненные факты. Это тенденция, которая в перспективе может стать одной из линий надлома американской политической системы. Но это отдаленная перспектива.

Что же касается ближайшего будущего, то совершенно очевидно, что ни смена власти в Белом доме и Конгрессе США, ни возможные политические скандалы, ни очередные спады в экономике, ни ослабление доллара, ни внешнеполитические провалы не смогут *радикальным образом* повлиять на внутреннее положение страны и побудить ее изменить свое представление об окружающем мире и такой, находящейся ныне на периферии ее национальных интересов, страны, как Россия.

То же самое можно сказать о сложившихся в США представлениях о перспективах собственного развития. Американцы обсуждают вопрос о том, должна ли их страна выступать в роли мирового лидера или мирового гегемона⁹³¹. Они спорят о дате вывода американских войск из Ирака и о том, стоит или не стоит бомбить Иран, и если стоит, то когда и как это делать и т. д. и т. п. Однако ни у кого из них — ни у республиканцев и демократов, ни у либералов и консерваторов — нет сомнений в том, что США в течение длительного времени будут оставаться единственной супердержавой, способной не только защищать национальные интересы, но навязывать миру или, по крайней мере, отдельным странам те или иные ценности и модели развития, а то и диктовать им правила поведения на мировой арене.

Что касается России, то хотя Америка, похоже, уже не питает иллюзий относительно быстрого и радикального преобразования российского общества в соответствии с предлагаемыми последней моделями, однако от идеи активного воздействия на Россию с целью придания ее развитию желаемого вектора она не отказалась и трудно предположить, что откажется впредь. Так что Россия всегда будет испытывать большее или меньшее давление со стороны Соединенных Штатов, которые будут использовать малейшую возможность воздействия на ее политику — не только внешнюю, но и внутреннюю.

⁹³¹ См., напр.: Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? Пер. с англ. М., 2002; Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М., 2004.

ОТКУДА ЖДАТЬ ПЕРЕМЕН

Но есть факторы формирования американского образа России, степень изменчивости которых значительно выше по сравнению с остальными. Причем от вектора возможных изменений этих факторов будет в немалой степени зависеть и вектор возможной эволюции существующего образа страны.

Начнем с положения России на международной арене и ее роли в мировом сообществе. Еще восемь – десять лет назад многим — и в Америке, и в Европе, и в Азии — казалось, что Россия не только перестала быть супердержавой, но де факто утратила статус великой державы, и ей будет стоить большого труда сохранить за собой роль державы регионального уровня. При этом предполагалось, что если Россия и сумеет, в конце концов, преодолеть кризис и выкарабкаться из той «помойной ямы» (оценка Эндрю Качинса), в которой оказалась, то для этого ей понадобится не одно десятилетие. И этот образ поверженного, если не мертвого льва (то бишь медведя), которого можно пнуть лишний раз, не опасаясь не только тяжелого ответного удара, но даже рыка, — этот образ сыграл свою роль в формировании представлений о постсоветской России.

Сегодня ситуация иная. «В России, — писала в мае 2007 года The International Herald Tribune, — все меняется быстро, и сейчас, на волне энергетического бума и всеобщей уверенности в том, что сильная центральная власть, наконец, покончила с хаосом девяностых, она, не теряя времени, возвращает себе гордость и уверенность. Москва вновь начинает действовать напористо, напоминая соседним странам, Европе и Америке, что Россия — это держава, с которой нельзя не считаться»⁹³². Примерно такую же оценку мы встречаем во многих других американских аналитических материалах, посвященных России, включая доклад группы Качинса.

В этих оценках зафиксированы три важных момента, свидетельствующих об изменении положения России мире. Во-первых, она действительно вновь заставила считаться с собой другие страны, включая членов «семерки», которая превратилась в «восьмерку», приняв Россию в свои ряды. Во-вторых, она вновь стала проводить активную и самостоятельную внешнюю политику. В-третьих,

⁹³² К. Марциш (Christopher Marcisz), Россия и Запад//The International Herald Tribune, 29 мая 2007. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/234724.html>

Россия пусть и медленно, но «возвращает себе гордость и уверенность», и это, быть может, самый важный и главный источник происходящих сдвигов.

Если процесс укрепления позиций России на международной арене будет продолжаться — а для этого есть все основания, — то резонно предположить, что это отразится и на образе России, формирующемся за океаном. Понятно, что Америка обеспокоена активизацией ее внешней политики, и разговоры о «медведе с газовой трубой», хищно взирающем на Запад, не только не прекратятся, но, вероятнее всего, усилятся. Однако это будет уже образ сильного медведя со всеми вытекающими отсюда последствиями — и на уровне реальной политики, и на уровне образа.

Впрочем, многое в нем будет зависеть от того, какими будут видаться Америке перспективы развития России в обозримом будущем, содержание и направленность ее национальных интересов, готовность сотрудничать с США и Европой и т. п.

Но самый важный фактор, содержательное изменение которого, как свидетельствует опыт последних двадцати лет, способно повлиять на трансформацию образа России, — это *внутреннее положение в стране* — политическое, экономическое, социальное. Президентство Путина прошло под знаком всеобщей национальной стабилизации. С другой стороны, лейтмотивом кампании по выборам в Государственную Думу 2008 года стал мотив неопределенности, проходивший красной нитью через многие выступления президента: стабилизация налицо, но будущее России еще не предопределено, точка невозврата еще не пройдена, существуют силы, которые могут попытаться вернуть ситуацию 90-х годов и т. п.

После победы на думских выборах пропутинской «Единой России», а на президентских выборах — фактического протезе и преемника Путина Дмитрия Медведева все разговоры о возможности нежелательного «возвращения в 90-е» были моментально прекращены. Но этот мотив интересен в том отношении, что он высветил ту гипотетическую ситуацию, при которой американский образ России мог бы претерпеть существенную трансформацию в сторону его улучшения.

Для этого ей нужно было бы сделать три вещи. Во-первых, объявить, как это было в начале 90-х, о готовности ориентироваться на США и во всем следовать их советам. Во-вторых, отказаться от той модели властных отношений, которая была выстроена Путиным за годы его президентства («властная вертикаль»). Наконец, в-третьих, привести к власти новую группу людей, которая захо-

чет, а главное, сможет решить первые две задачи. Это не значит, что Россию перестали бы критиковать, но это была бы, вероятно, уже совсем другая, благожелательная критика вроде той, которой страна подвергалась в первые годы президентства Ельцина.

Есть, однако, большие сомнения в возможности осуществления подобного сценария. Запад и, прежде всего, США будут, конечно, пытаться делать все от них зависящее, чтобы такой поворот произошел. Но внешнего воздействия тут мало. Для этого должны существовать мощные внутренние силы, способные вырвать власть из рук той части «политического класса», которая укрепила свои позиции в государстве в последние годы и той части бизнеса, который пошел на сотрудничество с ней. В отличие от стран, где произошли «цветные революции», таких сил в России сегодня не существует, и, похоже, Кремль извлек уроки из событий на Украине и в Грузии и готов сделать все от него зависящее, чтобы сильный внутренний оппонент не появился и завтра. Так что есть большие сомнения в том, что Россия «вернется в 90-е».

Но если этого не произойдет и страна будет и дальше следовать избранным в последние годы курсом, то не следует и ожидать, что в обозримом будущем в американском образе России произойдут радикальные изменения в сторону его улучшения. Это не исключает временных и частных «подвижек», которые могут быть связаны с какими-то событиями в России, в самой Америке или в мире. Однако для радикальной, устойчивой и всесторонней трансформации американского имиджа России оснований пока нет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же *объединяет* образы современной России, созданные американцами за последние семнадцать лет? В каком *интегральном* качестве предстает она — точнее, в каком качестве пытаются ее представить — в глазах американской и мировой общественности? Не повторяя рассуждений, содержащихся в первой и последней главах этой книги, попытаемся сформулировать *общий ответ* на поставленные вопросы, идентифицировать *общий образ современной России*, выстроенный американцами.

Как мы уже знаем, о каждом из субъектов международных отношений, включая государства, можно, следуя социологической и философской традициям XIX–XX вв., разрабатывавшим проблематику социальной коммуникации, сказать, что данный субъект выступает по отношению к остальным субъектам в качестве Иного, или Другого. Но эти Другие могут наделяться разным онтологическим статусом в рамках института международных отношений⁹³³ и выступать в разных ролях.

Более полувека назад немецкий политический мыслитель Карл Шмитт, продолжая традицию, заложенную, в частности, его соотечественником Георгом Зиммелем⁹³⁴, ввел в науку в качестве «специфически политических» категории *amicus / hostis* (друг / враг), позволяющие идентифицировать соответствующим образом политических акторов разного масштаба и сферы деятельности, включая тех, кто действует на международной арене. «Смысл различения друга и врага состоит в том, — пояснял Шмитт, — чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации...»⁹³⁵. При этом он добавлял, что «в экстремальном случае» возможны конфликты с врагом, «которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни приговором “непричастного”»

⁹³³ В современной научной и политической литературе принято говорить о «системе международных отношений». Однако за последние годы системная структура этих отношений претерпела существенные изменения: в ней появились сетевые элементы. Поэтому современные международные отношения правильнее характеризовать не просто как систему или как сеть, а как институт, имеющий симбиотическую, а именно системно-сетевую структуру.

⁹³⁴ См., в частности, работы Г. Зиммеля «Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования», «Как возможно общество?», «Человек как враг».

⁹³⁵ Шмитт К. Понятие политического // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997. С. 293.

и потому «беспристрастного» третьего»⁹³⁶. Понятно, что «экстремальный случай», о котором говорит немецкий мыслитель — война, физическое уничтожение Врага.

Но сложные и динамичные отношения акторов, выступающих на международной арене, не могут быть втиснуты в узкие рамки бинама «Друг-Враг», фиксирующего, как мы уже знаем, «высшую степень» разделения акторов. Другой может быть не только Другом или Врагом — он может быть Своим или Чужим. Свой — не обязательно Друг, степень близости с ним может быть и не очень велика, но он на моей стороне, он разделяет те же принципы, ценности, установки и т. п., что и Я. Говоря языком метафор, у него та же «группа крови», и он не вызывает у меня опасений. Точно так же Чужой — не обязательно Враг⁹³⁷, но он по ту сторону «границы», он исповедует иные ценности, иную философию, у него другая «группа крови», и он вызывает у меня подозрения и опасения.

Конечно, границы между Друзьями и Врагами, Своими и Чужими относительно и подвижны. Позавчерашний Враг может на следующий день превратиться в Чужого, потом стать Своим, а то и вовсе Другом. Возможны и обратные трансформации, когда Друг становится просто Своим, потом — Чужим, а в конечном счете — Врагом. История дает множество примеров подобных метаморфоз. К тому же надо иметь в виду, что эти различия не носят тотального (всеохватывающего) характера: можно по отношению к Другому быть в чем-то его Другом, в чем-то просто Своим и т. п. Не исключены, разумеется, иные идентификации: Союзник, Соперник, Партнер и т. п. Но все они в принципе могут быть введены в рамки бинарных оппозиций, о которых шла речь выше.

⁹³⁶ Шмитт К. Понятие политического // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997. С. 293.

⁹³⁷ К. Шмитт говорит и о Чужом (ранее о нем писал Зиммель, полагавший, что в каждом обществе возникают определенные социальные типы, включая тип Чужого). «Не нужно, — поясняет Шмитт, — чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы она был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом... Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое...» Шмитт К. Понятие политического // Антология политической мысли в пяти томах. Т. II. М., 1997. С. 293). Когда Шмитт говорит, что Враг есть Иной и Чужой «в особенно интенсивном смысле», он следует избранной им логике. Но когда он рассматривает их как тождественные величины вообще, он от этой логики отступает, и вводимое им разделение теряет смысл.

Сказанное касается как характера отношений, складывавшихся на протяжении двухсот с лишним лет между Соединенными Штатами Америки и Россией (Советским Союзом), так и характера их взаимного восприятия. В разное время американцы воспринимали нас по-разному — вплоть до того, что видели в нашей стране Брага, как это было в период холодной войны. Но доминирующим на протяжении всей истории отношений был образ Чужака. Даже в годы Второй мировой войны, когда Америка воспринимала СССР как Своего в рамках антигитлеровской коалиции, за этими пределами Советский Союз оставался для нее не просто Другой, но Чужой страной — непонятной, непривлекательной и потому вызывавшей настороженность и рождавшей чувство тревоги.

Тут невольно вспоминаются слова выдающегося русского философа Ивана Ильина, высланного (в числе прочих) большевиками на знаменитом «философском пароходе», прожившего в Европе более трех десятков лет и прекрасно знавшего ее. И это знание привело его к горькому выводу: «Другие народы нас не знают и не понимают... они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению»⁹³⁸. Объясняя истоки этого незнания и непонимания, Ильин писал: «Западная Европа не знает нас, во-первых, потому, что ей чужд русский язык... Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность... Европа не знает нас, в третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом... У нас вся культура — иная, своя... И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем, и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар *вчувствования и перевоплощения*.

У европейцев *этого дара нет*. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно и непривлекательно... Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожной, или каким-то большим загадочным 'недоразумением'...»⁹³⁹.

⁹³⁸ Ильин И. Наши задачи. Книга первая. – Ильин И. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Кн.1. М., 1993. С. 62. Здесь и далее у Ильина курсив в тексте – Авт.

⁹³⁹ Там же. С. 63–64.

Но, продолжает Ильин, «неизвестное всегда страшновато», и потому «вот уже полтора ста лет Западная Европа боится России»⁹⁴⁰.

Любопытно, что из числа стран, не любящих Россию, не сочувствующих ей и испытывающих перед ней страх, Ильин исключал «маленькую Сербию», которая «инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и без понимания ее»⁹⁴¹, и... Соединенные Штаты, которые «инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — *мы одиноки, непонятны и «непопулярны»*⁹⁴².

Не ошибся ли Ильин, отличавшийся поражающей всех прозорливостью, в такой оценке Соединенных Штатов? Думается, нет. Статья «Против России», отрывки из которой процитированы выше, была написана в 1948 году, когда Советский Союз еще не рассматривался Америкой как прямая угроза ее национальной безопасности. Позднее, когда в 1949 году десять стран Западной Европы, США и Канада объединятся в Организацию Североатлантического договора; когда СССР обзаведется ядерным оружием и средствами его доставки до Америки; когда разразится в полной мере холодная война, ситуация изменится. Но в статье Ильина мы встречаем слово, которое точно описывает диспозицию Советского Союза в отношении США: «антипод». Пройдет несколько лет и «антипод» станет еще и Врагом и будет оставаться таковым на протяжении сорока лет.

После распада Советского Союза Соединенные Штаты предприняли очередную попытку трансформировать идентичность России таким образом, чтобы превратить ее в Своего — разумеется, на правах младшего партнера. Однако попытка эта провалилась. И хотя постсоветская Россия уже не воспринимается Америкой (и Западом в целом) как Враг, каким был Советский Союз, она не воспринимается и как Друг или даже как Свой.

В самом деле, политический режим, установившийся в России, характеризуется американцами не иначе как «авторитарный», а то и «фашистский». Признаются успехи в экономике, но при этом утверждается, что российский капитализм по-прежнему носит

⁹⁴⁰ Ильин И. Наши задачи. Книга первая. — Ильин И. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 65.

⁹⁴¹ Там же. С. 62.

⁹⁴² Ильин И. Там же. С. 62.

олигархический характер — с той лишь разницей по сравнению с 90-ми, что экономические рычаги перешли от «семибанкирщины» к Кремлю. Люди стали жить лучше, но число бедных измеряется десятками миллионов, а пропасть между наиболее богатыми и наименее обеспеченными продолжает расти. Свобода и демократия, по мнению американцев, не представляют для большинства россиян никакой ценности и права человека для них — пустой звук. Россия проводит гегемонистскую политику на международной арене, а ее воскресающие великодержавные амбиции растут день ото дня...

Этот ряд образов нашей страны (его можно было бы расширить), похожий на обвинительное заключение, резко контрастирует с представлениями американцев о собственной стране, где, как они утверждают, царит демократия, существует свободный рынок, граждане ориентируются на либеральные ценности, а правительство США не щадит собственных сил и денег во имя распространения демократии в мире. Добавим к сказанному, что американцы довольно остро ощущают культурно-цивилизационные различия, существующие между двумя странами...

Словом, нынешняя Россия для Америки — не просто Другая, но Чужая страна. И ее *интегральный образ* — это образ *Чужака*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями — политическими, экономическими, культурными, воздвигающими барьеры между Россией и всем западным миром.

Конечно, этот образ родился не на пустом месте. Он, повторим, *соответствует доминирующему традиционному имиджу России, давно сложившемуся за океаном*. Но это еще и *плод досады и разочарований*, порожденный очередной неудачной попыткой США переделать Россию по своим собственным «лекалам», сделать ее Своим. Нельзя закрывать глаза и на то, что *реальное положение вещей* в стране в чем-то *соответствует* американскому образу современной России: страну захватила прокатившаяся по всему миру волна демократического «отката» (если воспользоваться термином С. Хантингтона), принеся с собой ограничение демократических институтов; налицо и концентрация политической власти в руках Кремля, и усиление роли государства в экономике, и рост разрыва между бедными и богатыми и т. п.

Однако при всех частичных попаданиях в цель американские образы современной России дают о ней *в целом неадекватное представление* и звучат порой оскорбительно для тех ее граждан, которым небезразлично, что думают об их стране и проживающих

в ней людях иностранцы, и которые не собираются покидать Россию, хотя она и не рай земной.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что, как было показано в последней главе, *ожидать в обозримом будущем радикальных и устойчивых изменений американских имиджей России в лучшую сторону не приходится*. Не приходится потому, что факторы, которые способствовали формированию нынешних образов, сохраняют, по всей вероятности, свою силу и в ближайшие годы, если не десятилетия. Конъюнктурные колебания в ту или иную сторону, связанные, скажем, с президентскими или парламентскими выборами в обеих странах, с экономическими и иными кризисами, конечно, не исключены. К тому же мы живем в непредсказуемом мире, в котором каждую минуту могут произойти события глобального масштаба, способные потрясти его и на волне этих потрясений если не сплотить, то сблизить Америку и Россию, как это случилось после 9/11. Но, как показал последующий ход событий, позитивные изменения, порожденные временными факторами, оказываются, в свою очередь, временными, и вскоре все возвращается или почти возвращается «на круги своя».

Тем не менее Россия заинтересована в том, чтобы ее доминирующие имиджи — как интегральный, так и частные — формируемые за океаном, изменились в лучшую сторону. Ибо очевидно, что они оказывают большее или меньшее влияние на ее деятельность на международной арене и внутри страны, не говоря уже о национальном самочувствии и национальной самоидентификации. Больше того, некоторые из представлений о России, конструируемые американцами и вызывающие международный резонанс, провоцируют ее на действия, способные повлечь за собой серьезные последствия.

Примером тому может служить реакция на статьи двух американских экспертов — Кира Либера и Дэрила Пресса, появившиеся весной 2006 года на страницах авторитетных журналов *International Security* и *Foreign Affairs*, которую (реакцию) некоторые аналитики приписывают российскому руководству. Согласно мнению Либера и Пресса, РФ в силу технического состояния вооружений и систем раннего предупреждения, а также специфики маршрутов и регулярности дежурств субмарин и самолетов, больше не обладает возможностью нанесения гарантированного эффективного ответного ядерного удара. Наступает конец эры взаимного гарантированного ядерного уничтожения, США стоят на пороге ядерного превосходства над всеми другими государствами мира, как неядерными

так и ядерными — заявляют они⁹⁴³. Публикации вызвали немало комментариев как российских, так и западных экспертов, многие из которых сочли выводы авторов безосновательными, провокационными и даже политически ангажированными. Тем не менее, согласно мнению ряда аналитиков⁹⁴⁴, одним из результатов появления этих статей стало резко возросшее внимание российских властей к вопросам обороны, что, мягко говоря, не вызывает энтузиазма у американских военных и политиков.

Перед нами — наглядное свидетельство того, что, формируя негативный имидж России, американцы могут не только подпортить жизнь русскому медведю, но и подтолкнуть его на действия, нежелательные для Америки и невыгодные ей. Кстати сказать, усиление в России в последние годы антиамериканских настроений, имеющее политические последствия и отнюдь не радующее Соединенные Штаты, — это тоже своеобразная массовая реакция на стремление заокеанских имиджмейкеров представить нашу страну в мрачном свете. Так что по большому счету в улучшении международного имиджа России (по крайней мере, некоторых его аспектов) объективно заинтересована не только Москва, но и Вашингтон.

Конечно, в сложившейся после окончания холодной войны ситуации, когда борьба идеологий подкрепляется борьбой имиджей, трудно ожидать от мировых держав, ведущих порой жестокую, хотя преимущественно и подковерную, конкурентную борьбу за власть, собственность, ресурсы и плацдармы, политкорректного международного имиджирования. Но внести поправки со временем придется, как придется признать, что игра с нулевой суммой не отвечает стратегическим императивам международных отношений XXI века.

Так или иначе, мы заинтересованы в том, чтобы Америка думала о России лучше и относилась к ней лучше по сравнению с тем, что имеет место сегодня. Но для этого, помимо прочего, нас должны лучше знать и лучше понимать. Значит, нам, россиянам, надо самим взяться за дело и сделать все от нас зависящее для исправления сложившегося за океаном имиджа нашей страны и живущих в ней людей. И в решении этой задачи следовало бы идти одновременно по нескольким путям.

⁹⁴³ К. А. Lieber, D. G. Press. The End of MAD?//The Nuclear Dimension of U.S. Primacy. International Security. Spring 2006, Vol. 30, No. 4: 7–44.

⁹⁴⁴ См., например, Ф. Уэйр. Москва гудит из-за статьи о новой гонке вооружений//Christian Science Monitor, 24 апреля 2006. Перевод Иносми. <http://www.inosmi.ru/translation/226981.html>

Первый и самый очевидный путь — *улучшение положения дел в самой России, исправление своих ошибок и устранение недостатков*. Это касается и экономики, и внутренней политики, и социальной политики, и положения армии, и внешней политики, и других сфер. Но одна из самых острых и важных проблем — *положение человека в обществе и государстве*.

Ни в дореволюционной России, ни в Советском Союзе, ни в современном российском обществе человек, личность никогда не рассматривались как высшая ценность. (Речь идет о фактическом положении дела, а не об официальных декларациях). Мы к этому притерпелись и даже перестали это замечать. А либеральному Западу и особенно Америке такое положение вещей бросается в глаза. И тут их критика, будем справедливы, бьет в цель. Да и без этой критики нам надо исправлять положение. Это, похоже, поняли и в Кремле, о чем свидетельствует разработка комплекса национальных проектов. Начавшие реализовываться с 2007 года, они уже принесли первые плоды — в частности, в социальной сфере, и это вселяют некоторую надежду на то, что социально-экономическое положение россиян будет улучшаться, и люди станут жить дольше и лучше. Если, конечно, упомянутые проекты не «уйдут в песок», как это не раз бывало в России.

Но несколькими проектами, пусть эффективными, положения не исправить. Нужна рассчитанная на десятилетия многоаспектная *стратегия гуманизации российского общества*, цель которой — не только повысить уровень народного благосостояния, но и изменить положение *личности*, повысить ее реальный статус и авторитет, создать возможности для раскрытия ее творческого потенциала. *Совокупная творческая энергия россиян — вот главный ресурс (причем ресурс возобновляемый) возрождения и развития страны*, далеко перекрывающий совокупную мощь, заключенную во всех залежах углеводородов, вместе взятых. Пока мы не переломим трагическую традицию пренебрежительного отношения к человеку, к индивиду, к личности, мы не пройдем «точку невозврата» в нашем движении к свободе, которая, как нам недавно доверительно сообщил Кремль, «лучше, чем несвобода».

Второй путь исправления сложившегося имиджа — это, как говорят специалисты, *самоимиджирование, т. е. сознательное и целенаправленное выстраивание позитивного образа России и россиян*, который если бы и не вытеснил из сознания граждан зарубежных стран — в том числе американцев — доминирующие

в них ныне негативные образы, то хотя бы несколько потеснил их. Такого рода деятельностью занимаются все страны. Причем наиболее крупные из них расходуют на нее огромные средства. Сегодня об этом вспоминают не часто, но «борьба двух идеологий» в годы холодной войны включала и противоборство образов — причем двойных: США формировали «на экспорт» собственный привлекательный образ и одновременно конструировали «образ врага» в лице СССР и его союзников, предназначенный как для внутреннего, так и для внешнего распространения. Аналогичную деятельность вел и Советский Союз.

После его распада работа в этом направлении была в России фактически прекращена, формирование ее имиджа было пущено на самотек. И только в последние три-четыре года наметился некоторый сдвиг к лучшему. Был создан специальный телеканал *Russia Today*, рассчитанный на зарубежную, прежде всего западную, аудиторию. Была радикально перестроена работа Российского агентства международной информации «РИА Новости». Россия стала пользоваться (и не без успеха) услугами зарубежных пиар-фирм (речь прежде всего о компании *Ketchum Inc.*) и т. п. Свидетельством того, что Кремль озабочен формированием на Западе позитивного образа России, может служить интервью Д. А. Медведева, в то время новоизбранного президента РФ, которое он дал 25 марта 2008 г. британской газете *Financial Times*.

Это был если и не беспрецедентный (возможно, нечто подобное когда-то имело место в Африке или Латинской Америке), то редкий и рискованный ход. Как писала «Независимая газета», «нельзя представить, чтобы Николя Саркози пригласил на свою первую беседу после избрания на высший пост журналистов из «Российской газеты», а Барак Обама — из «Известий»... Мы поинтересовались у коллег из зарубежных СМИ, припомнят ли они случаи, когда их избранные лидеры «право первой ночи» отдавали иностранным конкурентам. Не припомнили»⁹⁴⁵.

Можно соглашаться или не соглашаться с утверждением «НГ», что интервью Медведева следует считать «симптоматичным в том плане, что сигнализирует миру: Россия — не совсем современная, не совсем демократическая, не совсем западная или европейская страна». Но нельзя не согласиться с предположением газеты, что, давая интервью известному зарубежному СМИ, «скорее всего, Дмитрий Медведев руководствовался соображениями имиджевой целесообразности».

⁹⁴⁵ «Независимая газета», 26 марта 2008 г.

Работу по самоимиджированию, которая должна быть делом не только политиков и профессиональных имиджмейкеров, но и всех россиян, вступающих в контакт с Америкой и Западом в целом, следовало бы вести, как свидетельствует опыт стран, добившихся успеха на этом поприще, одновременно по нескольким направлениям. Вот некоторые из них.

Оперативное и систематическое информирование американской общественности о событиях, происходящих в России, о ее достижениях в тех или иных областях. Важно при этом сочетать информацию общую (направленную на массовую аудиторию в целом) с информацией адресной, рассчитанной на конкретные общественные группы (бизнесмены, политики, юристы, туристы и т.п.). При этом трансляция информации должна происходить с учетом американского менталитета и американской культуры восприятия (отчетливо проявляющихся в специфике американской рекламы, рассчитанной на собственную аудиторию). Практика привлечения к этой деятельности профессиональных американских имиджмейкеров, уже оправдавшая себя, должна быть продолжена и расширена.

И еще один важный момент: нужно не просто рассказывать о происходящем, но *объяснять* его (этого мы делать пока не умеем) *на понятном американцам языке* с использованием конкретных, близких им примеров и образов, а по возможности — *раскрывать собственные представления о себе и о перспективах своего развития.* При этом стоило бы подумать о создании *вещественных символов*, формирующих массовое представление иностранцев о России, ее истории, культуре, вкладе в мировую цивилизацию, равно как и о ее устремлениях. Сегодня этот символический ряд ограничивается матрешками, автоматом Калашникова, водкой, икрой и еще двумя-тремя предметами, ставшими на Западе символом России. Было время, когда Советский Союз воспринимался — на массовом уровне — как родина первого искусственного спутника земли и в иностранные словари вошло русское слово *sputnik*. Но это было давно, и сегодня иностранные вокабулярии пополняются совсем другими русскими словами вроде слова *siloviki*.

Кстати сказать, попытку объяснить Западу, *кто мы такие, куда идем и в каком направлении хотели бы двигаться дальше*, предпринял в вышеупомянутом интервью Д. Медведев. В нем он показал — во всяком случае, стремился показать — *в каком виде Россия хотела бы предстать перед Западом.*

Как страна *стабильная*, причем во всех отношениях: политическом, экономическом, социальном.

Как страна с *рыночной экономикой*, руководство которой намерено проводить сбалансированную и, по возможности, эффективную экономическую политику, основанную на приоритете рыночных ценностей.

Как страна, *стремящаяся к построению «развитого демократического общества» и «полноценного демократического государства».*

Как страна, которая при всей своей специфике — *«исторической и территориальной»* — *принадлежит к западному миру и разделяет его базовые ценности:* «Россия — европейская страна», которая «абсолютно способна развиваться вместе с другими государствами, которые выбрали для себя демократический путь развития».

Как страна, которая, являясь *«президентской республикой с сильной исполнительной властью»*, стремится построить *сильную, авторитетную и притом независимую судебную систему*, когда «никто не может вмешиваться в решения суда: ни официальные лица, сидящие в маленьком районе, где-нибудь в сибирском городке, ни люди, работающие в Кремле».

Как страна, которая проводит *сбалансированную внешнюю политику*, «направленную на защиту собственных интересов, в неконфронтационном ключе для того, чтобы ее позиции способствовали укреплению общей и глобальной безопасности в мире».

Как страна, которая *ставит во главу угла социальную политику*, цель которой «улучшение качества жизни всех российских граждан».

Другое направление самоимиджирования — создание условий для расширения *непосредственных контактов с Россией американцев, пользующихся влиянием в соответствующих кругах США и так называемых лидеров общественного мнения.* Ничто не производит более сильного воздействия, чем личное знакомство с объектом. А в условиях доминирования негативного имиджа посещение России может оказаться переломным: плохое мнение легче хотя бы немного улучшить, чем испортить еще больше, если ситуация в стране не столь плоха, как это выглядит из-за океана. При этом важно иметь в виду психологическое значение *первого и последнего впечатления* от посещения страны. А оно связано, прежде всего, с пересечением границы: не случайно многие американцы жалуются на разочаровывающую работу российских аэропортов, таможенных и других служб, с которыми в первую очередь сталкивается иностранец, привыкший к западным стандартам.

Еще один путь совершенствования имиджа России — *смягчение*, говоря словами литературного критика В. Кожина,

«беспощадной национальной “самокритики”, присущей русско-му сознанию»⁹⁴⁶. Нередко случалось так, что русские сами себя высмеивали, иронизировали по поводу своей страны, стремились (особенно при контактах с иностранцами) продемонстрировать ее ничтожность, отсталость, бескультурье, а потом это все переключивалось на страницы сочинений зарубежных критиков России.

Так случилось с тем же маркизом де Кюстином и его одиозным сочинением о России. «В высшей степени характерно, что в начале этой книги дано изложение разговоров с русским аристократом, встреченным Кюстином на пароходе по пути в Петербург и всячески обличавшим и высмеивавшим свою страну. Это был весьма известный в то время дипломат и литератор князь П. Б. Козловский...; имеются точные сведения, что Кюстин вложил в его уста и те или иные высказывания, услышанные им ранее в Германии — в беседе с видным общественным деятелем и публицистом А. И. Тургеневым, также весьма и весьма критически судившим о своей родине. И изложение Кюстином взглядов этих русских людей в ряде отношений 'превосходит' его собственные обличения России»⁹⁴⁷.

Речь идет, конечно же, не о том, чтобы закрывать глаза на проблемы, с которыми сталкивается Россия, замалчивать бездарные действия властей или выдавать себя за носителей истины в последней инстанции. Речь идет о гражданской позиции критика, о целях критики, ее смысле и пределах. Те же американцы — мастера самокритики, и, порой, она выглядит беспощадной, но, ругая власти и проводимую ими политику, они никогда не поносят свою страну, свое общество, свою Америку. Этому (как, впрочем, и многому другому) у них стоило бы поучиться. Словом, надо уважать себя как граждан, уважать страну, в которой живешь. Без этого нас никогда не будут уважать другие. А без уважения не будет и позитивного образа.

Однако, работая над улучшением собственного имиджа в сознании американцев, мы не должны питать иллюзий, что если оно даже и произойдет, то будет существенным и устойчивым. Россия слишком самобытна, чтобы быть понятой и принятой самовлюбленным западным сообществом, и слишком велика, чтобы полностью интегрироваться в него. Тем более что далеко не все на Западе — будь то в Европе или Америке — готовы приветствовать такую

⁹⁴⁶ http://www.kozhinov.voskres.ru_articles/kustin.htm

⁹⁴⁷ Там же.

интеграцию. И потому надо быть готовыми к тому, что даже при тесном сближении России с Западом (что, вне всякого сомнения, отвечает ее национальным интересам) и распространении в Европе и Америке позитивного имиджа России, в сознании европейцев и американцев будут время от времени воскресать — особенно в критических для Запада ситуациях, когда он будет испытывать потребность в нахождении «врага» и/или козла отпущения — негативные архетипические представления о нашей стране и ее народе, которые мы находили прежде у Кюстина или Шпенглера, а сегодня обнаруживаем в сотнях статей, репортажей, докладов, книг, выходящих из-под пера американцев, французов и других иностранных авторов. Это плата за самобытность, за самостоятельность, за свободу.

Россия, видимо, и дальше будет восприниматься Европой, а тем более Соединенными Штатами Америки (как и они нами), во многом как Чужак, а отношение к Чужаку не может быть тождественным отношению к самому себе, к Своему, а тем более к Другу. Это, кстати сказать, понимают и наиболее вдумчивые из американских аналитиков. Как заметила недавно Падма Десаи, «Россия интригует нас, потому что ее история богата, ее культура необычайно глубока, а по территории она является самой большой страной мира. Она интригует нас из-за холодной войны. И независимо от того, будет ли там создана демократия нашего типа, у нас *всегда будет проблема с Россией из-за кардинальных отличий в системном восприятии*»⁹⁴⁸.

Но, повторим, Другой и даже Чужой — совсем не обязательно Враг. В условиях XXI века, когда угроза существованию Человечества и созданной им Цивилизации доведена до предела, восприятие России Америкой и Америки Россией как Врага становится чрезвычайно опасным для обеих сторон. И для всего мира. Об этом не стоит забывать ни россиянам, ни американцам. Ни третьим странам.

Не следовало бы забывать и еще об одном важном моменте. Внутренняя дифференцированность мира — социальная, политическая, культурная, расово-этническая и иная — вовсе не проклятие, она имеет глубокий позитивный исторический смысл⁹⁴⁹, ибо единство в многообразии — условие и залог жизнеспособности мира, в котором мы живем.

⁹⁴⁸ В фокусе фигура: Падма Десаи («Эксперт») 27 марта 2006. Опубликовано на сайте ИноСМИ.Ru <http://www.inosmi.ru/translation/226436.html>. Курсив мой — Э. Б.

⁹⁴⁹ См.: Баталов Э. Я. Единство в многообразии – принцип живого мира. Вопросы философии, 1990, № 8.

Оглавление

Вступление	3
Глава 1. Образы России и политика Америки.....	7
Глава 2. От «ущербной демократии» к «новому сталинизму»	30
Глава 3. «Бессильный парламент», «слабые партии», «формальный федерализм»	80
Глава 4. «Олигархический капитализм» на «нефтяной игле» ...	119
Глава 5. Богатые и бедные в «вымирающей стране».....	163
Глава 6. «Без Бога в душе», «без любви к свободе»	186
Глава 7. «Революционер» и «полковник» в московском Кремле	208
Глава 8. «Бледная тень» «советского монстра».....	232
Глава 9. «Враг» сдается, «угроза» остается.....	264
Глава 10. «Имперские амбиции» «региональной державы».....	304
Глава 11. Перспективы и пути эволюции образа России	341
Заключение	368

Научное издание

**Баталов Эдуард Яковлевич,
Журавлева Виктория Юрьевна,
Хозинская Ксения Валентиновна**

«Рычащий медведь» на «диком Востоке»

Художественный редактор А. К. Сорокин

Корректор М. Л. Авдюшкина

Художественное оформление А. Ю. Никулин

Компьютерная верстка С. В. Ветрова

Технический редактор М. М. Ветрова

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.11.2008.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 24,0. Тираж 700 экз. Заказ № 7961

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В книге впервые в отечественной и зарубежной литературе содержится комплексный анализ образов постсоветской России, формировавшихся в США в период с 1992 по 2007 гг. и получивших распространение далеко за пределами Соединенных Штатов. Рассматриваются представления американцев о российском политическом режиме, внутренней, внешней, экономической и социальной политике государства, состоянии российской армии и роли России в обеспечении международной безопасности. Их дополняют образы президента страны (Ельцина и Путина) и типичного россиянина, какими они видятся из-за океана. Прослеживается связь между спецификой американского восприятия России, особенностями американской цивилизации и характером американо-российских отношений. Авторы опираются на широкий круг источников, включающих публикации в массовой прессе; материалы, подготовленные крупнейшими «фабриками мысли» США; статьи и книги видных американских специалистов по России и т. п. Монография рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

**«РЫЧАЩИЙ МЕДВЕДЬ»
НА «ДИКОМ ВОСТОКЕ»**

Э. Я. Баталов, В. Ю. Журавлева, К. В. Хозинская